HD
472

М. ДРАГОМИРОВЪ.

Одиннадцать лѣтъ

1895—1905 гг.

Сборникъ оригинальныхъ и переводныхъ статей *М. И. Драгомирова* за *1895—1905 гг.*

* * *Съ портретомъ и рисунками.* * *

Книга I.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
1909

СКЛАДЪ
у В. А. БЕРЕЗОВСКАГО
КОМИССІОНЕРА ВОЕННО-УЧЕБНЫХЪ ЗАВЕДЕНІЙ. СПБ., КОЛОКОЛЬНАЯ, 14

ОБЩЕСТВО ЛЮБИТЕЛЕЙ
ИСТОРИЧЕСКАЯ
БИБЛИОТЕКА
790391

„Русская Скоропечатня" Спб., Екатеринин. кан. 94.

Родился 4-го Ноября 1850 г. † 13-го Октября 1905 г.

Родился 8-го Ноября 1830 г. † 15-го Октября 1905 г.

Вмѣсто предисловія.

Послѣдній „Сборникъ оригинальныхъ и переводныхъ статей“ Михаила Ивановича Драгомирова, подъ заглавіемъ „14 лѣтъ“, т. III, былъ изданъ подъ редакціею автора въ 1895 г. и заключалъ въ себѣ всѣ его сочиненія, появившіяся за 1881—1894 гг. Въ печатаемый нынѣ „Сборникъ“, подъ заглавіемъ **„Одиннадцать лѣтъ“**, входятъ всѣ статьи Михаила Ивановича, печатавшіяся въ разныхъ журналахъ и газетахъ („Военный Сборникъ“, „Развѣдчикъ“ „Изборникъ Развѣдчика“ и „Русскій Инвалидъ“) съ 1894 года до кончины его, послѣдовавшей 15 октября 1905 г. Этотъ четвертый (т. т. I и II изданы въ 1881—82 гг.) по счету „Сборникъ“ заканчиваетъ собою пятидесятилѣтнюю литературную дѣятельность Михаила Ивановича съ 1856 года по 1905 г. и, вмѣстѣ съ тремя предъидущими „Сборниками“, представляетъ почти полное собраніе его сочиненій (за исключеніемъ „Учебника Тактики“, „Опыта подготовки войскъ къ бою“ и др.).

Предлагаемый нынѣ сборникъ **„Одиннадцать**

лѣтъ“ представляетъ особый интересъ, какъ по зрѣлости и глубинѣ мысли, по изяществу и законченности изложенія, такъ и потому, что покойный Михаилъ Ивановичъ, находясь послѣдніе годы своей жизни на покоѣ, могъ удѣлять болѣе времени литературному труду и съ свойственною ему отзывчивостью не оставилъ безъ отвѣта почти ни одного возникавшаго въ послѣднее время военнаго вопроса, ни одного совершавшагося событія.

Высокая поучительность сочиненій М. И. Драгомирова заключается не только въ правильномъ разрѣшеніи вопросовъ, основанномъ главнымъ образомъ на незыблемыхъ свойствахъ человѣческаго духа и потому въ особенности цѣнномъ въ наше колеблющееся время, но также въ указаніи на тѣ пріемы, съ которыми надо приступать къ обсужденію всякаго вопроса, чтобы избѣжать столь гонимой имъ „однобокости“ мнѣній и сужденій. Съ этихъ точекъ зрѣнія, сочиненія Драгомирова никогда не потеряютъ своей цѣнности. Критики Драгомирова, поднявшіе было свой голосъ послѣ его кончины, и теперь уже забытые, не оставятъ по себѣ ни малѣйшаго слѣда въ военной литературѣ, между тѣмъ какъ его труды, независимо отъ времени, будутъ необходимы всякому серьезно изучающему военное дѣло. Вѣское слово Драгомирова было тяжело для многихъ; его проповѣдь необходимаго въ военномъ дѣлѣ самоотвер-

женія была противна всѣмъ тѣмъ, которые безотчетно, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, неустанно лелѣяли въ себѣ чувства самосохраненія. Тоже самое и относительно моральной стороны военнаго дѣла. Сто лѣтъ, со словъ Наполеона, твердятъ, что успѣхъ на войнѣ на $^3/_4$ зависитъ отъ условій моральныхъ и на $^1/_4$ отъ матеріальныхъ, всѣ считаютъ это банальной истиной, а между тѣмъ нигдѣ, ни въ одной арміи, ни въ одной части войскъ, ни въ служебной дѣятельности, ни при обученіи и воспитаніи, моральному элементу не придается надлежащаго значенія. Нельзя уставать повторять эту истину, ибо она легко забывается и охотно игнорируется. Драгомировъ хорошо понималъ это, и всѣ явленія военной жизни, начиная съ формы одежды и внутренней службы и кончая подготовкою къ бою, подводилъ прежде всего къ оцѣнкѣ по моральному масштабу.

Иностранцы оцѣнили Драгомирова по достоинству: значительная часть его сочиненій переведена чуть не на всѣ европейскіе языки, а въ его бумагахъ сохраняются лестные о нихъ отзывы, принадлежащіе перу наиболѣе серьезныхъ военныхъ людей разныхъ странъ.

У насъ еще не настало время для правильной оцѣнки дѣятельности и трудовъ Драгомирова: въ погонѣ за новшествами и въ измышленіи мелочей, при отсутствіи руководящихъ основныхъ идей, его трезвые взгляды игнорируются, оцѣнка жиз-

ненныхъ явленій страдаетъ односторонностью... Но не подлежитъ сомнѣнію, что время это наступитъ, и „Полное собраніе сочиненій Драгомирова“ займетъ почетное мѣсто во всякой военной библіотекѣ и составитъ необходимую принадлежность для каждаго изучающаго военное дѣло.

1909 г.

ЗАМѢТКА

О РУССКОМЪ СОЛДАТѢ.

Замѣтка
о русскомъ солдатѣ *).

Умѣть страдать, умѣть умирать—вотъ основаніе солдатской доблести, свойственное русскому солдату въ высокой степени; не даромъ про него сказано, что его „мало убить, а нужно еще повалить“: сказано врагомъ, а не другомъ.

Откуда берется эта стойкость? Она есть результатъ расовыхъ особенностей русскаго простого человѣка и суровой обстановки, въ которую мать природа его поставила. Помощникъ своего отца въ тяжелой крестьянской работѣ чуть не съ дѣтства, несущій ему скудный обѣдъ въ поле, иногда чуть не за десять верстъ; помощникъ въ слякоть, вѣтеръ, холодъ, доходящій до 30°, иногда больше, русскій парень исподволь закаливается въ самоотверженіи, терпѣніи, выносливости, съ малолѣтства уже онъ привыкаетъ страдать, привыкаетъ спокойно смотрѣть въ глаза смерти; съ малолѣтства и словомъ, и дѣломъ осваивается съ истиной народной поговорки: „двумъ смертямъ не бывать, одной не миновать“.

*) Замѣтка эта была написана для Альбома „Большіе маневры русской арміи“, напечатаннаго въ 1886 г. французскимъ художникомъ Детайль.

Что же новаго можетъ показать война человѣку, получившему эту естественную выдержку? Къ лишеніямъ и продолжительнымъ движеніямъ ему не привыкать стать; голодъ онъ зналъ и дома; за рѣдкими исключеніями, онъ въ солдатствѣ ѣстъ даже лучше, нежели ѣлъ въ семьѣ: разстается онъ правда, съ любезнымъ тулупомъ, но теперь въ зимнія кампаніи ему и на службѣ даютъ полушубки. Правда, на войнѣ стрѣляютъ и колютъ; но вѣдь это только въ бою: а кому же не извѣстно, что военный ждетъ иногда боя, какъ праздника, какъ развлеченія отъ удручающей монотоніи невыносимыхъ лишеній, безконечныхъ маршей, ночевокъ à la belle ètoile? Да опять же и то нужно помнить, что „двумъ смертямъ не бывать, одной не миновать“.

Способный вынести многое, русскій крестьянинъ, какъ членъ патріархальной, первобытной семьи, воспитывается въ дисциплинѣ самой прочной, именно потому что она непосредственна, т. е. возникаетъ сама собою органически, изъ строя семьи: начинаясь съ колыбели, она растетъ и крѣпнетъ вмѣстѣ съ нимъ. Въ сравненіи съ такой дисциплиной, что же можетъ значить искусственная система ея, хотя бы даже и наилучше соображенная?

Можно подумать, что при подобныхъ задаткахъ на боевую годность русскій солдатъ долженъ быть жестокъ, грубъ: ничего подобнаго! Добродушіе съ примѣсью своеобразнаго юмора*), составляетъ отли-

*)) Два образчика солдатскаго юмора лучше всего покажутъ его характеръ, Блокада Плевны: солдаты сидятъ въ траншеяхъ, дно которыхъ обратилось въ топкую грязь отъ растаявшаго снѣга,

чительную черту его. Много нищихъ кормится отъ скудной его трапезы; не одинъ ребенокъ, брошенный случайностями войны на произволъ судьбы, былъ отогрѣтъ на солдатской груди, спасенъ отъ голодной смерти крохами солдатскаго пайка *), и не съ однимъ плѣннымъ онъ дѣлится послѣднимъ кускомъ хлѣба, вслѣдъ за ожесточеннымъ остервенѣлымъ боемъ **) Логика русскаго солдата въ этомъ

холодно, сыро и голодно: уже три дня обходятся безъ сухарей Вдругъ хохотъ; офицеръ спрашиваетъ, что такое? Виновникъ хохота, потупившись, отвѣчаетъ: „такъ, ваше благородіе, мы промежъ себя; товарищъ жалится, что сухарей не везутъ, думаетъ, что начальство не распорядилось. Я ему и говорю: коли не везутъ такъ и нужно. Это Султанъ заспорилъ съ нашимъ царемъ. Султанъ сказалъ: погоди, напою своихъ солдатъ пьяными, они все твое войско и перебьютъ;—ну нѣтъ, врешь, я своимъ три дня ѣсть не дамъ, они всѣхъ твоихъ пьяныхъ и поѣдятъ“...

На Шипкѣ: холодъ такой, что часовые начинаютъ замерзать; солдаты, чтобы согрѣться, прыгаютъ и бьютъ въ ладоши. „А ему (русскій солдатъ никогда не говоритъ „непріятель“, „турка“, а „онъ“) должно быть холодно собакѣ.—Да, намъ не медъ, да и „ему“ не сахаръ, возражаетъ другой.

*) Изъ послѣдней Турецкой войны армія много привезла съ собою такихъ импровизированныхъ „дѣтей полка“.

**) Въ мирное, да и въ военное время, почти во всякой мелкой части есть, кромѣ того, совершенно особые застольники у солдата: это козлы, собаки, бараны, медвѣжата. Они такъ привыкаютъ къ людямъ, что всегда слѣдуютъ за частью. Въ числѣ этихъ застольниковъ особенной симпатіей солдата пользуются калѣки: чѣмъ собаченка хуже, чѣмъ она несчастнѣе, тѣмъ солдату дороже.

Въ Турціи, когда по окончаніи кампаніи, началась посадка войскъ на суда для отправленія въ Россію, солдаты со слезами разставались съ небольшими осликами, называемыми „могарами“ и обратившимися у солдатъ въ „макаровъ“, „Помилуйте, Ваше Высокоблагородіе, онъ намъ былъ первый помощникъ въ походѣ, а капитанъ не хочетъ брать его на пароходъ, неужто же его такъ и бросить?“

случаѣ очень проста: „тоже вѣдь человѣкъ; не здыхать же ему, какъ собакѣ; не по своей волѣ воюетъ—тоже погнали“. Не нужно думать, что въ этомъ „погнали“ слышится затаенный протестъ; ничего подобнаго русскому солдату и въ голову не приходитъ. Онъ одинаково хорошо понимаетъ какъ то, что нельзя не воевать, такъ и то, что никто доброй волею на войну не идетъ, — и не скрываетъ этого.

И въ этомъ открывается новая великая черта русскаго солдата: полное отсутствіе какой либо позы, рисовки. Онъ и въ мысли не имѣетъ, что приноситъ великую жертву; ему и въ голову не придетъ вмѣнять это себѣ въ заслугу; равно какъ не придетъ въ голову себя подбадривать похвальбами, славой и т. п. Однимъ словомъ между русскими солдатами нѣтъ героевъ, а есть только люди, исполняющіе свой долгъ даже до смерти, но исполняющіе его просто, отъ сердца, потому что какъ же можетъ быть иначе? Коли приказано такъ нужно сдѣлать: вотъ и все. Та сила и велика, которая не сознаетъ своего величія...

Достойно замѣчанія, что великій знатокъ русскаго человѣка, Суворовъ, ни въ одномъ мѣстѣ своей безсмертной „Науки побѣждать“ не указываетъ земныхъ наградъ за доблесть, а прямо мотивируетъ солдатскія обязанности въ бою такъ: „умирай за Богородицу, за Пресвѣтлѣйшій Домъ—церковь Бога молитъ“—и все. Въ этомъ глубокое пониманіе духа русскаго солдата. Онъ зналъ, что ему не нужны приманки славы, величія подвига и т. п., онъ зналъ, что отъ него нужно требовать только

готовности умереть, а великіе подвиги придутъ сами собою.

При стойкости, выносливости, высокомъ предрасположеніи къ повиновенію, русскій солдатъ живъ, мягокъ, воспріимчивъ, преданъ безгранично начальнику, и потому обученіе его военному ремеслу чрезвычайно легко *), если только оно ведется спокойно, терпѣливо, безъ запугиванія, обремененія нендущими къ дѣлу мелочами и, въ особенности, безъ пиленья. Послѣдняго онъ не выноситъ: онъ легче примирится даже съ жестокой, лишь бы быстрой, расправой, нежели съ педантическимъ приставаніемъ черезъ часъ по ложкѣ, охотники до котораго попадаются въ особенности между офицерами нѣмецкаго происхожденія. Накажи и забудь—вотъ идеалъ русскаго солдата, ибо „быль молодцу не укоръ“, говоритъ отраженіе русскаго народнаго духа —народная поговорка.

Въ эпоху тѣлесныхъ наказаній попадались иногда жестокіе начальники, которыхъ солдатъ, не взирая на это, любилъ именно за то, что съ окончаніемъ расправы къ его винѣ уже никогда не возвращались; бывали и такіе, которые его пальцемъ не трогали, но изводили мелочными осмотрами, нравоученіями, попреками, приставаньями: такихъ онъ ненавидѣлъ.

Русскій солдатъ отличается глубокою религіозностью, не чуждою суевѣрія; но развѣ крестьянинъ, развѣ военный можетъ быть не суевѣренъ? По роду своей работы они ежеминутно чувствуютъ себя во власти тѣхъ грозныхъ непостижимыхъ силъ, кото-

*) Въ настоящее время онъ становится въ строй въ три мѣсяца.

рыя, какъ былинкой, играютъ тысячами человѣческихъ существъ: какъ тутъ не быть суевѣрнымъ?

Кромѣ того онъ любознателенъ, особенно любитъ читать „про божественное“, и притомъ книги, напечатанныя по-славянски, предпочитаетъ русскимъ; послѣднія ему не совсѣмъ по душѣ, ибо обыденная рѣчь и гражданскій шрифтъ кажутся ему какъ бы профанаціей святыни. Мало ли что пишется и говорится на обыкновенномъ языкѣ, а по-славянски пишется и говорится только про божественное. Любитъ онъ читать и историческія повѣствованія; но повѣстей и разсказовъ не любитъ, ибо тамъ все „выдумано“. Рядомъ съ этимъ, сказки любитъ: можетъ быть потому, что онѣ не претендуютъ поддѣлываться подъ дѣйствительность, и отвѣчаютъ потребностямъ необузданной фантазіи, свойственной людямъ первобытнаго духовнаго склада. Но въ особенности не симпатизируетъ онъ поддѣлываніямъ въ печати подъ его собственную рѣчь; ему это кажется какъ бы издѣвкою надъ нимъ.

Русскому солдату далеко не чуждо эстетическое чувство; посѣтителямъ русскихъ казармъ извѣстно, что рѣдкій солдатъ не старается украсить своего „дома“, т. е. кровати, наклеивая на перегородкахъ лубочную, модную картинку, ярлыкъ отъ помадной банки, однимъ словомъ все, что ему попадется краснваго подъ руку по случаю, или пріобрѣтено на убогіе солдатскіе гроши. Музыкаленъ онъ также въ весьма значительной степени: почти нѣтъ части, въ которой бы не было хора пѣсенниковъ. Во многихъ частяхъ, особенно на югѣ, молитвы: вечерняя, передъ обѣдомъ и послѣ обѣда, поются

всей ротой. Этому нельзя не сочувствовать: единство части на столько важное условіе, что никакое средство не должно быть пренебрегаемо.

Пѣсни собственно весьма разнообразны по содержанію и характеру: есть народныя, есть и чисто солдатскія. По мотивамъ, пѣсни представляютъ, такъ сказать, всю гамму, начиная отъ самыхъ заунывныхъ и кончая самыми разъудалыми, залихватскими, съ бѣшено-быстрымъ темпомъ; по содержанію, касаются крестьянскаго и солдатскаго быта, боевыхъ воспоминаній; есть и нецензурныя, свойства весьма прянаго, уснащенныя тѣми словами, которыя на столько общеизвѣстны, что ихъ даже въ лексиконахъ не помѣщаютъ. Дѣлать тутъ нечего: что есть то есть; и во всѣхъ странахъ простой народъ, какъ извѣстно, называетъ всѣ вещи и дѣйствія ихъ собственными именами, не прибѣгая къ перифразамъ.

Есть, наконецъ, плясовыя пѣсни: хоръ поетъ съ присвистомъ, подъ аккомпаниментъ преимущественно бубна, барабана (иногда скрипки, флейты, такъ называемыхъ ложекъ), а желающіе и умѣющіе пляшутъ. Бываетъ это обыкновенно подъ вечеръ, по окончаніи всѣхъ занятій, между ужиномъ и вечерней зарей, особенно въ праздничные дни. Весьма цѣнятъ, если и офицеръ подойдетъ послушать.

Но особенно важную роль играетъ пѣсня на походѣ: подъ пѣсню идется веселѣе. Весною, по русской равнинѣ, безбрежной, какъ море, тянется пыльная дорога, на сколько глазъ хватитъ. Вотъ вдали показался столбъ пыли; близится онъ все больше и больше, вы начинаете сквозь пыль различать си-

луэты людей, тянущихся медленнымъ шагомъ другъ за дружкой: то рота идетъ походомъ. Вотъ до васъ доносятся все яснѣе и яснѣе звуки переливчатаго безбрежнаго, какъ сама равнина, мотива, вотъ вы начинаете различать и слова запѣвалы, разливающагося высокимъ теноромъ:

Ой да во далекой во землѣ,
Ой да не во здѣшней сторонѣ...

Хоръ подхватываетъ, и такъ далѣе въ перемежку. Вдругъ заунывный, почти торжественный мотивъ смѣняется бѣшено быстрымъ:

Ахъ, изъ подъ дуба, изъ подъ вяза,
Изъ подъ вязова коренья...

Откуда взялся плясунъ, и въ ранцѣ, съ ружьемъ, подъ присвистъ, гудѣнье бубна и подбиванье барабана, пускается впереди роты въ присядку: хорошо!..

Отношенія начальника къ солдату совершенно своеобразны въ русской арміи; въ основу ихъ положено великимъ преобразователемъ Россіи, Петромъ, трогательное въ своей сердечности начало: начальники солдатамъ должны быть, какъ отцы дѣтямъ*). Этотъ завѣтъ свято хранится въ русской арміи до сихъ поръ, и дай Богъ чтобы навсегда сохранился. Отсюда проистекаетъ все то, что иностранцамъ кажется иногда странною, неумѣ-

*) Сохранился его приказъ по этому поводу, начинающійся такъ; „Понеже офицеры суть солдатамъ яко отцы дѣтямъ, того ради надлежитъ ихъ равнымъ образомъ отечески содержать, понеже дѣти суть предъ отцами безсловесны во всякомъ послушаніи, полагая надежду свою на отцовъ во всемъ; чего ради отцы не-

стною въ служебныхъ отношеніяхъ, фамильярностью. Начальникъ всегда привѣтствуетъ часть, подъѣзжая или подходя къ ней, и часть отвѣчаетъ на привѣтствіе; если начальникъ не поздоровался, вся часть убита, ибо это показываетъ большую степень неудовольствія. Ни одинъ начальникъ не позволитъ себѣ поздороваться съ частью, ему неподчиненною иначе, какъ получивъ на это приглашеніе прямого ея начальника. Самая форма привѣтствія сохранила до сихъ поръ духъ петровскаго завѣта: „здорово, ребята“! или „здорово, братцы“! иногда: „здорово, Семеновскіе“, „здорово, Егеря“ и т. п.

Въ силу того же завѣта, начальникъ иногда вступаетъ въ разговоръ съ солдатами въ строю; даже самъ Императоръ снисходитъ до этого и такое обращеніе считается знакомъ высшаго вниманія къ части.

Русскій солдатъ любитъ, чтобы съ нимъ говорили и высоко цѣнитъ тѣхъ начальниковъ, которые умѣютъ съ нимъ говорить. Русскіе не понимаютъ, чтобы могло быть иначе. Тѣмъ, которые удивляются этому обычаю, они простодушно отвѣчаютъ, что даже лошадь любитъ, когда ей говорятъ: какъ же не говорить съ человѣкомъ, который обладаетъ даромъ слова? Вѣдь въ военное время безъ

дремотное попеченіе имѣютъ о ихъ ученіи, пропитаніи и всякомъ снабженіи, особливо-же дабы нужды и недостатка не терпѣли. Тако и офицерамъ дѣлать надлежитъ (а особливо наши офицеры должны суть, понеже ни единый народъ въ свѣтѣ такъ послушливъ, яко россійскій) во пользѣ солдата,—дѣлать, что въ ихъ мочи есть (а чего не имѣютъ, доносить высшимъ), а не точію ихъ лишними церемоніями, караулами и прочимъ, а особливо во время кампаній“.

слова обойтись невозможно; какъ же обходиться безъ него въ мирное время? Нужно пріучить солдата смотрѣть на обращеніе къ нему начальника, какъ на дѣло естественное, нужно и начальнику привыкнуть обращаться съ рѣчью къ массѣ, ибо это совсѣмъ не то, что говорить одинъ на одинъ: не та интонація голоса, даже не тотъ складъ рѣчи; нужно говорить громко, отрывисто, лаконически; безъ привычки это не дается.

При такомъ складѣ отношеній развѣ мыслимы какіе либо придуманные пріемы для того, чтобы поднять искусственно офицера надъ солдатомъ, а въ сущности, чтобъ раздѣлить, сдѣлать ихъ другъ другу чуждыми? Конечно нѣтъ. Съ равнымъ основаніемъ можно бы считать необходимымъ установленіе какого либо искусственнаго этикета между отцомъ и дѣтьми...

Не менѣе оригинальную особенность русской арміи представляютъ полковые праздники. Полковой праздникъ—это имянины части. Вмѣстѣ съ тѣмъ, это храмовой праздникъ полковой церкви, въ большей части случаевъ день основанія полка. Праздникъ, какъ и слѣдуетъ, начинается божественной службой, на которой присутствуютъ и старшіе начальники. Послѣ церковной службы парадъ, за которымъ люди расходятся въ помѣщенія, гдѣ приготовленъ обѣдъ. Въ старшую роту (эскадронъ, батарею) отправляются начальники, гдѣ старшій изъ нихъ, съ рюмкою русскаго плѣнника, провозглашаетъ тосты: 1) за Государя Императора; 2) за славу, благоденствіе и процвѣтаніе части; 3) за командира части. Этотъ послѣдній от-

вѣчаетъ тостами за здоровье старшаго и послѣдующихъ начальниковъ, по старшинству. Дѣйствіе переносится затѣмъ въ офицерскую столовую, и это самая опасная часть праздника: завтракъ начинается около часу пополудни, а оканчивается въ худшемъ случаѣ часамъ къ тремъ пополуночи, а въ лучшемъ —на слѣдующее утро. Тостамъ и разговорамъ нѣтъ конца; отъ разговоровъ, какъ извѣстно, пересыхаетъ горло—нужно выпить; а выпьешь—опять хочется говорить... Не обходится, само собою, дѣло и безъ труповъ, которые,—также само собою—благополучно воскресаютъ на слѣдующій день не безъ мрачнаго, конечно, настроенія и съ большимъ позывомъ къ соленому и кислому.

Между солдатами тоже самое, съ соблюденіемъ лишь одного условія: чтобы все происходило въ казармахъ. Такъ называемымъ „спиритамъ“ (отъ спирта) таперь лафа, ибо при настоящемъ молодомъ составѣ многіе солдаты водки не пьютъ, уступая свои порціи любителямъ.

Празднуются не одни полковые, но и ротные, эскадронные, батарейные праздники. Каждая изъ этихъ частей имѣетъ своего святого и свой образъ, пріобрѣтенный и содержимый на пожертвованія чиновъ части. Эти послѣдніе праздники, конечно, отправляются гораздо проще, нежели полковые.

Искалѣченный на войнѣ, русскій солдатъ переноситъ страданія съ изумительнымъ терпѣніемъ и покорностью судьбѣ. Вѣрно замѣтили одной сестрѣ милосердія, горевавшей, что нѣтъ Евангелія для чтенія раненымъ, что имъ не нужно читать Евангелія, а нужно учиться на нихъ чувствовать и пони-

мать его. Человѣкъ массы, человѣкъ первобытнаго строя мысли, онъ разумѣетъ себя не единицей, а частью великаго цѣлаго, почерпаетъ свою гордость и достоинство въ инстинктивной вѣрѣ въ то, что его народъ выше всѣхъ прочихъ народовъ, и несетъ за него свою голову безропотно и не задумываясь.

Умираетъ русскій солдатъ просто, точно обрядъ совершаетъ, по мѣткому выраженію Тургенева: принеся родинѣ жертву высшей любви, онъ отправляется на Тотъ Берегъ съ спокойною совѣстью, ибо претерпѣлъ до конца; а „претерпѣвый до конца спасенъ будетъ“...

ЗНАЧЕНІЕ ВОЛИ

ВЪ ЖИЗНИ НАРОДОВЪ.

Значеніе Воли въ жизни народовъ.

1.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ [1]), разбирая данныя употребленія оружія, пришлось затронуть фактъ прирожденнаго антагонизма между Волею и Умомъ, вѣковѣчной борьбы ихъ, въ которой то Воля беретъ верхъ надъ Умомъ, то, наоборотъ, Умъ надъ Волею. Эпохи зарожденія и расцвѣта массовой жизни, требующей, какъ необходимаго условія, сильнаго авторитета, знаменуютъ преобладаніе Воли; эпохи перехода массовой жизни изъ одной стадіи въ другую, а также упадка ея,—знаменуютъ преобладаніе Ума.

Дабы общественная жизнь могла возникнуть, необходимъ авторитетъ, исключающій всякое противодѣйствіе и пробужденіе независимой мысли; необходимы сильныя связки, отъ которыхъ интересамъ и произволу отдѣльныхъ личностей приходится туго;

*) „Развѣдчикъ“ 1891 г. №№ 74, 79.

эти связки: религія, администрація, судъ, войско, полиція—продукты Воли, почерпаемые въ глубочайшихъ и непостижимыхъ для человѣка тайникахъ ея. Но, совершивъ жизненное дѣло, носители Воли, не встрѣчая ни откуда сдержекъ, затягиваютъ эти связки далеко за предѣлы того, что собственно, нужно, дабы коллективная жизнь была возможна: возникаютъ злоупотребленія Воли [1]), вызывающія наконецъ реакцію Ума. Сила Ума—анализъ, разложеніе то-жъ. Все то, что создала Воля въ ущербъ отдѣльной личности, дабы общественная жизнь была возможна, Умъ подвергаетъ анализу съ точки зрѣнія однихъ интересовъ этой личности; и, не находя созданіямъ Воли основаній въ своей логикѣ, начинаетъ ихъ отрицать и находить, что въ нихъ и нѣтъ никакой логики.

Такое злоупотребленіе Ума вызываетъ реакцію Воли, все болѣе и болѣе усиливающуюся въ наше время.

Трудно перечислить все, что написано за послѣднее время для выясненія значенія Воли, какъ зиждущей силы въ жизни, и для доказательства того, что всѣ явленія коллективной жизни возникаютъ и развиваются по волевымъ импульсамъ, т. е. чисто-физіологически, а не логически, слѣдовательно внѣ вліянія какихъ-либо чисто умовыхъ построекъ. Однимъ словомъ, credo quia absurdum [2]), т. е. волевая логика вступаетъ въ свои законныя права.

---

[1]) Напримѣръ, папство передъ реформаціей, королевская власть во Франціи съ Людовика XIV и даже ранѣе.

[2]) „Вѣрую именно потому, что это нелѣпо“ (разумѣется нелѣпо съ чисто разсудочной точки зрѣнія). Это великое слово принадле-

Такому движенію мысли много способствовало то, что теоретики, мало обращавшіе прежде вниманія на массовую жизнь, теперь усиленно занялись ея изслѣдованіемъ [1]).

Чисто умовая точка въ изслѣдованіяхъ все отодвигается: прошло то время, когда восторгались Боклемъ, не придававшимъ нравственному элементу особаго значенія на томъ основаніи, что онъ не прогрессируетъ. Какъ односторонне-умовой человѣкъ, онъ только то и признавалъ, что можетъ прогрессировать, не замѣчая того, что идеальный (т. е. безпрерывный) прогрессъ и идеальная неустойчивость —синонимы; а жизнь держится только на устойчивыхъ вещахъ: рожденіе, смерть, питаніе, воспроизведеніе, отъ сотворенія міра конечно не мѣнялись въ послѣдовательныхъ стадіяхъ развитія органическихъ существъ.

То же вѣрно и относительно волевой (нравственной) области, въ противоположеніи ея съ умовою, т. е. что и она не мѣняется.

житъ, если не ошибаюсь, Тертулліану. Напомнимъ кстати и другое великое слово Паскаля: „сердце (Воля) имѣетъ свою логику, которой умъ вовсе не знаетъ“ (le cœur a ses raisons que la raison ne connait point). Это послѣднее поясняетъ между прочимъ легкость и общедоступность отрицанія: свойство Ума таково, что чего онъ не понимаетъ, онъ отрицаетъ.

[1]) Впрочемъ и между серьезными изслѣдователями индивидуальной психологіи начинаютъ появляться люди, ставящіе Волю на должное мѣсто. Такъ Рибо прямо говоритъ, что „Умъ есть только придаточная форма духовной эволюціи. Основной типъ представляетъ характеръ“. Крайняя слабость сочиненій профессіональныхъ психологовъ и ихъ непримѣнимость къ практикѣ объясняется въ особенности тѣмъ, что они занимаются почти исключительно Умомъ и упускаютъ изъ виду Волю, т. е., сами того не замѣчая, вмѣсто психологіи даютъ только логику.

Но какъ только обратились къ психологіи массъ значеніе Воли выяснилось. Ставъ на эту точку зрѣнія, человѣкъ изслѣдуетъ что есть, а не разглагольствуетъ о томъ, что должно быть по фантазіямъ его Ума, но чего на бѣду никогда не бываетъ. Онъ не возмущается явленіями массовой жизни, противными индивидуальному чувству, а стремится уяснить ихъ.

Въ ряду этихъ противныхъ индивидуальному чувству явленій, война конечно занимаетъ первое мѣсто. И вотъ, рядомъ съ сентиментальными возстаніями противъ неустранимаго факта, начинаютъ появляться изслѣдованія, которыя стремятся изслѣдовать его причины и внутреннюю сущность, не занимаясь ни безплоднымъ негодованіемъ, ни мечтами о томъ, что придетъ время, когда войны не будетъ.

Трудъ г. Gustave le Bon „Психологическіе законы эволюціи народовъ" заслуживаетъ въ этомъ смыслѣ особеннаго вниманія, потому что выясняетъ многое въ военныхъ вопросахъ высшаго порядка.

Предлагаемъ извлеченіе изъ него вниманію читателей.

Нравственныя и умственныя особенности, совокупность коихъ образуетъ духовный складъ народа, представляютъ равнодѣйствующую всего его прошлаго, наслѣдіе всѣхъ его предковъ. Эта совокупность и составляетъ то, что называется національнымъ характеромъ. Нужды нѣтъ, что сказанныя особенности повидимому разнообразны у индивидуумовъ извѣстной расы, какъ и физіономіи; но всѣ индивидуумы этой расы представляютъ тѣмъ не менѣе общія особенности, столь же устойчивыя и

наслѣдственно-передаваемыя, какъ особенности анатомическія, по которымъ натуралисты дѣлятъ животное царство на роды и виды.

Эта тождественность духовнаго склада индивидуумовъ коренится въ причинахъ физіологическихъ.

Всѣ обитатели данной страны естественно имѣютъ общихъ предковъ, и всѣ случайныя отклоненія неизбѣжно возвращаются къ среднему типу той длинной и тяжелой цѣпи, въ которой эти обитатели представляютъ не болѣе какъ только послѣднее звено.

И потому каждая раса представляетъ существо, изъятое изъ вліянія времени [1]); она состоитъ не только изъ живыхъ людей, ее составляющихъ въ извѣстный (очень кратковременный, періодъ времени, но и изъ длинной вереницы предковъ, уходящей во мракъ вѣковъ. Безконечно болѣе многочисленные, чѣмъ живые, покойники и безконечно болѣе могучи. Они управляютъ безбрежной областью безсознательнаго (инстинктовъ, безотчетныхъ побужденій); той неуловимой областью, во власти коей всѣ проявленія ума и характера. Покойники управляютъ гораздо болѣе, нежели живые. Вѣкъ за вѣкомъ творили они наши идеи и наши чувствованія, т. е. всѣ мотивы нашего поведенія. Мы несемъ тяжесть ихъ ошибокъ и пользуемся благими плодами ихъ добродѣтелей.

Эта общность чувствованій, идей, вѣрованій, интересовъ, созданная путемъ долгихъ и медленныхъ

[1]) Понимается не абсолютно, а на весьма большое время. Цезарь, напр., характеризовалъ галловъ „непостоянными и склонными къ перемѣнамъ“. Эта характеристика и въ наше время не анахронизмъ.

накопленій, даетъ духовному складу народа большое тождество и большую устойчивость. Она же обезпечиваетъ ему и громадную мощь. Она создала величіе Рима въ древности и Англіи въ наше время. Какъ только она исчезаетъ, народъ распадается.

2.

Установивъ такимъ образомъ великое значеніе ушедшихъ въ землю поколѣній въ опредѣленіи духовнаго облика народа, значеніе, въ сравненіи съ коимъ живущее поколѣніе является такимъ ничтожнымъ факторомъ въ этой общей вѣковой работѣ, le Bon переходитъ къ вопросу, по какимъ особенностямъ можно сдѣлать психологическую классификацію расъ, и приходитъ къ заключенію, что конечно только по волевымъ. Умовыя особенности тутъ не причемъ, не имѣя ни устойчивости, ни постоянства присущихъ волевымъ свойствамъ. Притомъ же умъ для всѣхъ расъ одинъ.

Трудно было открыть биномъ Ньютона, говоритъ онъ; но разъ открытый, онъ постижимъ для всякаго не только европейца, но и китайца, и индуса—кого угодно. Но качества характера такъ не передаются; достоинства или недостатки его составляютъ исключительную принадлежность даннаго народа [1]). И только характеръ народа, а не разумъ опредѣляютъ его роль въ исторіи роковымъ образомъ.

Вліяніе характера верховно въ исторіи наро-

[1]) Тоже вѣрно и относительно индивидуумовъ. У Наполеона было много сподвижниковъ, видѣвшихъ его работу (т. е. проявленія характера) чуть не каждый день; и однако ни одинъ изъ нихъ его ходовъ не усвоилъ.

довъ; между тѣмъ, какъ вліяніе ума въ дѣйствительности весьма слабо.

У римлянъ эпохи паденія умъ конечно былъ утонченнѣе, нежели у ихъ великихъ предковъ; но качества характера они утратили: настойчивость, энергію, несломимое упорство, способность къ самопожертвованію во имя идеала, нерушимое почтеніе къ законамъ, благодаря коимъ ихъ предки возвеличились.

Шестьдесятъ тысячъ англичанъ держатъ подъ своимъ игомъ двѣсти милліоновъ индусовъ, изъ коихъ многіе не уступаютъ имъ въ умѣ, а нѣкоторые превосходятъ артистическими вкусами и глубиною философскихъ воззрѣній.

Характеромъ, а не умомъ создаются общества, религіи, имперіи. Характеръ даетъ народамъ направленія чувствованій и дѣйствій; никогда они много не выигрывали отъ наклонности много разсуждать и думать.

Исторія представляетъ единственный примѣръ правленія, основанный на спекуляціяхъ чистаго разума [1]); и не прошло нѣсколькихъ лѣтъ, какъ оно привело къ ожесточеннымъ гекатомбамъ, а вскорѣ потомъ и къ подавляющему деспотизму.

Въ исторіи ничего нельзя понять, если не имѣть постоянно въ виду, что различныя расы не могутъ ни чувствовать, ни мыслить, ни поступать одинаково, ни, слѣдовательно, понимать другъ друга. Достаточно пожить между народами, духовный складъ коихъ ощутительно разнится отъ нашего, дабы по-

---

[1]) Въ первую французскую революцію.

нять глубину пропасти, раздѣляющей мышленіе разныхъ народовъ, даже у тѣхъ, которые усвоили нашъ языкъ и, по внѣшности, культуру [1]).

Именно эта пропасть между духовнымъ складомъ различныхъ расъ служитъ причиною, которая объсняетъ почему высшія расы никогда не успѣвали привить свою цивилизацію расамъ низшимъ. Столь распространенная еще идея, будто путемъ образованія можно этого достигнуть, представляетъ одно изъ печальныхъ заблужденій, пущенныхъ въ ходъ теоретиками умового типа.

Обученіе позволяетъ, конечно, благодаря памяти, присущей существамъ даже самымъ низшимъ (и которая вовсе не составляетъ принадлежности только человѣка), дать существу, стоящему на самыхъ низшихъ ступеняхъ человѣческой лѣстницы, совокупность понятій европейца.

Весьма легко можно сдѣлать изъ негра или японца баккалавра или адвоката; но это внѣшній лоскъ, безъ малѣйшаго воздѣйствія на ихъ духовный складъ. Десяти лѣтъ достаточно, чтобы дать негру или японцу образованіе англичанина; но можетъ быть и тысячи лѣтъ мало, чтобы они могли поступать въ различныхъ обстоятельствахъ жизни какъ англичанинъ.

3.

Опредѣливъ значеніе характера, авторъ перехо-

---

[1]) Русскіе эпохи Отечественной войны подтверждаютъ это. Высшее наше сословіе конца прошлаго вѣка до такой степени усвоило французскую культуру, что многіе даже едва говорили по-русски; но пришелъ 12-й годъ и они оказались чистокровными Русскими.

дитъ къ чрезвычайно интересному вопросу о предѣлахъ, въ коихъ онъ можетъ мѣняться.

Оказывается, что эти предѣлы крайне ограничены, да и тѣ имѣютъ мѣсто только въ примѣненіи къ придаточнымъ свойствамъ характера; основныя же не мѣняются вѣками.

Герои конвента и слуги Наполеона I—одни и тѣ же люди. Необыкновенныя обстоятельства вызвали только въ нихъ проявленіе тѣхъ силъ, которыя въ спокойное время остаются въ скрытомъ состояніи; но люди остались такими, какими въ продолженіи пятнадцати вѣковъ сформировалъ ихъ предшествовавшій революціи режимъ. Якобинскій режимъ, централизаторскій, повелительный, за простое противорѣчіе посылавшій на гильотину, не тотъ ли же это былъ самый режимъ по духу? Конечно, тотъ же: разница была только въ напряженіи.

И Бонапартъ сталъ владыкою не благодаря побѣдамъ, а по наслѣдственности расовыхъ инстинктовъ; не случись генія, усидѣлъ бы простой проходимецъ; хоть и не надолго, но усидѣлъ бы. Пятьдесятъ лѣтъ спустя, одного имени Наполеона было достаточно, чтобы притянуть весь народъ, утомленный свободою и жаждавшій подчиненія. Эпизодъ съ Буланже еще болѣе убѣждалъ въ этомъ.

Скрещеніе расъ ведетъ къ пониженію характера въ его существенныхъ чертахъ, и потому играетъ большую роль и при зарожденіи расъ, и при ихъ смерти. Метисы всегда понижаютъ духовный уровень расъ, допустившихъ помѣсь. Неминуемое послѣдствіе помѣси—уничтоженіе души народа, т. е. той совокупности чувствованій и идей, которыя соста-

вляютъ его силу и безъ которыхъ нѣтъ ни національной души, ни отечества. Паденіе Рима началось съ предоставленія права римскаго гражданства иностранцамъ и съ допущенія смѣшанныхъ браковъ. Если арійцы сохранились, то благодаря кастовому устройству, безъ коего они исчезли бы въ черномъ населеніи. Народъ можетъ потерять многое, перенести много катастрофъ и все же подняться. Но онъ все потерялъ и не поднимется, если утратилъ свою душу.

Ни моральная, ни физическая обстановки не имѣютъ преобразующаго вліянія на сложившійся характеръ. Доказательство перваго—китайцы въ С. Америкѣ; доказательство второго—вымираніе завоевателей, попавшихъ въ климатъ, рѣзко различный отъ климата родины, какъ завоеватели Египта въ древности, какъ англичане въ Индіи. Они не приспособляются, а вымираютъ.

Единственный и самый мощный факторъ вліянія на направленіе [1]) характера—это религіозныя вѣрованія. Они были всегда важнѣйшимъ элементомъ въ жизни народовъ, т. е. въ ихъ исторіи, ибо преобразуютъ весь духовный складъ массы. Всѣ учрежденія политическія и соціальныя основываются на религіозныхъ убѣжденіяхъ. Завоеванія арабовъ, крестовые походы, инквизиція, пуритане показываютъ, что можетъ совершить народъ, фанатизированный религіей.

Только религія порождаетъ состояніе души, дающее счастіе. Такое состояніе весьма мало зависитъ

---

[1]) На направленіе, но не на свойства характера.

отъ видимой обстановки и весьма много отъ внутренняго настроенія. Мученики на кострѣ лучшее тому доказательство.

Развитіе цивилизаціи, создавъ современному европейскому человѣку массу потребностей и не давъ средствъ ихъ удовлетворить, породило общее недовольство въ душахъ. Это развитіе, конечно, мать прогресса, но вмѣстѣ съ тѣмъ соціализма и анархіи, этого грознаго выраженія отчаянія толпы, не поддерживаемой никакими вѣрованіями.

Восточный человѣкъ, напротивъ, всегда и всѣмъ доволенъ. Чего общество должно искать прежде всего,—это настроенія души, дѣлающаго человѣка счастливымъ; иначе оно долго не просуществуетъ. Одна изъ великихъ ошибокъ нашего времени думать, будто душа можетъ найти счастіе только во внѣшнихъ предметахъ. Оно въ насъ самихъ, создается нами самими и почти никогда не внѣ насъ. Поваливъ старые идеалы, мы замѣчаемъ, что безъ нихъ жить нельзя и что погибнемъ, если ихъ не замѣстимъ.

Сила религіознаго вѣрованія становится громадною потому, что оно представляетъ единственный факторъ, могущій быстро дать народу общность интересовъ, чувствъ, мыслей. Народъ, принявшій религіозное вѣрованіе, духовнаго строя конечно не мѣняетъ; но всѣ его способности устремляются къ одной цѣли— торжеству его вѣрованія, и поэтому его могущество становится страшнымъ.

Итакъ религіозный духъ игралъ основную роль въ жизни народовъ именно потому, что онъ одинъ способенъ сразу дѣйствовать на характеръ народовъ.

Внѣшнія формы боговъ не безсмертны, но религіозный духъ вѣченъ. Само собою разумѣется, что съ теченіемъ времени характеръ народа даетъ и окраску религіи. Христіанство въ Испаніи, Италіи, Англіи конечно не одно и то же: реформація никогда не была бы возможна въ Испаніи, какъ и инквизиція въ Англіи.

Разница между Франціею XVII и XVIII вѣковъ въ томъ, что движеніе перешло отъ теологіи къ наукѣ, противопоставило истину наблюденную истинѣ откровенной: отсюда революція, колебаніе общества въ его основахъ.

4.

Въ историческихъ послѣдствіяхъ духовнаго строя расъ авторъ показываетъ, что исторія представляется хаосомъ событій, если не принимать въ соображеніе этого строя.

Такъ во Франціи всѣ партіи: непримиримыхъ, радикаловъ, монархистовъ, соціалистовъ, стремятся подъ разными вывѣсками къ одной и той же цѣли— къ поглощенію индивидуума государствомъ.

Что этотъ идеалъ, тождественный для всѣхъ французскихъ партій, есть дѣйствительно выраженіе расовой души, лучше всего выясняется изъ сравненія, напримѣръ, съ англичанами, у которыхъ совершенно иной душевный строй. У нихъ подъ какимъ угодно правительствомъ стремленіе всегда будетъ одно: довести правительственное участіе въ массовой жизни до минимума, а участіе индивидуума до максимума. Всѣ предпріятія у нихъ затѣваются по личной иниціативѣ и никогда по государственной. И

такимъ образомъ вполнѣ подтверждается замѣчаніе, уже давно сдѣланное, что всякій народъ достоинъ своего правительства. На примѣрѣ С.-Американскихъ штатовъ по сравненію съ республиками Ю. Америки это еще виднѣе. А объясненіе одно: въ Сѣверной Америкѣ господствующая раса англо-саксонская, а въ южной—испанская.

Характеристическія черты англо-сакса: волевыя данныя — неукротимая энергія, предпріимчивость, самообладаніе, чувство независимости, живое религіозное чувство, опредѣляющее нравственный складъ, ясное сознаніе долга. Умовыя: здравый смыслъ, сразу подмѣчающій практическую и положительную сторону вещей и не блуждающій въ отвлеченныхъ умствованіяхъ: весьма живое влеченіе къ факту, весьма слабое къ общимъ идеямъ, нѣкоторая узкость ума, мѣшающая видѣть слабыя стороны религіозныхъ вѣрованій и слѣдовательно обезпечивающая ихъ отъ изслѣдованія и разбора.

Къ этимъ чертамъ нужно прибавить оптимизмъ человѣка, который ясно видитъ свою дорогу въ жизни и считаетъ ее лучшею. Онъ всегда знаетъ, чѣмъ онъ обязанъ отечеству, религіи, семьѣ. Убѣжденіе въ своемъ превосходствѣ порождаетъ въ немъ крайне презрительный взглядъ на все чужое. Презрѣніе къ иноземцу и его обычаямъ, конечно, превосходитъ въ Англіи презрѣніе римлянъ къ варварамъ. Оно такъ велико, что въ отношеніи къ иноземцу всякое нравственное правило у нихъ исчезаетъ. Нѣтъ государственнаго человѣка въ Англіи, который въ сношеніяхъ съ другими народами не считалъ бы совершенно дозволенными такія дѣй-

ствія, которыя въ примѣненіи къ англичанамъ самъ же признаетъ совершенно возмутительными.

Это пренебреженіе конечно низменно съ философской точки зрѣнія; но съ точки зрѣнія преуспѣянія народа очень полезно. И во внутренней жизни ихъ все складывается по тому же: каждый домъ—крѣпость; на желѣзныхъ дорогахъ никакихъ рѣшетокъ. Въ школахъ профессора гораздо болѣе цѣнятъ характеръ, нежели количество свѣдѣній.

Такой народъ, куда бы ни появился, вездѣ будетъ господствующимъ и создастъ могущественное государство. Соединенные Штаты выросли въ одно столѣтіе. Но въ такой атмосферѣ и можно жить только англичанину. Итальянецъ въ ней умеръ бы съ голода, ирландецъ едва ли выбьется изъ чернорабочихъ.

Великая республика безспорно есть страна свободы, но конечно не равенства и не братства—этихъ двухъ химеръ латинскихъ расъ. Въ ней борьба безпощадна не только съ чужими, но и со своими: достаточно вспомнить законъ Линча и то, что негры, офиціально равноправные, остались паріями. Китайскую иммиграцію тоже начали истреблять.

Въ Южной Америкѣ не то. Несмотря на то, что южно-американскія конституціи и представляютъ сколокъ съ сѣверо-американской, всѣ Ю.-А. республики—добыча анархіи. Несмотря на богатство почвы, онѣ гибнутъ одна за другою въ грабежѣ всякаго рода, въ банкротствахъ и деспотизмѣ. Причина—въ духовномъ строѣ расы, не имѣющей ни энергіи, ни воли, ни совѣсти. Отсутствіе въ особенности послѣдней превосходитъ все, что только

видано худшаго въ Европѣ. Торговой совѣстливости никакой. Президенты республикъ распоряжаются самымъ безцермоннымъ деспотизмомъ. Администрація наполняется исключительно ихъ креатурами. Аргентинская республика только по имени республика; въ сущности это олигархія, обратившая политику въ торгашество.

Одна Бразилія спаслась нѣсколько отъ глубокаго упадка, благодаря монархическому режиму, обезпечивавшему власть отъ безпрерывныхъ захватовъ; но слишкомъ либеральная для этихъ расъ безъ энергіи и воли, монархія окончила паденіемъ. И сразу страна очутилась въ полной анархіи: въ два-три года ставшіе у власти настолько ее ограбили, что налоги возросли на 63%.

Предоставленныя себѣ, эти республики вернулись бы къ варварству. Вся торговля въ рукахъ англичанъ, американцевъ, нѣмцевъ. Вальпарайзо—англійскій городъ; въ Чили не осталось бы ничего если взять оттуда иностранцевъ. Въ Аргентинѣ, на четыре милліона испанцевъ нѣтъ ни одного, который стоялъ бы во главѣ сколько нибудь серьезнаго торговаго или промышленнаго предпріятія.

Все это показываетъ, что народъ немощенъ противъ послѣдствій своего духовнаго строя. Ребяческая фантазія воображать, что правительства и конституціи играютъ какую-либо роль въ судьбѣ народа. Въ немъ самомъ, а не во внѣшнихъ обстоятельствахъ его судьбы.

5.

Слѣдующую за симъ статью „Военная борьба народовъ, какъ слѣдствіе ихъ харатеровъ“ во

Франціи постигла странная участь: появилась она въ журналѣ „Revue scientifique“, но въ отдѣльное изданіе труда г. le Bon не попала. Самъ ли онъ ея испугался, или лицемѣры либерализма подняли гвалтъ, но только и слѣдовъ ея въ книжкѣ нѣтъ.

По счастью, статья у насъ сохранилась, и извлеченіе изъ нея представляется на усмотрѣніе и размышленіе военныхъ читателей. Намъ, военнымъ, необходимо имѣть ясное представленіе о назначеніи, къ которому мы призваны, „положить душу свою за други своя“, и не дать помрачить въ себѣ это великое назначеніе ни сентиментальными и ни какими-либо иными росказнями. Было время, когда увлекающіеся гуманными фантазіями военные охотно преклоняли ухо свое къ этой проповѣди и выпускали оружіе изъ рукъ. Но случалось такъ, что въ слѣдующее затѣмъ мгновеніе оружіе оказывалось въ рукахъ краснорѣчивыхъ проповѣдниковъ и направлялось противъ тѣхъ самыхъ, которые имѣли неосторожность повѣрить краснорѣчивой проповѣди.

Такъ ужъ лучше ставить вопросъ прямо и ясно тѣмъ изъ военныхъ, которые увѣруютъ, что война явленіе нелѣпое и что занятіе военною спеціальностью дѣло постыдное, правильнѣе оставлять это дѣло и искать себѣ болѣе подходящаго по вкусамъ и убѣжденіямъ, а не оставаться въ воинскомъ сословіи съ кореннымъ разладомъ въ сердцѣ и съ необходимостью лгать на каждомъ шагу, или исполнять взятую на себя обязанность спустя рукава, или, наконецъ, доходить до низкихъ попытокъ своимъ развратомъ развращать другихъ. Обратимся къ статьѣ г. le Bon.

Не взирая на всяческіе прогрессы цивилизаціи и на разглагольствованія философовъ, говоритъ г. le Bon, война между народами никогда не переставала быть однимъ изъ главныхъ видовъ ихъ дѣятельности.

Сомнительно даже, чтобы научныя открытія сдѣлали ее рѣже. Вѣрно, что они сдѣлаютъ ее губительнѣе.

Когда феноменъ проявляется съ такой настойчивой правильностью, нужно признать, что онъ отвѣчаетъ неодолимымъ необходимостямъ. Наши протесты противъ него были бы такъ же праздны, какъ противъ старости и смерти. Они были бы притомъ и несправедливы, такъ какъ въ окончательномъ результатѣ войны были источникомъ главнѣйшихъ прогрессовъ. Трудно себѣ представить, какъ, не прибѣгая къ войнѣ, древній человѣкъ могъ бы выйти изъ варварства и какъ основалъ бы тѣ обширныя государства, внѣ коихъ искусства, науки и промышленность не могли бы возникнуть. Какая изъ великихъ цивилизацій не была воинственною? И какой изъ мирныхъ народовъ игралъ роль въ исторіи?

Но мы изслѣдуемъ, говоритъ le Bon, теперь не выгоды или неудобства періодической борьбы между народами, а ограничимся установленіемъ неизбѣжности и изысканіемъ причинъ ея.

Причины борьбы разнообразны. Первая коренится въ естестственномъ инстинктѣ, влекущемъ сильнаго подчинить себѣ слабаго. Цивилизація конечно смягчаетъ этотъ инстинктъ; но чего она никогда не сдѣлаетъ и не достигнетъ, это уничтоженія антипа-

тіи, порождаемой различіемъ духовнаго строя расъ, опредѣляющимъ и различные взгляды на жизнь, и совершенно различную манеру поведенія въ возникающихъ столкновеніяхъ.

Всѣ великія войны человѣчества: завоевательныя, религіозныя, династическія, пропагандныя, почти всегда были войнами расъ. Примѣры: персы (аріане) и ассирійцы (семиты); греки и азіаты; римляне и варвары; религіозныя войны среднихъ вѣковъ между расами, отстаивавшими индивидуализмъ и свободу мысли противъ защитниковъ политическаго и религіознаго цезаризма со всѣми его принадлежностями: принципомъ всепоглощающаго авторитета, латинскими традиціями и формализмомъ.

Считать эти войны затѣянными соперничествомъ властителей значило бы весьма поверхностно смотрѣть на Исторію: вѣдь властители (за рѣдкими исключеніями) суть плоть отъ плоти и кость отъ костей своего народа; и тѣ изъ нихъ, которые не воплощаютъ его идеаловъ, страстей, мечтаній, прочны не бываютъ. Да и самое это соперничество не есть ли внѣшнее выраженіе антагонизма, исходящаго изъ особенностей той же расовой души?

Нѣкоторые думаютъ, что, благодаря удобству сообщеній, общности умственныхъ и экономическихъ интересовъ, сближеніе между народами должно расти все болѣе и болѣе. Должно! А между тѣмъ выходитъ прямо наоборотъ: растетъ не сближеніе, а рознь.

Пока сообщенія между народами были рѣдки, затруднительны и знаніе чужихъ языковъ мало распространено, психическія различія, раздѣляющія

расы, были мало замѣтны и прикрывались поверхностнымъ однообразнымъ лоскомъ цивилизаціи высшихъ слоевъ, почти тождественной у всѣхъ европейскихъ народовъ. Теперь, когда удобство сообщеній и коммерческіе интересы сдѣлали сношенія постоянными, разница духовнаго строя и несогласія, которыя она порождаетъ во всѣхъ вопросахъ, становятся очевидными самому поверхностному, лишь бы незакупленному взгляду. Постоянныя сношенія между народами въ окончательномъ выводѣ не ослабляютъ, а усиливаютъ антагонизмъ, и тѣмъ болѣе, чѣмъ они тѣснѣе. Чѣмъ интересы ихъ болѣе сближаютъ, тѣмъ духовный строй ихъ болѣе раздѣляетъ, и вмѣсто того, чтобы идти къ большему братству, они идутъ къ антипатіи, день-отодня болѣе замѣтной. И эта антипатія имѣетъ серьезныя послѣдствія, политическія и соціальныя.

Сокративъ, благодаря пару и электричеству, всѣ разстоянія до возможности, всѣ народы окружаются теперь всевозможными таможенными запретами, которые напротивъ затрудняютъ сношенія и создаютъ вокругъ каждой націи своего рода китайскую стѣну. Этого мало—начинается изгнаніе иностранцевъ. С. Америка и Австралія, рѣшившія изгнать китайцевъ, теперь не принимаютъ болѣе и европейскихъ эмигрантовъ, если они бѣдны. Рабочіе англійскіе союзы требуютъ изгнанія иностранцевъ-работниковъ. Все это не подаетъ надеждъ, чтобы XX вѣкъ сталъ вѣкомъ братства. Братство между различными расами возможно только на разстояніи. Сближаясь,

они узнаютъ другъ друга лучше и слѣдовательно сносятъ меньше [1]).

Впрочемъ мы пока только на зарѣ этого общаго движенія противъ иноземцевъ.

Если правительства противоположнаго склада прибѣгаютъ къ однѣмъ и тѣмъ же мѣрамъ, нужно допустить, что они вынуждаются къ тому какими-нибудь постоянными дѣйствующими и неустранимыми причинами. Одна расовая антипатія не можетъ ихъ объяснить; она только подсказываетъ опасность—именно ту, что преобладаніе иноземцевъ есть самое вѣрное разлагающее средство существованія государствъ. Оно отнимаетъ у народа его святую-святыхъ—его душу. Когда приливъ иноземцевъ въ Римъ усилился, онъ пересталъ существовать.

Величайшія военныя катастрофы не такъ страшны народу, какъ подобныя мирныя нашествія.

Итакъ, успѣхи цивилизаціи не уменьшаютъ вѣроятности борьбы между народами. Они ихъ уменьшаютъ тѣмъ менѣе, что къ психологическимъ антипатіямъ присоединяются еще и экономическія; ибо не общность, а именно противоположность интересовъ возникаетъ въ экономической области по мѣрѣ развитія промышленности.

Вредъ войны троякій: 1) потеря матеріальныхъ средствъ; 2) потеря людей; 3) ослабленіе расы.

Польза войны: національная душа формируется и крѣпнетъ; она даже зарождается преимущественно благодаря войнамъ. А безъ души нѣтъ большой

---

[1]) Недаромъ Шопенгауэръ гдѣ-то замѣчаетъ, что любить можно дальняго, но не ближняго...

цивилизаціи. Войны ее упрочиваютъ въ случаѣ удачи и значительно приращаютъ въ случаѣ неудачи: безъ Іены не было бы Германской Имперіи.

Послѣднія войны поставили подъ ружье всю Европу: какія отъ этого послѣдствія? Разореніе финансовъ, говорятъ статистики и политико-экономы: подъемъ народнаго характера, могли бы отвѣтить психологи симъ почтеннымъ бюрократамъ. Безъ общей повинности, анархисты, соціалисты и всѣ разлагающіе факторы современной цивилизаціи пошли бы гигантскими шагами. Военный режимъ научилъ терпѣнію, твердости духа, самоотверженію; и у тѣхъ народовъ, гдѣ идеалъ утраченъ, эти суровыя, но единственно достойныя человѣка добродѣтели являются какъ бы временнымъ идеаломъ.

Война, или по крайней мѣрѣ ея опасеніе, представляетъ одинъ изъ самыхъ мощныхъ стимуловъ для народа, и нравственныхъ, и матеріальныхъ.

Да, наконецъ, не въ нашей волѣ ее устранить, слѣдовательно, нужно ее принимать какъ фактъ, имѣть въ виду ея хорошія стороны и къ ней готовиться.

Лучшая подготовка къ ней — развитіе чувствъ, совокупность коихъ составляетъ воинскій духъ; въ немъ истинная мощь арміи; безъ него, не взирая на совершеннѣйшее вооруженіе, армія—подлое стадо, неспособное сопротивляться врагу и болѣе опасное своимъ, чѣмъ чужимъ. Будемъ же смотрѣть, заключаетъ эту статью le Bon, какъ на худшихъ враговъ отечества, какъ на опасныхъ злодѣевъ, на писателей и ораторовъ, усиливающихся убить этотъ духъ.

Чтобы избѣжать борьбы, нужно быть готовымъ ее выдержать; нужно знать, что побѣда будетъ не на сторонѣ армій болѣе многочисленныхъ, но тѣхъ, въ рядахъ которыхъ окажется болѣе энергическихъ характеровъ.

Война есть вопросъ психологіи столько же, сколько и стратегіи (мы думаемъ, даже больше психологіи, нежели стратегіи). Потери ничего не значатъ; одолѣваетъ тотъ, кто умѣетъ лучше, т. е. съ большимъ упорствомъ, ихъ переносить.

(Замѣтимъ, это пишетъ гражданскій человѣкъ).

Энергія не одинъ психологическій факторъ въ войнѣ: есть еще одинъ и важный—это общность поведенія, или доктрина, составляющая результатъ продолжительнаго воспитанія, дающая единодушіе дѣйствія. Это воспитаніе даетъ плоды только тогда, когда обращаетъ нѣкоторыя понятія въ безсознательныя у всѣхъ чиновъ арміи.

6.

Слѣдующая статья о томъ, какъ цивилизаціи угасаютъ, не представляетъ для насъ особеннаго интереса.

Авторъ заканчиваетъ свой трудъ слѣдующими заключительными выводами:

1) Раса обладаетъ психологическими особенностями, столь же устойчивыми какъ и физическія. Какъ первыя, такъ и вторыя мѣняются чрезвычайно медленно, путемъ вѣковыхъ вліяній.

2) Къ психологическимъ особенностямъ, постояннымъ и наслѣдственнымъ, образующимъ духов-

ный строй расы, прибавляются, какъ и въ анатомическихъ видахъ, второстепенныя измѣненія подъ вліяніемъ мѣняющейся обстановки. Безпрерывно возобновляемыя, они придаютъ расѣ поверхностныя различія въ довольно обширныхъ предѣлахъ.

3) Духовный строй расы представляетъ не только синтезъ живыхъ существъ, ее составляющихъ, но въ особенности всѣхъ предковъ ея. Не живые, а мертвые играютъ преобладающую роль въ дѣйствительномъ существованіи народа. Они творцы его морали и безсознательныхъ побудокъ его поведенія.

4) Большія анатомическія особенности, отличающія различныя человѣческія расы, сопровождаются психологическими особенностями, не менѣе значительными. Умственная разница среднихъ людей различныхъ расъ часто кажется довольно слабою. Но она дѣлается громадною при сравненіи высшихъ представителей тѣхъ расъ. Отсюда необходимость признать высшія и низшія расы.

5) Индивидуумы низшихъ расъ представляютъ явное равенство между собою. Поднимаясь по лѣстницѣ цивилизаціи, замѣчается стремленіе къ различію между индивидуумами. Неизбѣжное слѣдствіе цивилизаціи—различіе индивидуумовъ и расъ. Слѣдовательно, народы идутъ не къ равенству, а къ неравенству.

6) Жизнь народа и всѣ проявленія его цивилизаціи суть простое отраженіе его души, зримые знаки незримой, но совершенно реальной вещи. Внѣшнія событія представляютъ не болѣе какъ видимую поверхность скрытой канвы, ихъ опредѣляющей.

7) Ни случай, ни внѣшнія обстоятельства, ни тѣмъ болѣе политическія учрежденія не играютъ основной роли въ его исторіи. Его судьбу творитъ въ особенности его характеръ.

8) Такъ какъ различные элементы цивилизаціи народа суть не болѣе какъ внѣшніе знаки его духовнаго строя, выраженіе склада чувства и мысли, свойственныхъ этому народу, то они безъ измѣненія не могутъ перейти къ народу иного духовнаго строя. Все, что онъ можетъ перенять, это только внѣшнія, поверхностныя и несущественныя формы.

9) Глубокія различія въ духовномъ строѣ различныхъ народовъ имѣютъ слѣдствіемъ такое же различіе въ воспріятіяхъ впечатлѣній внѣшняго міра. Отсюда происходитъ, что они чувствуютъ, разсуждаютъ и поступаютъ по иному и слѣдовательно находятся въ разладѣ по всѣмъ вопросамъ, какъ только приходятъ въ соприкосновеніе. Большая часть войнъ, которыми полна исторія, имѣютъ источникомъ этотъ разладъ. Завоевательныя, религіозныя и прочія войны были въ сущности войнами расъ.

10) Агломератъ людей различнаго происхожденія можетъ образовать расу, т. е. пріобрѣсти коллективную душу не иначе, какъ путемъ вѣковыхъ скрещиваній и однообразнымъ для всѣхъ существованіемъ въ тождественной обстановкѣ; только при этихъ условіяхъ онъ пріобрѣтетъ общія чувства, общіе интересы, общія вѣрованія; у цивилизованныхъ народовъ нѣтъ естественныхъ расъ, а только искусственныя, созданныя историческими условіями.

11) Новая обстановка, физическая, какъ и моральная, глубоко дѣйствуетъ только на новыя расы, т. е. на смѣсь старыхъ расъ, скрещиваніе которыхъ распустило прародительскую душу. Только наслѣдственность можетъ бороться съ таковою же. Перемѣна обстановки для расъ, не утратившихъ опредѣленнаго характера, можетъ быть только гибельна. Старая раса скорѣе гибнетъ, чѣмъ переноситъ преобразованія, обусловленныя приспособленіемъ къ новой обстановкѣ.

12) Пріобрѣтеніе коллективной души, прочно сложившейся, знаменуетъ для народа апогей его величія. Разложеніе этой души знаменуетъ всегда часъ его паденія. Вторженіе чуждыхъ элементовъ—вѣрнѣйшее средство къ этому разложенію.

13) Психологическіе виды, какъ и физическіе, подчиняются общему закону и осуждены на дряхлость и угасаніе. Всегда медленно образующіеся, они напротивъ могутъ быстро исчезнуть. Восходящая дорога, ведущая народы къ высшей степени цивилизаціи, всегда очень длинна, а скатъ, ведущій къ упадку, чаще всего бываетъ очень крутъ.

14) Рядомъ съ характеромъ должно поставить идеи, какъ главный факторъ въ развитіи цивилизаціи. Онѣ дѣйствуютъ только тогда, когда преобразуются въ чувства. Тогда онѣ ускользаютъ отъ разсужденія и очень долго держатся. Каждая цивилизація исходитъ изъ малаго числа идей, всѣми усвоенныхъ.

15) Религіозныя идеи—важнѣйшія въ ряду руководящихъ идей цивилизаціи. Большая часть историческихъ событій косвенно произошла отъ

колебаній въ религіозныхъ вѣрованіяхъ. Исторія человѣчества всегда шла параллельно исторіи его боговъ. Они имѣютъ такое могущество, что даже перемѣна ихъ имени производитъ міровые перевороты. Нарожденіе новыхъ боговъ всегда знаменовало и зарю новой цивилизаціи, ихъ исчезновеніе— упадокъ старой.

НАПОЛЕОНЪ

и

ВЕЛЛИНГТОНЪ.

НАПОЛЕОНЪ
и ВЕЛЛИНГТОНЪ [1].

(Полувоенный фельетонъ).

1.

Подъ этимъ заглавіемъ, въ журналѣ „Cosmopolis“ [2]) за прошлый годъ появились замѣтки Прудона, найденныя въ его неизданныхъ бумагахъ. Замѣтки носятъ, какъ и вообще всѣ замѣтки, отрывочный характеръ; что бы изъ нихъ вышло и даже вышло ли бы что нибудь, никто этого не знаетъ, но онѣ попали въ печать, значитъ можно поговорить о нихъ, и о томъ, на какія онѣ размышленія наводятъ, особенно когда рѣчь идетъ о такой фигурѣ, какъ Наполеонъ. Наши замѣтки по необходимости будутъ также отрывочны; желая сдѣлать изъ нихъ нѣчто цѣльное, пришлось бы выпустить многое такое, что нежелательно пропускать.

Но прежде нѣсколько словъ о самомъ Прудонѣ; понятіе о его нравственномъ обликѣ послужитъ въ значительной мѣрѣ объясненіемъ тона и

[1]) Эта статья была помѣщена въ „Военномъ Сборникѣ“ 1897 г., №№ 5 и 6.

[2]) „Cosmopolis“ издается съ 1896 года въ Парижѣ на англійскомъ, французскомъ и нѣмецкомъ языкахъ. Съ этого года, говорятъ, будетъ отдѣлъ и на русскомъ. Журналъ хорошій.

характера его замѣтокъ. По происхожденію—мужикъ (но не хамъ, что разница). Отецъ—бочаръ, мать—крестьянка: великаго сердца и вѣроятно такого же, хотя, какъ принято говорить, и не развитого ума [1]).

Какимъ онъ долженъ былъ выйти по происхожденію, такимъ и вышелъ. Вотъ онъ какъ говоритъ о себѣ: „Да, я бѣденъ и сынъ бѣдняка, живу съ бѣдняками и, вѣроятно, умру бѣднякомъ. Что дѣлать? Я бы очень былъ радъ разбогатѣть; я думаю, что богатство само по себѣ вещь хорошая и годится всякому, даже философу. Но я прихотливъ насчетъ средствъ; и тѣ, которыми я бы не прочь былъ его достигнуть, не въ моей власти. Да притомъ разбогатѣть, пока есть бѣдные, для меня ничто. На этотъ счетъ я, какъ Цезарь: „ничего не сдѣлано, пока хотя что нибудь остается сдѣлать“. Всякій бѣдный—моего семейства. Отецъ мой былъ бочарный подмастерье, мать—кухарка; поженились они насколько могли поздно, что имъ не помѣшало произвести на свѣтъ пятерыхъ дѣтей, изъ коихъ я старшій, и коимъ они оставили въ наслѣдство, проработавъ цѣлый вѣкъ, свою бѣдность. И я такъ сдѣлаю: вотъ уже 40 лѣтъ, какъ я работаю и, какъ бѣдная птица, гонимая бурей, не нашелъ еще зеленой вѣтви, которая пріютила бы гнѣздо мое. И никогда бы я не заговорилъ объ этой нищетѣ, если бы мнѣ не ставили въ упрекъ [2]), что

---

[1]) Вообще замѣчено, что у выдающихся людей были обыкновенно и выдающіяся матери, а отцы бывали со всячинкой.

[2]) Значитъ и послѣ революціи французы не далеко ушли отъ того аристократа, который, слушая разсужденія, если не ошиба-

не взирая на нее, я позволилъ себѣ разсуждать о принципахъ богатства и о законахъ его распредѣленія".

Въ этихъ словахъ весь Прудонъ: прямой по крестьянски, не останавливавшійся ни передъ какими выводами, но у него слово съ дѣломъ никогда не расходились. Иногда онъ себѣ и противорѣчитъ, но искренно; ибо въ ту минуту, когда говорилъ, онъ вѣровалъ въ то, что говорилъ. Умъ сильный и рѣзкій, но односторонній, отрицательный и даже ожесточенный. Понятно, что онъ не могъ любить Наполеона, и на замѣткахъ это сказывается; не могъ тѣмъ болѣе, что долженъ былъ бѣжать въ Бельгію по милости президента французской республики, впослѣдствіи Наполеона III.

2.

Замѣтки начинаются записью мнѣній членовъ конвента, Барера и Куртуа, почерпнутыхъ изъ разговоровъ съ бельгійскимъ професоромъ Альтмейеромъ. По мнѣнію Барера, революція была безполезна, положеніе народа послѣ нея стало хуже; конскрипція, полиція, налоги, война, централизація—все его приводило въ ужасъ. Кто же былъ этотъ добродѣтельный мужъ? Адвокатъ по спеціальности, „Анакреонъ гильотины", какъ назвали его впослѣдствіи за то, что онъ былъ офиціальнымъ защитниковъ и краснорѣчивымъ апологетомъ самыхъ жестокихъ революціонныхъ мѣръ

юсь, Даламбера, замѣтилъ; „ça se mêle á raisonner et ça n'a pas mille écus de rente", т. е. „тоже суется разсуждать, а за душой и тысячи экю дохода нѣтъ".

конвента. Когда Робеспьеръ падалъ, онъ защищалъ его на столько, чтобы попасть въ милость, если бы тотъ удержался, но не на столько, чтобы въ противномъ случаѣ попасть въ число жертвъ. Существуетъ легенда, что когда Бареръ выступилъ обвинителемъ Робеспьера отъ имени комитета общественной безопасности, у него было заготовлено два рапорта: одинъ—за, другой—противъ Робеспьера, дабы прочесть тотъ изъ нихъ, который будетъ соотвѣтственнѣе по обороту дѣла. Затѣмъ до 18-го брюмера онъ скрывался, а потомъ началъ писать хвалебныя статьи первому консулу.

Такъ вотъ этотъ человѣкъ находилъ, что „Наполеонъ ничего не стоилъ. Его обаяніе сдѣлали итальянскія кампаніи 1796 и 1800 годовъ (мало!) и заключенный миръ. Хотѣли побѣды и мира—вотъ чего хотѣли. Онъ сдѣлалъ видъ, что даетъ ихъ и измѣнилъ странѣ, обманувъ ея ожиданія".

Мнѣніе чисто адвокатское, эквилибристика на да и нѣтъ. Онъ и ничего не стоилъ, и выигрывалъ великія кампаніи. Хотѣли и побѣды, и мира, Но чтобы побѣдить, нужно воевать. Что же до того, будто положеніе народа послѣ революціи стало хуже, то въ этомъ, полагаю, лучшій судья—самъ народъ; и если бы его спросить, то едва ли онъ согласился бы вернуться къ дореволюціонному положенію. А каково оно было, извѣстная замѣтка Ла-Брюйера показываетъ довольно ясно. Самъ Прудонъ замѣчаетъ дальше, что Бареръ кончилъ тѣмъ, что „не могъ больше судить о событіяхъ", тѣмъ не менѣе заноситъ его мнѣніе о Наполеонѣ, высказан-

ное именно тогда, когда онъ уже потерялъ смыслъ событій.

За Барерómъ слѣдуетъ Куртуа, горячій сторонникъ переворота 18-го брюмера. Онъ присутствовалъ при переворотѣ въ качествѣ члена „совѣта пятисотъ“ и такъ описываетъ Бонапарта: малорослый, некрасивый, желтый, съ плоскими волосами, грязный, онъ выдавался только своимъ безстыдствомъ и настолько сильнымъ итальянскимъ акцентомъ, что его нельзя было понять „J'ai avec moi lou Diou de la guerra et de la fortiouna“. Даже въ 15 году онъ не научился говорить по французски. Въ семьѣ онъ всегда говорилъ по италіянски.

Все это факты и противъ нихъ ничего сказать нельзя, кромѣ того, конечно, что они, такъ сказать, къ дѣлу не относятся, а если и относятся, то говорятъ скорѣе въ пользу, а не противъ Наполеона. Если, не взирая на неприглядную наружность и на прочее, Наполеонъ подчинялъ себѣ всѣхъ тѣхъ, кто приходилъ съ нимъ въ соприкосновеніе, то было же въ немъ нѣчто иное кромѣ того, что отмѣчено Куртуа. А что до безстыдства, то въ такихъ передѣлахъ, какъ 18-го брюмера, не сдѣлаешь много съ дѣвической застѣнчивостью; и то, что казалось человѣку партіи безстыдствомъ, на языкѣ другихъ было рѣшительностью, дающей человѣку силу идти на „панъ или пропалъ“. Какимъ Бонапартъ былъ на войнѣ, такимъ же явилъ себя и въ государственномъ переворотѣ; такимъ же, наконецъ, и въ личныхъ отношеніяхъ.

Если мадамъ Жюно д'Абрантесъ говоритъ, что его невозможно было уважать, то вѣдь онъ доби-

вался отъ нея и отъ другихъ дамъ не уваженія, и получалъ то, чего добивался. Ни въ какомъ дѣлѣ онъ за двумя цѣлями не гонялся; и пока до испанской кампаніи держался этого пріема, до тѣхъ поръ всегда, достигалъ своего.

Въ числѣ причинъ его безпрерывныхъ успѣховъ, говоритъ Прудонъ, есть одна странная и заслуживающая быть отмѣченной: это убѣжденіе нѣмцевъ въ непобѣдимости французовъ. Только бы мнѣ удалось, говоритъ Блюхеръ, побить его одинъ разъ, и онъ погибъ. Совершенно вѣрно, но нужно было умѣть внушить эту нравственную мощь своимъ и подорвать ее у другихъ, что дано далеко не всякому; даже больше—дано только людямъ исключительнымъ.

Такъ было и такъ всегда будетъ со всѣми великими носителями воли, и всѣми ловцами людей передъ Господомъ. Такъ было и съ Фридрихомъ Великимъ. Давно ли, кажется, былъ 1763 годъ, когда французы бѣгали какъ зайцы передъ пруссаками (Россбахъ)? Французы, да и не одни французы, тоже вѣрили въ его непобѣдимость. Но проходитъ всего 40 лѣтъ, и вмѣсто Россбаха видимъ Іену и Ауэрштедтъ.

И Прудону, человѣку по натурѣ волевому, странно было эту причину воинской доблести и успѣха находить странной, ибо въ сущности это единственная ихъ причина. Гдѣ она, тамъ и побѣда, не взирая ни на что. Гдѣ ея нѣтъ, тамъ пораженіе, тоже не взирая ни на что: ни на превосходную организацію, ни на матеріяльное благоустройство, ни на самое совершенное воору-

женіе. И кому дана сила внушить вѣру въ непобѣдимость, тотъ побѣдитъ, хотя бы онъ былъ менѣе всего военный: неопровержимѣе кого бы то ни было доказала 18-ти лѣтняя Іоанна Д'аркъ.

Невѣдомо откуда Духъ Божій приходитъ и куда уходитъ... Придетъ, наконецъ, время, когда человѣческое слово, продуктъ ума, будетъ волею-неволею притянуто къ выясненію волевыхъ проявленій, и тогда возстанетъ эта сожженная страдалица во всемъ недосягаемомъ величіи своей нравственной чистоты, нравственной силы и воинской доблести...

Какъ извѣстно, Блюхеръ добился, наконецъ, того, что онъ побѣдилъ. Наполеонъ, раздавая удары направо и налѣво, научилъ и другихъ наносить удары. Воспользовавшись силой, вызванной революціей изъ скрытаго состоянія—силой національности, Наполеонъ самъ натолкнулся на нее: сперва въ Испаніи, затѣмъ въ Россіи, а, наконецъ, и въ Германіи; результаты извѣстны; они были страшны потому въ особенности, что были слѣдствіемъ гоньбы за двумя цѣлями въ разъ (Испанія и Россія), т. е. измѣною тому принципу, котораго Наполеонъ такъ строго держался до 1809 года. И грустно становится, когда подумаешь, что разсуждая о такихъ предметахъ, вспоминаютъ, что Наполеонъ былъ неказистъ и дурно говорилъ по французски...

Блюхеръ воевалъ послѣ этого по типу охарактеризованному Francois de Maistre: „vaincre c'est avancer“ [1]). Онъ такъ и выразился на одномъ военномъ совѣтѣ, возражая Шварценбергу: „Да, да, я иду на Парижъ съ разбитой арміей!“ Послѣд-

[1]) Побѣждать—значитъ подаваться впередъ.

ствія показали, что онъ былъ правъ, хотя и то сказать, что въ это время Франція была настолько истощена, что въ ряды брали уже чуть не 15-ти-лѣтнихъ.

И тутъ-то сказалась Ахиллесова пята конскрипціи; именно, что ею легко злоупотреблять; попавъ въ такія руки, какъ Наполеоновскія, она все дала и въ концѣ концовъ все же привела къ гибели. Ибо разъ дѣло пошло на неограниченные наборы, должно было, безъ сомнѣнія, кончиться тѣмъ, чѣмъ и кончилось: одолѣлъ тотъ, или правильнѣе тѣ, у кого было больше людей.

Съ реставраціей Франція отказалась отъ конскрипціи; никто не посмѣлъ и думать ее сохранить, до того она стала непопулярна, а пруссаки ее приняли, разумѣется, упорядочивъ. Они установили большіе контингенты и короткіе сроки службы. На службѣ въ мирное время состояло сравнительно мало солдатъ; но въ случаѣ войны являлось ихъ много [1]). И въ этомъ, кромѣ прочаго конечно, разгадка 66-го и 70-го годовъ. Эту послѣднюю кампанію начали 440,000 сосредоточенныхъ нѣмцевъ противъ 170,000 разбросанныхъ французовъ.

Но что конскрипція своихъ свойствъ не измѣнила, видно изъ того, что на нашихъ глазахъ происходитъ. Очень хорошо, когда „казацкое положеніе“ есть только у одного въ большой компаніи; но когда оно у всѣхъ, то это совсѣмъ другой оборотъ.

---

[1]) Извѣстно, что этимъ они обязаны Наполеону, обязавшему ихъ послѣ Тильзитскаго мира держать не болѣе 40,000 войскъ.

3.

Замѣтки Прудона носятъ характетъ какъ бы дневника: тутъ и замѣтка о системѣ комплектованія, и анекдотъ о томъ, какъ Наполеонъ, въ 14-мъ или 15-мъ году, оратора отъ института, за намекъ, о мирѣ, прервалъ не совсѣмъ деликатнымъ ударомъ сапога въ то мѣсто, которое въ подобныхъ случаяхъ всегда является страдательнымъ; и упрекъ Тьеру, что онъ умолчалъ о такихъ чертахъ характера, которыя, рисуя человѣка и его мнимый (faux) геній [1]), обнаруживаютъ народную мистификацію (!).

На бѣду для разсужденія Прудона нельзя не замѣтить, что подобныя вещи, какъ послѣдній упрекъ, легко писать у себя въ кабинетѣ и въ спокойномъ состояніи духа; но воображать, что можно помышлять о мирѣ, когда окруженъ врагами, которые спали и видѣли уничтожить Наполеона уже столько лѣтъ, подобная фантазія, конечно, могла придти въ голову только человѣку исключительно умового типа [2]). Безспорно, движеніе Наполеона было не „академическое“; но вѣдь и нѣжные намеки о мирѣ въ такую минуту тоже едва ли признаетъ тотъ, кто дастъ себѣ трудъ принять въ соображеніе не одинъ сюрпризъ почтеннаго члена института, но и нравственное положеніе, въ которомъ Наполеонъ тогда находился. Человѣкъ такъ созданъ, что смѣшное положеніе жертвы заставляетъ его забывать положеніе обидчика, а между тѣмъ у

[1]) Какъ будто геній и рѣзкое движеніе несовмѣстимы.

[2]) По природѣ Прудонъ, какъ и вся мужичья масса, былъ человѣкъ волевой; но по роду занятій—умовой.

этого послѣдняго была своя обида; и на сердцѣ кошки скребли посерьезнѣе непріятности быть остановленнымъ въ краснорѣчивой предикѣ „не академическимъ“ жестомъ.

Что касается до „мнимаго“ генія, то объ этомъ ниже.

4.

Всѣ эти разсужденія наводятъ Прудона на мысли о томъ, какъ нужно писать исторію.

„Уничтожить традиціонныхъ идоловъ, обаянія, предразсудки; создать исторію реалистическую и философическую, неприлизанную (читай Тьеръ), не доктринерскую (читай Гизо), не приправленную приличіемъ, не quasi-идеальную на манеръ классической: вотъ великая услуга, какую можно оказать Франціи и роду человѣческому“.

„Изслѣдовать исторію какъ психологію; революціи, какъ кризисы, болѣзни, горячки; разобрать и разоблачить мнимыхъ (faux) великихъ людей, мнимыхъ добрыхъ людей, мнимыхъ героевъ, мнимыхъ геніевъ; раскрыть тайны и механизмъ великихъ народныхъ увлеченій (мистификацій); противорѣчія демагогій, мелкость трибуновъ, ничтожество болтуновъ; вотъ что долженъ себѣ поставить цѣлью историкъ“.

Все это прекрасно; но кто же будетъ читать и понимать такую исторію? Конечно, менѣе всего тѣ, которые ее дѣлаютъ. Въ народѣ въ нѣсколько десятковъ милліоновъ найдется такихъ читателей нѣсколько сотъ, много тысячъ человѣкъ; а дѣлатели исторіи, т. е. весь остальной народъ, по прежнему будетъ жить эмоціями, а не разсужде-

ніями; поступками и подвигами, а не аргументами. Здѣсь всѣ идеалы, и обаянія, и предразсудки—насущный хлѣбъ массъ; и вытѣсняются они не разсужденіями, а другими идеалами, другими обаяніями, другими предразсудками, ибо это продукты воли, которыхъ умъ никогда не былъ и никогда не будетъ въ силахъ уничтожить.

И Прудонъ, которому казалось, что онъ работаетъ за массу, былъ въ сущности индивидуалистъ и не понималъ жизни и духа массы. Онъ мечтаетъ о раскрытіи механизма увлеченій (по его номенклатурѣ мистификацій) массы: если бы ему это удалось, онъ и самъ увидѣлъ бы тогда, что масса только и живетъ, только и дѣйствуетъ подъ импульсомъ такихъ мистификацій; и что не было бы ихъ, не было бы и тѣхъ подвиговъ, которые она совершаетъ, благодаря этимъ мистификаціямъ... Допустимъ, что французскій народъ въ концѣ прошлаго вѣка состоялъ бы весь изъ философовъ: отстоялъ ли бы онъ Францію, когда на нее надвинулась вся Европа?..

И потому не будемъ такъ презрительно разговаривать объ идеалахъ и о прочемъ, что такъ дорого массамъ, и что умовикамъ-идеалистамъ кажется такимъ ничтожнымъ и даже вреднымъ. Нисколько не отрицая ихъ права анализировать явленія, писать ихъ исторію по своему, пожелаемъ и съ ихъ стороны большаго уваженія къ духовнымъ устоямъ тѣхъ, которые ее дѣлаютъ.

Прудонъ кончаетъ такъ характеристику своего идеала исторіи:

„Приведя индивидуумовъ, партіи, секты къ вы-

раженію ихъ дрянности и дряблости, показать затѣмъ тайную связь событій, игру политики, роковую неизбѣжность движенія какъ впередъ, такъ и назадъ".

„И превыше всего право, верховное, неодолимое, побѣдное".

Если такъ написать исторію, то она уже не будетъ ни реалистическою, ни философическою, ни, въ особенности, психологическою: чтобы она была такою, нужно воздать каждому по заслугамъ, т. е. сказать, что человѣкъ, партія или секта сдѣлали, а по дорогѣ, разумѣется, не забыть и того, въ чемъ они были дрянны или дряблы. И, конечно, уже не считать фактами, достойными исторіи, хотя бы то, напримѣръ, что нѣкоторые члены конвента были не сильны въ правописаніи, какъ то открылъ г. Тэнъ. Іоанна Даркъ и совсѣмъ была безграмотна, а чего надѣлала...

Что же касается до права, верховенствующаго надо всѣмъ, то нужно условиться, о какомъ правѣ идетъ рѣчь? Если о правѣ силы, то съ этимъ нельзя не согласиться. Ибо самъ же Прудонъ замѣтилъ, что сила права реальна только тогда, когда за нею стоитъ право силы [1]).

5.

Покончивъ со своимъ идеаломъ писанія исторіи, Прудонъ переходитъ къ перечню по Тьеру физическихъ и нравственныхъ примѣтъ Наполеона. Думаю, что если бы у сего послѣдняго на лицѣ была бородавка, Прудонъ и ея не забылъ бы. Нрав-

[1]) См. „Ea Guerre et la Paix".

ственный обликъ выходитъ столь же некрасивъ, сколь и мало вѣренъ. Я думаю, нельзя найти сколько нибудь выдающагося практическаго дѣятеля, которому нельзя было бы поставить въ упрекъ того, въ чемъ Прудонъ упрекаетъ Наполеона. Всѣ перечисленныя слабости или, пожалуй, пороки, были свойственны и нашему Петру Великому, и Фридриху II, и Цезарю, и Александру Великому. Всѣ они имѣли, какъ говорятъ французы, достоинства своихъ недостатковъ и недостатки своихъ достоинствъ. Но къ этому прибавляется еще, что Наполеонъ не имѣлъ никакого генія, что будто онъ падалъ духомъ при пораженіи; что онъ не представлялъ никакого принципа, никому не служилъ, ничего самъ не основалъ, ничего не съумѣлъ понять и толкнулъ Францію къ неисправимому упадку, и физически, и духовно.

Это, что называется, рѣшилъ отдѣлать и отдѣлалъ. Ему нужды нѣтъ до того, что Наполеонъ успокоилъ Францію отъ смутъ революціи, что при немъ созданъ кодексъ, который въ силѣ до сихъ поръ, что онъ преслѣдовалъ тѣ же задачи, которыя преслѣдовала революція; что онъ упорядочилъ внутренній строй государства; что дальнѣйшее процвѣтаніе Франціи есть слѣдствіе режима, имъ установленнаго: нѣтъ, кромѣ зла онъ ничего не сдѣлалъ!

„И философовъ тоже онъ не любилъ“;—да, не любилъ, ибо былъ практическій дѣятель, волевой человѣкъ, а такіе не любятъ говоруновъ, также, какъ говоруны ихъ не любятъ: дѣло взаимное. Онъ тоже не любилъ blagologie [1]), какъ и Прудонъ.

[1]) Отъ blague—вранье, болтовня.

„Писатель онъ былъ, правда, оригинальный, но только въ своей солдатской сферѣ“. Съ равнымъ основаніемъ Прудонъ могъ бы поставить въ упрекъ Гете, Дидро или Гюго, что ни одинъ изъ нихъ ничего не писалъ о военномъ дѣлѣ.

„И его военный талантъ исходилъ отъ инстинкта и отъ обсужденія“ [1]). То, что онъ называетъ инстинктомъ, есть врожденная способность; то, что обсужденіемъ—опытъ, просвѣтленный работою ума, который тоже врожденная способность. Но желаніе принизить Наполеона наталкиваетъ перо Прудона на инстинктъ, который по принятой номенклатурѣ свойственъ и животнымъ; и онъ ставитъ это слово. „Никогда его манера вести войну не была ни извѣстна, ни понята“—въ томъ и было ея величіе и залогъ поразительныхъ успѣховъ. Чтобы побѣдить, нужно удивить. И никто не умѣлъ этого дѣлать въ такомъ совершенствѣ, какъ онъ. За то онъ и признается безспорно величайшимъ изъ военныхъ геніевъ всѣхъ вѣковъ. Прудонъ, конечно, лучше бы сдѣлалъ, если бы этого вопроса совсѣмъ не трогалъ; онъ, очевидно, не зналъ въ немъ даже элементарныхъ понятій. Что же до пониманія его манеры, то она была понята и, къ несчастію для французовъ, даже слишкомъ хорошо пруссаками. Вся теорія Клаузевица есть не иное что, какъ изложеніе того, что Наполеонъ дѣлалъ, и нашла она совсѣмъ толковыхъ и послѣдовательныхъ учениковъ въ лицѣ соотчичей Клаузевица.

---

[1]) Любопытно бы знать, отъ чего долженъ исходить истинный военный талантъ, по мнѣнію Прудона?

Уставъ, наконецъ, говоритъ по адресу Наполеона всякія непріятности (и чудовище то онъ, и лишенъ нравственнаго чувства, и лгунъ, и шарлатанъ, и пр. и пр.), Прудонъ призналъ, однако, что „обаяніе, преданность, которыя этотъ человѣкъ внушалъ до послѣдней минуты, заставляютъ признать что нибудь одно: или онъ не настолько виноватъ, какъ явствуетъ изъ совершенно достовѣрныхъ мемуаровъ, или имѣлъ сообщниками цѣлую націю“. Въ томъ то и дѣло; сообщничество вѣское, и, конечно, онъ не сталъ бы идоломъ этой націи, если бы не обладалъ тѣми свойствами, которыя такъ не нравятся Прудону, и которыя въ рукахъ болѣе объективныхъ получили бы совсѣмъ иное освѣщеніе. И думаю, что онъ и останется идоломъ, не взирая на подвиги его племянника. Примѣра сего послѣдняго для французовъ, вѣроятно, будетъ достаточно, чтобы не возвращаться къ Наполеонидамъ. Но родоначальникъ ихъ забытъ не будетъ такъ долго, какъ будетъ существовать исторія; не будетъ забытъ не одними французами, но всѣмъ европейскимъ міромъ.

6.

Если Наполеонъ былъ деспотъ, то потому, что и нація была деспотична, замѣчаетъ Прудонъ, прибавляя, впрочемъ, „за исключеніемъ меньшинства интеллигентной буржуазіи“. Замѣчаніе вѣрно, кромѣ послѣдней оговорки. Съ полной вѣроятностью можно было сказать, что и принадлежавшіе къ этому меньшинству интеллигентные буржуа, ставъ у власти, явятъ себя такими же самовластниками,

какъ и представители большинства, что и подтвердилось режимомъ современнымъ Прудону. Это вопросъ расы, или, если угодно, крови [1]), а не бо́льшаго или меньшаго умственнаго развитія. Нельзя создать республику безъ республиканцевъ и ни одинъ органическій законъ не укореняется сразу въ нравы народа, какъ глубоко замѣтилъ Бэйль еще въ двадцатыхъ годахъ текущаго столѣтія. Онъ даже опредѣлилъ срокъ этого укорененія—полтораста лѣтъ; думаемъ, что это скорѣе мало, чѣмъ много. Всякое убѣжденіе есть фактъ физіологическій, а не логическій; если это такъ, то какимъ же образомъ можно предаваться наивной идилліческой иллюзіи, будто въ нѣсколько десятковъ лѣтъ можетъ переродиться то, что росло и развивалось около тринадцати вѣковъ? [2]). И насколько оно переродилось мало, видимъ на современной Франціи: съ большой революціи прошло уже сто лѣтъ, а между тѣмъ партіи всѣхъ предшествующихъ режимовъ на лицо; и едва ли кто станетъ утверждать, что онѣ близки къ отказу отъ своихъ претензій, къ примиренію между собой и съ установившимся режимомъ: такъ трудно перерожденіе націи, сложившейся по роялистскому типу въ типъ республиканскій... Нація хотѣла сильной власти, и Наполеонъ далъ ее. Онъ понималъ ма́ссу и то, что съ нею можно дѣлать что угодно, но на условіи — удовлетворить всѣмъ ея затаеннымъ инстинктамъ и вожделѣніямъ, иногда тѣмъ болѣе сильнымъ, чѣмъ меньше они высказываются, и съ которыми то, что

[1]) Т. е. опять того же волевого склада.

[2]) Считая съ Кловиса.

высказывается, зачастую находится даже въ прямомъ противорѣчіи. Ибо высказываютъ-то интелигенты, а хотятъ массы, а первые рѣдко хотятъ того, чего хотятъ послѣднія.

Продолжая далѣе характеризовать французовъ, Прудонъ говоритъ: „Нація, стремящаяся всегда впередъ, не умѣющая ни отступать, ни ограничивать себя, когда приходитъ бѣда, она деморализуется, бросаетъ все“.

Игра на антитезахъ увлекаетъ въ этомъ случаѣ Прудона до забвенія дѣйствительности. Все, что человѣческая натура могла вынести, французскій солдатъ вынесъ; а затѣмъ, есть же предѣлъ всему. Нельзя находить отсутствіе стойкости въ націи (да и въ Наполеонѣ), которая послѣ 12-го вынесла 13-й, 14-й и, наконецъ, 15-й года.

„Она не умѣетъ себя ограничивать“. Это можно было сказать, только забывъ, что если бы французы не наступали, то на нихъ наступали бы: такъ было до Наполеона, такъ было и при немъ—это наслѣдіе революціи. Она и рада бы себя ограничить, да ее не оставили бы въ покоѣ. Наполеонъ это прекрасно понималъ и выразилъ: „Если я перестану воевать, я погибъ“. А что онъ предпочиталъ наступательную войну оборонительной, то вѣдь это обнаруживаетъ въ немъ только пониманіе той военной истины, что наступать всегда выгоднѣе, чѣмъ обороняться. особенно когда видишь положеніе яснѣе, чѣмъ противникъ. До 13-го года, Наполеонъ, въ видахъ политической обороны, наступалъ на театрахъ войны; а съ 13-го, даже поставленный въ оборонительное положеніе въ военной сферѣ соб-

ственно, онъ все же наступалъ постоянно до послѣдней минуты.

Затѣмъ слѣдуетъ упрекъ французамъ въ поспѣшности объяснять пораженія самыми смѣшными причинами, напримѣръ, измѣною. Не такъ смѣшна эта причина, какъ выставляетъ Прудонъ въ своемъ безсознательномъ, надѣюсь, стремленіи охаять и своихъ соотчичей, и Наполеона. Въ народѣ, взбаламученномъ революціей, возникаетъ характерное настроеніе—никто никому не вѣритъ. Да и какъ было вѣрить, когда подобныя эпохи выдвигаютъ на сцену людей, которые, какъ говорится, не вѣрятъ ни въ Бога, ни въ чорта? Чтобы дать себѣ сколько нибудь ясный отчетъ о подобномъ настроеніи, достаточно прочесть превосходный этюдъ г. Сорель въ его „Lectures historiques“ о шпіонствѣ во время консульства [1]), достаточно вспомнить статью въ „Русской старинѣ“ за прошлый годъ о предложеніи Талейрана нашему правительству продать государственныя тайны, разумѣется, за приличную сумму [2]); достаточно вспомнить, наконецъ, то, что графъ Бурмонъ, начальникъ французской дивизіи въ корпусѣ Жерара, передался въ 15-мъ году, на виду своихъ, пруссакамъ.

[1]) См. „Lectures historiques“: „Une agence d'espionnage sous le Consulat“. Въ этомъ чтеніи Сорель разбираетъ жизнь графа д' Антрегъ, одного изъ самыхъ видныхъ политическихъ авантюристовъ того времени. Онъ служилъ и австрійцамъ (1797—1799 гг.), и намъ (1800—1806гг.), и англичанамъ. Онъ имѣлъ сообщниковъ, доставлявшихъ ему свѣдѣнія даже въ бюро французскаго министерства иностранныхъ дѣлъ. Вообще „Lectures historiques“ заслуживаютъ особаго вниманія со стороны любителей поучительнаго чтенія.

[2]) Предложеніе не было принято.

Кто все это возьметъ въ разсчетъ, тотъ не станетъ упрекать французскія войска въ объясненіи неудачъ измѣною. Да я и не помню, чтобы въ кампаніяхъ до 15-го года попадались ссылки на измѣну.

Могутъ, правда, возразить, что всякіе Талейраны, Фуше и tutti quanti арміи не были извѣстны; но такое возраженіе возможно только со стороны людей, которые не понимаютъ духа массъ и тѣхъ незримыхъ токовъ, которые ихъ пронизываютъ: масса не знаетъ, она чувствуетъ; ей не нужно знать конкретныхъ случаевъ измѣны; но когда измѣна существуетъ, хотя бы и въ сферахъ, массѣ недоступныхъ, то масса такъ или иначе будетъ ее предчувствовать, а предчувствіе хуже знанія, какъ и все неопредѣленное. Конечно, она не могла знать всѣхъ подвиговъ такихъ артистовъ, какъ Талейранъ, Фуше: но сплетни, лакейскіе разговоры не могли не распространяться внизъ и, разумѣется, доходили по адресу, да еще съ прикрасами. Да и какъ было не доходить, когда за все время Наполеоновскаго режима воздухъ, можно сказать, былъ насыщенъ измѣной? До чего это насыщеніе было велико, доказываетъ полуудавшійся заговоръ Малле въ 12-мъ году, адская машина въ періодъ консульства, заговоры роялистовъ, у которыхъ существовало даже на этотъ предметъ агентство въ самомъ Парижѣ. Наконецъ, самъ Прудонъ разсказываетъ по слухамъ, имѣющимъ, однако, долю вѣроятія, что при церемоніи коронованія четыре гвардейскихъ гренадера, стоявшіе по угламъ алтаря, должны были разстрѣлять Наполеона въ моментъ принятія имъ короны

изъ рукъ папы; что этотъ заговоръ былъ открытъ и ихъ своевременно убрали. Можетъ быть это и выдумка; но она показываетъ современное настроеніе умовъ. Прибѣгая къ извѣстной метафорѣ, безъ всякаго преувеличенія можно сказать, что въ теченіе всего своего царствованія Наполеонъ плясалъ на вулканѣ. Въ такой горячечной атмосферѣ не нужно быть очень легковѣрнымъ, чтобы вездѣ видѣть измѣну, и ему, и арміи, которая въ свою очередь тоже не была свободна отъ язвы заговоровъ. Не такъ уже значитъ было смѣшно объяснять неудачи измѣной, какъ то Прудону кажется. Не говорю уже о томъ, что объяснять неудачи чѣмъ угодно, но только не собственной глупостью или трусостью, въ натурѣ всѣхъ людей, а не однихъ французовъ.

Продолжая свои антитезы, Прудонъ говоритъ про Наполеона: Вольтеріанецъ и вѣрующій, распущенный и чопорный, какъ французскій народъ; макіавелическій и честный, какъ французскій народъ, человѣчный и кровожадный, бережливый и расточительный, какъ французкій народъ", т. е., значитъ, по нашему, стихійный, массовый человѣкъ; способный на великое добро именно потому, что онъ способенъ и на великое зло.

Что въ этой параллели вѣрно, то относится не къ одному французскому, а ко всякому народу и ко всякому выдающемуся представителю народа; а что не вѣрно, не относится ни къ Наполеону, ни къ французскому народу.

Не вѣрно, напримѣръ, то, будто Наполеонъ былъ вольтеріанецъ; Бэйль, современникъ Наполеона и

тонкій наблюдатель, характеризуетъ его такъ: „ненавидѣлъ Вольтера, боялся якобинцевъ и питалъ слабость къ С.-Жерменскому предмѣстью“. Да и какимъ образомъ онъ могъ бы любить Вольтера, когда употреблялъ всѣ усилія на то, чтобы облечь свою власть ореоломъ религіознаго уваженія и той авторитетности, которая, кромѣ преемственности по наслѣдію, ничѣмъ не дается? Этимъ объясняется и конкордатъ, и установленный имъ всяческій церемоніалъ, и строгій этикетъ, и слабость къ С.-Жерменскому предмѣстью. Онъ прекрасно понималъ, чего ему не достаетъ, когда выражалъ сожалѣніе что онъ не свой внукъ и дѣлалъ все, отъ него зависящее, чтобы это недостающее восполнить. И этотъ человѣкъ власти и массы могъ когда нибудь быть вольтеріанцемъ! Да онъ не только никогда не острилъ, но даже не знаю, смѣялся ли когда либо, и внимательно слѣдилъ за литературой, а особенно, за театромъ, чтобы не проскользнуло чего нибудь въ родѣ Вольтеровскаго подхихикиванья надъ устоями общественнаго строя: и появленіе пьесъ, въ родѣ „Belle Héléne“, какъ то случилось при его племянникѣ, въ его правленіе было, конечно, немыслимо. Не любилъ онъ даже Тацита, писателя, кажется, довольно серьезнаго: почему—понятно; „можетъ и правду писалъ, да про цезарей“: подрывалъ молъ авторитетъ власти. Что въ немъ вольтеровскаго нашелъ Прудонъ, рѣшительно недоумѣваю.

Наполеонъ лично не только не былъ расточителенъ, но весьма бережливъ; что до французскаго народа, то всякій, кто его знаетъ сколько нибудь,

знаетъ также, что онъ въ высшей степени бережливъ и что называется скопидомъ. Еще Макіавели, человѣкъ высоко объективный и наблюдательный, сказалъ, что французъ болѣе скупъ на свои деньги, чѣмъ на свою кровь (plus avare de son argent que de son sang).

Поговоривъ обо всемъ этомъ, Прудонъ обращается къ исторіи Тьера, покоторой: „ошибки Наполеона настолько осязательны, настолько чудовищны, что невольно себя спрашиваешь, не былъ ли онъ скорѣе сумасшедшій, чѣмъ геній? Или же, что историкъ не все видѣлъ, не все понялъ".

„А то, чего не понялъ Тьеръ, это, то что Наполеонъ есть олицетвореніе самой мысли Франціи, брошенной революціей на путь завоеваній; мысли, поставившей себѣ цѣлью владычество надъ Европой и міромъ, верховенство силы и идеи; а при этомъ всякая неудача, всякое отступленіе становится безсмыслицей, отреченіемъ, униженіемъ".

Прекрасно; жаль одно, что Прудонъ вспомнилъ это только тогда, какъ пришла очередь раздѣлать Тьера, и забывалъ, когда говорилъ о Наполеонѣ. Если было такъ, какъ онъ говорилъ, то Наполеонъ не могъ поступать иначе, какъ поступалъ; человѣкъ рока, онъ, какъ всѣ ему подобные, надѣлалъ и великихъ дѣлъ, и великихъ ошибокъ, а затѣмъ погибъ, исполнивъ свое назначеніе. И заниматься тѣмъ, кого онъ обласкалъ сапогомъ, а съ кѣмъ былъ въ пріятныхъ отношеніяхъ, значитъ писать не реалистическую, и философическую, а просто лакейскую исторію. Слова нѣтъ, для характеристики личности годятся и мелкіе факты; но,

пользуясь ими, не нужно забывать исторической перспективы тому, кто хочетъ рисовать картину, а не каррикатуру.

А то, о чемъ себя спрашивалъ Прудонъ (былъ-ли Наполеонъ геній или сумашедшій), занимало и современниковъ. Уже давно: сказано „Il n'y a pas grand homme sans un grain de folie"?; человѣкъ, одержимый священнымъ безумiемъ, подвигающимъ его каждую минуту на рискъ все выиграть или все проиграть, конечно, не можетъ казаться нормальнымъ людямъ золотой середины. Пока ему удается, все падаетъ передъ нимъ ницъ, все пресмыкается, а какъ только неудача, всѣ наровятъ укусить за тѣ самыя ноги, у которыхъ они пресмыкались, благо близко... Что было бы съ Наполеономъ, если бы онъ погибъ—ну, хотя при Арколе, напримѣръ? Вышелъ бы не великій полководецъ, а авантюристъ, неспобный соображать цѣли, которыми задавался, со средствами, которыя имѣлъ въ распоряженіи.

И въ этомъ роковая судьба всѣхъ подобныхъ людей; имъ такъ часто удавалось казавшееся невозможнымъ, что они къ концу карьеры теряютъ даже способность допустить, будто существуетъ что-либо невозможное;обратная иллюзія: человѣкъ—дюжина обыкновенно преувеличиваетъ опасности и препятствія, а они совершенно перестаютъ съ ними считаться. Вырабатывается, слѣдовательно, рутинность своего рода, которая на этомъ не останавливается, а идетъ гораздо дальше: „занялъ столицу, война кончена"; нужды нѣтъ, что Мадридъ былъ занятъ, а война не кончена: что въ 1809 г. съ занятіемъ Вѣны война далеко не окончилась; „дой-

демъ до Москвы, тамъ все кончится"; нѣтъ не кончится, а только начнется...

Можно за это винить, упрекать? Конечно, нѣтъ; подобное занятіе—дѣло совершенно пустяковое, но объяснять подобныя явленія можно и должно. Давно уже замѣчено, что пронесшійся и исчезнувшій въ безднѣ прошлаго фактъ слѣдуетъ разбирать какъ математическую задачу; при этомъ кому же въ голову придетъ обвинять какой нибудь х. или у. въ томъ, напримѣръ, что они стоятъ съ минусомъ, а не съ плюсомъ? Конечно, не придетъ, если человѣкъ приступаетъ къ изслѣдованію не съ предвзятой идеей.

Прудонъ замѣчаетъ, что республиканскія добродѣтели держались только мгновеніе. Я полагаю, что онѣ и мгновенія не держались: всѣ разглагольствованія о цивизмѣ шли не изъ сердца, а изъ головы, какъ реминиссенція классической литературы; самая номенклатура властей была, какъ извѣстно, взята римская: консулы, трибуны... А когда доходило до дѣла, то всѣ эти республиканцы являлись тѣми же роялистами, только подеспотичнѣе. Сожалѣя объ этой мимолетности республиканскаго духа, Прудонъ возвращается къ любимой своей темѣ, что генералы не отличались монашескимъ поведеніемъ: „Гошъ—сладострастникъ, Пишегрю, Клеберъ, Дезе, Лефевръ—развратники. А при атакѣ Эберсберга оказалось насколько мало генералы Наполеона цѣнили жизнь солдата. Все было уже развращено. Возвращались къ обычаямъ прежняго дворянства". Мы не знаемъ на что особенное намекалъ Прудонъ своимъ Эберсбергомъ; но знаемъ, что кто желаетъ успѣха на войнѣ, тотъ не можетъ, не имѣетъ

права щадить людей, ибо неудача обойдется дороже успѣха, хотя бы даже и кровопролитнаго. Эта безпощадность есть, конечно, продуктъ революціи, а не предшествующаго режима; и только благодаря ей, французы одолѣвали противниковъ, которые не шли далѣе полумѣръ и которые выходили на войну, а жертвъ боялись. Прудону, не истреблявшему для достиженія своихъ цѣлей ничего, кромѣ перьевъ, чернилъ и бумаги, все это казалось ужаснымъ и жестокимъ, а что бы онъ сказалъ, если бы зналъ, что у французовъ однихъ офицеровъ выбыло изъ строя: подъ Эйлау—706, подъ Ваграмомъ—1,659, подъ Бородинымъ—2,200. Въ томъ числѣ подъ Бородинымъ: маршалъ—1, дивизіонныхъ—11, бригадныхъ—23?

Не дѣлаются эти дѣла на розовой водѣ; да и не могутъ дѣлаться; ибо на войнѣ цѣлью является не уменьшеніе потерь, а побѣда, не взирая на потери. А кто хочетъ цѣли, долженъ мириться со средствами.

Можетъ быть скажутъ, кому все это было нужно? Не знаю; но знаю то, что приходитъ минута, когда это должно сдѣлать, и тогда не въ силахъ человѣческихъ это отвратить.

Вчитываясь въ эту исторію и размышляя о ней, Прудонъ говоритъ, что онъ отдалъ, наконецъ, себѣ отчетъ въ характерѣ, роли, возвышеніи и паденіи Наполеона.

„Онъ не понялъ идеи своего вѣка (въ чемъ, по мнѣнію Прудона, эта идея заключается, онъ благоразумно умалчиваетъ); онъ только раздѣлялъ характеръ и страсти французовъ, ихъ достоинства и

недостатки. Этимъ онъ имъ нравился, ихъ плѣнилъ; этимъ возвысился и погибъ".

„Если-бы при каждомъ своемъ рѣшеніи онъ могъ совѣтоваться съ массами, то былъ бы ими постоянно поддержанъ".

Что Наполеонъ не понялъ идеи своего вѣка, какъ она представлялась Прудону, ничего удивительнаго нѣтъ: но что онъ, благодаря своей кровавой работѣ, мощно двинулъ европейскую жизнь впередъ,—это не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію. Онъ разбудилъ душу массъ тамъ, гдѣ она пребывала въ вѣковомъ усыпленіи, и заставилъ ее сильно проявиться тамъ, гдѣ она, хотя и не была подавлена, но и не особенно сильно себя проявляла; онъ положилъ начатки тому, что въ солдатѣ стали, наконецъ, подозрѣвать человѣка, онъ добился того, что самыя заскорузлыя нѣмецкія правительства стали входить въ сношенія съ патріотическими тайными обществами, которыя эти самыя правительства стали изо всѣхъ силъ душить, какъ только Наполеоновскій ураганъ пронесся; онъ добился того даже, что австрійскій эрцгерцогъ, передъ кампаніей 1809 года, обратился къ италіанцамъ съ такой зажигательной прокламаціей, что въ пору хоть конвенту. Думаемъ, что это результатъ, который стоилъ жертвы въ полтора милліона головъ, которую Наполеону ставятъ на счетъ. И до чего онъ великъ, не трудно судить и по той бѣшеной реакціи, какая началась послѣ его паденія вездѣ, не исключая и Франціи; и по тому трогательному единодушію, съ какимъ правительства стали душить тѣ самыя патріотическія общества, съ которыми такъ мило за-

игрывали, пока Наполеонъ не былъ поваленъ. Нѣтъ, Наполеонъ лилъ кровь не даромъ и, благодаря этому, сдѣлалъ немало! Реакція пришла и ушла. Брошенное зерно тщились придавить, но оно не пропало: и не прошло 30—40 лѣтъ, какъ проросло. И косвенно Прудонъ самъ это признаетъ, замѣчая далѣе, что „слѣдуетъ пожалѣть Францію и Наполеона, вступившихъ на этотъ путь, но должно почтить его характеръ за то, что онъ претерпѣлъ до конца („mais il faut honorer son caractère d'avoir persévéré“). Какъ! А гдѣ же дѣвалась его неспособность устоять на своемъ? Куда она дѣвалась? Невольно вспомнишь того пророка, который вышелъ проклясть, а вмѣсто того благословилъ.

„Да будетъ омраченъ позоромъ
Тотъ малодушный, кто въ сей день
Безумнымъ возмутитъ укоромъ
Его развѣнчанную тѣнь!
Хвала!... Онъ русскому народу
Высокій жребій указалъ.
И міру вѣчную свободу
Изъ мрака ссылки завѣщалъ“ [1]).

Но вдругъ, какъ бы опомнившись, Прудонъ, поговоривъ о разныхъ общихъ соображеніяхъ довольно туманнаго свойства, снова возвращается къ характеристикѣ Наполеона и находитъ, что „онъ обладалъ чрезвычайной быстротой прозрѣнія (intuition) и соображенія (conception), строгой логичностью, оригинальностью, силою взгляда, иногда слогомъ (!), при случаѣ софизмомъ, но имѣлъ мало широты; горизонтъ ограниченный; въ этихъ предѣлахъ дѣйствительное превосходство“. Нужно быть не

[1]) Пушкинъ. „На смерть Наполеона“.

только чисто умовымъ, но даже просто бумажнымъ человѣкомъ, чтобы ставить слогъ рядомъ съ перечисленными качествами. Затѣмъ, начинается уже извѣстный припѣвъ, что „Наполеонъ не былъ вовсе геній, если не допускать, что въ военномъ дѣлѣ можетъ быть (!) геній“, и проч. Отчего этого нельзя допускать, Прудонъ опять не поясняетъ, равно какъ и не даетъ своего опредѣленія геніальности.

Впрочемъ, нѣсколько ниже онъ дѣлаетъ оговорку, дающую возможность догадываться, что такое, по его мнѣнію, геній: „Великіе люди кажутся намъ великими только потому, что мы на нихъ смотримъ съ ихъ великой стороны, нужно ихъ измѣрять въ совокупности всѣхъ ихъ сторонъ и по этому судить о нихъ“. Съ этой точки никто не подойдетъ подъ мѣрку генія. Человѣчество смотритъ на это проще и разумнѣе, признавая геніемъ всякаго человѣка, сильнаго въ какой нибудь одной спеціальности, научной или практической.

Усиливаясь все болѣе и болѣе развѣнчать Наполеона, Прудонъ находитъ, что воюя быстро, одерживая побѣды плохого (!) разбора, накопляя завоеванія на завоеванія, не переваривая ни одного, онъ долженъ былъ придти къ катастрофѣ“ Можетъ его побѣды и были плохого разбора, но подвертывавшимся подъ нихъ приходилось также солоно, какъ будто онѣ были самаго лучшаго разбора. Но почему же побѣды его были плохого разбора? А потому, видите ли, что онѣ были одерживаемы, благодаря обаянію, а не дѣйствительной силѣ! Однимъ словомъ, то, что составляетъ ихъ величіе въ глазахъ людей, понимающихъ дѣло, въ глазахъ Прудона

обнаруживаетъ ихъ ничтожество. Непониманіе ли это дѣла, или намѣренное извращеніе его съ цѣлью привести разсужденіе къ желаемой цѣли, предоставляемъ судить читателю. Для Прудона побѣда хорошаго сорта будетъ только тогда, когда ее одержитъ сильнѣйшій числомъ. Нравственная сила для него въ этихъ дѣлахъ, повидимому, не существуетъ.

„Его (т. е. Наполеона) десятилѣтняя имперія была не болѣе какъ десятилѣтнее шарлатанство, не имѣвшее устойчивости ни одной минуты". Можно, конечно, смотрѣть и такъ. Можетъ быть, это даже и остроумно, но къ пониманію смысла событій ничего не прибавляетъ. Съ равнымъ основаніемъ можно, пожалуй, считать и все римское, напримѣръ, владычество, тоже шарлатанствомъ (только болѣе продолжительнымъ), такъ какъ оно тоже кончилось. А что до владычества Александра Македонскаго или Цезаря, то это уже выходитъ совсѣмъ шарлатанство, даже кратковременнѣе Наполеоновскаго.

Питтъ могъ понимать, конечно, что все это призрачно, но, вѣдь, представителямъ установившагося режима все новое кажется призрачнымъ, а Веллингтонъ, не во гнѣвъ будь сказано Прудону, ничего бы не доказалъ, кромѣ своей несостоятельности, не будь 12-го года. Съ нимъ, навѣрное, случилось бы тоже, что передъ тѣмъ случилось съ другимъ англичаниномъ Мооромъ, когда Наполеонъ самъ былъ во главѣ арміи въ Испаніи. Случилось бы даже и подъ Ватерлоо, не подоспѣй на помощь пруссаки. Вѣдь извѣстно, что къ минутѣ появленія ихъ на

полѣ сраженія зады героя Веллингтона были уже въ полномъ отступленіи.

Да, имперія Наполеона была не долговѣчна; но то, что Наполеонъ пронесъ съ собой по Европѣ, осталось; и Прудону, какъ человѣку идейному, не слѣдовало бы этого забывать.

Конечно, поклоненіе Тьера чрезмѣрно и создавать себѣ кумировъ не годится; но отъ этой чрезмѣрности перейти къ прямо противоположной и утверждать, что Наполеонъ велъ войну, какъ кровожадный звѣрь, болѣе чѣмъ странно.

Вѣрно и то, что человѣкъ не выдерживаетъ богатства, власти, могущества и славы, что онъ неминуемо въ такомъ положеніи развращается; но вѣдь и самъ Прудонъ заключаетъ, что это случается со всякимъ, слѣдовательно, не можетъ быть относимо особенно къ Наполеону.

7.

Къ замѣчанію Прудона (что власть, слава и проч. портятъ человѣка) редакторъ его замѣтокъ дѣлаетъ слѣдующее примѣчаніе: „Общества живутъ принципами религіозными или философскими“, пишетъ Прудонъ. „У этой націи нѣтъ принциповъ“, говоритъ о французахъ Веллингтонъ въ 15-мъ году. Мы теперь это замѣчаемъ. Съ какимъ преувеличеннымъ ужасомъ повторилъ бы Ройе Колларъ о нашей эпохѣ: „Общество разложилось въ прахъ! Остаются только воспоминанія, сожалѣнія, утопіи, безумія, отчаянія“.

Все это такъ; но и все это естественно и закрѣплено великимъ евангельскимъ словомъ: „зерно,

пока не забродитъ, не прорастетъ; а не прорастетъ, не принесетъ плода". Слѣдовательно, нужно не отчаяваться, а работать. Ничто новое не нарождается и не растетъ иначе, какъ путемъ броженія, знаменуемаго тѣмъ, что старые идеалы ушли, а новые не обозначились. Христіанство водворилось только черезъ 300 слишкомъ лѣтъ послѣ первой проповѣди, но водворилось какъ? Императоръ Константинъ, провозгласившій его господствующей религіей строилъ храмы христіанскіе и поддерживалъ въ то же время языческіе; а между христіанами были такіе, которые промышляли фабрикаціей языческихъ идоловъ и продажей ихъ. И до какой степени жизнь въ то время не сложилась по новому религіозному принципу, доказательствомъ служитъ Юліанъ императоръ (человѣкъ высоконравственный), сдѣлавшій попытку возвратиться къ язычеству черезъ 35 лѣтъ послѣ Константина. Наконецъ, эпоха Возрожденія поворотила въ язычество по духу все, что только было читающаго и мыслящаго въ XVI столѣтіи, т. е. черезъ 1,600 лѣтъ...

Нація не имѣетъ принциповъ! А какіе принципы имѣлъ Веллингтонъ, кромѣ тѣхъ, за которые ему англійская чернь выбила окна, не помню въ которомъ году? Когда кромѣ принциповъ рубля и тупого, неразумнаго консерватизма, за душой ничего нѣтъ, лучше не обвинять въ остутствіи принциповъ тѣхъ, которые тяготѣютъ къ идеалу высшей правды. Ибо отсутствіе временное, переходное, твердыхъ идеаловъ, какъ уже сказано, неминуемо и естественно въ тѣ эпохи, когда старые

боги уходятъ, а новые хотя и видны, но очень вдали и потому въ очень неопредѣленныхъ очертаніяхъ.

Занявшись Веллингтономъ, мы пропустили ересь Прудона противъ психологіи массъ [1]): онъ возражаетъ, будто общества живутъ принципами религіозными и философскими: религіозными — да; философскими — никогда. Человѣкъ живетъ только тѣмъ, во что вѣруетъ, а въ философію вѣрить нельзя; гдѣ только замѣшивается умовая аргументація, тамъ вѣры нѣтъ. Притомъ же философія никогда не была и никогда не будетъ доступна массамъ; она была и останется принадлежностью крайне ограниченнаго интеллигентнаго меньшинства, тѣмъ менѣе способнаго къ жизненной работѣ, чѣмъ оно болѣе вознеслось въ философской спекуляціи.

Затѣмъ Прудонъ снова возвращается къ уже извѣстнымъ обвиненіямъ противъ Наполеона: то же „вѣроломство неслыханное, низкое въ дипломатіи“ [2]), то же „безпримѣрное шарлатанство, когда не нахальство. Въ концѣ концовъ, человѣкъ ненавистный, характеръ жалкій“ и т. д. Мы на этихъ выходкахъ не остановимся; отмѣтимъ только упрекъ за то, что, принужденный оставить Испанію, дабы начать кампанію 1809 года противъ Австріи, онъ за Испанскій походъ предаетъ суду Дюпона, порицаетъ Массену, Сульта, Журдана, Нея и арестуетъ своего брата Іосифа. Да развѣ онъ въ этомъ

---

[1]) См. выше: общества живутъ принципами религіозными и философскими.

[2]) Какъ будто въ дипломатіи это было уже такъ неслыханно!

былъ неправъ? Развѣ Дюпонъ не заключилъ постыдной капитуляціи? Развѣ маршалы не занимались менѣе непріятелемъ, нежели своими мелочными соперничествами? Развѣнчивай, но знай же мѣру. Соперничество маршаловъ фактъ извѣстный и не въ силахъ Наполеона было его остановить, ибо оно въ натурѣ вещей. Война вызываетъ проявленіе не однихъ высочайшихъ свойствъ человѣческихъ, но и самыхъ низкихъ; тутъ самоотверженіе съ одной стороны; зависть, жадность, ненависть съ другой. То, что произошло по смерти Александра Македонскаго между его „маршалами“, фактъ общеизвѣстный; и это послѣ полководца, который вмѣстѣ съ тѣмъ былъ и наслѣдственнымъ монархомъ. При Наполеонѣ было совсѣмъ не то: артиллерійскій поручикъ, попавшій въ императоры, долженъ былъ разбудить понятные аппетиты: „если онъ, почему бы и не мнѣ?“ И эти аппетиты заговорили тѣмъ сильнѣе, что онъ, будучи человѣкомъ родового [1]) типа, самъ сдѣлалъ ошибку, начавъ слишкомъ усердно раздавать короны своимъ родичамъ. „Если какой-нибудь Мюратъ попалъ въ короли, то чѣмъ хуже Бернадотъ, я, Сультъ“ и т. д.?

Понятно, что для однихъ это была слишкомъ жадная приманка; для другихъ слишкомъ опасный прецедентъ, который нужно было истребить во

[1]) Подъ „родовымъ“ типомъ я разумѣю ту стадію соціальнаго развитія когда человѣкъ признаетъ за людей только своихъ; остальные—существа низшей породы, которыхъ можно надувать, эксплоатировать, грабить, истреблять. Что Наполеонъ былъ таковъ, доказываетъ его постоянная слабость передъ братьями и сестрами, забота объ устройствѣ которыхъ не оставляла его до конца, не взирая на то, что они были мало этого достойны.

чтобы то ни стало. Къ этому, на бѣду для Наполеона, присоединилась еще континентальная система, т. е. угроза купцу. Съ подрывомъ принципа еще можетъ быть примирились бы: но рубль своихъ обидъ никому и никогда не прощаетъ до послѣдняго издыханія: обидчика нужно истребить, или самому погибнуть. Карѳагенъ и Римъ. Но обратимся къ Прудону.

Его стремленіе принизить Наполеона проявляется даже и тамъ, гдѣ нельзя не признать его заслуги. „Допустимъ, говоритъ Прудонъ, при консульствѣ возстановленіе кредита, финансовую организацію, внутреннее умиротвореніе, общее возрожденіе—все сдѣланное мнѣніемъ, сдѣланное самой Франціей и для чего нуженъ былъ только часовой, который бы это охранялъ; но остальное, исходившее изъ личной политики Бонапарта, было радикально дурно".

Слава Богу, что хотя часовой сослужилъ службу: и за то спасибо.

Если это сдѣлала сама Франція, то что же мѣшало ей сдѣлать раньше, при Директоріи, напримѣръ? Отчего же, какъ только Бонапартъ отправился въ Египетъ, дѣла пошли сразу хуже? На эти вопросы нѣтъ отвѣтовъ, да и не могло быть, ибо такіе отвѣты дали бы не то, чего хочется Прудону.

Но перлъ, которому во всѣхъ замѣчаніяхъ Прудона нѣтъ равнаго, представляетъ новое объясненіе военнаго таланта Наполеона.

Талантъ Наполеона составляла исключительно единственная мысль, противная истиннымъ

законамъ войны, попадать въ середину расположенія силъ непріятельскихъ, разбросанныхъ по частямъ, чтобы ихъ послѣдовательно истреблять". Почему и какимъ законамъ войны это противорѣчитъ, Прудонъ не объясняетъ. Мы же изъ уваженія къ читателямъ опровергать этой безсмыслицы не будемъ, а ограничимся только указаніемъ на то, что Прудонъ, очевидно, не понимаетъ, что тутъ дѣло и геніальность вовсе не въ идеѣ, которая послѣднему дураку понятна, а въ умѣньѣ разгадать положеніе противника, понять куда нужно помѣститься, уловить минуту, когда помѣститься, затѣмъ, помѣстившись, на этомъ не успокаиваться, а имѣть рѣшимость немедленно наносить удары, да еще со строгой оцѣнкой того, въ какой послѣдовательности ихъ наносить. Это такая и умовая, и волевая работа, которой Прудонъ не могъ оцѣнить и видѣть, не имѣя, очевидно, понятія о военномъ дѣлѣ, да вдобавокъ ослѣпленный своими предвзятыми понятіями и страстнымъ желаніемъ доказать мнѣніе Барера, что Наполеонъ „ne valait rien".

Не говоря уже о томъ, что Наполеонъ не всегда дѣйствовалъ по однѣмъ внутреннимъ линіямъ, а и на флангѣ (Іена, Ауэрштедтъ), и въ лобъ; иногда даже устраивался такъ, что самъ непріятель подставлялъ ему флангъ (Аустерлицъ).

Когда читаешь подобныя измышленія, подобные приговоры, невольно напрашивается подъ перо выраженіе Наполеона: „Одежда гиганта не впору пигмею"...

8.

Опредѣливъ такъ правильно и безпристрастно геній Наполеона, Прудонъ обращается къ 1814 г.: „Союзники вступили во Францію въ нѣсколькихъ пунктахъ, ихъ массы были раздроблены, Наполеонъ у себя дома; совершенно понятно, что съ ядромъ въ 25,000 человѣкъ, которое притомъ, несмотря на потери, все росло до послѣдней минуты, онъ могъ наладить страшную бойню въ этихъ массахъ, изъ коихъ ни одна не была въ силахъ ему сопротивляться. Мнѣ непостижимо, какъ историкъ могъ усмотрѣть въ этомъ хотя малѣйшій геній".

„Правда, чтобы произвести эти послѣдовательные разгромы Наполеонъ искусно расчитываетъ разстоянія и распредѣленіе времени; онъ быстро передвигается, тоже правда; потомъ онъ знаетъ превосходно употребленіе разныхъ родовъ оружія и какъ атаковать, во всякомъ данномъ случаѣ, позицію, армію, городъ. Но все это тѣмъ не менѣе остается также бѣдно изобрѣтеніемъ, какъ и монотонно; это война дикаго звѣря, разбойника, но не человѣка (!)".

„Безспорно, что союзники долго не могли понять эту тактику истребленія; ее еще не вполнѣ понимаютъ даже и теперь (!). И потому потери, ими понесенныя, были весьма значительны; онѣ гораздо меньше (?), когда армія сходится фронтомъ къ фронту, и тамъ гдѣ сила дѣйствуетъ одна, въ условіяхъ наименьшаго неравенства. И Веллингтонъ стяжалъ вѣчную славу, побѣдивъ Наполеона равными силами, въ правильномъ сраженіи".

Тутъ что ни слово, то странность, выражаясь мягко. Бить съ меньшими силами большія, по на-

шему геніально; по Прудону — непостижимо, что въ этомъ можно находить геніальнаго. Умѣть разсчитывать разстоянія, время; умножаться быстротою (se multiplier par la vitesse—выраженіе Наполеона), превосходно употреблять всѣ роды оружія въ многоразличныхъ случаяхъ по нашему опять геніально; по Прудону это бѣдно изобрѣтеніемъ, монотонно: это война дикаго звѣря, разбойника, но не человѣка! Очевидно, Прудонъ не понимаетъ того, о чемъ говоритъ; но какъ мужикъ, т. е. человѣкъ цѣльный и вообразившій, что знаетъ все, узнавъ кое-что, онъ безстрашно [1]) высказываетъ свое мнѣніе, составленное по идеалу о войнѣ, заимствованному, очевидно, изъ временъ весьма давно прошедшихъ. Да вдобавокъ воображаетъ, что только та война и талантлива, которая разнообразна и не монотонна. Тутъ кромѣ мужика, обнаруживается и бумажный человѣкъ; онъ воображаетъ, что въ жизненныхъ явленіяхъ разнообразіе возможно также какъ въ литературѣ: сегодня написалъ Manuel du spéculateur á la Bourse; завтра—Système des Contradictions économiques; послѣ завтра—La guerre et la paix; потомъ—De la justice dans la révolution et dans l'Eglise. Въ жизни такъ не дѣлается. Въ жизни, кто день въ день дѣлаетъ одну и ту же штуку, но дѣльную, но въ совершенствѣ, тотъ и талантъ, а иногда и геній. Всѣ бумажные люди напоминаютъ англичанина, который, говорятъ, застрѣлился, отъ того, что каждый день разъ въ разъ долженъ былъ

[1]) Тѣмъ болѣе безстрашно, что это интимныя замѣтки, которыя если бы и увидѣли свѣтъ при Прудонѣ, то вѣроятно, въ переработанномъ видѣ.

вставать, умываться, завтракать и проч. Всѣ практическія дѣла отличаются именно этимъ однообразіемъ, этою монотонностью, уподобляясь всѣмъ жизненнымъ функціямъ индивидуума, которыя вѣдь тоже никогда не разнообразятся. Даже и въ умовой области есть сфера, характеризуемая этой бѣдностью изобрѣтенія, этой монотонностью—сфера законовъ математическихъ: вѣдь дважды два всегда будетъ четыре; и плюсъ на минусъ всегда дастъ минусъ. Дѣло вѣдь опять же вовсе не въ томъ, что Наполеонъ постоянно дѣлалъ одно и то же, т. е. билъ; но въ томъ, какъ онъ себя ставилъ въ положеніе для того, чтобы бить; и рѣшался на это идти, не зная впередъ, онъ ли побьетъ или его побьютъ; и въ этой области обнаруживалъ безконечное разнообразіе и неистощимость чисто геніальныя. Но эта сторона, конечно, останется невѣдомой областью для Прудона, не видѣвшаго ни одного боевого дѣла и судившаго о немъ по однѣмъ словеснымъ схемамъ, полученнымъ изъ книгъ и разговоровъ. Это то же самое, что говорилъ одинъ изъ нашихъ талантливыхъ соотечественниковъ: „развѣ геній тотъ человѣкъ, который скажетъ идти налѣво, другому направо?" Дѣло вѣдь не въ этомъ, а въ томъ, чтобы рѣшиться это сказать, основываясь иногда на самыхъ сомнительныхъ указаніяхъ, рискуя ошибиться, рискуя своей репутаціей, а иногда и кое-чѣмъ побольше. Однимъ словомъ, опять тотъ же волевой процессъ, который передъ фактомъ играетъ громадную роль, а въ совершившемся фактѣ исчезаетъ; умовые же изслѣдователи только вѣдь и судятъ по совершившемуся факту,

или что то же—по трупу, изъ котораго уже отлетѣла жизнь. Какъ часто случается слышать: „какой же это подвигъ? Противъ него были меньшія силы“;—да, меньшія: но въ эту минуту, когда надо было принимать рѣшеніе, это вѣдь не было извѣстно, а изслѣдователю бумажному, изслѣдователю post factum, это извѣстно. Эту то разницу онъ забываетъ, а въ ней именно и лежитъ все.

Но у Прудона дѣйствуетъ не одна эта тупость пониманія, происходящая отъ того, что упущена одна, и главнѣйшая (волевая), сторона во всякомъ живомъ дѣлѣ; къ этому присоединяется еще и стремленіе унизить Наполеона и возвысить Веллингтона: послѣднее не знаю уже подъ чьимъ вліяніемъ.

И вотъ оказывается, что Веллингтонъ стяжалъ себѣ неувядаемую славу, разбивъ (?) Наполеона съ равными силами! Не прочитавъ этихъ замѣчаній, я и не подозрѣвалъ, чтобы Прудонъ могъ имѣть такое пустое, то бишь легкое, слово. Мы уже сказали выше, во что бы обратилась эта мнимая побѣда безъ Блюхера; что же до неувядаемой славы, то даже и теперь, всего 80 лѣтъ спустя, кто знаетъ Веллингтона, и кто не знаетъ Наполеона? Да если и знаютъ теперь Веллингтона, то развѣ не потому только, что онъ сподобился чести столкнуться съ Наполеономъ! Достойно смѣха, братія...

Мы сказали, что Прудонъ взялся говорить о дѣлѣ, котораго, очевидно, не понимаетъ; не знаю, удалось ли это показать, но вотъ еще образчикъ такого непониманія: съ невозмутимою увѣренностью, совершенно серьезно, онъ думаетъ и говоритъ, что во фронтальномъ бою потери будутъ меньше, чѣмъ

въ другихъ положеніяхъ; — всѣ военные знаютъ отлично, что это какъ разъ наоборотъ.

9.

Дальнѣйшія разсужденія о томъ, будто Наполеонъ былъ болѣе фабрикантъ плановъ (faiseur de plans), нежели человѣкъ дѣйствія, тоже ошибочны; разъ онъ велъ всѣ свои кампаніи, когда только могъ, самъ, какого еще дѣйствія нужно? Подобныя разсужденія со стороны Прудона тѣмъ болѣе странны, что у него была единица сравненія: это Карно. Онъ оказалъ родинѣ великія услуги, оцѣненныя прозвищемъ „organisateur de la victoire“, онъ былъ дѣйствительно весьма силенъ въ области сочиненія плановъ и вообще въ военно-бюрократической работѣ; но человѣкомъ дѣйствія не былъ. Съ точки зрѣнія Прудона, нельзя назвать людьми дѣйствія не только Наполеона, но маршаловъ и начальство пониже, такъ какъ они тоже только распоряжаются, а не стрѣляютъ, не рубятъ и не колятъ лично.

Интересно, что именно тѣ маршалы, которые боялись самостоятельныхъ командованій, именно они и есть сильные люди по Прудону; „ихъ много: люди, способные къ обширнымъ комбинаціямъ, встрѣчаются рѣже; но въ нихъ воина меньше, нежели въ первыхъ; и они собственно слуги первыхъ, а не начальники: но по превосходству идеи надъ силой командуютъ они“, т. е., значитъ, изъ слугъ обращаются въ господъ! Мы не говоримъ о явныхъ противорѣчіяхъ въ этихъ разсужденіяхъ, очевидныхъ для простого здраваго смысла; но обращаемъ вниманіе только на ничтожную мелочь, не-

замѣченную Прудономъ, что подобные „фабриканты плановъ“, какъ Наполеонъ, начинаютъ вѣдь со скромныхъ ролей; и если выдвигаются потомъ изъ ряда „сильныхъ“, то, вѣроятно, потому, что явили себя сильнѣе „сильныхъ“.

Увлекаясь своей фантазіей далѣе, Прудонъ доходитъ до того даже, что „Наполеонъ не человѣкъ удара (choc), борьбы личной, грудь съ грудью, не герой сильный и мужественный, заражающій своей храбростью и увлекающій по своимъ стопамъ всю армію“. Наполеонъ не человѣкъ удара! Уже и не знаешь, какого еще удара нужно Прудону. Наполеонъ—не герой, заражающій своей храбростью армію! Прудонъ, вѣроятно, не знаетъ того, что войска, самыя испытанныя, маршалы самые выдающіеся, въ отсутствіе Наполеона дрались совсѣмъ не такъ, какъ когда онъ былъ на лицо [1]). Выходитъ, слѣдовательно, что и „сильные“ почерпали свою силу въ этомъ слабенькомъ „faiseur de plans“, въ которомъ, по Прудону, было менѣе воина, нежели въ нихъ.

И всѣ эти несообразности объясняются все тѣмъ же, т. е.—съ одной стороны желаніемъ раздѣлать Наполеона, съ другой—представленіями о боѣ современными римской эпохѣ, когда дѣйствительно случалось, что сами Цезари бросались въ сѣчу и даже иногда погибали [2]).

Дальнѣйшая критика операцій 1800 года просто жалка. Наполеонъ не зналъ о существованіи форта

[1]) Удино, Макдональдъ и даже Ней показали въ 13-мъ году чѣмъ они были безъ него.

[2]) Юліанъ противъ персовъ въ 363 году.

Бардъ, не пошелъ на выручку Массены, остался на шесть дней въ Миланѣ, ничего не дѣлая, занятый раскидываніемъ паутины австрійской арміи Меласа (слѣдовательно и „ничего не дѣлалъ“ и „былъ занятъ“ въ одно и то же время). „Безъ Дезе эта паутина была бы прорвана“; но вѣдь Дезе не съ неба свалился, а входилъ въ систему этой паутины; и если поспѣлъ на выручку къ Бонапарту, то потому, что былъ поставленъ этимъ послѣднимъ въ разстояніи возможности поспѣть. Что же до невыручки Массены, то этотъ вздоръ, пущенный впервые въ ходъ, кажется, Ланфре, не имѣетъ никакого смысла: вѣдь, чтобы идти на Геную, Бонапарту пришлось бы подставить свой флангъ, а потомъ и тылъ австрійской арміи, занимавшей Александрію.

Поговоривъ о проектѣ десанта въ Англію, о неудовлетворительности Наполеона въ 12-мъ и 13-мъ годахъ, Прудонъ даетъ, наконецъ, опредѣленіе генія.

„Геніемъ дѣлаетъ способность выявить (dégager) великую мысль и доказать, вывести изъ нея многочисленныя и плодотворныя послѣдствія. Самый лучшій примѣръ этого—открытіе всемірнаго тяготѣнія. Анализъ Декарта, дифференціальное исчисленіе Лейбница, алгебра Вольте (?), логарифмы Непера, Вольтовъ столбъ, обращеніе крови Гарвея и проч.“.

„Въ искусствахъ интимное соединеніе прекраснаго и истиннаго, вымысла и натуры на новыхъ данныхъ“.

„И всегда и вездѣ достиженіе полезной или нравственной цѣли. Усовершенствованіе души“.

„Въ войнѣ нѣтъ ни полезной, ни моральной стороны, собственно ей принадлежащей".

Ничто не выявляетъ лучше ошибки разсужденія, какъ опредѣленія. Изъ всего только что приведеннаго становится ясно какъ день, что Прудонъ, умовой человѣкъ, только и понималъ умовую геніальность; геніальность волевая, практическая, т. е. именно та, которая творитъ жизнь, геніальность религіозная, административная, наконецъ боевая, для него не существуетъ. Онъ ее не понимаетъ и потому отрицаетъ ее, что и лежитъ въ свойствахъ ума[1]).

Война дисциплинируетъ націю: нѣтъ, въ ней полезности никакой нѣтъ; война вызываетъ величайшую доблесть души человѣческой, доблесть самоотверженія даже до смерти; нѣтъ, въ ней и нравственнаго ничего нѣтъ. Все это по Прудону, разумѣется.

„Военный геній есть геній отрицательный—геній разрушенія". Во-первыхъ, если даже и отрицательный, то все же геній, а во-вторыхъ, и это вздоръ, ибо цѣной разрушенія достигается созиданіе новаго порядка вещей, т. е. получается даже не нѣчто, а, напротивъ, весьма большое положительное, притомъ такое, котораго иначе, какъ войной, достигнуть нельзя. Нельзя не пожалѣть о невозможности получить отъ самого Прудона отвѣтъ хотя бы на такіе вопросы: пожелалъ ли бы онъ возвратиться къ дореволюціонному порядку? И могъ ли бы новый порядокъ возникнуть и утвердиться безъ кровавой борьбы? Человѣкъ легко забываетъ

[1]) Чего умъ не понимаетъ, то отрицаетъ: это его свойство.

прошлое скверное; такъ же легко, какъ расположенъ находить и преувеличивать скверное въ настоящемъ. Не говоря ни о чемъ прочемъ, такъ ли бы Прудонъ платился за многія изъ своихъ сочиненій тогда, какъ платился теперь? И если онъ отдѣлывался только тюрьмой отъ племянничка, то, конечно, благодаря ничему иному, какъ работѣ дядюшки.

10.

Переходя отъ личнаго вопроса къ военному дѣлу, Прудонъ открываетъ, что „съ Ѳермопилъ оно не сдѣлало никакого успѣха. Оно измѣнилось съ тѣхъ поръ только въ зависимости отъ измѣненія оружія; нельзя сражаться съ пушкой и ружьемъ, какъ сражались съ дротикомъ, лукомъ, щитомъ. Кромѣ этого никакого изобрѣтенія, никакого открытія. Армія, баталіонъ—орудія силы, ничего больше, ничего меньше. Боевой порядокъ—прямой, облическій, охватывающій и пр. извѣстны и постоянны также, какъ и манера обработывать дерево топоромъ, пилой или рубанкомъ“. Мы къ этому прибавимъ еще отъ себя, что и самая дѣятельность удручающе монотонна; вѣдь все дѣло приводится къ тому, что или ты бьешь, или тебя бьютъ: чего однообразнѣе? „Быть сильнѣе противника на данномъ пунктѣ—въ этомъ все“, прибавляетъ Прудонъ.

Что военное дѣло не прогрессируетъ, это понятно и иначе быть не можетъ; вѣдь человѣкъ съ незапамятныхъ временъ остается тѣмъ же и физически, и нравственно, и воюетъ все на той же землѣ; вѣдь и оружіе составляетъ не болѣе какъ усовер-

шенствованіе способности человѣческой руки или бросать, или непосредственно бить; слѣдовательно, и тутъ, кромѣ метательнаго, или холоднаго оружія, ничто третье, т. е. новое, немыслимо; слѣдовательно, какія же и въ чемъ тутъ можно сдѣлать изобрѣтенія и открытія? Если въ произведеніи главные факторы не мѣняются, то оно, конечно, будетъ постоянно, кромѣ, конечно, несущественныхъ варіантовъ.

Недавно мы замѣтили по другому поводу, что люди умового типа вообще пренебрежительно расположены относиться къ тому, что не прогрессируетъ, т. е. не мѣняется; въ своей односторонности не понимаютъ они того, что въ жизни первую роль играетъ устойчивость; что въ ней прогрессъ допустимъ въ извѣстныхъ весьма ограниченныхъ предѣлахъ (какъ, напримѣръ, ростъ человѣка); но что элементарныя жизненныя функціи не мѣнялись отъ вѣка. Даже должно замѣтить, что явленіе тѣмъ постояннѣе, чѣмъ болѣе имѣетъ значеніе мірового: вращеніе земли около своей оси и около солнца; что можетъ быть однообразнѣе?

Но если отъ элементовъ воинскаго организма обратимся къ его употребленію въ дѣло, то сразу открывается безконечное разнообразіе положеній, благодаря случайностямъ времени, мѣста, положенія, физическаго состоянія и духовнаго настроенія противниковъ; и требуется отъ руководителя не только твердая воля, но и большая творческая дѣятельность, равносильная тѣмъ же открытіямъ, и у мастеровъ дѣла, великимъ открытіямъ. Прудонъ—человѣкъ схемы, человѣкъ умовой, конечно не

могъ понять разнообразія этой работы въ пространствѣ и времени, ибо судитъ внѣ пространства и времени.

Быть сильнѣе противника въ данномъ пунктѣ: эка важность! Да это всякій дуракъ поймет. Понять то поймет, да сдѣлаетъ ли? Попробуйте этого добиться, да притомъ въ должномъ пунктѣ, да преодолѣвая сопротивленія времени, мѣста, противника, а иногда и собственныхъ подручныхъ, тогда и поймете, что кажущееся такимъ простымъ и даже глупымъ въ пониманіи, въ умовой области, является безконечно труднымъ въ исполненіи, въ волевой области.

„Стоитъ прочесть кампаніи Наполеона, продолжаетъ Прудонъ, это всегда одно и то же. Не понимаешь, какъ этому человѣку, если у него былъ геній, не надоѣдало [1]) возобновлять все ту же работу. Линіи По, Тичино, Адижа; линіи Эльбы или Одера; Дрезденъ или Верона; черезъ рѣки переправляться, арміи отрѣзывать, части ихъ громить или забирать; превзойти непріятеля быстротою, ввести его въ заблужденіе демонстраціями, захватить его сообщенія, его магазины, истомить, извести, затѣмъ задавить и проч.; ноги и еще ноги, и всегда ноги". Ужасно однообразно, не правда ли!? Жаль одно: что нельзя найти двухъ рѣкъ, сходныхъ по свойствамъ, или двухъ городовъ; а объ отношеніи силъ противниковъ, силъ моральныхъ и физическихъ, и говорить нечего. А касательно ногъ, то Наполеонъ дѣйствительно понималъ въ совершенствѣ, что

[1]) Какъ Прудону не надоѣдало дѣлать все одно и тоже: писать и писать?

война въ ногахъ [1]) и что для сбереженія головъ нужно не щадить ногъ. Но чтобы ихъ не щадить съ толкомъ, нужно знать куда идешь и зачѣмъ идешь.

Прудонъ продолжаетъ и дальше въ томъ же родѣ, иногда повторяясь, а иногда и противорѣча себѣ; находитъ между прочимъ, что во всемъ имъ перечисленномъ нѣтъ поэзіи войны. Время думать о поэзіи, когда рѣчь идетъ о судьбѣ народа, а поэзія придетъ потомъ и притомъ настоящая, не умовая, а вдохновенная [2]), не купленная, а безкорыстная. И какія имена! У насъ Пушкинъ, Лермонтовъ, у англичанъ—Байронъ и т. д. Думаю, что нѣтъ націи въ Европѣ со сколько нибудь сложившейся литературой, поэты которой не внесли бы своего вклада по адресу этой великой трагичной фигуры...

11.

Далѣе повтореніе все того же, которое заканчивается пожеланіемъ перемѣны въ духѣ изученія исторіи.

„Въ ней слишкомъ долго видѣли продуктъ нѣсколькихъ индивидуальныхъ воль. Нужно представлять исторію, революцію, политику и войны въ ихъ соціальныхъ причинахъ.

„Показать, что деспотизмъ заключается въ массѣ, а не въ индивидуумѣ; объяснить страсти и

---

[1]) Выраженіе маршала саксонскаго. Прудонъ говоритъ не ноги, а sabots (деревянная обувь и копыто тожъ) для образности выраженія; но подъ этимъ словомъ, очевидно, разумѣетъ ноги.

[2]) Всякій дѣйствительный поэтъ по натурѣ синтетикъ, т. е. способенъ отзываться на всѣ стороны явленія.

идеи послѣдняго токами, проникающими и волнующими первую; такимъ образомъ, мы получимъ подлинную мѣру индивидуума, великаго человѣка или посредственность, и вліянія массы.

„Этимъ путемъ не принижаютъ генія и не превозносятъ массу; не огаживаютъ никого.“

Со всѣмъ этимъ нельзя не согласиться, равно какъ и съ тѣмъ, что эта исторія будетъ только для интеллигентовъ, а не для массы; что все сказанное Прудономъ о Наполеонѣ не подходитъ къ идеалу такого правомѣрнаго разбора отношеній между индивидуумами и массами; что разъ ставъ на эту точку, придется признать невиновность историческихъ индивидуумовъ, которые являются не болѣе какъ творящими волю пославшаго, т. е. массъ. И за всѣмъ тѣмъ все же останется вѣрнымъ замѣченное еще древними отношеніе: лучше армія барановъ, предводимая львомъ, чѣмъ армія львовъ, предводимая бараномъ — отношеніе вѣрное въ примѣненіи не къ одной армейской, но и вообще ко всякой массовой, слѣдовательно, и народной жизни.

12.

Послѣдняя часть статьи Прудона посвящена превознесенію Веллингтона, какъ великаго гражданина и какъ великаго полководца, и въ параллель, развѣнчиванію Наполеона. Къ сожалѣнію, онъ по своему обычаю перехватываетъ черезъ край въ поклоненіи, какъ въ и развѣнчиваніи.

„Можно по истинѣ сказать, разсуждаетъ онъ, дѣлая историческую сводку военной карьеры Веллингтона, что въ Испаніи и Португаліи отъ 1808

до 1813, во Франціи и Бельгіи, въ 1814 и 1815, Веллингтонъ былъ истиннымъ виновникомъ паденія первой имперіи. Въ немъ сосредоточилось все (!) усиліе Европы; отъ него первые удары, ободренія, примѣры, идеи; безъ него ни Австрія въ 1809, ни особенно Россія въ 1812, не поднялись бы; безъ него кампанія 1813 года разыгралась бы иначе", и т. д. Можно доказывать, но нужно же знать и мѣру. Какимъ образомъ Веллингтонъ, занятый въ Португаліи, могъ поднять Австрію, а затѣмъ и насъ, остается тайной, которую Прудонъ оставляетъ для себя. Или можетъ быть Веллингтонъ пользовался довѣріемъ Наполеона и подстрекнулъ его хитроумными совѣтами, не покончивъ съ Испаніей, идти на Россію?! И Прудонъ мечтаетъ еще о реалистической и философской исторіи...

Достойно вниманія, что не далѣе какъ нѣсколько строкъ, онъ указываетъ на того, кто первый подвинулъ англичанъ на безпощадную борьбу съ Наполеономъ и указалъ, съ какого конца ее слѣдуетъ начать: это былъ Питтъ.

„Однажды во время обѣда, на которомъ присутствовалъ и Веллингтонъ, Питтъ получилъ извѣстіе о капитуляціи Макка въ Ульмѣ и о наступленіи императора на Вѣну. Кто то воскликнулъ: „Все погибло, нѣтъ больше средствъ противъ Наполеона".

„Вы ошибаетесь, сказалъ Питтъ, есть еще надежда, если мнѣ удастся возбудить въ Европѣ національную войну, которая начнется въ Испаніи!"

Всѣ были изумлены, и Питтъ прибавилъ: „Да, господа, испанцы будутъ первымъ народомъ, гдѣ

загорится эта патріотическая война, которая одна можетъ освободить Европу. Свѣдѣнія мои объ этой странѣ,—и я считаю ихъ вѣрными,—показываютъ, что если дворянство и духовенство выродилось, благодаря дурному правленію, и ползаютъ у ногъ фаворита [1]), народъ сохранилъ всю свою честность, умѣренность и всю свою ненависть къ Франціи, болѣе чѣмъ когда-либо живую и почти равную его любви къ своимъ властелинамъ. Бонапартъ считаетъ и долженъ считать существованіе ихъ несовмѣстнымъ со своими видами на Испанію; онъ попытается ихъ изгнать: и тутъ то я его жду съ войной, которой жажду".

Передъ нами обрисовывается человѣкъ дѣйствительно великій, достойный противникъ Наполеона: онъ усматриваетъ ресурсы тамъ, гдѣ ихъ никто не видитъ; онъ прозрѣваетъ характеръ народа сквозь закрывающій его для обыкновеннаго взгляда блестящій налетъ дворянской и клерикальной гнили; онъ проникаетъ въ характеръ Наполеона такъ глубоко, какъ возможно только при постоянныхъ и близкихъ сношеніяхъ, да и то для человѣка съ недюжинными способностями. И все это въ 1805 году, т. е. за три года до того, когда Наполеона потянуло за Пиринейскимъ полуостровомъ!

Питтъ не дожилъ даже до начала осуществленія своего предвидѣнія; его убила вѣсть объ Аустерлицѣ [2]). Но сѣмя, имъ брошенное, какъ извѣстно, не заглохло и принесло для Наполеона роковой

[1]) Извѣстнаго Годоя, „принца мира", фаворита королевы.

[2]) Аустерлицъ 2 декабря 1805 г; Питтъ умеръ 24 января 1806 г.

плодъ. Питтъ былъ изъ тѣхъ людей, которые повелѣваютъ и изъ-за могилы.

А Прудонъ утверждаетъ, будто все сдѣлалъ Веллингтонъ; будто безъ него и Россія не поднялась бы. Слова нѣтъ, Веллингтонъ великій характеръ, что въ военномъ дѣлѣ, конечно, важнѣйшее: но характеръ упорства: отсидѣться, укрѣпиться, заготовить въ прокъ. Позицію, напримѣръ, при Ватерлоо онъ проѣздомъ осмотрѣлъ за годъ передъ тѣмъ, какъ пришлось ею воспользоваться; не по предвидѣнію, конечно, а на всякій случай. Таковъ онъ былъ и во всемъ. Дѣло онъ дѣлалъ и хорошо дѣлалъ; но неизвѣстности, какъ Чичиковъ, онъ предаваться не любилъ. Какъ второстепенный генералъ, онъ конечно, выдавался; но ставить его даже рядомъ, не только выше Наполеона, могъ только человѣкъ, который или не понимаетъ дѣла, или, увлекаемый своими спеціальными цѣлями, забываетъ историческую правду. Конечно, никто не можетъ знать, въ какую окончательную форму вылились бы замѣтки Прудона; но можно предполагать съ большимъ вѣроятіемъ, что онѣ представляютъ подборъ матеріаловъ для косвеннаго памфлета, по адресу, конечно, Наполеона III, ставшаго въ это время у власти. „Наполеонъ вашъ идолъ: благодаря ему, вы подчинились и другому Наполеону; такъ посмотрите же, чего стоитъ вашъ идолъ“, какъ бы собирался сказать французамъ своею книгою Прудонъ, если бы ей суждено было увидѣть свѣтъ.

Континентальная система—наслѣдіе революціи и своя собственная химера всемірнаго владычества по-

губили Наполеона; но самое увлеченіе подобными чрезмѣрными задачами прямо показываетъ, что это былъ человѣкъ стихійный, человѣкъ судьбы, какъ ни странно покажется это выраженіе инымъ читателямъ; повидимому, подобныхъ людей стремитъ какая то невѣдомая сила для достиженія своихъ цѣлей; и они не могутъ остановиться, пока не погибаютъ подъ давленіемъ сопротивленій, ими же вызванныхъ. И какой при этомъ открывается макіавелизмъ въ этой самой силѣ! Случись неудача-другая на первыхъ порахъ, такой человѣкъ можетъ быть опомнился бы; нѣтъ: 10 лѣтъ (1796 — 1806 г.г.) самыхъ непрерывныхъ, самыхъ невѣроятныхъ удачъ. Какъ тутъ не увѣровать въ свою звѣзду!

И Прудонъ правъ, когда говоритъ, что въ войнѣ, какъ въ политикѣ, какъ въ исторіи наконецъ, сила общаго, сила народовъ, сила вещей торжествуютъ въ концѣ концовъ. „Наполеонъ, кажется, даже не подозрѣвалъ, что эта сила, пониманіе коей одно дѣлаетъ человѣка государственнымъ, была другого свойства, чѣмъ его личная сила. Потому что въ своей профессіи онъ превосходилъ большинство (?) своихъ современниковъ, особенно рожденныхъ принцами, онъ воображалъ, что этотъ геній, весьма сильный, достаточенъ для обезпеченія ему торжества вездѣ и всегда. Онъ забывалъ только одно, что его назначеніе предуставлено впередъ, помимо его, помимо какихъ-либо соображеній относительно его личности, необходимостями исторіи и силою положеній“.

И далѣе: „конечно, Наполеонъ былъ великій

виртуозъ сраженій и побѣдъ; вся его жизнь есть эпопея [1]), во вкусѣ народа и древнихъ. Несравненный герой въ борьбѣ противъ боговъ и людей, столь глубокій въ своихъ расчетахъ, что покоряетъ себѣ счастье и падаетъ только подъ ударами неумолимой судьбы. Въ такой карьерѣ довольно содержанія на поэму въ 20 разъ длиннѣе Иліады или Магабхараты. Такимъ, впрочемъ, народъ понимаетъ Наполеона и любитъ его".

Такъ говорить о Наполеонѣ можно; но если это такъ, то какую же цѣну имѣетъ большая часть того, съ чѣмъ мы познакомились изъ замѣтокъ Прудона ранѣе?

И кто дѣлаетъ исторію, народъ или идеологи? Достойно замѣчанія и то, что въ такомъ „однообразномъ и монотонномъ" дѣлѣ, какъ наполеоновскія войны, оказалось достаточно матеріала на двадцать Иліадъ.

Разсужденія Прудона о томъ, будто Александръ Македонскій, Цезарь, Карлъ Великій (съ которыми Наполеонъ любилъ себя сравнивать) представляли идею, преобладающую тенденцію ихъ вѣка [2]), что въ нихъ народы видѣли свое собственное воплощеніе, Наполеонъ же не представлялъ никакой, ибо якобы измѣнилъ революціи, не выдерживаютъ, по нашему мнѣнію, никакой критики. Не говоря уже

[1]) Курсивъ нашъ.

[2]) У Александра греческая конфедерація и преобладаніе надъ востокомъ, у Цезаря—нивелированіе римскихъ сословій, политическое единство средиземныхъ націй, единство, поведшее впослѣдствіи къ прекращенію рабства; у Карла—воспитаніе посредствомъ христіанства сѣверныхъ расъ и подготовка ихъ къ замѣнѣ южныхъ расъ на сценѣ исторіи.

о томъ, что подстановка этихъ идей подъ дѣятельность великихъ историческихъ работниковъ есть фантазія философовъ Гегелевскаго толка или, говоря безъ комплимента, историческое шулерство; ибо сдѣлана уже много послѣ, не говоря о томъ, что сами эти работники и въ мысли, конечно, не имѣли задаваться идеями, которыя сказаннымъ философамъ угодно было имъ навязать. Нужно признать еще и то, что этотъ фантастическій шаблонъ примѣняется и къ Наполеону: онъ стремится утвердить преобладаніе надъ востокомъ Европы, какъ Александръ надъ востокомъ азіатскимъ; онъ, какъ Цезарь, былъ нивелировщикъ; и даже посерьезнѣе, именно потому, что надѣлалъ королей, князей, герцоговъ, графовъ, бароновъ изъ почтарей (Мюратъ), контрабандистовъ (Массена), адвокатовъ и проч. А затѣмъ, что онъ, какъ Карлъ Великій, не могъ имѣть въ виду религіознаго воспитанія покоренныхъ народовъ, то по очень простой причинѣ: оно было сдѣлано до него. Что народъ видѣлъ въ немъ свое собственное воплощеніе, то вѣдь объ этомъ и самъ Прудонъ говоритъ выше.

По мнѣнію Прудона, революція имѣла цѣлью: 1) довершить дѣло монархіи (т. е. представительное правленіе), заглушенное послѣ послѣдняго собранія генеральныхъ штатовъ въ пользу деспотизма кардиналами Ришелье, Мазарини и Людовикомъ XIV; 2) развить философскій духъ, которому XVIII вѣкъ подалъ починъ и который Кондорсе оформилъ однимъ словомъ: прогрессъ; 3) ввести въ управленіе націями идею экономическую, призванную мало по малу вытѣснить идею авторитета и цар-

ствовать безраздѣльно, какъ новая религія надъ народами.

По нашему мнѣнію, ничего этого она не имѣла цѣлью, да и не могла имѣть, какъ и всѣ массовые катаклизмы.

Во-первыхъ: если принципъ деспотизма Ришелье и Мазарини одолѣлъ принципъ генеральныхъ штатовъ, то значитъ онъ былъ сильнѣе, т. е. болѣе въ духѣ французской націи, т. е. являлся исторической необходимостью. Прудонъ забываетъ, что до Людовика XIII Франція существовала только въ идеѣ, а въ дѣйствительности существовали Бургундія, Провансъ, Гасконь, Бретань, Нормандія и проч. (опять напоминаемъ, что то, что слагалось вѣками, не разрушается годами). Что ихъ слить въ одно тѣло можно было только путемъ деспотизма, доказываетъ хотя бы то, напримѣръ, что одной изъ первыхъ мѣръ конвента было раздѣленіе Франціи на департаменты, т. е. именно стремленіе уничтожить провинціальный духъ, провинціальную обособленность.

Во-вторыхъ: философическій духъ XVIII вѣка былъ исключительно умовой, и какъ таковой, онъ годился только для того, чтобы подорвать существовавшій устарѣвшій режимъ; но чтобы создать новый онъ не годился. И переносить такой разлагающій принципъ въ фундаменты новаго склада жизни, конечно, не имѣло смысла.

Въ третьихъ: экономическая идея никогда не была и никогда не будетъ верховною, командующей идеею въ жизни народовъ: народы живутъ не для того, чтобы жрать, но жрутъ, для

того, чтобы жить, т. е. рѣшать такія задачи, достигать такихъ цѣлей, во имя которыхъ они въ извѣстную минуту идутъ на то даже, что забываютъ жранье. И въ этомъ Прудонъ глубоко ошибается, какъ, впрочемъ, честному мужику и прилично: когда его что задѣнетъ, онъ претъ на рожонъ, не думая о томъ, его ли пропорятъ, или онъ подомнетъ. Всей своей жизнью показалъ онъ, что жратво для него не было самое существенное; но разъ попавъ на такой зубецъ, что, изволите ли видѣть, экономическій принципъ есть яко бы верховный въ жизни народовъ, онъ, не задумываясь, провозглашаетъ, что этотъ принципъ долженъ замѣстить собой принципъ авторитета и даже, страшно сказать, — стать религіей народовъ. Представьте себѣ, читатель, вмѣсто образа божественнаго Страдальца, положившаго душу свою за други своя, образъ золотого тельца, или даже просто мѣшокъ съ рублями или золотыми... Это все равно, какъ если бы какой нибудь эволюціонистъ пришелъ къ заключенію, что придетъ время, когда и голова, и сердце у человѣка атрофируются, преобразовавшись въ одно сплошное брюхо...

Что экономическій принципъ играетъ громадную роль въ жизни народовъ, это безспорно; но чтобы онъ когда нибудь превратился въ исключительный, исторія примѣра не представляетъ. Было время людоѣдства, объясняемое, мнѣ кажется, главнѣйше недостаткомъ средствъ питанія; было время забрасыванія дѣтей, особенно дѣвочекъ, по той же причинѣ: но и тогда человѣчество не обходилось безъ тѣхъ основныхъ связей, на которыхъ массо-

вая жизнь строится, т. е. безъ религіи и безъ правленія въ той или другой формѣ.

Вотъ тѣ идеи, которыя, по мнѣнію Прудона, лежали въ духѣ революціи и которыхъ Наполеонъ не понялъ. Подобное принятіе своихъ фантазій за сущность вещей или явленій—отличительная черта людей умового типа. Прудонъ упустилъ изъ вида, что принципы разнородные другъ въ друга не могутъ переходить: подобныя замѣщенія возможны только между проявленіями одного и того же принципа, но не между самими принципами. Какъ бы экономическая идея ни процвѣла, она ни въ какомъ случаѣ не можетъ замѣстить ни идеи авторитета, ни тѣмъ болѣе идеи религіозной. Кажется, Сѣверная Америка служитъ экономической идеѣ во-всю, представляя зрѣлище оргіи капитализма и индустріализма и, однако, она не обходится ни безъ религіи, ни безъ правительства.

Кромѣ непониманія этихъ трехъ Прудоновскихъ пунктовъ, Наполеонъ былъ виновенъ еще въ томъ, что не понималъ и значенія Вестфальскаго трактата, составляющаго, по Прудону, „нерушимую (!) базу равновѣсія европейскихъ государствъ и независимости національностей“. Прудонъ не дожилъ только года съ небольшимъ [1]) до того времени, когда Бисмаркъ показалъ нерушимость этой базы: сначала на Австріи и Германскомъ союзѣ, а потомъ и на Франціи.

Дальнѣйшія разсужденія Прудона въ томъ же родѣ. Мы ихъ не разбираемъ изъ боязни, что и

[1]) Умеръ въ началѣ 1865 года.

такъ уже надоѣли читателю. Закончимъ этотъ отчетъ о замѣткахъ Прудона двумя перлами его безпристрастія.

Веллингтонъ: „настоящій честный человѣкъ, человѣкъ свободы, отдающій себя всецѣло на служеніе публичному праву, даже тогда, когда оно попрано, когда его оставляетъ весь свѣтъ и когда надежда умерла“.

Наполеонъ: „человѣкъ съ слабой нравственностью, по свидѣтельству самого Тьера. Убійца, лжецъ, фальшивый монетчикъ, развратникъ, кровосмѣситель, двоеженецъ, шарлатанъ въ высочайшей степени, разыгрывающій (!) великаго человѣка, героя, Карла Великаго, великодушнаго воина и пр.“.

Il n'y a pas grand homme pour son valet de chambre...

Разныя статьи.

Какъ понимать выраженіе „неприкосновенность“ часового? *)

§ 148 „Устава гарнизонной службы“ начинается словами: „часовой есть лицо неприкосновенное“. Значеніе этихъ словъ толкуется у насъ различно. Одни понимаютъ ихъ въ буквальномъ смыслѣ и говорятъ, что до часового нельзя дотрагиваться (прикасаться) и даже нельзя близко (вплотную) подходить къ нему. Другіе утверждаютъ, что словами этими выражается, такъ сказать, дисциплинарная исключительность часового, въ силу которой онъ принимаетъ приказанія, касающіяся поста, только отъ нѣкоторыхъ начальниковъ (§ 150) и даже не всѣмъ начальникамъ отвѣчаетъ на вопросы (§ 151), а равно не всѣ начальники могутъ дѣлать ему напоминаніе (§ 125). Наконецъ, по мнѣнію третьихъ, означенныя слова опредѣляютъ юридическія привиллегіи часового, ставящія его въ исключительное положеніе относительно самообороны и обусловливающія строгія наказанія за всякое насиліе противъ него. Въ послѣднемъ смыслѣ разъяснилъ мнѣ эти слова „Развѣдчикъ“ (открытое письмо отъ 16 декабря 1894 г. за № 3949). Но объясненіе это не выдерживаетъ критики, по слѣдующимъ соображеніямъ: 1) всякій человѣкъ, кто бы онъ ни былъ, находясь въ положеніи самообороны, т. е подвергнувшись нападенію злоумышленниковъ, имѣетъ право также, какъ и часовой, защищаться оружіемъ, не отвѣчая за послѣдствія такой самозащиты; 2) всякое насиліе противъ человѣка, какое бы общественное или служебное положеніе онъ ни занималъ, на основаніи общихъ государственныхъ законовъ, наказывается совершенно одинаково. Что же касается военно-уголовныхъ законовъ, то степень наказанія, опредѣляемаго ими за насилія про-

*) Предлагаемыя ниже статьи, печатавшіяся въ разныхъ изданіяхъ съ 1897 г., расположены хронологическомъ порядкѣ. *Изд.*

тивъ воинскихъ чиновъ, содѣянныя такими же чинами тѣмъ выше, чѣмъ выше положеніе лица, подвергшагося насилію. Отсюда слѣдуетъ, что съ чисто военной точки зрѣнія неприкосновенность офицера больше неприкосновенности нижняго чина (не исключая и часового); неприкосновенность караульнаго начальника (хотя бы изъ нижнихъ чиновъ) больше неприкосновенности часового. Однако же, въ уставѣ гарнизонной службы лицомъ „неприкосновеннымъ“ названъ только часовой. Второе объясненіе (дисциплинарная исключительность часового) тоже не можетъ быть признано удовлетворительнымъ. Не только часовой, но и караульный начальникъ и дежурный по карауламъ принимаютъ приказанія, касающіяся карауловъ, только отъ нѣкоторыхъ начальниковъ (§§ 180 и 231). Наиболѣе правильнымъ, несмотря на свою кажущуюся наивность, представляется первое объясненіе (къ часовому нельзя прикасаться и даже близко подходить), помѣщенное, между прочимъ, въ „вопросахъ и отвѣтахъ“ для развитія находчивости, штабсъ-капитана Мацкевича. Это объясненіе основано на томъ, что редакція нашихъ уставовъ не допускаетъ никакихъ двусмысленныхъ или головоломныхъ выраженій, требующихъ спеціальнаго толкованія; напротивъ, всѣ слова устава слѣдуетъ понимать въ буквальномъ смыслѣ.

Въ виду такого разнорѣчія въ изъясненіи вышеприведенной уставной формулы, было бы весьма желательно прочесть на страницахъ „Развѣдчика“, какъ объясняетъ ее г. М. Драгомировъ.

Капитанъ Ул—кій.

Отвѣтъ.

Почтенное дѣло дѣлаютъ тѣ строевые люди, которые тщатся вникнуть въ духъ устава о службѣ въ гарнизонѣ: кто проникнется этимъ духомъ, въ накладѣ не будетъ въ тѣ трудныя минуты, когда только при совершенно твердомъ и точномъ знаніи своихъ обязанностей можно не попасть впросакъ. Но пропитываться этимъ духомъ нужно, въ 1-хъ,

дѣятельно, а не созерцательно; во 2-хъ, не заходить въ хмару [1]), какъ говорятъ хохлы.

Подъ „дѣятельнымъ“ разумѣю то изслѣдованіе, когда человѣкъ занимается не буквоѣдствомъ, а стремится выяснить себѣ причины, вызвавшія извѣстное постановленіе, то есть на всякомъ шагу, какъ только рѣчь идетъ объ обязанностяхъ, задается вопросомъ: почему? И разумѣется, даетъ на него посильныя рѣшенія.

Почему, напримѣръ, у часового, да и у начальника караула такъ мало начальниковъ? Почему и тотъ, и другой изъемлются изъ подчиненія прямому начальству? Почему признано за нужное опредѣлить даже мгновеніе, съ котораго они поступаютъ въ подчиненіе коменданта, и до смѣны не смѣютъ исполнять приказаній своего прямого начальства въ сферѣ собственно караульной службы? Какія, тѣмъ не менѣе, приказанія прямого начальства обязательны для часового и начальника караула, и почему этотъ отдѣлъ приказаній за прямымъ начальствомъ оставленъ? Почему предпочтительнѣе, при малѣйшей возможности, смѣну караула непремѣнно назначать отъ другой, а не отъ той же самой части? Чьи требованія, сверхъ извѣстныхъ лицъ, исполняетъ еще караульный начальникъ? Это „почему“ должно подкладывать подъ всякое постановленіе устава о службѣ въ гарнизонѣ, начиная отъ основныхъ и роковыхъ (какъ употребленіе оружія)

[1]) Т. е, заходить въ облака. Въ переносномъ смыслѣ говорится о людяхъ, выражающихся туманно, а также любящихъ хитро объяснять простыя вещи. Остерегаться, однимъ словомъ, слѣдовать примѣру „Метафизика“ Хемницера.

и кончая самыми мелочными, какъ куреніе, свистаніе и проч. Отчего бы, кажется, не предоставить часовому покурить? Нѣтъ, нельзя; „почему нельзя?“ Затѣмъ начинается новый рядъ вопросовъ относительно тѣхъ положеній, когда обязанности сталкиваются, т. е. когда, исполнивъ одну, не исполнишь другой; какой изъ нихъ отдать преимущество? Оговорить такихъ положеній въ уставѣ нельзя, ибо „въ уставѣ порядки писаны, а время и случаевъ нѣтъ“: а есть ли возможность перечислить всѣ случаи? Очевидно, подобныя положенія должны оцѣнивать и разрѣшать часовой и начальникъ караула, сами, почерпая рѣшимость въ чувствѣ долга и силѣ личнаго разумѣнія, на подкладкѣ такого знанія устава, чтобы оно обратилось имъ въ плоть и кровь; чтобы всякій чинъ, хоть сѳредь ночи его разбуди, зналъ что дѣлать въ заданномъ ему трудномъ положеніи.

Примѣры: сторожитъ часовой кули съ хлѣбомъ, сложенные на открытомъ воздухѣ. „Идетъ генералъ, что сдѣлаешь?“ Возьму на-краулъ.—„А въ это время воръ кули тащитъ, что сдѣлаешь?“ — Возьму на руку и брошусь на него.—„Тогда чести не отдашь; какъ же быть?“ Нужно, значитъ, ему втолковать, что сберечь то, что сторожитъ, первое дѣло; а отдать честь хоть тоже дѣло, но второе; и что, значитъ, въ подобномъ случаѣ онъ чести отдавать не долженъ. И это различіе нужно втолковать человѣку, взятому отъ сохи, да вдобавокъ иногда такому, который и по русски-то не понимаетъ.

Другой примѣръ. Маслянная, на балаганахъ по-

жаръ; пріѣзжаетъ, и не маленькій, чинъ. Пожаръ грозитъ разыграться во всю. Не долго думавши, не маленькій чинъ приказываетъ ближайшему караулу идти всему на пожаръ. Этотъ чинъ не былъ ни начальникъ гарнизона, ни комендантъ, ни дежурный по карауламъ; караульный начальникъ, только-что выпущенный прапорщикъ послушался. Т. е. значитъ, одинъ не зналъ, что не смѣетъ отдавать приказаній караулу; другой не зналъ, что, кромѣ извѣстныхъ лицъ, онъ ни отъ кого не смѣетъ принимать приказаній. А можетъ и зналъ, да спасовалъ передъ внушительностью не маленькаго чина. По счастію, скоро прибылъ командиръ полка, отъ котораго былъ караулъ, оставилъ треть людей у пожара, а остальныхъ, съ начальникомъ караула, водворилъ на ихъ постъ. По счастію также, отсутствіе караула съ его поста не разразилось тамъ никакой бѣдой. Но случись тамъ что нибудь, и вотъ слѣдствіе, судъ; карьера разбита; а за что? За то, что юнца не утвердили въ святѣйшихъ обязанностяхъ, а не маленькій чинъ вѣроятно зналъ всѣ церемоніи и выверты, а тѣхъ святѣйшихъ, страшныхъ обязанностей тоже не зналъ. И не зналъ, конечно, потому, что его смолоду не учили, а у самаго не было потребности учиться такъ, чтобы отличить важное отъ неважнаго, и знать на что онъ имѣетъ право и на что нѣтъ. Да тутъ мало знать, а нужно и характеръ выработать; внушить каждому юнцу, что въ караульной службѣ нужно умѣть не только повиноваться, но и сопротивляться, не взирая на внушительность и декораціи. Нужно вооружить его спасительной осторожностью и на тотъ

случай, что въ смутныя минуты могутъ явиться съ приказаніями и внушительно декорированные — только прохвосты. Не трудно какой угодно мундиръ и прочее добыть — были бы только деньги. Попробуй ошалѣть и послушаться подобнаго внушительнаго господина, попадешься пожалуй такъ, что и разстрѣлять мало. Вы видите, сколько тутъ работы мысли, и не праздной, не схоластической, а именно дѣятельной. Не нужно забывать, что подъ каждой запятой устава о службѣ въ гарнизонѣ, (разумѣется обязанностей, а не обряда) или кровью, или судомъ пахнетъ...

Какъ проберешь, такимъ образомъ, уставъ (первыя восемь главъ второго и третій отдѣлъ), тогда будешь знать его дѣятельно, а не созерцательно, и никакая неожиданность врасплохъ не застанетъ. Это та же практика въ постоянномъ разрѣшеніи извѣстнаго Наполеоновскаго вопроса: „что я сдѣлаю, если непріятель появится съ тыла, фронта, фланга?“, только въ примѣненіи къ отправленію караульной службы.

Обращаюсь къ вопросу, вызвавшему эти размышленія.

У выраженія „часовой есть лицо неприкосновенное“ есть своя исторія. Это утвержденіе за часовымъ неприкосновенности въ уставѣ, ежедневно примѣняемомъ, и поставленное на самомъ видномъ мѣстѣ, предложено было мною, помнится, еще лѣтъ тридцать тому назадъ, въ гораздо болѣе сильной формѣ: „часовой есть лицо священное и неприкосновенное“. Мотивировалъ я свое предложеніе тѣмъ, что люди, привыкшіе къ кулачной расправѣ,

не стѣснялись и съ часовыми. Т. е., значитъ, предлагая ввести это выраженіе, я разумѣлъ неприкосновенность въ самомъ прямѣйшемъ смыслѣ слова, не мудрствуя лукаво. Соредакторы нашли тогда, что для часового „священное“ слишкомъ много, будетъ съ него „неприкосновенное“. Я покорился, тѣмъ болѣе, что первое слово было употреблено мною только въ смыслѣ усиленія понятія неприкосновенности. И отстаивая необходимость помѣщенія этого выраженія въ уставѣ, я именно имѣлъ въ виду одну цѣль—такъ намозолить имъ глаза г.г. мордобойцамъ, чтобы они хотя бы часового-то миновали въ невоздержномъ стремленіи удовлетворить своей похоти заѣзжать въ чужой образъ и подобіе Божіе.

Что это было необходимо, укажу на примѣрѣ. Въ 1876 году, когда мы собирались на Турку, въ одномъ городѣ одинъ г. офицеръ, да еще генеральнаго штаба, да еще маменькинъ сынокъ, слѣдовательно воспитанія нѣжнаго, возвращаясь съ попойки домой ночью, т. е. послѣ вечерней зари, далъ въ морду часовому за то, изволите ли видѣть, что тотъ ему на-краулъ не сдѣлалъ. Росписался, значитъ, г. служака-офицеръ вполнѣ; вплоть до того даже, что послѣ вечерней зари пріема на-краулъ потребовалъ. И до такой степени это было еще въ нравахъ, что и до суда не дошло, а самое большое—вѣроятно замѣтили г. офицеру, что „mon cher, часового вѣдь бить нельзя“; и за то спасибо, если еще замѣтили... А вѣдь мордобитіе еще въ началѣ 60-хъ годовъ для всѣхъ было воспрещено, не говоря уже о часовыхъ, которые отъ этого всегда

были гарантированы закономъ, но не обычаемъ. Скверныя вѣковыя привычки не такъ-то легко поддаются закону...

Вотъ чѣмъ было вызвано подтвержденіе на самомъ видномъ мѣстѣ устава неприкосновенности часового, и вотъ какъ ее нужно понимать, не подкладывая подъ слово совершенно яснаго и даже просто матеріальнаго смысла никакихъ хитрыхъ, вымученныхъ толкованій дисциплинарной исключительности, юридическихъ привиллегій и тому подобнаго. Да проститъ меня почтенный капитанъ У—кій, подобныя толкованія и составляютъ то залѣзаніе въ хмару, то созерцательное отношеніе къ дѣлу, коего въ нашей, чисто практической работѣ, нужно всемѣрно остерегаться. Вѣдь толкуй слово неприкосновенность въ какомъ угодно смыслѣ: все равно выйдетъ всяческая, въ томъ числѣ и матеріальная, неприкосновенность; такъ къ чему тутъ пускаться въ выламываніе этого слова точно на дыбѣ? Предоставимъ всякіе казуистическіе извороты и толкованія тѣмъ спеціалистамъ, которые работаютъ только словами и надъ словами; намъ это не къ лицу. И отчего ему кажется наивнымъ объясненіе слова „неприкосновенность“ такъ, какъ его объясняетъ штабсъ-капитанъ Мацкевичъ, т. е. по прямому его смыслу? Неужели только хитрое истинно? Невольно вспомнишь: „Веревка вервіе простое, на это надобно орудіе другое“. [1]) Въ простотѣ Богъ пребываетъ,—говорили старые люди. Собственно, если бы г. У—ій началъ

[1]) Изъ басни Хемницера „Метафизикъ“.

съ того, чѣмъ кончаетъ [1]), онъ можетъ быть и самъ не запутался бы въ недоразумѣніяхъ „дисциплинарной исключительности“ и „юридическихъ привиллегій“.

А впрочемъ, можетъ быть такое выворачиваніе простого слова есть знаменіе времени; можетъ быть „неприкосновенность“ вошла у насъ уже настолько въ нравы, что упоминаніе о ней производитъ впечатлѣніе чего-то лишняго и побуждаетъ подыскивать столь простому слову особенные смыслы? Дайто Богъ... Капитанъ У—ій стоитъ ближе къ строю, ему лучше знать.

А что въ уставѣ не сказано о неприкосновенности начальника караула и другихъ офицерскихъ чиновъ, то просто потому, что на ихъ неприкосновенность и въ голову никому не придетъ посягать.

Ты или Вы.

Отвѣтъ г. Вольному. Вы желаете знать, говорить ли вольноопредѣляющемуся ты или вы? Удивительное дѣло, какіе пустяки могутъ иногда смущать и вводить въ недоумѣніе людей, у которыхъ есть серьезное дѣло, мозгъ на мѣстѣ и будто изъ хорошаго матеріала. Ужъ коли онъ сподобился чести быть солдатомъ, хотя бы на самый короткій срокъ, то будь же ради Христа солдатомъ во всю, т. е. безропотно и истово понеси его бремя и влѣзь въ его шкуру на самомъ дѣлѣ, а не для прилику

[1]) „Редакція нашихъ уставовъ не допускаетъ никакихъ двусмысленныхъ или головоломныхъ выраженій“.

только: хоть на день, хоть на часъ, да будь настоящимъ солдатомъ, а не побалуй только солдатствомъ. Убудетъ его, что ли, отъ ты? И что такого унизительнаго въ ты и галантерейнаго въ вы? Богу говорятъ Ты, Царю Ты, а вольноопредѣляющемуся нельзя,—нужно говорить вы. Вы мнѣ скажете, можетъ быть, что ты бываютъ разныя; ну, а вы развѣ всѣ одинаковы? Вѣдь и оставаясь на вы можно сказать такъ, что лучше бы треснулъ или по матушкѣ обласкалъ, чѣмъ опачкалъ склизкимъ вы. И потому, пока носитъ вольноопредѣляющійся солдатскій обликъ, онъ долженъ обижаться, если ему говорятъ вы, ибо этимъ ему показываютъ, что считаютъ его не за настоящаго солдата, а такъ себѣ, съ боку припека.

Вы или Ты.

Отвѣтъ г. Вольному. Опять къ вамъ пристаютъ съ ты и вы, а вы притѣсняете меня. Вамъ хочется знать, почему такое пустое дѣло можетъ повергать въ недоумѣніе даже людей прочныхъ въ пониманіи духа службы? Сначала скажу, почему нужно говорить ты; а потомъ, почему иныхъ тянетъ на вы. Основная характеристическая черта всяческаго обихода въ военной регулярной службѣ—полное однообразіе во всемъ для лицъ данной военной іерархической ступени: одинъ костюмъ, одна пища и одни обычаи въ обращеніи старшихъ къ младшимъ и младшихъ къ старшимъ. Съ этой точки зрѣнія, настоящей служебной, артельной тожъ (ибо работа сообща, какая бы то ни было, есть артельная ра-

бота), всякая рознь въ чемъ бы то ни было претитъ; и не можетъ не претить, ибо она противна справедливости. Это то же отступленіе отъ принципа равенства всѣхъ передъ закономъ. Въ нашей сферѣ это въ особенности важно, ибо наше дѣло смертельное: а пуля не разбираетъ даже между генераломъ и рядовымъ, а между рядовыми, льготный ли онъ, или обязательнаго срока, и подавно.

Это-то равенство передъ пулей и ведетъ къ тому, что люди заправскаго, подлиннаго, а не середина на половину, служебнаго обихода всегда стремятся къ тому однообразію отношеній, которое есть внѣшнее выраженіе единодушія, товарищества, столь необходимыхъ въ роковыя минуты нашего предназначенія... Такое однообразіе есть именно тотъ цементъ, который сплачиваетъ людей, различныхъ по общественному положенію, по умственному, нравственному и физическому складу, въ одно тѣло, даетъ имъ одну душу. И въ этомъ смыслѣ нижніе чины привиллегированные могутъ сослужить службу общему дѣлу тѣмъ большую, чѣмъ меньше будутъ разниться отъ своихъ товарищей общаго срока. И, наоборотъ, всякое поползновеніе отдѣлиться, отщетиться, исходитъ ли оно отъ нихъ самихъ, или отъ начальства, вноситъ въ воинскую семью разладъ, дѣлаетъ ихъ не цементомъ, а разлагающимъ началомъ въ этой семьѣ, ибо не можетъ не возбуждать въ простомъ солдатѣ скорбнаго чувства. Высказать онъ этого не съумѣетъ, да если бы и съумѣлъ, не посмѣетъ, но на днѣ сердца горькій осадокъ будетъ...

Гдѣ послабленіе льготнымъ дѣйствительно не-

обходимо, тамъ его законъ предусмотрѣлъ и установилъ: это разрѣшеніе жить на вольныхъ квартирахъ; но кто же изъ проникнутыхъ нашимъ дѣломъ начальниковъ не поклонится мысленно въ ноги тому льготному, который рѣшится жить вмѣстѣ съ солдатомъ, не останавливаясь ни передъ вшей, ни передъ клопомъ, ни тѣмъ болѣе передъ блохой? Налогъ любви, налогъ крови... Иго бо мое благо и бремя мое легко...

Найдутся, конечно, и такіе, что будутъ возмущены тѣмъ, какъ это, молъ, его, блароднаго чеаэка, ставятъ на одну доску съ мюжикёмъ: но подлинный университетскій, а не какой-нибудь, сынъ возмутится обратнымъ: возмутится именно тѣмъ, что ему, на виду у всѣхъ, будутъ показывать, что его считаютъ не настоящимъ, а игрушечнымъ солдатомъ.

Все это показываетъ, почему привиллегированный солдатъ самъ долженъ желать, чтобы ему говорили ты. Въ настоящее время нахожу даже, что и шнуркомъ на погонахъ его отличать безполезно, разъ что мордобойство, слава Богу, начинаетъ выходить изъ обычая.

А тянетъ на вы вотъ почему.

Въ старой русской жизни вы въ обращеніи къ одному человѣку не существовало; и это было логично. Въ самомъ дѣлѣ, съ какой стати говорить одному такъ, какъ будто ихъ много, а не одинъ? Съ Петровской реформы начало вводиться вы, точно также, какъ и бритье бородъ; и на первыхъ порахъ это вы повело къ комической путаницѣ. Говорили, наприм., такъ: ты, ваше благородіе; ты,

ваше превосходительство и т. п. Мало по малу привыкли къ вы и установилось раздѣленіе, едва ли раціональное, особенно съ точки зрѣнія нравственной: интеллигенту, барину, говорили вы, мужику, разночинцу—ты. Мало по малу вышло даже такъ, что обращеніе на ты выражало не только превосходство того, кто говорилъ ты, надъ тѣмъ, кому говорили ты, но почти что униженіе послѣдняго. Появились выраженія вродѣ: ахъ ты, свиное рыло; но: ахъ вы, свиное рыло, не говорили. Закрѣпленію такого обычая въ особенности способствовало крѣпостное право, которое хотя закономъ и уничтожено, но еще сидитъ въ костяхъ и отъ времени до времени даетъ себя знать разными инстинктивными поползновеніями удержать сформировавшіяся подъ его вліяніемъ привычки. Кто же не знаетъ, напримѣръ, что и до сихъ поръ офицеры для солдата не офицеры, а господа, т. е. баре? И разумѣется тотъ, кто имѣетъ болѣе вѣроятности попасть въ офицеры, является по крѣпостнымъ инстинктамъ яко бы имѣющимъ право и на офицерскія привилегіи; да и дѣйствительно ими пользуются у тѣхъ начальниковъ, которые, сами того не подозрѣвая, сердцемъ лежатъ къ крѣпостнымъ повадкамъ и готовы ради ихъ поступиться прямыми интересами воинскаго товарищества, воинской службы.

Взявъ все это въ соображеніе, вы безъ труда откроете причину тѣхъ колебаній между ты и вы, которымъ, какъ я уже сказалъ, подвержены даже люди, которые проникнуты духомъ истинныхъ интересовъ службы и высоко ставятъ ихъ. Имъ, какъ почтмей-

стеру Шпекину, въ одно ухо служба говоритъ: говори всѣмъ одинаково, т. е. ты, а въ другое отрыжки крѣпостного права твердятъ: отличай блаароднаго чеаэка отъ хама мѣстоимѣніемъ вы. Но если льготному говорить вы, и признавать въ этомъ какую-то привилегію, то по какому же праву послѣ этого такать заслуженнаго унтеръ-офицера, фельдфебеля, которые, надѣюсь, много полезнѣе, почтеннѣе, и для службы, конечно, дороже самаго льготнѣйшаго изъ льготнѣйшихъ рядовыхъ? И если смотрѣть на мѣстоимѣніе ты, какъ на униженіе, по какому же праву мы унижаемъ людей, которые десятками лѣтъ службы доказали, что имѣютъ право только на уваженіе? Вы видите, какая нелѣпость ползетъ изъ-за одного того, если къ людямъ одной и той-же категоріи въ нашей средѣ обращаться на разные лады подъ вліяніемъ привычекъ такого порядка, который осужденъ исторіей.

Если священный долгъ каждаго служить своей родинѣ даже до смерти, то, полагаю, заслуживаютъ большаго уваженія тѣ, которые исполняютъ сказанный долгъ во всю, а не тѣ, большинство коихъ проводитъ, такъ сказать, только касательную къ оному долгу.

Отличать въ солдатской средѣ внѣшними знаками уваженія только тѣхъ, которые дѣйствительно выдались или выдаются по своему дѣлу, по моему, и можно и должно. Отчего не подать руки и не сказать вы фельдфебелю, у котораго три—четыре шеврона? И не изподтишка, оглядываясь, а чтобы всѣ видѣли. Подобнаго рода отличіе никого не можетъ ни возмутить, ни оскорбить—оно какъ бы

говоритъ присутствующимъ: будьте вы такими, и вамъ буду и руку подавать, и вы говорить.

Я понимаю покойнаго князя М. С. Воронцова и преклоняюсь передъ нимъ за то, что на Георгіевскихъ праздникахъ въ Тифлисѣ онъ садилъ Георгіевскихъ кавалеровъ за обѣдъ не только всѣхъ вмѣстѣ, но еще въ перемежку черезъ одного нижнихъ чиновъ и офицеровъ. Онъ понималъ, что такое воинское братство, и не только вѣровалъ, но и исповѣдывалъ его. Такое отличіе могло только заставить другихъ добиваться такой же чести — понятно, какой цѣною. Но когда вы отличаете господина, который служитъ безъ году недѣлю!.. Да, если онъ порядочный человѣкъ, то самъ устыдится подобнаго отличія.

Все это такъ, можетъ быть вы скажете, а все же ты или вы говорить? Нужно говорить всѣмъ нижнимъ чинамъ что-нибудь одно: или ты, или вы, не дѣлая между ними никакой розни; и если для льготныхъ нижнихъ чиновъ такъ ужъ унизительно ты, нужно всѣмъ говорить вы. Хотя я лично полагаю, что въ виду сравнительно ничтожнаго процента льготныхъ рядовыхъ, конечно раціональнѣе ихъ подвести подъ установившійся обычай для сотенъ тысячъ, нежели ломать привычки этихъ сотенъ тысячъ для единицъ. Въ чужой монастырь съ своимъ уставомъ не ходятъ.

Если въ юнкерскихъ училищахъ говорятъ вы, то всѣмъ говорятъ вы, т. е. дѣлаютъ именно то, что и должно быть. Если въ иныхъ штабахъ и управленіяхъ писарямъ говорятъ вы, то со стороны начальниковъ штабовъ и адъютантовъ это сенти-

ментальный произволъ; а со стороны приходящихъ за справками, это... не совсѣмъ опрятное раболѣпство.

Замѣтка о французскомъ солдатѣ.

Гдѣ онъ ни побывалъ и гдѣ ни сложилъ своихъ благородныхъ костей за время королей? Побывалъ и въ Африкѣ, и въ Индіи; побывалъ въ Америкѣ. И если въ Индіи французы не удержались, какъ могли бы удержаться, виноватъ конечно не онъ.

Но вотъ грянулъ громъ, революціонный громъ. Вся Европа ужаснулась и порѣшила задушить страну, провозгласившую столь разрушительные, какъ тогда казалось, принципы. И этотъ самый солдатъ, якобы пропитанный разрушительными принципами, отстоялъ ее, свою пламенную, многострадальную родину. Приходилось ему очень тяжело; и все, что человѣческая натура въ состояніи вынести, онъ вынесъ. Былъ онъ и холоденъ и босъ, и голоденъ: mes lapins n'ont pas de pain; pas de pain pas des lapins; pas des lapins pas des victoires [1]), писалъ конвенту одинъ генералъ. Ничего!—Французскій солдатъ претерпѣлъ до конца и былъ спасенъ, ибо спасъ свою родину и, по дорогѣ, стяжалъ себѣ ту неувядаемую, чистую славу, которая вѣнчаетъ только одно самоотверженіе.

Революціонная буря стала затихать; но національное одушевленіе, ею вызванное и ставшее по-

[1]) У моихъ кроликовъ нѣтъ хлѣба; нѣтъ хлѣба нѣтъ кроликовъ; нѣтъ кроликовъ, нѣтъ побѣдъ.

томъ лозунгомъ для всей Европы, создало солдата, закаленнаго въ лишеніяхъ и страданіяхъ; солдата, съ которымъ можно было все предпринять и на все рѣшиться.

И былъ этотъ солдатъ серьезенъ, даже суровъ, но безгранично преданъ своей родинѣ, долгу и видимому ихъ олицетворенію въ арміи—своему вождю, который во имя родины могъ повести его куда угодно и на что угодно.

Расцѣнку начальникамъ давалъ онъ прямую и точную: подчинялся беззавѣтно тѣмъ, которые себя не щадили, и не любилъ одаренныхъ неумѣреннымъ животолюбіемъ. При Маренго (1800 г.), начавшемся пораженіемъ и кончившемся побѣдою французовъ, одинъ изъ дивизіонеровъ, Шамбарлакъ, исчезъ съ поля съ первыми выстрѣлами и на весь день. Но на слѣдующій, когда армія выстроилась къ объѣзду Перваго Консула, Шамбарлакъ явился передъ своею дивизіею какъ ни въ чемъ не бывало. Его встрѣтили такимъ дружнымъ ружейнымъ залпомъ, что онъ ускакалъ и больше не появлялся [1]). Ружья тогда были гладкія, безобидныя.

При такихъ задаткахъ недоставало только человѣка, который съумѣлъ бы орудовать этимъ грознымъ орудіемъ. И онъ явился; то былъ... мы всѣ знаемъ Кто. Устремляемый его мощной рукою, французскій солдатъ прокатился по всей Европѣ вплоть до Москвы; мало по малу сталъ изъ французскаго—наполеоновскимъ солдатомъ, но своей доблести, своего самоотверженія, своей способности

---

[1]) Cahiers du capitaine Coignet.

страдать и умирать онъ не утратилъ. Хотя онъ по временамъ и ропталъ, но всегда оставался вѣренъ своему кумиру.

И какъ Наполеонъ зналъ, что этотъ ропотъ нечего было принимать къ сердцу и что его не слѣдовало даже замѣчать! какъ глубоко понималъ, что утомленный человѣкъ всегда золъ, а какъ утомленіе прошло, ему самому становится совѣстно за свое злобство; и онъ готовъ работать втрое, лишь бы ему это забыли. Вѣдь опереться можно только на то, что сопротивляется. На дубину можно опереться, хоть она и давитъ въ ладонь; на тросточку нельзя, хотя она для руки и пріятнѣе...

И пришелъ бурной наполеоновской эпопеѣ конецъ, какъ всему приходитъ.

Пучины исторіи сомкнулись надъ нимъ и надъ его солдатомъ,—но не пучины забвенія. Не прошло и десяти лѣтъ, съ тѣхъ поръ, какъ повалили Наполеона, а его легенда начала уже возникать и выситься. Апотеозъ стараго ворчуна (vieux grognard) и его кумира обратился въ любимую тему поэтовъ почти всѣхъ націй, въ томъ числѣ и нѣмецкой; до такой степени сразу ясно почувствовалось, что работа тѣхъ богатырей была міровою, а не только французскою... Правда, свирѣпая реакція, разыгравшаяся вслѣдъ за Наполеономъ, лучше всего помогла выясненію этого.

Ночной смотръ.

Въ двѣнадцать часовъ по ночамъ
Изъ гроба встаетъ барабанщикъ;
И ходитъ онъ взадъ и впередъ,
И бьетъ онъ проворно тревогу.

И въ темныхъ гробахъ барабанъ
Могучую будитъ пѣхоту:
Встаютъ молодцы егеря,
Встаютъ старики-гренадеры;
Встаютъ изъ-подъ русскихъ снѣговъ,
Съ роскошныхъ полей италійскихъ,
Встаютъ съ африканскихъ степей,
Съ горючихъ песковъ Палестины.
Въ двѣнадцать часовъ по ночамъ
Выходитъ трубачъ изъ могилы;
И скачетъ онъ взадъ и впередъ
И громко трубитъ онъ тревогу;
И въ темныхъ могилахъ труба
Могучую конницу будитъ:
Сѣдые гусары встаютъ
Встаютъ усачи-кирасиры;
И съ сѣвера, съ юга летятъ,
Съ востока и съ запада мчатся
На легкихъ воздушныхъ коняхъ
Одинъ за другимъ эскадроны.
Въ двѣнадцать часовъ по ночамъ
Изъ гроба встаетъ полководецъ;
На немъ сверхъ мундира сюртукъ;
Онъ съ маленькой шляпой и шпагой:
На старомъ конѣ боевомъ,
Онъ медленно ѣдетъ по фронту
И маршалы ѣдутъ за нимъ,
И ѣдутъ за нимъ адъютанты;
И армія честь отдаетъ,
Становится онъ передъ нею;
И съ музыкой мимо него
Проходятъ полки за полками.

И настала реставрація, а съ нею и реакція. Наполеоновскому солдату и офицеру пришлось плохо; пробовали ихъ учить чуть не по прусски; пробовали водить къ исповѣди чуть не еженедѣльно. Герцогъ Ангулемскій ставилъ въ примѣръ французамъ чистоту эволюцій англійскихъ войскъ. Командиръ полка, въ которомъ это случилось, бросилъ

шпагу и объявилъ, что послѣ такого оскорбленія онъ болѣе не командиръ полка. И шло это такимъ манеромъ чуть не до самаго тридцатаго года. Но не взирая на это, солдатъ остался вѣрнымъ слугою родины, хотя типъ и перемѣнилъ.

Старыхъ ворчуновъ болѣе не осталось, а были уже ихъ дѣти и внуки. Сформировался изъ нихъ солдатъ добрый, воспріимчивый, послушный, но щепетильный и самолюбивый. Полонъ онъ былъ наполеоновскими преданіями, но отрывочно, не ясно, анекдотически воспринялъ ихъ; да иначе и быть не могло, такъ какъ все было направлено къ тому, чтобы ихъ искоренить, а не укоренить. Понятно, что изъ такого наслѣдія не могъ онъ извлечь руководящихъ указаній для своего поведенія на войнѣ и явился на ней такимъ, какимъ его создала натура, т. е. готовымъ на преданность, на самоотверженіе, но и съ подразумѣваемымъ запросомъ на то, чтобы въ немъ видѣли не однѣ руки ноги, а тоже сердце и голову. Не прочь онъ былъ и отъ невинной шутки, къ которой начальники относились, за рѣдкими исключеніями, любовно и добродушно. Шути, молъ, сколько душѣ угодно, только дѣло дѣлай. Про Бюжо солдаты говорили: „Онъ хочетъ, чтобы у насъ были козьи ноги и муравьиное брюхо“—шутка, намекающая на большіе марши, которыхъ онъ требовалъ, и на недостатокъ продовольствія, неминуемый при быстрыхъ и продолжительныхъ маршахъ. Они же сложили про него пѣсенку As-tu vu la casquette du père Bugeaud [1]), по тому

[1]) Видѣлъ ли ты фуражку батюшки Бюжо.

случаю, что при одномъ нападеніи арабовъ на лагерь, онъ выскочилъ изъ палатки въ ночномъ колпакѣ вмѣсто фуражки и замѣтилъ это только тогда, когда арабы были отбиты.

Позже, въ 1858 году, ген. Desvaux мнѣ разсказывалъ въ Алжиріи, какъ однажды пришлось стать бивакомъ безъ воды. Чтобы дать хоть какое-нибудь удобство, онъ приказалъ расположиться нѣсколько шире уставнаго. Зуавы сейчасъ сочинили: „у насъ чудный бивакъ; воды нѣтъ, но за то генералъ отпустилъ по 30 лишнихъ метровъ песку на роту“.

Понятно, что при врожденномъ самолюбіи французскаго солдата нужно было обращаться съ нимъ, соблюдая извѣстный тактъ. Это и дало, вѣроятно, поводъ Бюжо замѣтить, que le soldat français avale la règle en long mais jamais en travers (т. е. что французскій солдатъ глотаетъ правило (или требованіе) вдоль, но никогда поперекъ [1]); или по нашему, что по шерсти его гладить можно, а противъ шерсти не любитъ.

Щепетильность натуры вызвала обычай говорить солдату вы. И нарушеніе этого обычая тоже вызывало иногда забавныя столкновенія, кончавшіяся ничѣмъ, только благодаря доброму складу французской натуры и здравому отношенію къ дѣлу. Однажды офицеръ принесъ жалобу, что солдатъ сказалъ ему ты. Потребовали солдата на допросъ. De quel droit vous avez tutoyé votre supérieur ? [2]). спрашиваетъ полковникъ.—Mon colonel parce qu'il

[1]) Это въ то же время каламбуръ, такъ какъ la régle значитъ и правило, и линейка.

[2]) По какому праву вы сказали ты старшему?

m'a tutoyé aussi [1]) Офицеръ вмѣшался и говоритъ солдату: mais c'est par interêt que je te porte [2]). Солдатъ: si c'est par interêt que tu me porte alors je ne t'en veux pas [3]).

Разумѣется, солдата не наказали, а офицера пригласили держаться установленнаго обычая, а своего не вводить.

Въ дѣлѣ соблюденія наружныхъ приличій французскій солдатъ этой эпохи особенно точенъ не былъ и начальники его относились къ этому благодушно, ибо видѣли въ этомъ только упущеніе по части приличія, а отнюдь не нарушеніе обязанности. Невольно вспоминается при этомъ случай, бывшій въ Итальянскую кампанію 1859 года.

На другой день послѣ сраженія при Палестро король Викторъ-Эммануилъ осматривалъ поле сраженія. Попавшійся на встрѣчу зуавъ того самаго полка, который наканунѣ одержалъ побѣду, не отдалъ ему чести. Сопровождавшій его французскій генералъ разсыпался въ извиненіяхъ и заключилъ тѣмъ, что le soldat français ne sait pas saluer son officier (т. е. что французскій солдатъ невнимателенъ въ отданіи чести офицеру). Oui; mais il sait mourir pour lui (да; но онъ умѣетъ умирать за него), мудро отвѣтилъ король. Что предпочтительнѣе—предоставляю на выборъ читателю.

И за этотъ періодъ (1815—1870 гг.) солдатъ явилъ себя тѣмъ, чѣмъ былъ прежде: съ самоотверженіемъ и энтузіазмомъ онъ несъ свою жизнь

[1]) Г. полковникъ, потому что онъ мнѣ также сказалъ ты.

[2]) Да вѣдь по любви къ тебѣ.

[3]) Если по любви твоей ко мнѣ, тогда я на тебя не обижаюсь.

на жертву для достиженія цѣлей, которыя ему указывали представители родины. Побывалъ онъ за это время въ Испаніи, взялъ Алжиръ, побывалъ и у насъ, въ Крыму, потомъ въ Италіи, потомъ въ Мексикѣ и вездѣ явилъ себя достойнымъ своихъ предшественниковъ. Даже тотъ страшный годъ, который по разгрому можно сравнить только съ 1806-мъ, французскій солдатъ можетъ вспомнить не краснѣя. Гдѣ его вели какъ нужно, онъ и показывалъ себя какъ должно; и за 70-й годъ французскій солдатъ этой эпохи столько же виноватъ, сколько его предшественникъ за 12-й, 13-й и 15-й... Свалили режимъ, но не его.

Но оставимъ грустныя воспоминанія и обратимся къ утѣшительнымъ. Въ крымскую кампанію мы столкнулись съ французами въ первый разъ послѣ великихъ Наполеоновскихъ войнъ, т. е. черезъ сорокъ лѣтъ. Несмотря на борьбу, которая должна бы, кажется, вызывать враждебныя чувства, у насъ къ нимъ не было ничего подобнаго. При малѣйшей остановкѣ дѣйствій наши сходились съ французами, чуть не какъ со старыми пріятелями, по свидѣтельству очевидцевъ. Странное явленіе представляютъ эти расовыя симпатіи; онѣ проявляются независимо и даже, такъ сказать, наперекоръ предписанной оффиціальной враждѣ. „Велятъ молъ, будемъ драться съ кѣмъ прикажутъ; а все-таки ты мнѣ любъ“. И не только на мѣстѣ, но и выше, и издали, на такія отношенія смотрѣли сочувственно.

Невольно вспоминаются при этомъ отношенія нашихъ солдатъ въ другой войнѣ—Венгерской 49 года. Дѣло было на аванпостахъ. Съ нашей стороны

стояли казаки, съ противной — венгерскіе гусары. Офицеръ, посланный для повѣрки аванпостовъ, приближается къ цѣпи и видитъ, какъ гусаръ, завидѣвъ его несется во весь духъ къ себѣ отъ казаковъ. Офицеръ подъѣзжаетъ къ казаку и спрашиваетъ, что подлѣ него дѣлалъ венгерецъ.

— Виноватъ, ваше скородіе, такъ значитъ,—потупившись отвѣчаетъ казакъ.

— Да ты не виляй, а говори толкомъ, что онъ тутъ дѣлалъ?

— Виноватъ, ваше скородіе, они намъ булочки, а мы имъ табачку!

Нѣчто подобное, вѣроятно, бывало и въ Севастополѣ.

Семидесятый годъ еще разъ измѣнилъ типъ французскаго солдата, благодаря короткимъ срокамъ службы; но характера его не измѣнилъ; доказательство—Тонкинъ и Мадагаскаръ.

Теперь это сплошной юноша двадцати двухъ — четырехъ лѣтъ. Добрый, славный, веселый, покладистый, до чрезвычайности выносливый и совѣстливый. Этотъ проглотитъ правило не только вдоль, но и поперекъ, козыряетъ на совѣсть и шутокъ не отпускаетъ. Обращаются съ нимъ мягко, учатъ тщательно, содержатъ прекрасно. Бывалъ онъ на послѣднихъ маневрахъ въ работѣ часовъ по 14, и такъ же былъ бодръ въ началѣ, какъ и въ концѣ работы. Самолюбіе, какъ было, такъ и осталось мощнымъ рычагомъ, дѣйствуя на который, съ нимъ можно сдѣлать что угодно. Въ послѣдній день большихъ маневровъ, 5-го (17-го) сентября, нѣкоторые полки выступили съ квартиръ въ 3 часа утра и пришли

на новыя квартиры только въ одиннадцать ночи: итого двадцать часовъ поля—и ничего.

Есть чудная картина Детайля Le Rêve (Сонъ).

Спитъ на бивакѣ пѣхота; передъ людьми рядъ ружейныхъ козелъ; вдали часовой; кой-гдѣ дымятся догорающіе костры; занимается заря. На ближайшей паръ козелъ покоится символъ родины—Знамя. Лица все молодыя, чуть не съ пушкомъ. Тутъ же и собачка. Подумаешь, школа вышла погулять и отдыхаетъ; но Знамя, но ружья—нѣтъ, это школа другого сорта.

И проносятся передъ ними въ сонномъ видѣніи тѣ, прежде почившіе, отцы и братія, сложившіе свои буйныя головы на пространствѣ отъ Лиссабона до Москвы, и отъ Нила до береговъ Балтійскаго моря. И какъ будто говорятъ имъ: „Честно и непостыдно отдали мы свой долгъ родинѣ; за нее страдали и умирали — страдайте и умирайте и вы: ибо не мачиха она вамъ, а родная мать; ибо любитъ она васъ такъ же, какъ любила насъ. Любите же и вы ее даже до смерти; „больше сея любви никто же имать, да кто душу свою положитъ за други своя...“ И не тѣ бьютъ, кто умѣетъ убивать; но кто умѣетъ жертвовать собою...

Отвѣтъ „Молодому солдату“.

Ты пишешь: „Случай: Часовой у погреба, карауль ефрейторскій, помѣщеніе въ полуверстѣ—пожаръ: домъ, гдѣ карауль находится, горитъ, всѣ чины ка-

раула не успѣваютъ спастись и погибаютъ! Кто смѣнитъ часового—онъ и постъ невредимы.

Вопросъ „молодого солдата“

Можетъ быть ты и молодой, а ужъ каверзчикъ: не столько хлопочешь узнать службу и проникнуться ея духомъ, сколько о томъ, чтобы выискивать пустяковыя пѣшки.

Это желаніе не разъяснить служебное недоразумѣніе, а сотворить кляузу позаковыристѣе, или пуститься въ пустопорожнюю философію, въ родѣ разсужденій о томъ, „что было, когда ничего не было“, и что хуже: „имѣть и потерять, или ждать и не дождаться?“. Занимай свою мысль подлинными жизненными вопросами, а не пустяковыми, вымученными измышленіями—будетъ лучше.

Во первыхъ, какимъ это образомъ, могло случиться, чтобы три человѣка караула (ефрейторъ и два рядовыхъ) сразу могли погибнуть отъ пожара? Вѣдь карауламъ помѣщенія всегда отводятся внизу и спать въ караулѣ всѣмъ людямъ не дозволяется значитъ начальникъ караула (ефрейторъ) могъ погибнуть, меньше чѣмъ кто-нибудь, ибо при малѣйшемъ шумѣ выскочилъ бы, да и другимъ приказалъ бы сдѣлать то же.

Во вторыхъ, допуская даже, что они бы всѣ погибли; въ части это узнаютъ такъ или иначе, пришлютъ смѣну, отъ которой вышлютъ и новаго часового на мѣсто стараго часового. Допустимъ, что послѣдній упрется и не захочетъ сдать поста, несмотря на то, что люди одной съ нимъ части; тогда онъ простоитъ лишнюю одну, можетъ быть двѣ

очереди, рядомъ съ новымъ часовымъ, пока не дадутъ знать въ его роту, пока оттуда не придетъ фельдфебель или и самъ ротный командиръ, которые его убѣдятъ, наконецъ, что коли его ефрейторъ погибъ, и смѣнять пришли люди знакомые, то уже тутъ топорщиться нечего, а нужно сдать постъ и уходить. Учись, да не заучивайся, и принимай вещи просто, а не придумывай штукъ.

Открытое письмо г. Бліоху.

М. Г. Вы желаете знать мое мнѣніе о трудахъ Вашихъ по военному дѣлу. Извините за откровенность, они производятъ на меня впечатлѣніе компиляціи весьма кропотливой и не всегда послѣдовательной. Впрочемъ, мы стоимъ на противоположныхъ точкахъ зрѣнія, и потому сомнѣваюсь, чтобы мое мнѣніе имѣло для Васъ какую-либо цѣну. Такъ въ „Историческомъ очеркѣ идеи разрѣшенія мирнымъ путемъ международныхъ столкновеній“ Вы усиливаетесь доказать, будто протестъ противъ милитаризма мало по малу доведетъ до полнаго устраненія боевыхъ столкновеній; я же полагаю, что такое устраненіе немыслимо, ибо противорѣчитъ основному закону природы, которой равно дорого (и равно безразлично) разрушеніе, какъ и созиданіе; вѣдь ничего не разрушать и ничего не созидать—одно и то же. Что бы вы ни созидали, вы неминуемо должны нѣчто и разрушать. Напримѣръ, для того, чтобы создать Вашъ трудъ, Вы истребили (или разрушили): 1) значительное количество Вашей нервной энергіи, 2) массу перьевъ, бумаги, скорописныхъ и

типографскихъ чернилъ; 3) потратили (т. е. въ отношеніи къ себѣ истребили) порядочную сумму денегъ. И такъ во всемъ: созиданіе неминуемо предполагаетъ разрушеніе; и безъ разрушенія созиданіе немыслимо въ какой бы то ни было области. Вся разница въ предметѣ созидаемомъ и въ матеріалѣ, разрушаемомъ для его созданія. На одни созданія разрушаются бумага, перья и проч., на другія истребляется дерево, животныя; на третьи наконецъ самъ человѣкъ. Человѣческому инстинкту самосохраненія противно конечно допустить, что есть задачи, для рѣшенія коихъ самъ человѣкъ, въ свою очередь, является матеріаломъ, подлежащимъ разрушенію; но оно такъ и иначе быть не можетъ.

Тѣ затишья, которыя наступаютъ время отъ времени и которыя людямъ сентиментальнымъ и коммерческимъ кажутся шагомъ къ тому, что войны наконецъ не будетъ, суть не болѣе какъ затишья предъ грозою. Съ равнымъ основаніемъ можно въ ясную и тихую погоду утверждать что грозы болѣе не будетъ.

Вся бѣда разсуждающихъ подобнымъ образомъ въ томъ, что при разсужденіи они дѣлаютъ логическій скачекъ: отправляются они отъ совершенно вѣрнаго положенія, что война дѣло скверное; а приходятъ къ заключенію, что придетъ время, когда войны не будетъ, которое вовсе не вытекаетъ изъ того, что война дѣло скверное.

Дѣло вовсе не въ томъ, скверное или хорошее дѣло война, а въ томъ, устранимое ли?

Что она противна человѣческому инстинкту самосохраненія, такъ вѣдь это еще ничего не доказы-

ваетъ: мало ли что ему противно и однако бываетъ, въ родѣ наводненій, урагановъ, эпидемій, голодовокъ, землетрясеній и т. п. Великій нашъ хирургъ Пироговъ называлъ войну травматической эпидеміей: замѣчаніе глубокое, ибо характеризуетъ войну какъ дѣло, человѣческой волѣ неподчинимое. Можно, конечно, изощряться на темы въ родѣ войны pour les beaux yeux de Madame, забывая, что когда есть причины къ войнѣ, за поводами дѣло никогда не станетъ, а когда причинъ нѣтъ, то и серьезные даже поводы къ ней не ведутъ; но допуская даже подобное злоупотребленіе средствомъ столь кровавымъ, какъ война, нельзя въ этомъ видѣть аргумента противъ войны: ибо чѣмъ не злоупотребляетъ человѣкъ?

Опять же нужно имѣть въ виду и то, что что одному кажется злоупотребленіемъ, другой находитъ законнымъ примѣненіемъ силы для отстаиванія своего права... Признаете ли вы вѣрность положенія, что истина для порядочнаго человѣка и порядочнаго народа должна быть дороже жизни? Если признаете, то вмѣстѣ съ тѣмъ должны признать и неминуемость такихъ совпаденій, при которыхъ Вы за свою истину должны быть готовы пожертвовать своею жизнью; если же не признаете, то мало по малу дойдете до того, что Ваша истина не будетъ стоить не только жизни, но даже и ломанаго гроша. Тутъ середины нѣтъ и быть не можетъ.

Можно, пожалуй, возразить на это вопросомъ: что такое истина? Этотъ вопросъ, если припомните, былъ уже предложенъ въ одномъ рѣшительномъ случаѣ, и отвѣта на него не послѣдовало, да и не

могло послѣдовать, ибо развѣ Пилатъ могъ бы понять, если бы ему сказали, напримѣръ, хоть такъ: истина есть то, за что человѣкъ готовъ пожертвовать своею жизнью? Конечно, не могъ бы. Онъ зналъ отлично истины вродѣ той, напримѣръ, гдѣ лучше быть прокураторомъ: при царѣ іудейскомъ или при иномъ какомъ; гдѣ лучше усердіе показать, а гдѣ руки умыть; гдѣ можно безнаказанно ограбить, а гдѣ воздержаться; но тѣми, за которыя жертвуютъ жизнью, онъ вѣроятно, не интересовался. Вы, конечно, согласны съ тѣмъ, что безусловная истина для человѣка недосягаема, и что поэтому для него истиной является то, что онъ въ данную минуту признаетъ за истину. Когда двѣ такихъ истины другъ другу противуположны и становятся въ упоръ, какъ ихъ помирить, кому рѣшить, чья истина истиннѣе? Римлянинъ, напримѣръ могъ бы сказать христіанину: „Я римскій гражданинъ, выше котораго нѣтъ никого, а ты нарушитель установленнаго порядка“. Христіанинъ могъ бы отвѣтить Римлянину: „А ты слуга діавола, и нѣсть ни Эллина, ни Іудея, но всѣ братья во Христѣ“. Какъ вы полагаете, могли они столковаться? И замѣтьте: при всякомъ нарожденіи новаго, старое не можетъ не стремиться къ его уничтоженію, если только оно въ принципѣ противорѣчитъ старому; и эта жестокая и неминуемая коллизія можетъ прекратиться только тогда, когда человѣчество изживетъ совершенно свое духовное содержаніе, т. е., собственно говоря, умретъ.

До чего мы расходимся, доказываютъ нѣкоторыя изъ Вашихъ же цитатъ, которыя по моему свидѣ-

тельствуютъ о неустранимости войны (даже изъ-за добычи), а по Вашему о томъ, что ея когда-нибудь не будетъ. Такъ договоръ между римлянами и латынами, начинающійся тѣмъ, что миръ между ними „да продолжится дотолѣ, пока небо и земля не прекратятъ своего существованія“, Вамъ кажется доказательствомъ того, что и тогда уже возникала идея разрѣшенія столкновеній мирнымъ путемъ; и оно пожалуй было бы такъ, если бы сей словесный шагъ къ вѣчному яко бы миру не завершался тѣмъ, что «нападенія будутъ отражать общими силами, а добытое при этомъ будетъ дѣлиться поровну». Хорошъ вѣчный миръ, при которомъ имѣется въ виду добыча! Двѣ разбойничьихъ шайки соединяются для болѣе успѣшнаго грабежа; а Вамъ онѣ кажутся провозвѣстниками общаго мира... Можетъ быть Вы возразите, что они соединились не для нападенія, а для отраженія нападеній: какая же добыча при отраженіи нападеніи? Да и кто не знаетъ римскаго крючкотворства, по которому всегда выходило, что они никогда не начинали войны, а другіе ихъ на нее вызывали? Всѣ ихъ бѣдненькихъ обижали: только на дѣлѣ выходило такъ, что (кромѣ Аннибала и еще Пирра) никто къ нимъ не жаловалъ, а они ко всѣмъ жаловали, пока, разумѣется, были въ силѣ. Стремленіе къ миру, согласитесь, оригинальное; не даромъ Тацитъ гдѣ-то сказалъ: они создали вокругъ себя пустыню и называютъ это миромъ.

И всѣ приводимые Вами примѣры, если ихъ разобрать мало-мальски внимательно, даютъ такъ же выводъ, по моему, противоположный Вашему. Замѣтьте, я не пишу апологію войны,—сохрани меня

Богъ! я первый говорю, что война дѣло отвратительное, безчеловѣчное, жестокое; утверждаю только, что вмѣстѣ съ тѣмъ и неизбѣжное. Человѣчество, по примѣру своего Божественнаго Учителя, можетъ молить: „Господи, да мимо мене идетъ чаша сія“: но пусть не забываетъ и окончанія этой мольбы: „но не якоже азъ хощу, но якоже Ты“; ибо когда совершаются времена, чаши избѣжать нельзя... И Байронъ сказалъ не софизмъ, а глубокую истину замѣтивъ: «я охотно выразилъ бы омерзѣніе противъ войны, если бы не былъ убѣжденъ, что только она спасетъ міръ отъ плѣсени и гнили». Замѣтьте, убѣжденъ, т. е. форма выраженія рѣшительная и безусловная, а не то, что «полагалъ бы», „мнѣ кажется“ или что нибудь въ томъ же родѣ.

И опять всѣ эти росказни о „грубой силѣ“. Ахъ, господа! господа! да неужели Вамъ не приходитъ въ голову, что превращеніе права „Грубой“ Силы въ силу „Деликатнаго“ Права не уничтожаетъ перваго права, а только переводитъ его въ скрытое состояніе? Неужели Вы не замѣчаете, что сила Права была бы очень не сильна, если бы у него за спиною не стоялъ Полицейскій, а за Полицейскимъ Солдатъ, т. е. Право Силы? Что даетъ обязательную силу деликатнымъ приговорамъ вродѣ многихъ лѣтъ каторги, пусканія семьи по міру для удовлетворенія „законной“ претензіи какого-нибудь Шейлока? Должно быть убѣжденіе въ праведности судьи, въ нерушимости писаннаго закона, не правда-ли?

И въ этомъ основной пунктъ нашего разногласія. Мы стоимъ на противоположныхъ полюсахъ; каждый изъ насъ поклоняется тому, что другой

сжигаетъ; понятно, что при такомъ отношеніи мнѣніе одного не можетъ имѣть особой цѣны для другого.

Собственно я на этомъ могъ бы остановиться, но не могу не сказать нѣсколькихъ словъ о другомъ пунктѣ коренного противорѣчія между нами,—противорѣчія во взглядѣ на значеніе холоднаго оружія. Вы полагаете, что оно теперь ничего не стоитъ; я же убѣжденъ, что оно было и навсегда останется представителемъ воинской доблести; что рѣдкость столкновеній на холодномъ оружіи доказываетъ ничтожество не его, а тѣхъ, кто не способенъ сойтись на дистанцію штыка или шашки; что не подобаетъ говорить о его ничтожествѣ даже людямъ, мало въ этихъ вопросахъ компетентныхъ, послѣ абиссинскаго нравоученія. Вамъ, какъ человѣку вольному, разумѣется, можно все говорить, даже и то, будто соціализмъ есть реакція противъ милитаризма, а не противъ капитализма; но съ военной точки зрѣнія проповѣдь о ничтожествѣ холоднаго оружія есть отрицаніе самоотверженія и оправданіе самосохраненія, т. е., попросту говоря, апотеоза трусости.

Возраженіе на письмо г. Бліоху г. Антимилитариста.

М. Г. Михаилъ Ивановичъ! Прочелъ я Вашу замѣтку въ № 316 „Развѣдчика“—„Отвѣтъ г. Бліоху“ и, находя мѣткими нѣкоторыя частныя Ваши возраженія,—въ основѣ не могу съ Вами согласиться.

Вы доказываете, что устраненіе войны немыслимо, ибо противно „закону природы: разрушая—созидать“. Вѣдь разрушеніе разрушенію рознь; разрушать съ пользой и

разумно—можно, но истребленіе себѣ подобныхъ—противно; но противно оно человѣчеству, конечно, а не природѣ, которой, Вы сами говорите, все равно: разрушать или созидать.

Несомнѣнно, человѣчество совершенствуется и волей-неволей придетъ къ такому заключенію: такъ какъ война дѣло скверное, то надо его устранить, а, слѣдовательно, современемъ войны не должно быть и не будетъ. Почему скверное—это знаетъ всякій и давно уже.

Что оно устранимое—явствуетъ изъ того, что дѣломъ войны управляетъ *не* природа, а самъ человѣкъ, съ его свободной волей, которой онъ владѣетъ, а не наоборотъ. И какъ воля эта тѣсно связана съ умственными центрами, то по мѣрѣ развитія послѣднихъ, первая, все болѣе и болѣе подчиняясь велѣніямъ здраваго смысла, начинаетъ служить гуманнымъ цѣлямъ.

Начиная съ глубокой древности и до сего дня, замѣчается непрерывное дѣйствіе этого основного закона, который правитъ человѣчествомъ по пути уничтоженія язвъ, покрывавшихъ позоромъ его существованіе (религіозныя преслѣдованія, невольничество, крѣпостное право и проч.). Война же, принадлежа, несомнѣнно, къ числу этихъ язвъ, по аналогіи должна, постепенно теряя свой престижъ (извѣстно, что еще и въ средніе вѣка на войну смотрѣли какъ на удалое ремесло), исчезнуть, какъ способъ грубый для достиженія интересовъ государственныхъ и народныхъ.

Далѣе. У Васъ есть ссылка на слова Байрона... Не могу и съ этимъ согласиться.

Развѣ средніе вѣка не изображали изъ себя сплошной войны? А между тѣмъ найдите въ Исторіи болѣе мрачное время въ смыслѣ косности и неподвижности развитія!? Такимъ образомъ, мнѣ кажется, что поэтъ выразилъ свое убѣжденіе лишь подъ давленіемъ частнаго случая, обстановки временной: героизмъ возставшихъ грековъ многое тутъ объясняетъ. Однако, всякій, вѣрующій въ цивилизацію, долженъ согласиться съ тѣмъ, что необходимость подобныхъ возстаній со временемъ уступитъ другимъ способамъ для отстаиванія своихъ правъ; ибо не вѣчно же и турки, и имъ подобные будутъ находиться на той низкой степени развитія, на какой стоятъ они пока.

Итакъ, по моему, миръ освобождаетъ человѣка отъ плѣсени и гнили и не мѣшаетъ уму спокойно отдаваться своей работѣ. Только миръ обогащаетъ вѣкъ (напримѣръ, хотя бы и XIX) такими плодотворными умами (напримѣръ, хотя бы Эдиссонъ), которые подъ вліяніемъ духа милитаризма неизбѣжно направились бы на изобрѣтеніе средствъ истребленія; и, вѣроятнѣе, что взамѣнъ ихъ, этихъ людей ума и науки, мы имѣли бы блестящихъ эффектныхъ полководцевъ, овладѣвшихъ тайной (положимъ, великой) будить во-время въ человѣкѣ звѣря и пользоваться его разрушительной силой. При этомъ, конечно, рискованно утверждать: созидаютъ ли они что-либо?

Было бы, конечно, интересно, милостивый государь, получить отъ Васъ возраженіе на страницахъ „Развѣдчика“, хотя, нужно сказать, едва ли мы договоримся до соглашенія по этому вопросу, ибо, какъ Вы выразились по адресу г. Бліоха, мы стоимъ на противоположныхъ точкахъ зрѣнія.

Особенно невѣрнымъ и обезкураживающимъ является Ваше положеніе, что миръ наступитъ развѣ тогда, когда „человѣчество изживетъ все свое содержаніе, т. е. умретъ“. Такая вѣра, по моему, именно теперь уже способна повергнуть человѣка въ холодъ отчаянія! Существованіе извѣстнаго зла еще не узаконяетъ его, какъ нѣчто вѣчное.

И вотъ, тогда, по нашему мнѣнію, начнется новая эра, совершенной, новой, чисто духовной, возвышенной жизни человѣка, который широко воспользуется этимъ благодатнымъ временемъ, чтобы развернуть до громадности всю силу своего ума, духа, но никакъ не умретъ, „не изживетъ своего содержанія!“

Въ заключеніе, еще разъ покорнѣйше прошу Васъ, милостивый государь, не отказать мнѣ отвѣтомъ и разсѣять мои анти-милитарныя сомнѣнія.

Примите увѣреніе въ совершенномъ почтеніи и глубокомъ уваженіи Вашего поклонника.

Отвѣтъ г. Антимилитаристу.

Вы желаете отвѣта, т. е. возраженія на Ваше письмо, признавая сами, что мы стоимъ на противо-

положныхъ точкахъ зрѣнія; Вы и не подозрѣваете, конечно, до какой степени эта противоположность велика: восклицанія и выраженіе такъ называемаго благороднаго негодованія Вы принимаете за аргументы — я и радъ бы ихъ принять за таковые, но не могу; и конечно не отвѣчалъ бы, если бы не думка, что можетъ быть Вы военный.

Во 1-хъ, Вы противополагаете человѣчество природѣ; развѣ оно не созданіе той же природы? И, слѣдовательно, развѣ оно можетъ стать выше какого-либо изъ ея законовъ?

Во 2-хъ, Вы считаете, что дѣломъ войны управляетъ человѣкъ съ его „свободной“ волей. Можетъ быть Вы слышали, что свобода воли есть „иллюзія существа, которое сознаетъ себя причиной, но не сознаетъ себя слѣдствіемъ“ *). Это уже давно сказано, и сказано вѣрно. Слѣдовательно, свобода воли существуетъ въ предѣлахъ довольно ограниченныхъ. Принимая ее такъ, какъ повидимому принимаете Вы, пришлось бы заодно признать, что могутъ быть дѣйствія безъ причины. Падающій камень, если бы могъ говорить, навѣрное сказалъ-бы, что падаетъ потому, что желаетъ падать. Это тоже сказано, и даже довольно давно.

Въ 3-хъ, война должна исчезнуть, какъ „грубый“ способъ для достиженія интересовъ государственныхъ и народныхъ. — Вѣжливый или грубый способъ война—къ дѣлу не относится, ибо были, есть и будутъ такія цѣли, которыхъ иначе, какъ путемъ войны, достигнуть нельзя. Слѣдовательно,

*) ... est une illusion d'un être qui a conscience de lui comme cause, mais n'a pas conscience de lui comme effet. Diderot.

по логикѣ, Вамъ нужно бы собственно доказать, что нѣтъ такихъ вопросовъ, которыхъ иначе, какъ войною, разрѣшить нельзя; а вмѣсто того Вы говорите непріятности по адресу войны: и язва-то она, и грубое средство. Все это возгласы, но не аргументы. Кто хочетъ добиться правды, тотъ не ограничивается разговорами, а обращается къ фактамъ, и честно ихъ обслѣдуетъ, не замалчивая въ нихъ того, что непріятно. Могъ-ли переходъ отъ грекоримскаго воззрѣнія къ христіанскому, отъ католическаго къ протестантскому и пр. и пр. обойтись безъ кровавой борьбы? Конечно не могъ. И никогда подобнаго рода вопросы не могутъ рѣшаться иначе, какъ путемъ этой „язвы", этого „грубаго средства". Представьте себѣ, что рѣшать подобнаго рода столкновенія предоставлено было бы дипломатамъ или вообще людямъ слова, а не дѣла; скажите по совѣсти: могли-ль бы они договориться до чего нибудь такого, что удовлетворилило бы общественныя группы, убѣжденія коихъ стали другъ другу въ упоръ?

Вѣдь Вы признаете, что XIX вѣкъ очень прогрессивный вѣкъ, слѣдовательно, въ немъ бы войны должны бы быть рѣже: а между тѣмъ посчитайте, сколько разъ въ теченіе его прибѣгали къ этому грубому средству въ крупныхъ размѣрахъ; а если посчитать мелкіе случаи, то пожалуй, Вы одного года мирнаго не найдете. Съ 1800 по 1815—безпрерываня война; и какая! Кавказская война; наши Персидскій и Турецкій походы; у французовъ Алжирская война; Крымская, Франко-Австрійская, Мексиканская; война Сѣверо-Американская, Англо-

Франко-Китайская, Шлезвигская, Австро-Прусская, Франко-Прусская, Сербская, наша Турецкая, Франко-Тонкинская. Къ этому прибавьте всѣ экспедиціи англичанъ въ разныхъ мѣстахъ и возню въ Южно-Американскихъ республикахъ. Какъ видите, списокъ не короткій, хотя и далеко неполный; и это въ вѣкъ, величающійся, и не безъ основанія, своей цивилизаціей и культурой. Взявъ это въ расчетъ, Вы можетъ быть согласитесь, что если и позволительно о чемъ мечтать, то развѣ о томъ только, чтобы рѣже прибѣгали къ этому средству, а ужъ никакъ не о совершенномъ упраздненіи его (гдѣ ужъ тутъ?) А люди, разсуждающіе подобно Вамъ, утверждаютъ, будто съ развитіемъ цивилизаціи войны будутъ рѣже. Хорошо рѣже!

Въ 4-хъ, подъ какимъ бы впечатлѣніемъ Байронъ ни высказалъ свое мнѣніе, но и по Вашему значитъ выходитъ, что могутъ быть случаи, когда безъ войны обойтись нельзя. Что же до „грубости и косности развитія“ въ средніе вѣка, то не нужно забывать, что эти вѣка составляютъ корни европейской жизни; не было бы ихъ, не было бы и того, что теперь есть и чѣмъ мы пользуемся. Съ равнымъ основаніемъ образованный и богатый юноша могъ бы оплевывать своихъ грубыхъ предковъ, сколотившихъ ему всѣми правдами и неправдами мошну и доставившихъ тѣмъ возможность образованія, сытой жизни, деликатныхъ манеръ и пр.. Если бы „героизмъ возставшихъ грековъ многое тутъ объяснялъ“, какъ то вамъ кажется, то Байронъ и высказался бы въ примѣненіи къ этому частному случаю, а не вообще.

Въ 5-хъ, Эдиссонъ живетъ какъ вамъ извѣстно, въ эпоху усиленнаго милитаризма, а между тѣмъ не направился же на изобрѣтеніе средствъ истребленія. Сильныя призванія никогда не совращаются со своего пути; и изъ Эдиссона, напр., никогда бы вѣроятно не вышло блестящаго эффектнаго полководца, какъ и изъ Наполеона, напр., не вышло-бы Эдиссона или Фультона. А въ общей экономіи массовой жизни тѣ и другіе равно нужны (когда, кто) по великому слову Евангелія: „Въ дому Отца Моего обители многи суть“.

И ваши смѣшки относительно „великой тайны будить въ человѣкѣ звѣря“, даже если Вы и штатскій, неприличны и непорядочны, ибо этотъ звѣрь не только губитъ, но и гибнетъ, и гибнетъ притомъ во имя высшаго закона любви христіанской: положить душу свою за други своя. Дѣло, которое одно вызываетъ человѣка на подвигъ самопожертвованія даже до смерти, и притомъ не инстинктивно, не порывомъ, а съ сознаніемъ на что идетъ онъ и для чего назначенъ, никогда не утратитъ своего великаго и вмѣстѣ рокового значенія въ жизни массъ, какъ оно ни противно интересамъ индивидуума. Нельзя не вспомнить и того, что въ ряду обладавшихъ тайной „будить въ человѣкѣ звѣря“ значится чистая недосягаемая въ своемъ величіи семнадцатилѣтняя Іоанна д'Аркъ.

Въ 6-хъ, по Вашему „рискованно утверждать, созидаютъ ли они (полководцы) что либо?“—Созидаютъ новый порядокъ вещей; и этого могутъ не видѣть только слѣпые. Можетъ быть и Вамъ не безызвѣстно, на сколько стало легче жить въ Европѣ

благодаря Наполеоновской бурѣ и на сколько мощное развитіе получила съ тѣхъ поръ европейская жизнь, наша въ особенности. Не нужно забывать хоть бы то, напримѣръ, что до революціонныхъ войнъ мелкіе нѣмецкіе потентаты занимались поставкою рекрутъ изъ своихъ подданныхъ въ англійскую армію, разумѣется, за деньги. Можетъ ли что-либо подобное прійти теперь кому въ голову даже во снѣ? Чтобы объ этихъ вещахъ здраво судить, мало знать настоящее, а нужно припоминать и прошедшее.

Въ 7-хъ, по Вашему, особенно невѣрнымъ и обезкураживающимъ является положеніе, что вѣчный миръ возможенъ только на кладбищѣ. Въ томъ-то и дѣло! Что Васъ обезкураживаетъ, то и невѣрно. Т. е. что не нравится, то Вы отрицаете. Мнѣ кажется, что эти вещи нужно разбирать, спрятавъ въ карманъ свое чувство; иначе оно всегда будетъ сбивать съ толку.

Составляетъ ли прогрессъ христіанское міровоззрѣніе по сравненію съ греко-римскимъ?—Вѣроятно вы не будете спорить съ тѣмъ, что составляетъ. Возможно ли было замѣщеніе второго первымъ безъ кровавой борьбы? Нѣтъ, невозможно. Нарожденіе чего бы то ни было новаго несетъ смерть старому, которое добровольно отъ жизни не отказывается; результатъ—борьба, тѣмъ болѣе кровавая, безпощадная, чѣмъ рѣзче новое расходится въ принципѣ со старымъ. Это достаточно ясно выражено въ замѣткѣ, на которую Вы возражаете, но которая, къ сожалѣнію, не удостоилась Вашего вниманія. Когда же слѣдовательно, настанетъ время, что борьбы не будетъ? Настанетъ только тогда, когда ни въ духов-

ной, ни въ матеріальной области массовой жизни не будетъ возникать ничего новаго, или, что то же, когда человѣчество изживетъ свое духовное содержаніе. Можетъ это непріятно, но вѣрно: или жизнь и ея неминуемый спутникъ борьба, или вѣчный миръ и во блаженномъ успеніи вѣчный покой.

Цитата изъ Фламмаріона, по моему, пустой наборъ словъ, не болѣе. Освободимъ ее отъ цвѣтовъ краснорѣчія и выйдетъ вотъ что: хотя сила господствуетъ надъ правомъ, но люди сознаютъ всю ложность этого положенія. Позвольте: если они это сознаютъ дѣйствительно, кто же имъ можетъ помѣшать отъ ложнаго положенія перейти къ истинному? Отрицаніе принципа или факта общераспространеннаго, во имя своей фантазіи, можетъ быть и пріятная, но праздная и антилогичная потѣха. Затѣмъ идутъ у него пустопорожнія pia desideria съ прибавкою „паразитствующихъ солдатъ“, „освободившагося отъ этого позора міра“, „рубашка прокаженнаго, это безчестіе, эта глупость, которая носитъ названіе расходовъ на военныя надобности“. Все это показываетъ только одно, что г. Фламмаріонъ очень разсердился, но логики его не доказываетъ. И когда подумаешь, что эти выходки противъ войска г. Фламмаріонъ можетъ писать спокойно, комфортабельно, только благодаря покровительству того же войска. Когда подумаешь, что паразитствующіе, по его мнѣнію, солдаты выдерживаютъ школу самоотверженія, привычки къ работѣ сообща, дисциплины, т. е. того, безъ чего, вѣдь, и порядочный гражданинъ не мыслимъ...

За фламмаріоновскими благими пожеланіями слѣ-

дуютъ Ваши; и, къ чести Вашей будь сказано, безъ ругани. Я, какъ и Вы, думаю, что человѣчество не изживетъ своего содержанія и слѣдовательно при всякомъ большомъ шагѣ въ развитіи неминуемо будетъ прибѣгать къ кровавой борьбѣ. И теперь Европа наканунѣ борьбы труда и капитала; и Вы это вѣроятно знаете. Но вѣдь это только стычки передовыхъ постовъ, даже не цвѣточки, а только листики, а цвѣточки и ягодки будутъ впереди. Безъ силы нѣтъ права; она есть источникъ всякаго права, и когда изъ скрытаго переходитъ въ явное состояніе, то конечно исключаетъ всѣ свои производныя. Укажите мнѣ хоть одно общество, которое существуетъ безъ войска и полиціи въ томъ или другомъ видѣ; и тогда можно будетъ разсуждать о силѣ права, не нуждающагося въ покровительствѣ права силы. Но Вы такого общества не укажете.

У болгаръ и за границей А. Верещагинъ.

(Библіографическая замѣтка).

Послѣ продолжительнаго молчанія А. В. Верещагинъ выпустилъ въ свѣтъ продолженіе своего перваго талантливаго труда (Дома и на войнѣ), извѣстнаго большинству нашей читающей публики и даже переведеннаго на нѣкоторые иностранные языки.

И въ настоящемъ трудѣ виденъ тотъ же симпатичный карандашъ, дѣлающій наброски вѣрно и бойко, просто и наивно. Вотъ пріѣздъ въ Галлиполи съ покойнымъ Н. С. Ганецкимъ; вотъ и англійскіе броненосцы, вызывающіе у автора размышленіе: „ вотъ онъ гдѣ ключъ-то къ Константинополю, о которомъ у насъ въ прошломъ году столько толковали“... Да! пока другіе толкуютъ, англичане дѣлаютъ. Еще бы имъ не знать ключей—на то они купцы. А купецъ—прирожденный стратегъ, потому

родомъ своихъ занятій поставленъ въ необходимость всегда загадывать впередъ и на далеко. Воспитываясь преемственно, рядомъ поколѣній, купецъ даетъ, наконецъ, продукты въ родѣ Аннибала, съ которымъ по стратегіи можно поставить рядомъ развѣ Наполеона, да и то подумавши. Хорошо, что купецъ жаденъ до наживы, недовѣрчивъ и завистливъ даже къ своимъ вѣрнѣйшимъ дѣтямъ,отъ чего въ концѣ концовъ и гибнетъ; а то съ нимъ иначе и справы бы не было...

Въ слѣдующей главѣ другая черточка аглицкаго купецкаго нахальства. Казаки захватили двухъ англичанъ, причалившихъ къ берегу.

„Какъ снѣгъ на голову, наскакиваютъ они на этихъ господъ, хватаютъ вотъ ихъ двоихъ, садятъ на лошадей, сами садятся позади и несутся ко мнѣ въ сотню".

„...Они (англичане) посматривали на насъ и знаками указывали пониже спины, что имъ очень тяжело было съ непривычки проскакать на казачьемъ сѣдлѣ 50 верстъ".

„Этакой отчаянный народъ (говоритъ начальникъ про казаковъ)! Сейчасъ цапъ-царапъ, руки назадъ и въ сѣдло. Хорошо ежели они еще имъ шеи не накостыляли". И было бы по дѣломъ—не суйся. Вѣдь имъ было извѣстно, что на берегу посты, и никого пропускать не велѣно. Замѣчательно, что и начальнику первое, что пришло въ голову, это что казаки отчаянный народъ, а не что англичане нахалы, которыхъ нужно было проучить. Да онъ и дѣйствительно озабоченъ этимъ случаемъ, чтобы, неровенъ часъ, не влетѣло—дипломатическій, молъ, инцидентъ. Да въ иныхъ случаяхъ и влетало. Счастье еще, что наши простые казаки пресловутаго международнаго кляузн..., то бишь права не знаютъ.

Дѣйствительно: отчего не нахальничать, когда не только съ рукъ сходитъ, а даже барышъ даетъ?

Гдѣ же произрастаетъ купецъ безъ посуловъ и безъ запросу? Такого рѣдкаго растенія никакой ботаникъ не сыщетъ.

А вотъ это уже свое родное, только съ другого конца:

„Эхъ голубчикъ, какъ бы да намъ здѣсь простоять до новаго года, вотъ то бы хорошо было, кричитъ онъ

своимъ звонкимъ гортаннымъ голосомъ, какъ бы захлебываясь отъ удовольствія. Посуди самъ, сѣна и у тебя, и у меня за глаза хватитъ, соломы мы еще не починали, ячменя можно купить не дорого, чего еще!.. И при одной мысли о томъ, что можетъ быть, и даже очень скоро, придется разстаться съ такою благодатью, онъ щуритъ свои узенькіе глаза и сокрушительно качаетъ головой"! Есть и другія сцены, тоже по фуражной части, далеко не столь добродушныя, но, къ несчастью, вѣрныя.

Впрочемъ всѣхъ сценъ не переберешь. Любителямъ легкаго чтенія эта книга понравится именно своей простодушной искренностью. Патріотическому фарисейству нѣкоторыя сцены, вродѣ разсказа о снохачахъ, вѣроятно, покажутся возмутительными: „вѣдь это, такъ сказать, наши раны"; что-жъ дѣлать? На всѣхъ не угодишь. А на зеркало неча пенять, коли рожа крива. Еще Мольеръ сказалъ: il y a des personnes qui sont plus chastes d'oreilles que du reste de leur corps. Т. е. есть люди, у которыхъ ухо цѣломудреннѣе всего остального тѣла.

Вопросъ по гарнизонной службѣ.

М. Г. Михаилъ Ивановичъ. Недавно случившееся недоразумѣніе между карауломъ и чиновникомъ, вслѣдствіе порчи печати на цейхгаузѣ, заставило меня обратить вниманіе Вашего Высокопревосходительства на § 220 устава гарнизонной службы, каковой гласитъ слѣдующее: „...караульный начальникъ сличаетъ слѣпокъ съ находящимся при караулѣ слѣпкомъ и, удостовѣрясь въ сходствѣ, посылаетъ разводящаго съ приказаніемъ, допустить къ сундуку или кладовой". По моему, желательно бы прибавить: „слѣпокъ этотъ караульный начальникъ оставляетъ у себя и возвращаетъ по принадлежности лишь тогда, когда кладовая или сундукъ будутъ заперты и печати вновь наложенныя будутъ приняты таковымъ вмѣстѣ съ разводящимъ".

При такой редакціи у караульнаго начальника во все

время, когда печати сняты, будетъ доказательство, что онъ допустилъ соотвѣтствующее лицо, а допущенное лицо не можетъ отказаться отъ того, что оно воспользовалось допускомъ.

На дняхъ случилось слѣдующее:

При смѣнѣ караула на одномъ цейхгаузѣ печать оказалась снятою. Караульный начальникъ, онъ же и разводящій, вмѣстѣ съ прочими чинами караула, указалъ, что печать снята чиновникомъ N., котораго онъ приказалъ допустить на точномъ основаніи § 220. Чиновникъ же показываетъ, что онъ въ этотъ день не ходилъ въ цейхгаузъ и печати не снималъ. Неизвѣстно, на чьей сторонѣ правда. При предлагаемомъ мною добавленіи этого случиться не могло бы—слѣпокъ показалъ бы кто правъ. Примите и пр. NN.

Отвѣтъ.

М. Г. Искренно благодаренъ за довѣріе, съ коимъ обращаетесь ко мнѣ.

Въ случаѣ, который вы разсказываете, дѣло не въ томъ, снималъ или не снималъ печати чиновникъ N., а въ томъ, обнаружена ли покража въ этомъ цейхгаузѣ. Вы объ этомъ ничего не говорите. Если въ немъ все осталось на мѣстѣ, это одинъ случай; если чего нибудь не оказалось — другой. Тутъ Вы дѣлу не поможете оставленіемъ слѣпка, принесеннаго чиновникомъ, у караульнаго начальника, такъ какъ, возвращаясь отъ цейхгауза, чиновникъ возьметъ же слѣпокъ съ собою и поличнаго, что онъ тамъ былъ, все равно не останется. Я думаю, что въ случаѣ, Вами разсказанномъ, виноватъ часовой, при которомъ чиновникъ выходилъ изъ цейхгауза и который не настоялъ, чтобы печать была приложена, а тотъ, въ разсѣянности или намѣренно, самъ этого не сдѣлалъ. Но степень

вины часового, какъ я уже сказалъ, зависитъ отъ того, не случилась ли пропажа или случилась. Въ первомъ случаѣ это проступокъ, халатность, увы! намъ свойственная; во второмъ — преступленіе, въ которомъ часовой виноватъ первый.

Мнѣ тутъ неясно еще одно: о какомъ цейхгаузѣ идетъ рѣчь, о полковомъ или иномъ какомъ? Вы говорите „на одномъ цейхгаузѣ“; значитъ, ихъ было нѣсколько? Ходилъ въ него чиновникъ; значитъ, это не полковой цейгаузъ и караулъ былъ не отъ той части, которой принадлежали цейхгаузы? Такъ ли я это понимаю? Въ вопросахъ подобнаго рода весьма важно знать всю обстановку, чтобы можно было ихъ разрѣшить толкомъ.

Обращаясь къ проектируемой Вами прибавкѣ къ § 220, скажу, что она безполезна: во-первыхъ, потому, что и при ней, какъ выше объяснено, слѣда пребыванія чиновника въ цейхгаузѣ можетъ не остаться; во-вторыхъ, — и это важнѣйшее — нельзя пестрить законъ частными случаями, иначе загромоздите его ими такъ, что собьете исполнителей съ толку. Не даромъ Большой Петръ начерталъ: „въ уставѣ порядки писаны, а время и случаевъ нѣтъ“. Этого и нужно держаться въ редакціи всяческихъ уставовъ, т. е. писать въ нихъ только порядки. А затѣмъ дополнять эти „порядки“ (т. е. основныя положенія) инструкціями, по соображенію съ мѣстными условіями, есть, какъ Вамъ извѣстно, право и обязанность комендантовъ. Но для того караула, подъ охраною коего разсказанный Вами случай произошелъ, я бы помѣстилъ въ инструкцію не оставленіе слѣпка у караульнаго начальника, а требо-

ваніе, чтобы чиновникъ расписывался въ постовой вѣдомости и обозначалъ бы часъ прихода въ цейхгаузъ и ухода изъ него.

Шашечные пріемы въ артиллеріи.

I.

Въ нашемъ дѣлѣ, какъ всякому извѣстно, масса подробностей неустранимыхъ и исполнять ихъ можно на разные лады: можно и разно требовать ихъ исполненія, какъ то и бываетъ въ зависимости отъ врожденныхъ предрасположеній требующаго и отъ взглядовъ его на свое дѣло, усваиваемыхъ по преемству отъ старшихъ.

Что, кажется, можетъ быть проще ружейныхъ пріемовъ? А вѣдь на нихъ можно закатать въ лучшемъ видѣ, погнавшись за виртуозностью исполненія. Да въ старое время такъ и было: убивали многіе часы на ихъ продѣлываніе; и не хорошо приходилось тѣмъ, кто опаздывалъ на доли секунды или у кого палецъ оказывался на какія-нибудь полъ-линіи выше или ниже установленнаго мѣста. Приходилось не хорошо не только людямъ, но даже ни въ чемъ неповиннымъ ружьямъ, въ которыхъ ослабляли, а то и подпиливали гайки, чтобы пріемы были звонче.

Думаю, что теперешнему поколѣнію и читать объ этомъ смѣшно; но начавшимъ службу при гладкомъ оружіи это было вовсе не смѣшно; а боль-

ншинству казалось даже, что оно такъ и должно быть, и что возстающіе противъ этого—люди неблагонадежные, превратными идеями зараженные.

Съ принятіемъ нарѣза все это кануло въ вѣчность и, нужно полагать, не возвратится.

Чѣмъ же объясняется столь странное увлеченіе такимъ, собственно говоря, третьестепеннымъ отдѣломъ образованія, какъ ружейные пріемы? Объясняется однимъ: именно тѣмъ, что, до введенія нарѣза, ружье не употребляли для его прямого назначенія, т. е. для стрѣльбы, и силою вещей оно обратилось на практикѣ въ орудіе для продѣлыванія ружейныхъ пріемовъ. Въ число этихъ послѣднихъ попало и самое заряженіе: продѣлывали только движенія руками и шомполомъ, соотвѣтствующія заряженію, но и не думали заряжать. А когда нужно было зарядить въ настоящую, то къ командамъ прибавлялось „съ патрономъ“!

Разумѣется, разъ не было настоящаго патрона, ото всѣхъ движеній, представлявшихъ заряжаніе, требовали короткости и отрывочности, немыслимой при дѣйствительномъ заряжаніи тогдашнимъ патрономъ, когда нужно было высыпать порохъ въ каналъ, затѣмъ досылать пулю. Оба эти дѣйствія, особенно первое, конечно, нельзя было сдѣлать коротко, если хотѣть, чтобы порохъ былъ всыпанъ, а не разсыпанъ.

Послѣ крымской кампаніи, наконецъ, опомнились; пришлось подумать объ обученіи заряжанію дѣйствительному, т. е. пріучать исполнять эту манипуляцію плавно. Но пріемоноклонникамъ претило понятіе о плавности: какъ же это? пріемъ и

вдругъ плавно—вѣдь это развратъ! И вотъ одинъ изъ нихъ редактировалъ параграфъ о заряжаніи такъ: что порохъ всыпать и пулю досылать нужно „отнюдь не медленно, но крайне осторожно“...

Такъ-то природа вещей мститъ за употребленіе вещей несоотвѣтственно ихъ назначенію, за упражненіе въ одной только части дѣла вмѣсто всего дѣла; извратился не только смыслъ словъ, но и самыя дѣйствія; заряжаніемъ стали называть пустое маханіе руками около ружья, необходимая плавность движеній вытѣснена отрывочностью ихъ.

II.

На эти воспоминанія невольно навела насъ замѣтка „О шашечныхъ пріемахъ въ артиллеріи“, помѣщенная въ майской книжкѣ „Военнаго Сборника“*). Авторъ ея совершенно основательно замѣчаетъ нерацiональность такого, напримѣръ, пріема, какъ ,,придерживаніе лѣвою рукою обнаженной шашки на высотѣ локтя‘‘, такъ какъ можно порѣзаться; но не замѣчаетъ, что и всѣ шашечные пріемы соображены не раціонально, и по той же самой причинѣ, по которой въ прежнее время не были раціональны манипуляціи съ ружьемъ, т. е., по принятію части дѣла за все дѣло. Шашка неотточенная есть не шашка, а просто стальная полоска, которою можно вертѣть и махать какъ угодно; т. е., значитъ, это не шашка, а только возможность шашки, часть дѣла, а чтобы вышло все дѣло, полоску нужно отточить. Этой ничтожной, повидимому, разницы было достаточно, чтобы получилась чудная коллекція разнообразныхъ маханій, надъ изобрѣте-

*) 1897 года.

ніемъ которой артисты пріемстики по призванію потрудились немало.

Придетъ ли кому въ голову махать бритвой, даже безъ мысли о томъ, для чего бритва назначается? А вѣдь шашка должна быть отточена, какъ бритва; иначе она, какъ уже сказано, не оружіе, а только лишній, ни къ чему не годный, балластъ, который лучше совсѣмъ не носить: оно будетъ и легче, да и дешевле. И не подлежитъ никакому сомнѣнію, что если бы изобрѣтатели шашечныхъ пріемовъ, когда ихъ писали, имѣли подъ рукою шашку, отточенную какъ бритва, а не игрушечную, не мнимую, они бы кое-что вспомнили и написали бы совсѣмъ не то, что написали.

Что же бы они вспомнили? Они вспомнили бы, что съ отточенной шашкой нужно обращаться еще болѣе опасливо, чѣмъ съ заряженнымъ ружьемъ; что махать ею ни къ тому, ни къ сему, не годится; что она должна по настоящему обнажаться только для удара; что если въ прежнее время заряженнымъ ружьемъ полагалось не дѣлать „на краулъ“, то это тѣмъ болѣе слѣдуетъ примѣнить къ шашкѣ. Что ходить съ обнаженной отточенной шашкой шагомъ, тѣмъ болѣе бѣгомъ, по меньшей мѣрѣ странно, ибо можетъ вести только къ несчастнымъ случаямъ, не оправдываемымъ потребностями обученія. А вспомнивъ это, они написали бы: 1) что коли носить шашку (отточенную), то нужно учиться и рубить ею; 2) что обнажать ее слѣдуетъ только: а) для удара, б) на часахъ; 3) что всѣ движенія должно исполнять, имѣя шашку въ ножнахъ. Затѣмъ, при вкладываніи шашки въ ножны, не вижу причины,

почему бы людямъ и не взглядывать, наклонивъ голову, на отверстіе ножны и дѣлать это плавно, а не отрывисто; строю отъ этого ущерба нѣтъ, а порѣзовъ будетъ меньше; ибо ловить ее за конецъ не глядя, если она отточена, какъ то предлагаетъ авторъ статьи, не менѣе опасно, какъ и придерживать на высотѣ локтя, хватаясь за клинокъ; 4) требованіе быстроты и короткости при вкладываніи шашки не можетъ имѣть мѣста, если она острая, и забота объ этомъ—пустая и опасная забота.

III.

Что стрѣлять изъ ружья и изо всякаго огнестрѣльнаго оружія (какимъ кто вооруженъ) нужно, это уже вошло въ общее сознаніе; а что не менѣе (если не болѣе) нужно умѣть рубить, слѣдовательно въ этомъ и практиковаться, понятно далеко не всѣмъ. Даже не всѣ еще убѣждены въ томъ, что холодное оружіе въ войскахъ должно быть всегда отточено; боятся, что сточатъ—ущербъ казнѣ. Если ужъ такъ заботиться о сбереженіи шашекъ, то еще съ большимъ основаніемъ не слѣдовало бы допускать стрѣльбы: вѣдь ружья стоятъ много дороже шашекъ, да и патроны на годовую практику тоже не мало обходятся. А что ружья отъ стрѣльбы изнашиваются посерьезнѣе, чѣмъ шашки отъ упражненія въ рубкѣ, то кто же этого не знаетъ? А шашки у черкесовъ служили вѣками и къ употребленію оставались годны.

Полевыя мортиры.

Большинству офицеровъ, слѣдившихъ за событіями послѣднихъ 20-ти лѣтъ, извѣстно, чѣмъ было вызвано появленіе мортиръ въ составѣ полевой артиллеріи; именно тѣмъ, что показала турецкая война 1877—1878 гг. Большая мѣткость стрѣльбы оказалась парализованною полевыми укрѣпленіями довольно несерьезной профили. Это было настолько ощутительно, что о введеніи орудій навѣснаго боя въ полевую артиллерію заговорили немедленно же за окончаніемъ войны. Но казавшаяся невозможность поставить мортиру въ условія полевого дѣйствія, полагала принятію ея въ полевую артиллерію серьезныя препятствія. Дѣйствительно, орудіе, которое нужно было возить на колесахъ, а стрѣлять изъ него можно было только со станка, не могло быть полевымъ орудіемъ. И великая заслуга человѣка, руководившаго послѣ нашей послѣдней турецкой войны организаціей нашей артиллеріи, заключалась въ томъ, что онъ категорически рѣшилъ не допускать мортиру въ полевую артиллерію, пока она не будетъ маневрировать и дѣйствовать какъ полевая пушка. Такая задача, конечно, казалась неразрѣшимою: всѣ привыкли думать, что мортира можетъ стрѣлять не иначе, какъ только со станка; что нѣтъ колесъ, которыя отъ навѣсной стрѣльбы изъ сколько-нибудь серьезнаго орудія не разлетались бы въ дребезги. Да и какъ было не думать? Мортира существовала уже болѣе 300 лѣтъ и съ колесъ никогда не стрѣляла [1]). Но нашелся, нако-

[1]) По поводу убѣжденія, что изъ мортиры съ колесъ стрѣлять нельзя, со мною случился такой анекдотъ: когда генералъ Энгель-

нецъ, такой хитрый человѣкъ, который заставилъ ее стрѣлять съ колесъ и маневрировать какъ всякое другое орудіе, и мортира (не шуточная, а 6-дюймовая) принята въ полевую артиллерію.

Но не успѣли ее принять, какъ началась реакція; къ мортирѣ стали относиться съ запросами на то, чего она по свойствамъ и дать не можетъ. Всякому извѣстно (или по крайней мѣрѣ должно бы было быть извѣстно), что навѣсный огонь не можетъ дать той точности, какую даетъ прицѣльный, и что поэтому его слѣдуетъ употреблять по площадямъ, а никакъ не по линіямъ. Это или забыли, или не пожелали принять въ расчетъ, и вздумали ставить въ упрекъ мортирному огню то, что онъ не дѣйствителенъ по траншеямъ, да вдобавокъ замаскированнымъ. Что онъ достаетъ противника тамъ, гдѣ прицѣльный огонь его достать не можетъ, это, сознательно или безсознательно, но оставили въ тѣни, и оказалось, что мортира ничего или почти

гардтъ, давнишній мой знакомый и даже ученикъ по академіи генеральнаго штаба, пришелъ мнѣ сказать, что онъ проектировалъ лафетъ подъ мортиру, я поправилъ: „вѣроятно, станокъ?“—Нѣтъ, лафетъ,—возразилъ генералъ Энгельгардтъ. Каюсь, я невольно сталъ всматриваться ему въ глаза, съ мыслью, всѣ ли тутъ дома? Вижу, ничего—глазъ не бѣгающій, свѣтлый и спокойный. Тогда я спросилъ: „есть у васъ чертежи?“—Нѣтъ, онъ построенъ.—„Какъ, построенъ?“—Да, и выдержалъ 500 выстрѣловъ.—„А колеса, какъ выдержали?—Даже въ спицахъ не подались. Тогда я невольно воскликнулъ: „Ну, А. П., вы и сами не знаете, что вы сдѣлали; я предсказываю вашему орудію великую будущность“.

Можетъ быть я въ этомъ и ошибаюсь; но основываю свое мнѣніе на громадномъ значеніи сильнаго разрывного дѣйствія въ полевомъ бою; а сильное разрывное дѣйствіе, какъ всякому извѣстно, получается только при большомъ калибрѣ. Достаточно напомнить, что разрывной зарядъ нашей полевой бомбы 13 фунтовъ

ничего не стоитъ. Результатъ совершенно понятный и естественный во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда извѣстное средство или орудіе употребляютъ не сообразно съ его свойствами; дровъ бритвой не нарубишь и топоромъ не обрѣешься; но въ этомъ не виноваты ни бритва, ни топоръ.

Обращаясь къ дѣйствію по площадямъ, получимъ нѣсколько иные выводы: пушками не обработаете города или укрѣпленія такъ, какъ обработаете мортирами. Да и войска въ открытомъ полѣ, мало-мальски сгущенныя, особенно конница, испытаютъ нѣсколько иной эффектъ отъ мортирнаго, нежели отъ пушечнаго огня.

Замѣтки по строевому артиллерійскому уставу [1].

I.

Съ большимъ интересомъ прочли мы эти замѣтки. Авторъ ихъ [2]) стремится внести разумѣніе причинъ въ область рутины, что одно оживляетъ и осмысливаетъ всякій предметъ занятій, а вмѣстѣ съ тѣмъ конечно возбуждаетъ и интересъ къ нему.

При всякомъ дѣйствіи, исполненія коего отъ него требуютъ, человѣкъ невольно задается не всегда высказываемымъ, но неминуемо возникающимъ въ сознаніи вопросомъ „почему?“ и если онъ не находитъ на него отвѣта, то мало-по-малу впадаетъ въ апатію и начинаетъ продѣлывать требуемое без-

[1]) „Артил. журналъ“ конецъ 1896 г. и начало 1897 г.

[2]) Полковникъ Вл. Плюцинскій.

участно, механически. Благодаря такой системѣ занятій, мозгъ мало-по-малу засыпаетъ; и когда приходитъ минута, что ему нужно проснуться, проснуться-то и некому. Этимъ объясняется то, на первый взглядъ странное явленіе, что люди, весьма толковые и находчивые въ обыденной жизни, зачастую оказываются въ своей служебной спеціальности теряющимися, ненаходчивыми, равнодушными.

Въ предлежащей статьѣ авторъ примѣняетъ это „почему“ къ своему дѣлу и благодаря этому осмысливаетъ существующія формы и располагаетъ относиться къ нимъ и свободно и любя.

Начинаетъ онъ съ разбора положенія объ интервалахъ и предлагаетъ существующіе три интервала (полный, тѣсный, сомкнутый) замѣнить однимъ, такъ называемымъ тѣснымъ — въ 12 или даже 11 шаговъ *). Собственно говоря, онъ не отвергаетъ и другихъ, но вмѣсто положенной для нихъ нормы— 27 шаговъ для полнаго и 6 шаговъ для сомкнутаго, предлагаетъ въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ опредѣлять число шаговъ, на которое желательно сомкнуться или разомкнуться, въ зависимости отъ мѣста и цѣли. Его предложенію конечно нельзя не сочувствовать; при современномъ стремленіи массировать большое число орудій въ непрерывныя батареи, артиллерію необходимо пріучать и къ маневрированію, и къ расположенію на позиціи на уменьшенныхъ интервалахъ, такъ какъ на ученіяхъ замѣчается стремленіе располагаться на позиціяхъ слишкомъ широко: иногда на двойныхъ полныхъ

*) Изъ-за шага не стоитъ ломать привычекъ.

интервалахъ и даже болѣе. Эта привычка можетъ дать въ дѣлѣ результаты весьма нежелательные: не нужно забывать, что на полныхъ интервалахъ бригада въ 48 орудій занимаетъ линію въ 1,270 шаговъ, т. е., версту безъ малаго; а двѣ бригады займутъ около $1^{3}/_{4}$ версты. Не говоря уже о томъ, что и подобныя позиціи встрѣчаются не часто, нужно же и пѣхотѣ дать мѣсто. Думаю только, что за нормальный интервалъ раціональнѣе принять 20 шаговъ, какъ для удобства обхода поорудійно мелкихъ препятствій, такъ и въ особенности для расположеній на позиціи; послѣднее потому, что при интервалѣ въ 12 шаговъ батарея для косвенныхъ непріятельскихъ выстрѣловъ представитъ почти сплошную массу.

Принимая интервалъ въ 20 шаговъ за нормальный боевой, сниматься съ передковъ будетъ такъ же удобно какъ и теперь, чего далеко нельзя сказать, если за боевой интервалъ принять 12 или 11 шаговъ.

Все это, естественно, не относится до конной артиллеріи, которой боевой интервалъ нужно больше по быстротѣ движенія, а можно больше потому, что ея меньше, и выѣзжаетъ она на позицію почти всегда на отлетѣ, т. е. никого стѣснить не можетъ.

II.

Весьма симпатичную особенность разбираемой статьи представляетъ ясное представленіе автора о томъ, что послѣ чего по важности слѣдуетъ ставить. „Чистота маневрированія, замѣчаетъ онъ, зависитъ только отъ вѣрности направленія и интерваловъ;

равненіе—это уже роскошь, которую не всегда можно получить“... Т. е., первое — направленіе, второе — интервалъ; и только потомъ равненіе — правильно! Кто не знаетъ, что недалеко ушло то время, когда все вниманіе было устремляемо на равненіе и забывалось о направленіи, а между тѣмъ въ немъ все. Когда есть направленіе, даже и интервалы дѣло поправимое, не говоря уже о равненіи; но когда есть равненіе, а нѣтъ направленія—плохо; выйдетъ по пословицѣ: мѣтилъ въ ворону, а попалъ въ корову.

Виною такому основательному извращенію основныхъ понятій въ нашемъ дѣлѣ были безпредметныя ученія, безмишенныя пальбы. Когда цѣли нѣтъ, не все ли равно куда идти, лишь бы стройно идти? И потому ходили и палили или прямо, или въ полъоборота. Какъ только цѣль завелась, перестали задаваться празднымъ вопросомъ, подъ какимъ угломъ стрѣлять или ходить; а начали (или, по крайней мѣрѣ, начинаемъ) ходить и стрѣлять въ цѣль; и притомъ стрѣлять, а не палить.

III.

Разобравъ вопросъ объ интервалахъ орудійныхъ, авторъ переходитъ къ батарейнымъ и дивизіоннымъ. Я думаю, что того же орудійнаго интервала совершенно достаточно въ обоихъ случаяхъ: послѣ поворота развернутаго строя для батарейнаго и дивизіоннаго командировъ мѣсто найдется [1]), а уставъ будетъ проще и колонна короче.

Самъ авторъ не совѣтуетъ вводить искусствен-

[1]) Если не впереди, такъ на флангѣ.

ность въ отношенія между интерваломъ и дистанціею; зачѣмъ она ему понадобилась въ этомъ случаѣ?

Говоря это, мы разумѣемъ маневрированіе и ученіе, а не походъ; тамъ, конечно, придется оставлять дистанціи, и значительныя, между батареями, только по другой и вѣской причинѣ: дабы всякая мелкая задержка въ головѣ колонны не передавалась по всей колоннѣ, что очень утомительно.

IV.

Послѣдній отдѣлъ статьи, посвященный работѣ съ зарядными ящиками, поражаетъ нѣкоторой двойственностью. Съ одной стороны, авторъ полагаетъ, что на парады и ученія ящиковъ не слѣдуетъ брать; съ другой, въ концѣ статьи, находитъ, и совершенно основательно, что 4-хъ ящиковъ для ученій мало, а необходимо „пріучать какъ всѣ ящики къ исполненію необходимаго, такъ и военачальниковъ, видѣть въ дивизіонѣ не 24 хода, а 75 ходовъ“.

Мы полагаемъ, что если нельзя всегда имѣть всѣ 75 ходовъ, то нужно выѣзжать хоть съ тѣмъ по крайней мѣрѣ, что есть налицо. Если войска нельзя выводить на парады въ томъ составѣ, въ какомъ они выводятся въ настоящій походъ, то вѣдь не потому, что это не было бы желательно, а потому, что невозможно въ мирное время держать лошадей по военному составу. Но то, что содержится по мирному составу, должно быть выводимо. Вѣдь парадъ тотъ же смотръ [1]) и гдѣ забываютъ

[1]) Такъ по крайней мѣрѣ смотрѣли на парады такіе знатоки дѣла, какъ Фридрихъ Великій, Наполеонъ. О парадахъ послѣдняго ниже напечатана особая замѣтка.

зарядные ящики, тамъ обыкновенно и ящичныя лошади бываютъ въ весьма незавидномъ тѣлѣ, хотя фуражная дача ихъ не меньше получаемой прочими артиллерійскими лошадьми. Чѣмъ объяснить такое странное явленіе, недоумѣваю, такъ какъ дача одна: развѣ тѣмъ, что отъ хозяйскаго глаза скотинка жирнѣе бываетъ? Вотъ эта прибавка хозяйскаго глаза къ фуражной дачѣ и получится, когда зарядные ящики будутъ выходить и на парады.

На ученіяхъ имъ и подавно слѣдуетъ быть; разъ это обуза, неустранимая въ бою, какъ же облегчать себя отъ нея въ мирное время? Вѣдь тяжело въ ученіи, легко въ походѣ, легко въ ученіи, тяжело въ походѣ, сказалъ еще блаженной памяти Александръ Васильевичъ.

V.

Поставивъ себѣ цѣлью прослѣдить задачу службы ящиковъ въ различныхъ положеніяхъ, авторъ касается резервнаго и походнаго порядковъ пѣхоты съ артиллеріей и отчасти перехода изъ походнаго въ боевой порядокъ.

Разсуждая о резервномъ порядкѣ пѣхотной дивизіи, авторъ останавливается между прочимъ на преобразованіи этого порядка, въ предположеніи атаки на него конницы съ одной или съ нѣсколькихъ сторонъ и показываетъ, что на внутреннемъ пространствѣ за баталіонами дивизіи можно укрыть всѣ зарядные ящики артиллерійской бригады. Конечно можно; но на это упражненіе (т. е. на преобразованіе резервнаго порядка дивизіи въ предположеніи конной атаки) я смотрю скорѣе какъ на педагоги-

ческій пріемъ, нежели какъ на боевое построеніе. Это упражненіе достигаетъ двухъ цѣлей: 1) пріучаетъ мысль солдатъ и начальниковъ ко встрѣчѣ неожиданностей; 2) пріучаетъ артиллеристовъ вливаться въ пѣхоту быстро и занимать относительно ея выгоднѣйшія положенія для содѣйствія ей огнемъ и для собственнаго обезпеченія. Это не болѣе какъ посильное примѣненіе общеизвѣстнаго, но къ сожалѣнію не довольно послѣдовательно примѣняемаго Наполеоновскаго совѣта—во всѣхъ положеніяхъ задаваться вопросомъ: что я сдѣлаю, если непріятель появится въ любомъ направленіи?

VI.

При походномъ движеніи ящики каждой батареи слѣдуютъ за нею, а не за дивизіономъ; за нею же они должны оставаться и при расположеніи пѣхоты или конницы въ резервномъ порядкѣ. Всѣ неопредѣленности устава, на которыя сѣтуетъ авторъ статьи, объясняются естественно тѣмъ, что писавшіе его забыли про пѣхоту, въ чемъ самъ онъ не безгрѣшенъ какъ увидимъ ниже, ибо тоже ее забываетъ.

Уставъ говоритъ: „Такъ какъ въ боевую часть батареи входятъ лишь 4 зарядные ящика, то моментъ выдѣленія всѣхъ остальныхъ ящиковъ въ особый ящичный эшелонъ дивизіона опредѣляетъ командиръ дивизіона. По выдѣленіи эшелона, послѣдній слѣдуетъ въ походѣ въ 30 шагахъ за дивизіономъ“.

Дивизіонъ—единица сборная и даже не необходимая, чему доказательствомъ служитъ ея недавнее возникновеніе. Выдѣленіе боевыхъ ящиковъ за дивизіонъ на походѣ не можетъ быть оправдано ника-

кими соображеніями. Ящичный второй эшелонъ тоже не можетъ идти „въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ боевой своей части“, ибо артиллерія никогда одна не ходитъ; слѣдовательно, если его вздумать выдѣлять на походѣ, то онъ задержитъ войска идущія сзади.

Чтобы разобраться въ этомъ дѣлѣ, нужно представить себѣ, а еще лучше начертить походную колонну, положимъ, хоть дивизіи пѣхоты съ бригадою артиллеріи. Кто это сдѣлаетъ, тому станетъ ясно, что пока дивизія на походѣ, никакими выдѣленіями назадъ заниматься нельзя; затѣмъ въ ожиданіи боя дивизія перестроится въ резервный порядокъ, передъ нею, или за нею станетъ ея артиллерійская бригада со всѣми своими зарядными ящиками, и только съ моментомъ перестроенія въ боевой порядокъ и передъ выѣздомъ батарей на позицію можно распоряжаться распредѣленіемъ ящиковъ на первый и второй эшелоны и оставленіемъ послѣдняго вдали отъ боевой части.

Слѣдовать ему въ 2-хъ верстахъ сзади, какъ то предлагаетъ авторъ, совсѣмъ нельзя; это легче сказать, чѣмъ сдѣлать. Не нужно забывать, что маневрировать и дѣйствовать будетъ не одинъ дивизіонъ, а нѣсколько дивизій и артиллерійскихъ бригадъ: и не на столѣ, а на мѣстности, зачастую закрытой и пересѣченной: какая при этомъ возможность слѣдить за своей батареей или дивизіономъ въ 2-хъ верстахъ? Отдѣлившись такимъ образомъ отъ своихъ, можно разстаться съ ними и на всѣ сутки, если не болѣе. Поддержаніе связи на мѣстности—дѣло страшно трудное и нужно все вниманіе начальника

и толково принятыя мѣры, чтобы эта связь не порвалась. И единственная возможность облегчить эту связь, какъ мнѣ кажется, заключается въ одномъ— именно въ оставленіи вторыхъ эшелоновъ на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ они стояли до выѣзда батарей на позицію. При этомъ условіи всѣ въ батареѣ будутъ оріентированы на счетъ того, гдѣ эти эшелоны искать, когда понадобится замѣнять боевые эшелоны. Но этого мало: батареи могутъ перемѣнить позиціи; можетъ также понадобиться перемѣнить мѣсто и вторыхъ эшелоновъ; во всѣхъ подобныхъ случаяхъ условіе первостепенной важности, чтобы связь ни на минуту не прерывалась, а этого можно достигнуть только однимъ—чтобы при вторыхъ эшелонахъ были люди, знающіе гдѣ стоятъ ихъ батареи, а при батареяхъ (и это еще важнѣе) знающіе, гдѣ стоятъ ихъ вторые эшелоны. Затѣмъ, въ случаѣ перемѣны мѣста вторыхъ эшелоновъ, необходимо: 1) оставить на прежнемъ мѣстѣ людей, которые указывали бы куда ящики пошли; 2) придя на новое мѣсто, послать доложить на батареи о его перемѣнѣ и посланные должны тамъ оставаться, а съ батарей дано знать, что тамъ о перемѣнѣ мѣста знаютъ. Затѣмъ конечно убрать людей, оставленныхъ на старомъ мѣстѣ.

Вообще мы думаемъ, что вторые эшелоны хоть бригадъ предпочтительнѣе собирать вмѣстѣ, а не разбрасывать на полѣ сраженія; и легче найти, и больше порядка.

Необходимо вмѣстѣ съ тѣмъ выработать и командную часть для ящиковъ; ставить снабженіе батареи снарядами въ зависимость отъ фейерверкера едва

ли расчетливо; это дѣло офицерское. И принявъ за правило держать по возможности вмѣстѣ зарядные ящики въ обоихъ эшелонахъ, офицерское командованіе ими учредить не трудно.

Отданіе чести по-военному.

М. Г. Въ силу недоразумѣнія, возникшаго съ однимъ изъ класныхъ чиновниковъ военнаго вѣдомства по поводу отданія нижними чинами классным чиновникамъ чести, послѣдній настаиваетъ на томъ, что съ объявленіемъ приказа по воен. вѣд. сего года № 176 о присвоеніи классным чиновникамъ для ношенія плечевыхъ продольныхъ погонъ, нижніе чины безусловно обязываются отданіемъ чести классным чиновникамъ не только своей части, но и всѣхъ частей. Между тѣмъ въ программѣ для обученія молодыхъ солдатъ, насколько мнѣ извѣстно, положительно сказано, что отданіе чести полагается: военнымъ врачамъ—всѣмъ, классным же чиновникамъ—лишь только своей части.

Желая выяснить это недоразумѣніе, я обращаясь къ Вамъ, покорнѣйше прошу Ваше Высокопревосходительство, не откажите разъяснить въ журналѣ „Развѣдчикъ“: полагается ли классным чиновникамъ, съ присвоеніемъ имъ погонъ, отданіе чести нижними чинами другихъ частей?

Съ почтеніемъ *Гражданинъ*.

Отвѣтъ.

Если не будетъ разъясненія свыше, въ смыслѣ Вамъ желательномъ, Вашего вопроса, то все останется попрежнему. Статья устава о порядкѣ отданія чести слишкомъ опредѣленна и произвольнымъ толкованіямъ „примѣнительно“ не подлежитъ, особенно въ смыслѣ умноженія числа лицъ, которымъ

солдатъ долженъ отдавать честь. Число ихъ и безъ того велико. А то если будемъ эту статью толковать примѣнительно, то найдутся и такіе примѣнители, которые потребуютъ отданія чести и всѣмъ гражданскимъ чиновникамъ, когда они въ формѣ: чему примѣры бывали.

На отданіе чести воинскимъ обычаемъ можетъ претендовать только тотъ, кто, какъ и солдатъ, попадаетъ подъ пули и гранаты по обязанности. Съ докторомъ это случиться можетъ, а съ чиновникомъ военнаго вѣдомства не можетъ; и въ этомъ коренная между ними разница, въ силу которой доктора приравниваются къ офицерамъ въ дѣлѣ соблюденія относительно ихъ не только воинскихъ приличій солдатами, но и воинской субординаціи. На томъ же основаніи имъ присвоены и эполеты.

Изъ сего Вы усмотрѣть можете, что отданіе чести по-военному есть не игрушка и не потѣха мелочного чьего-либо любочестія, но внѣшнее выраженіе того, что люди принадлежатъ къ великому товариществу, назначеніе коего—полагать душу свою за други своя. И, замѣтьте, пріемы воинскаго отданія чести одинаковы для всѣхъ степеней воинской іерархіи: офицеръ солдату отдаетъ честь совершенно такъ же, какъ и солдатъ офицеру,—въ этомъ глубокій смыслъ: передъ смертью всѣ равны [1])... Правда, генераламъ кромѣ того стано-

[1]) И великій воинскій грѣхъ берутъ на душу тѣ офицеры, которые не отвѣчаютъ на отдаваемую имъ солдатами честь, или хоть и отвѣчаютъ, да небрежно, точно мухъ обмахиваютъ: они тѣмъ показываютъ слабое сознаніе принадлежности къ великому воинскому братству, да и являютъ себя менѣе солдата благовоспитанными.

вятся во фронтъ, но эта разница настолько несущественна, что принципа не нарушаетъ; и безъ ущерба дѣлу могла бы и не быть.

Принявъ это значеніе отданія чести въ соображеніе, можетъ быть и Вы согласитесь, что странно претендовать на сравненіе въ этомъ отношеніи съ людьми проливающими кровь, людямъ, проливающимъ только чернила... Знаю, что это Вамъ не понравится, и душевно объ этомъ сожалѣю; но что же дѣлать, когда это такъ, и никакими діалектическими изворотами замазано быть не можетъ.

Если положено отдавать честь по-военному чиновникамъ своей части, то это уступка потребностямъ служебнаго обихода, а не должное по принципу; свой чиновникъ отдаетъ приказанія по службѣ обязательно для солдата, слѣдовательно является какъ бы заурядъ-офицеромъ; но отдаютъ ему честь не потому, что онъ чиновникъ, а не взирая на то, что онъ чиновникъ.

Не могу, въ заключеніе, не обратить Вашего вниманія на логическій скачокъ, допущенный въ Вашемъ вопросѣ. Вы разсуждаете такъ: „у офицера продольный погонъ и у чиновниковъ военнаго вѣдомства тоже продольный погонъ; слѣдовательно, если солдатъ отдаетъ честь первому, то долженъ отдавать ее и второму“.

Изъ предыдущаго разъясненія можетъ быть и Вы убѣдитесь, что одно изъ другого вовсе не слѣдуетъ.

Во-первыхъ, и погонъ, хотя продольный, но не такой, какъ офицерскій, а уже во-вторыхъ, отданіе чести (и непремѣнно отвѣтъ на него) присвои-

вается положенію лица въ воинской іерархіи, а не галуну той или иной формы, такъ или иначе нашитому. Присвоивая отданіе чести продольному галуну, пришлось бы солдату отдавать честь околодочнымъ надзирателямъ и тюремнымъ чиновникамъ, изъ коихъ между послѣдними есть даже носящіе галунъ генеральскаго чертежа.

Въ одной изъ пьесъ [1]) незабвеннаго Островскаго есть купчиха, думавшая, что она будетъ имѣть право на генеральское званіе, если ея дочь выйдетъ за генерала: это тоже логика.

Вы подписались: „Гражданинъ“, что предполагаетъ извѣстный строй мыслей, между коимъ и жаждой навязать солдату лишнюю тягу и лишнюю вѣроятность подвергнуться подъ наказаніе, пользами службы не оправдываемое, общаго не вижу.

„Разводы“ Фридриха и „Парады“ Наполеона.

Всѣ большіе военные люди однимъ мукомъ мазаны; можно подумать, что они одной семьи — до такой степени работаютъ они по одному методу, конечно, въ духѣ, а не въ формѣ. А формы иногда бываютъ даже совершенно различны, чуть не противоположны. Это невольно приходитъ въ голову при чтеніи одного изъ послѣднихъ сборниковъ Массона (Masson) „Napoleon chez lui“. Въ послѣдней главѣ этого сочиненія говорится, между прочимъ, о томъ, какъ Наполеонъ дѣлалъ свои „парады“. За-

[1]) „Не сошлись характерами“.

мѣтимъ прежде всего, что они не представляли ничего похожаго на то, что принято разумѣть подъ этимъ словомъ. Это была повѣрка, и весьма строгая, и обученія, и вооруженія, и снаряженія во всѣхъ родахъ оружія, да еще съ прибавкою такого воздѣйствія на духовную сторону солдатъ и офицеровъ, благодаря которому они считали за счастье, не только жертвовать собою въ бою, но что труднѣе,—переносить всѣ лишенія походной жизни, если не всегда безропотно, зато всегда весело и не унывая *).

И если первая часть парада ничѣмъ не уступала въ требовательности Фридриховскимъ порядкамъ зато вторая смягчала эту требовательность и дополняла то, чего не доставало системѣ Фридриха. Но въ основаніи обѣихъ системъ лежала одна и та же мысль—необходимости частыхъ повѣрокъ.

Обратимся сначала къ Фридриху, дабы увидѣть какъ много между ними было общаго въ идеѣ.

Инструкція Фридриха его генераламъ выдаетъ его мысль вполнѣ:

„Большая часть арміи состоитъ изъ людей вялыхъ; если генералъ не всегда внимателенъ къ тому, чтобы они исполняли свой долгъ, эта машина (т. е. армія), которая искусственна и не можетъ быть совершенной, скоро разстроится и въ концѣ концовъ окажется дисциплинированною только въ идеѣ.

„Нужно, слѣдовательно, генералу пріучить себя работать безъ перерыва; опытъ тѣхъ, которые не

*) Въ 1807 году офицеры въ Польшѣ выучили четыре слова: хлѣба, нѣма (нѣтъ), воды, заразъ (тотчасъ). Разъ на походѣ, обгоняя одну колонну, услышавъ: „Папа, клеба“, Наполеонъ отвѣтилъ: „нѣма“. Конечно хохотъ, прибаутки и пустое брюхо забыто.

преминутъ такъ поступать, покажетъ имъ, что это крайне необходимо; что всегда есть прорухи, которыя требуютъ устраненія и которыя непривычному глазу незамѣтны.

„Столь постоянное и трудное напряженіе покажется тяжелымъ генералу; но онъ будетъ за это вознагражденъ впослѣдствіи. Чего онъ ни предприметъ со столь храбрыми, дисциплинированными войсками! То, что у другихъ считалось бы невозможною дерзостью, для него станетъ дѣломъ обыкновеннымъ; онъ можетъ рисковать и предпринимать все, что только человѣкъ способенъ исполнить. (Инструкція Фридриха его генераламъ, гл. I).

„Генералъ не долженъ оставаться праздным, во время расположенія войскъ на продолжительный отдыхъ*), когда опасаться непріятеля нечего. Онъ можетъ и долженъ отдавать все свое вниманіе войскамъ и пользоваться отдыхомъ, чтобы возстановить дисциплину. Онъ присмотритъ: служба исполняется-ли строго и по уставамъ; бдительны ли караульные офицеры и знаютъ ли основательно, что должны дѣлать на своемъ посту, правильно ли расположены пѣшіе и конные караулы.

„Пѣхота должна дѣлать ученія три раза въ недѣлю, а рекруты всякій день; иногда и части въ полномъ составѣ должны маневрировать.

„Конница также должна дѣлать ученія, если не назначена на фуражировку. Генералъ обратитъ вниманіе, чтобы молодыя лошади и молодые кавале-

*) Напр., когда военныя дѣйствія затихаютъ, или когда война кончилась, а миръ еще не заключенъ.

ристы были хорошо обучаемы. Численный составъ каждой части онъ долженъ скрывать. Онъ долженъ также дѣлать выводку лошадямъ; хвалить офицеровъ, которые о нихъ заботятся и дѣлать жестокіе выговоры (des reproches sanglants) тѣмъ, которые за ними не смотрятъ: ибо не нужно думать, будто большая армія одушевляется сама собою Много есть людей вялыхъ, лѣнивыхъ, лодырей: дѣло генерала ихъ раскачать и заставить исполнять ихъ долгъ". (Тамъ же, гл. VIII).

Въ этихъ наставленіяхъ, всю глубокую вѣрность коихъ оцѣнитъ всякій стоящій у дѣла, заслуживаетъ особаго вниманія настойчивость, съ которою Фридрихъ возвращается къ той мысли, что армія есть организмъ искусственный и инертный; и что только соотвѣтственный кадръ начальниковъ можетъ придать ему жизнь и здоровыя отправленія.

Что Фридрихъ указывалъ своимъ генераламъ, то, конечно, онъ дѣлалъ самъ первый. Осуществилъ онъ это въ своихъ разводахъ, которые при Императорѣ Павлѣ и къ намъ перешли цѣликомъ.

Разводы представляли для пѣхоты безпрерывную повѣрку всего того, что требовалось линейною тактикою: захожденіе изъ развернутаго строя по-взводно—для походнаго движенія; прохожденіе въ этомъ порядкѣ церемоніальнымъ маршемъ—для повѣрки точности дистанцій, равненія фланговъ—и обратное возстановленіе развернутаго строя, т. е. построеніе боевого порядка изъ походныхъ колоннъ. Однимъ словомъ, это было прообразованіе въ маломъ видѣ важнѣйшаго акта полевой службы, т. е. приближенія къ непріятелю и построенія боевого порядка передъ

началомъ боя. А если припомнить, что разводу почти всегда предшествовало ученіе, то значитъ повѣрялось и все остальное, насколько это было возможно на плацу или въ манежѣ.

Тутъ же, при паролѣ, отдавались приказы и дѣлались замѣчанія; „въ чемъ похвала, а въ чемъ хула разводу“, какъ говоритъ Суворовъ въ своей „Наукѣ побѣждать“. Невольно вспоминается, какъ л.-гв. Семеновскій полкъ, при паролѣ, удостоился однажды Высочайшей благодарности Императора Павла за хорошо вычищенные мундиры. Тогда старенькаго не стыдились; и щегольство было не въ томъ, чтобы выходить съ иголочки, а въ томъ, чтобы старое было опрятно и въ порядкѣ.

Суворовскіе разводы отличались отъ Фридриховскихъ тѣмъ, что ученія состояли преимущественно изъ атакъ, одностороннихъ и сквозныхъ; да еще предостереженіемъ отъ употребленія въ бою нѣкоторыхъ видовъ огня, введенныхъ въ тогдашній уставъ. Достойно примѣчанія и то, что уже тогда, въ эпоху полнаго преобладанія развернутаго строя, Суворовъ дѣлалъ сквозныя атаки и колоннами.

Но Суворовскіе разводы не удержались, и пожалуй, даже никому не были извѣстны, кромѣ войскъ состоявшихъ подъ его командой. А Фридриховскіе извѣстно къ чему повели: тактика измѣнилась; походомъ стали ходить въ неразомкнутыхъ колоннахъ, боевые порядки стали строить развертываніемъ, а не захожденіемъ, а на плацахъ и въ манежахъ продолжали при разводахъ повѣрять правильность захожденій и точность дистанцій, необходимую для возстановленія фронта захожденіемъ: какъ будто

линейная тактика имѣла по прежнему примѣненіе въ полѣ. Такимъ-то образомъ изъ учрежденія, по духу глубоко цѣлесообразнаго, осталась одна форма, тѣмъ болѣе обременительная, тѣмъ болѣе педантическая, чѣмъ далѣе отлетѣла отъ нея душа. Съ усердіемъ, достойнымъ лучшей участи, повѣряли; только не то, что по времени нужно было повѣрять.

Тяжелыя послѣдствія такихъ требованій повели къ тому, что дискредитировали самую повѣрку; хотя дѣло было не въ томъ, повѣрять или не повѣрять, а въ томъ, что и какъ повѣрять. Вѣчный законъ необходимости повѣрки не виноватъ въ томъ, если его примѣняютъ не по разуму.

Повѣрялъ и Наполеонъ, какъ и Фридрихъ: и по духу дѣлалъ то-же, только сообразно своему времени и потому, по формѣ, повѣрялъ совсѣмъ иначе.

Его смотры назывались „парадами“ и до 1806 г. назначались черезъ каждые десять, а иногда и пять дней.

Наканунѣ консулъ (потомъ императоръ) отдавалъ приказаніе, какимъ частямъ быть на парадѣ.

Къ назначенному часу онѣ строились на дворѣ у Тюильри (пѣхота) и на прилежащей къ нему Карусельской площади (конница и артиллерія), затѣмъ принимали знамена. Эта церемонія настолько была внушительна, что послѣ всякаго парада являлись желающіе поступить на службу волонтерами, иногда въ семьяхъ, наиболѣе буржуазныхъ, которыя были готовы на какія угодно жертвы, лишь бы избавить своихъ сынковъ отъ военной службы наймомъ замѣстителей.

Ровно въ назначенный часъ Наполеонъ садился на коня и, сопровождаемый небольшою свитой, быстро объѣзжалъ войска (иногда онъ заставлялъ ждать сановниковъ, принцевъ, маршаловъ, свою жену—но войска никогда). При этомъ онъ принималъ строевые рапорты отъ начальниковъ частей, и не хорошо было тому изъ нихъ, кто затруднялся отвѣчать на вопросы о состояніи своей части. Послѣ объѣзда онъ спѣшивался и дѣлалъ ученіе каждой части, терпѣливо повторяя однѣ и тѣ же эволюціи, если онѣ не удавались сразу. Для передачи приказаній и командъ къ нему назначали офицера, а иногда и унтеръ-офицера, обладающаго громкимъ голосомъ.

По окончаніи ученій онъ приступалъ къ подробному осмотру: въ пѣхотѣ и конницѣ—ранцевъ и вьюковъ, въ артиллеріи—зарядныхъ ящиковъ, докапываясь до всего; для его дѣла всякій солдатъ былъ важенъ и зналъ онъ, что участь кампаніи могла иногда зависѣть отъ пары башмаковъ, какъ участь сраженія отъ нагрузки зарядныхъ ящиковъ. Съ одинаковымъ вниманіемъ повѣрялъ онъ знаніе дѣла офицеромъ и солдатомъ и не терпѣлъ, чтобы кто-нибудь позволялъ себѣ работать спустя рукава.

Нѣкоторымъ изъ офицеровъ свиты это не нравилось, казалось лишнимъ и скучнымъ: многда даже ворчали, но онъ не обращалъ на это вниманія.

Еще будучи консуломъ, услышавъ однажды за собою такое ворчаніе, онъ сказалъ, обращаясь къ Ланну:

„Ты, конечно, не станешь ворчать отъ того, что изъ-за парада пообѣдаешь часомъ позже“.

— „А, изъ-за этого, нѣтъ, честное слово. Мнѣ, по правдѣ, рѣшительно все равно, съѣмъ ли я свой супъ горячимъ или холоднымъ, лишь бы вы насъ приготовили къ тому, чтобы вскипятить хорошій бульонъ этимъ проклятымъ англичанамъ“.

Парадъ продолжался почти всегда три часа, и оканчивался церемоніальнымъ маршемъ, который такимъ образомъ былъ поставленъ на подобающее ему мѣсто.

Понятно, что должны были дать подобные „парады“; они держали всѣ части на чеку и постоянно по всѣмъ отдѣламъ строя, вооруженія и снаряженія, такъ какъ никто не зналъ, когда его пригласятъ на парадъ; они давали нѣчто большее и важнѣйшее: близкое знакомство съ начальниками частей, кто чего изъ нихъ стоитъ; они открывали широкое поприще для того моральнаго воздѣйствія на солдатъ и офицеровъ, которое даже для такого человѣка, какъ Наполеонъ, возможно только при непосредственномъ съ ними соприкосновеніи. А какъ это отразилось на дѣлѣ, показываетъ хотя бы слѣдующій случай. Наканунѣ сраженія подъ Прейсишъ-Эйлау Наполеонъ, чтобы выразить свое удовольствіе за блестящую атаку кирасиръ, обнялъ передъ всей дивизіей начальника ея, генерала д'Опуль (d'Hautpoul).

— Чтобы явить себя достойнымъ такой чести, воскликнулъ д'Опуль, я долженъ погибнуть за ваше величество!

На слѣдующій день онъ сдержалъ свое слово...

Какое время и какіе люди! Не заботились они объ уменьшеніи потерь ни отъ огня и ни отъ чего

прочаго; губили и гибли беззавѣтно и безъ оглядки назадъ, и зато какихъ достигали цѣлей! То, что другихъ казалось бы невозможнымъ, для нихъ было дѣломъ обыкновеннымъ, какъ говорилъ Фридрихъ.

Но пришло время, когда и Наполеонъ началъ заботиться о томъ, чтобы не опоздать къ обѣду: императрица Марія Луиза того хотѣла. Годъ за годомъ „парады“ становятся рѣже; а серьезныхъ и поучительныхъ и совсѣмъ не было. Назначеніе ихъ вызывалось только такими случаями, какъ прохожденіе черезъ Парижъ иностранныхъ полковъ, т. е. обратилось безъ малаго въ одно пропусканіе церемоніальнымъ маршемъ.

Въ зиму 1811—1812 гг. было только четыре парада. И потому насколько хрупче должно было выйти орудіе, сфабрикованное въ эти послѣдніе года Богъ знаетъ какими руками, въ сравненіи съ тѣмъ, которое консулъ и императоръ съ 1800 по 1806 годъ такъ тщательно выковывалъ, шлифовалъ и прилаживалъ собственными руками въ Парижѣ и Булони...

Но, что хуже, Наполеонъ утратилъ то постоянное соприкосновеніе съ солдатомъ, ту близость, благодаря которой онъ въ каждомъ полку узнавалъ сразу четырехъ—пятерыхъ, которыхъ называлъ по именамъ, припоминая какой нибудь случай, показывавшій, что зналъ ихъ прошлое. Не было больше добродушныхъ разговоровъ съ какимъ нибудь ветераномъ, который, съ прошеніемъ, заткнутымъ за шомполъ, выходилъ изъ рядовъ дѣлая на-краулъ. Не было и анекдотовъ, облетавшихъ казармы, воспламеняя ревность и вызывая предан-

ность: о пенсіонѣ старухѣ-матери, о принятіи на воспитаніе сироты, объ исправленной несправедливости, о вознагражденной забывчивости; канулъ безвозвратно этотъ вѣчный обмѣнъ наградъ и самоотверженія, вызываемый однимъ словомъ и дававшій безмѣрную жатву готовности жертвовать собой...

До чего перемѣна была велика (а соотвѣтственно ей конечно и разница производимаго впечатлѣнія) можно видѣть изъ слѣдующаго мелкаго факта: во время консульства, когда при парадѣ консулъ раздавалъ почетное оружіе за храбрость, всѣ его получившіе офицеры и солдаты, были приглашаемы въ тотъ же день къ его обѣду и садились за одинъ столъ съ нимъ, его женою, сенаторами, министрами и другими сановниками. Въ 1812 году, на другой день послѣ парада, офицеры были угощены огуломъ въ ресторанѣ адъютантомъ императора. Это уже было угощеніе, а не отличіе; относилось уже не къ солдату, а только къ офицеру. Не трудно себѣ представить, чѣмъ были полны умъ и сердце офицера, а особенно солдата, послѣ обѣда у консула, по сравненію съ этой кормежкой. Какъ аукнется, такъ и откликнется...

И такъ повторять нужно; настойчиво и постоянно. Конечно, это нудно и тяжело: но „тяжело въ ученіи, легко въ походѣ; легко въ ученіи, тяжело въ походѣ“, говорилъ Александръ Васильевичъ.

Цѣна славы во время первой Имперіи.

Подъ этимъ тенденціознымъ заглавіемъ была помѣщена нѣсколько лѣтъ тому назадъ статья въ журналѣ „La Vie Contemporaine“. Интересна она не по цѣли автора „напомнить о потокахъ крови, которыхъ стоила императорская эпопея“, но по числовымъ даннымъ о потеряхъ въ большихъ Наполеоновскихъ сраженіяхъ. Эти данныя полезно напомнить именно теперь, когда такъ много говорятъ о будущихъ потеряхъ отъ усовершенствованнаго оружія, какъ бы оправдывая косвенно стремленіе къ самосохраненію въ дѣлѣ, которое все зиждется на самоотверженіи. Слова нѣтъ, объ уменьшеніи потерь отъ огня заботиться можно и должно; но не нужно доводить этой заботы до забвенія того, что на войну ходятъ не для уменьшенія потерь, а для достиженія цѣли, не взирая на потери. Трусливыя росказни о свинцовыхъ дождяхъ и о тому подобныхъ жупелахъ годятся только на то, чтобы ловкимъ и животолюбивымъ людямъ доставлять дешевое оправданіе въ случаѣ неисполненія ими своего долга. Въ самомъ дѣлѣ, если огонь страшный и если этотъ миражъ, благодаря росказнямъ, будетъ торчать въ головѣ у каждаго, то вѣдь не стыдно и тылъ дать; а тамъ разбирай потомъ, отъ страшнаго ли огня засверкали у кого пятки, или отъ того, что самъ онъ жидокъ.

Нижеслѣдующія цифры покажутъ какъ то, какими жертвами достигаются боевыя цѣли, такъ и то, что если жертвы велики, то это зависитъ отъ стойкости войскъ, а не отъ того или другого оружія. Пока-

жутъ и то наконецъ, что начальники самыхъ высшихъ степеней не должны щадить себя, если хотятъ того же отъ солдатъ.

Для краткости мы беремъ только потерю въ офицерскихъ чинахъ.

Подъ Прейсишъ-Эйлау (1807 г.) французы потеряли: 277 офицеровъ убитыми, 629 ранеными. Кромѣ того 2 дивизіонныхъ 6 бригадныхъ убито, 3 дивизіонныхъ, 9 бригадныхъ ранено. Раненъ также маршалъ Ожеро. Какъ и всегда, большая доля потерь пришлась на пѣхоту (225 убито, 433 ранено).

Подъ Ваграмомъ (1809 г.) 415 офицеровъ убито, 1,244 ранено. Маршалъ Бессьеръ раненъ, Лассаль убитъ, 9 дивизіонныхъ ранено, 4 бригадныхъ убито, 23 ранено. Оказывается, что почтенные эти люди умѣли не только посылать, но и сами ходить на смерть; съ такими и за такими солдатъ идетъ. Въ нѣкоторыхъ полкахъ по 40 офицеровъ выбыло изъ строя.

Подъ Бородинымъ (1812 г.) убито: 3 дивизіонныхъ, 8 бригадныхъ, 474 офицера; ранено: маршалъ Даву, 11 дивизіонныхъ, 23 бригадныхъ, 2,165 офицеровъ.

Подъ Лейпцигомъ (1813 г.) 537 офицеровъ убито 1,807 ранено. Изъ нихъ въ пѣхотѣ выбыло изъ строя 1,371. Кромѣ того маршалъ Понятовскій утонулъ; убито: 5 дивизіонныхъ, 10 бригадныхъ; ранено 2 маршала, 11 дивизіонныхъ, 29 бригадныхъ.

Съ этими потерями едва ли могутъ сравниться тѣ, которыя понесены были войсками въ недавнихъ бояхъ при усовершенствованномъ оружіи.

Такъ эти дѣла дѣлаются и иначе не могутъ дѣлаться.

— А нельзя ли потихоньку, да помаленьку, да какъ-нибудь иначе?

— Нѣтъ, нельзя.

Приходитъ минута, когда другого выхода нѣтъ: или беззавѣтно жертвовать собою, или идти на позорныя уступки. Опять же и то нужно помнить, что стрѣляютъ обѣ стороны, а не одинъ непріятель; и стрѣляетъ лучше не тотъ, у кого оружіе лучше, а тотъ, кто обученъ лучше и за свою шкуру боится меньше.

Аттестація.

Вопросъ. Не можете ли удѣлить нѣсколько минутъ „Развѣдчику“, для опредѣленія значенія аттестаціонныхъ эпитетовъ и указать способъ объективнаго, а не субъективнаго сужденія о подчиненныхъ. Полезно было бы разсѣять тотъ мракъ, который царитъ въ аттестаціонномъ дѣлѣ.

Вѣдь неправильное пониманіе вещей влечетъ за собою и неправильныя дѣйствія; а неправильныя дѣйствія не могутъ кончаться добромъ.

Я знаю начальниковъ, которые выдающимися называютъ только людей, „имѣющихъ боевую опытность“, а потому самыхъ лучшихъ служакъ и иниціаторовъ дѣла рекомендуютъ не болѣе, какъ хорошими, забывая, что отъ ихъ пониманія этого слова зависитъ повышеніе аттестуемаго по службѣ. Біографія Мольтке такимъ людямъ, конечно, неизвѣстна.

Согласитесь съ тѣмъ, Ваше В—во, что при такомъ взглядѣ на дѣло не только страдаетъ самолюбіе многихъ, но и служба отнюдь не выигрываетъ; а потому пора указать достаточный критеріумъ для правильной оцѣнки людей, чтобы дать возможность двигаться впередъ истинно достойнымъ, а не подталкивать сомнительныхъ.

Отвѣтъ. Аттестаціи—дѣло совѣсти и разумѣнія аттестующаго; и способа объективнаго, какъ вы называете, сужденія о подчиненыхъ дать невозможно. Аттестаціи всегда зависѣли и всегда будутъ зависѣть отъ натуры человѣка, отъ его служебныхъ взглядовъ и убѣжденій и, наконецъ, отъ степени развитія. Спрашивается: какимъ образомъ заставить человѣка признать другого человѣка выдающимся, когда онъ его таковымъ не считаетъ? Да если бы и была возможность, развѣ аттестующій не имѣлъ бы права сказать: „тогда аттестуйте сами, а подъ вашу диктовку я не могу писать одно, когда думаю другое“? Опять и то сказать нужно, что судьею въ своемъ дѣлѣ быть трудно; всякій самъ себя всегда считаетъ не только выдающимся, а даже единственнымъ, а другіе далеко не всегда это находятъ. При томъ же субъективной оцѣнкѣ и теперь есть поправка, такъ какъ аттестуетъ не одинъ начальникъ, а и старшій по немъ, который имѣетъ право и долженъ исправлять слишкомъ субъективную оцѣнку.

Стрѣлять ли часовому у порохового погреба.

Ваше В—ство! Въ послѣднее время въ нѣкоторыхъ частяхъ учатъ, что часовой у порохового погреба для защиты себя и поста не можетъ стрѣлять, а только долженъ отбиваться штыкомъ.

Такое обученіе основываютъ на указаніи сдѣланнымъ гдѣ-то Вашимъ В—ствомъ. Въ уставѣ гарнизонномъ ясно сказано, когда часовой долженъ стрѣлять на всякомъ посту и въ обязанностяхъ часового у порохового погреба объ ограниченіи его правъ ничего не сказано.

Вопросъ важный, а потому не найдется ли возможнымъ гдѣ-либо это разъяснить. Если это такъ, то для

чего же часовому у порохового погреба даются патроны, и въ какомъ положеніи будетъ часовой, если къ нему подойдутъ злоумышленники съ ножами, что ли, на длинныхъ палкахъ, такъ что однимъ штыкомъ ничего съ ними не подѣлаешь?

Отвѣтъ.

Кто такъ учитъ, тотъ не понимаетъ, что обязанностей, предписанныхъ уставомъ, никто по своимъ, хотя бы и кажущимся умными, соображеніямъ ни ограничивать, ни распространять не имѣетъ права. Если въ уставѣ не сказано прямо и опредѣлительно, что часовой у порохового погреба стрѣлять не долженъ, то никто не смѣетъ ему это воспрещать. Всѣ подобныя толкованія суть не болѣе какъ кривотолки и корень ихъ въ одномъ и томъ же: о дѣлѣ думано, да недодумано.

Правда, первое умозаключеніе, которое приходитъ въ голову, какъ будто и правильно: если нельзя стрѣлять постороннимъ, то, слѣдовательно, нельзя и часовому. Но забыто въ немъ то, что, во-первыхъ, часовой вѣдь стрѣляетъ не для забавы, а въ крайности; во-вторыхъ, стрѣляетъ не къ погребу, а отъ погреба.

И потому кто учитъ, будто часовой у погреба можетъ отбивать покушенія на погребъ и на себя только холоднымъ оружіемъ, внѣдряетъ въ сознаніе обучаемыхъ большой и вредный вздоръ; никогда, ничего подобнаго и нигдѣ я не указывалъ.

О встрѣчѣ кавалеріи пѣхотою.

В. В. М. И.! Въ статьѣ „Военнаго Сборника“ за февраль этого года „Очеркъ тактики кавалеріи по иностраннымъ уставамъ“, между прочимъ сказано:

„Пѣхота не держитъ теперь пулю въ дулѣ, а будетъ потрясать своимъ огнемъ конницу уже съ двухъ верстъ“. Далѣе тамъ же сказано: „а потому опаздывать съ огнемъ теперь нельзя“ (стр. 347).

Вы всегда учили пѣхоту для встрѣчи кавалеріи: съ 200 примѣрно шаговъ давать залпъ, затѣмъ на руку.

Я раздѣляю этотъ Вашъ взглядъ во всей полнотѣ и не потому только, что онъ высказанъ Вами, нашимъ общимъ учителемъ, добровольно признаннымъ, но и потому еще, это главное, что мнѣ кажется, что если бы Вы его не высказали, то я бы его высказалъ.

Такъ онъ простъ, понятенъ и ясенъ. Не скажу, чтобы эта замѣтка „Военнаго Сборника“ меня поколебала, потому что въ этой же замѣткѣ на стр. 339 въ концѣ сказано: „Пѣхота заставляетъ колебаться конницу своимъ спокойствіемъ; ожидая залпа, всадники невольно начинаютъ укорачивать поводъ“.

Далѣе, въ началѣ стр. 340, еще сказано: „въ общемъ атака на пѣхоту, ожидающую конницу, въ высшей степени трудна“.

Эти слова вполнѣ противорѣчатъ выводу, сдѣланному ниже и только подтверждаютъ ваше требованіе.

Но эта статья способна внести разногласіе въ пониманіе столь простой истины. Авторъ ея новыхъ данныхъ не приводитъ, а ссылается на тѣ, кои были извѣстны и Вамъ.

„Для меня будетъ весьма цѣнно знать мнѣніе Ваше по поводу приведеннаго мною мѣста статьи“.

Отвѣтъ.

Конница—родъ войска несовершенствуемый, зиждущійся на быстромъ движеніи въ сферѣ матеріальной, на безграничномъ, безумномъ самоотверженіи въ сферѣ духовной. Потому и отношенія конницы

къ пѣхотѣ опредѣляются прежде и главнѣе всего отношеніями духовными, и формула ихъ такова: у кого изъ нихъ больше самоотверженія, тотъ и беретъ.

Въ вопросѣ, который Васъ интересуетъ, собственно двѣ стороны, какъ и два положенія:

1-е, конница стоитъ на дальнемъ разстояніи, или идетъ въ атаку не на васъ,—цѣпь, или даже и сосѣдняя сомкнутая часть могутъ въ нее стрѣлять. Вотъ дальній законный огонь пѣхоты противъ конницы.

2-е, конница идетъ въ атаку на васъ; въ нее могутъ стрѣлять другіе сколько угодно, но вы нѣтъ, пока не подойдетъ на 200 шаговъ. Резоны этого нравственные и Вамъ извѣстные: 1) пуля ожидаемая—для конницы страшнѣе, нежели выпущенная; 2) выдержка залпа—величайшее внѣшнее выраженіе духовной выдержанности, спокойствія части.

Въ статьѣ, о которой Вы говорите, вѣроятно, имѣлось въ виду и то и другое; но по невнимательности писанія вышло противорѣчіе Вами замѣченное. Тѣ, которые воображаютъ, будто можно сопровождать огнемъ идущую на васъ атаку конницы на всемъ пути, суть, конечно, односторонніе огнепоклонники, для коихъ существуютъ цифры разстояній, число выпускаемыхъ пуль, проценты мирнаго попаданія, но кои и не подозрѣваютъ даже, что все это не болѣе какъ данныя для невинныхъ ариѳметическихъ упражненій въ дѣлѣ, гдѣ человѣкъ главное и тоже несовершенствуемое орудіе въ своей основной, т. е. волевой, сторонѣ.

Оттого и происходитъ, что дальность и мѣткость слѣпятъ глаза большинству, ибо онѣ совершенствуемы: слѣпятъ до забвенія человѣка. Выводъ тутъ получается разный, въ зависимости отъ того, что Вы примете въ расчетъ: если одно ружье—стрѣлять нужно до одурѣнія; если произведеніе изъ ружья на человѣка—стрѣлять нужно рѣдко да мѣтко. А кто хочетъ мѣтко стрѣлять, тотъ ни далеко, ни часто не будетъ стрѣлять.

Объ употребленіи оружія патрулями.

Вы спрашиваете, приравниваются ли патрули по употребленію оружія къ карауламъ.

Конечно да. Какъ же иначе? И разумѣется со всѣми вытекающими изъ этого послѣдствіями.

Патруль есть подвижный караулъ; караулъ—неподвижный патруль, вотъ вся между ними разница, чисто внѣшняя, какъ Вы видите.

Въ основаніи, всякое ношеніе оружія предполагаетъ возможность случая, который поставитъ Васъ въ необходимость оружіе употребить. Только носка оружія безъ дѣла и употребленіе на несоотвѣтствующія его назначенію манипуляціи, въ родѣ пріемовъ, могли затемнить эту истину. Изо всего этого Вы заключить можете, что по сдѣланному Вами вопросу я во всемъ съ Вами согласенъ. Идя по противоположному пути, можно дойти и до желѣзныхъ рѣшетокъ, ограждавшихъ въ Миланѣ караулы отъ нападеній толпы, во время австрійскаго тамъ владычества, т. е. до 1859 года.

Отсюда же странное указаніе прежняго времени

употреблять оружіе „въ крайнемъ“ случаѣ. Тутъ нѣтъ и не должно быть „крайнихъ“ случаевъ, а есть и должны быть только указанные закономъ. И если бы они возникали хоть сотни разъ сряду, сотни разъ должно возникать и употребленіе оружія. Всякій солдатъ долженъ знать, что это не шутка; тогда и обыватели будутъ тоже знать, что это не шутка; тогда и случаи въ родѣ того, на который Вы намекаете, устранятся сами собою.

И вмѣсто того, чтобы пустить въ ходъ оружіе, когда это необходимо сдѣлать мгновенно, не будутъ раздумывать крайній ли это случай, или нѣтъ.

Не нужно забывать, что человѣкъ, вооруженный самымъ страшнымъ оружіемъ, если онъ забываетъ его употреблять въ тѣ многовенія, когда это его право и обязанность, является безоружнымъ противъ простого кулака, такъ какъ собственныя его руки заняты этимъ страшнымъ оружіемъ. Это простой носильщикъ, а не вооруженный человѣкъ. И если онъ по своему назначенію обязанъ бить или защищаться, лучше освободить его отъ оружія и возвратить кулаки.

Караульные случаи.

I.

Вопросъ 1-й. На основаніи §§ 47 и 48 Устава гарн. службы, нижніе чины заступаютъ на часы съ незаряженными револьверами. Есть ли физическая возможность въ минуту надобности: вытащить изъ кобуры револьверъ и зарядить его, вкладывая въ барабаны 6 патроновъ поодиночкѣ?

Отвѣтъ. Возможности ни физической, ни какъ говоритъ одинъ мой знакомый, химической, нѣтъ. Да и противорѣчитъ это основанію Устава о службѣ въ гарнизонѣ, по коему основанію „часовой есть солдатъ, поставленный на постъ съ огнестрѣльнымъ или съ обнаженнымъ холоднымъ оружіемъ". Если огнестрѣльное оружіе такого рода, что оно въ чехлѣ (или въ кобурѣ—что то же) и изъ чехла не вынуто, то часовой, не есть часовой, пока его необнажитъ. Это просто недосмотръ, происшедшій по рутинѣ, которая ружье издавна помнитъ, а о новорожденномъ (теперь довольно уже пожиломъ) револьверѣ забыла. И потому само собою разумѣется, что часовой съ револьверомъ долженъ имѣть его, во-первыхъ, обнаженнымъ, т. е. вынутымъ изъ его ноженъ (кобуры тожъ) и притомъ заряженнымъ, такъ какъ, въ случаѣ чего неожиданнаго, его разумѣется нельзя поспѣть зарядить даже если бы онъ и былъ уже вынутъ изъ кобуры. Это разрѣшеніе вопроса по духу; а по формѣ—нужно сдѣлать представленіе, чтобы это было разрѣшено, и думать надобно, что разрѣшеніе не замедлитъ.

Вопросъ 2-й. Предлагаемый на разрѣшеніе Вашего В—ства вопросъ порождаетъ споры не только между младшими офицерами, но и между старшими, и встрѣчаются различныя рѣшенія въ различныхъ частяхъ войскъ. Поэтому я рѣшаюсь обезпокоить Ваше В—ство, прося высказать Ваше мнѣніе по сему вопросу. Часовой ввѣренной мнѣ роты вечеромъ стоитъ у порохового погреба. Подходитъ къ часовому дежурный по карауламъ. Часовой его останавливаетъ шагахъ въ 10. Дежурный по карауламъ

спрашиваетъ часового: „ты узнаешь меня?“ Часовой отвѣчаетъ: „Знаю Ваше Высокоблагородіе, Вы дежурный по карауламъ, а все-таки безъ разводящаго не подпущу“, взялъ на руку и прибавилъ: „не подходите, а то буду колоть“. Долженъ ли часовой близко подпускать дежурнаго по карауламъ къ себѣ или къ посту безъ разводящаго или не долженъ, и имѣетъ ли право брать на руку и угрожать употребленіемъ въ дѣло оружія?

Отвѣтъ. Въ случаѣ, давшемъ поводъ къ Вашему вопросу, дѣло затемнено задѣтымъ самолюбіемъ, „что какъ молъ онъ меня знаетъ и, не взирая на это, имѣетъ дерзость говорить, „что не только не подпуститъ, а еще будетъ колоть, если вздумаю подойти!“ Это все еще отрыжка крѣпостного права*) съ одной стороны, и потемненіе, благодаря этой отрыжкѣ, сознанія той истины, что часовой есть человѣкъ Царевъ да Божій, а больше ничей. И потому онъ имѣлъ право такъ отвѣтить. Иногда и старшіе начальники такъ его учатъ: „И меня коли, если пойду противъ твоей сдачи. Когда тебя смѣнятъ съ часовъ—я изъ тебя веревки вить могу, въ гробъ тебя вогнать могу; но пока ты часовой, ты Царевъ и Божій, а больше ничей“. Другого средства утвердить солдата въ томъ, что̀ такое есть Часовой,—нѣтъ. Могутъ, конечно, сказать: „Помилуйте, самъ же сказалъ, что знаетъ, и говоритъ такія слова; вѣдь это уже дерзость“.—Нѣтъ не дерзость, а только выраженіе того нервнаго, напря-

*) Я—молъ баринъ, а онъ—солдатъ—мужикъ.

женнаго состоянія человѣка, который, несмотря на невидное, совсѣмъ маленькое положеніе, облеченъ (разъ онъ часовой) страшнымъ правомъ жизни и смерти надъ себѣ подобными, не разбирая положенія (за извѣстными исключеніями). Вѣдь Вашъ часовой прибавилъ: „безъ разводящаго не допущу“; значитъ, въ своемъ дѣлѣ твердъ: а это и требуется, и за это можно только благодарить; и если дежурный по карауламъ ему не сказалъ: „Спасибо, молодецъ, дѣло знаешь“, то это мнѣ даже удивительно.

Въ заключеніе не могу не сказать того, что уже говорилъ много разъ: положеніе часового—страшное положеніе: не во время пырнетъ или выстрѣлитъ, пойдетъ подъ судъ; во-время не пырнетъ или не выстрѣлитъ,—тоже пойдетъ подъ судъ. А въ Вашемъ случаѣ, вдобавокъ къ этому, еще сумерки, да еще глухое мѣсто, въ какихъ обыкновенно располагаются пороховые погреба: есть отъ чего быть нервнымъ и давать рѣшительные отвѣты. Нужно поэтому твердо, честно и опредѣленно ему преподавать, какъ, что и когда онъ долженъ дѣлать, и пустяками его съ этой точки не сбивать. Строго говоря, у него только одинъ начальникъ: разводящій. Въ этомъ его и слѣдуетъ прежде всего утвердить. Остальные прибавлены только во имя принципа, ибо отъ нихъ часовой получаетъ приказанія только въ совершенно исключительныхъ обстоятельствахъ. Вѣдь караульный начальникъ и старшій унтеръ-офицеръ изъ караульнаго дома даже не имѣютъ права отлучаться, а Государя Императора сотни тысячъ солдатъ дай Богъ, чтобы и разъ въ жизни сподобились

увидѣть... Почему полагаю, что о нихъ ему можно сообщать только на второй годъ службы, когда онъ приглядится, придетъ въ себя и стряхнетъ съ себя тотъ гнетъ тоски и очумѣнія, которому всякій новобранецъ подверженъ.

II.

Помѣщенный въ „Развѣдчикѣ“ отвѣтъ г. Драгомирова на вопросъ, успѣетъ ли часовой въ минуту необходимости вынуть револьверъ изъ кобуры, зарядить его 6-ю патронами и своевременно произвести выстрѣлъ, породилъ не мало разговоровъ въ средѣ офицеровъ, разговоровъ, въ которыхъ слышится масса противорѣчій и неопредѣленностей, почему и было бы весьма желательно услышать болѣе точное разъясненіе этого вопроса.

Говорится въ отвѣтѣ, что часовой зарядить револьверъ, при условіи, когда этотъ послѣдній изъ кобуры не вынутъ, не успѣетъ; что „это противорѣчитъ основанію Устава о службѣ въ гарнизонѣ, по коему основанію „часовой есть солдатъ, поставленный на постъ съ огнестрѣльнымъ или обнаженнымъ холоднымъ оружіемъ“, т. е. нужно понимать, что Уставу противорѣчитъ именно то, что часовой стоитъ на посту не съ обнаженнымъ огнестрѣльнымъ оружіемъ—револьверомъ.

Но § 36 Устава гарнизонной службы опредѣляетъ часового нѣсколько иначе, именно: „часовымъ называется всякій солдатъ, поставленный на постъ съ ружьемъ или обнаженнымъ холоднымъ оружіемъ, но не съ огнестрѣльнымъ; вѣроятно, этимъ параграфомъ имѣлось въ виду точно указать, какое именно оружіе характеризуетъ часового и параграфъ этотъ категорически указываетъ—съ ружьемъ и, стало быть, ни съ какимъ инымъ огнестрѣльнымъ оружіемъ“.

Отвѣтъ. Я писалъ не статью Устава, а отвѣтъ на прямо поставленный вопросъ: можно ли зарядить и выстрѣлить, въ случаѣ неожиданной надобности, изъ револьвера незаряженнаго и находяща-

гося въ кобурѣ; слѣдовательно, ставить мнѣ какъ бы въ упрекъ то, что вмѣсто „съ ружьемъ“, я сказалъ „съ огнестрѣльнымъ оружіемъ“,—по меньшей мѣрѣ странно. Такъ понимать Уставъ—значитъ, забывать завѣтъ Петра Великаго: не держаться Устава, „яко слѣпой стѣны“, но разумѣть оный не только по буквѣ, но и по духу. Употребить выраженіе „съ огнестрѣльнымъ оружіемъ“, а не „съ ружьемъ“, значитъ, не противорѣчить Уставу, а расширить только положеніе, въ ономъ высказанное, возвести его, такъ сказать, въ общую формулу.

Такимъ образомъ, изъ этого § 36 Устава гарниз. службы вытекаетъ, что револьверъ въ рукахъ солдата никогда не можетъ быть оружіемъ, характеризующимъ этого солдата какъ часового,

Отвѣтъ. Это Ваше мнѣніе; мое же то, что револьверъ, какъ огнестрѣльное оружіе, забыли. Ваше же объясненіе, будто имѣлось въ виду одно ружье и никакое другое огнестрѣльное оружіе, по моему скромному и ни для кого не обязательному мнѣнію, какъ будто не имѣетъ подъ собою логической подкладки. Ибо какимъ разумнымъ доводомъ объяснить такое исключеніе револьвера? Вѣдь если изъ него часовому невозможно выстрѣлить, то зачѣмъ его и въ караулъ таскать?

Въ § 47 того же Устава точно сказано, съ какимъ оружіемъ нижніе чины въ войскахъ вступаютъ въ караулы: „Пѣхота вступаетъ въ караулы съ ружьями, регулярная кавалерія съ ружьями и шашками, казаки съ шашками, имѣя ружья за плечами, и артиллерія съ шашками при револьверахъ“.

Итакъ, единственно артиллерія указана въ уставѣ, которая вступаетъ въ караулы съ шашками при

револьверахъ, т. е. шашка есть, такъ сказать, главное оружіе часового артиллериста и, по § 36 прим. 2, должна быть обнажена, а револьверъ какъ вспомогательное, на тотъ случай, когда, по обстоятельствамъ, часовому понадобится и выстрѣлить, и, по тому же § 36 прим. 2, долженъ быть въ кобурѣ.

§ 36 прим. 2 говоритъ:

„Часовые съ револьверами имѣютъ холодное оружіе обнаженнымъ, а револьверы въ кобурахъ".

Изъ вышепреведеннаго слѣдуетъ, что артиллеристъ, стоящій на посту съ обнаженной шашкой при револьверѣ въ кобурѣ—есть часовой.

Отвѣтъ. Все это прекрасно, и все показываетъ то же самое, т. е. что револьверъ помнили какъ предметъ снаряженія, а не вооруженія. Что̀ долженъ надѣть солдатъ, когда идетъ на ученье или въ караулъ, это всѣ знаютъ и помнятъ, ибо всѣмъ это глаза намозолило; да и осматриваютъ его передъ выходомъ чуть не двадцать разъ; а какъ солдатъ будетъ дѣйствовать оружіемъ, которое на него навѣшено, до этого никому дѣла нѣтъ, и передъ уходомъ въ караулъ никто его не повѣряетъ, не только дѣломъ, но даже словомъ. Вы, можетъ, скажете, что его этому отдѣльно обучаютъ; Вы сами знаете, какъ обучаютъ, и можете выставить мнѣ подобное возраженіе только какъ полемическій пріемъ, но не какъ серьезный аргументъ.

И ужъ если пошло на продерзости, то открою Вамъ еще одну мою ересь: я нахожу, что и относительно шашки есть недоговоръ: къ выраженію: „съ обнаженнымъ холоднымъ оружіемъ" я бы прибавилъ: и „отточеннымъ". Предоставляю Вамъ и эту прибавку считать съ моей стороны отступленіемъ отъ Устава, а между тѣмъ Вы знаете, что

въ нашъ просвѣщенный вѣкъ эта прибавка не лишняя и согласитесь, вѣроятно, съ тѣмъ, что неотточенная шашка тотъ же незаряженный револьверъ въ кобурѣ, т. е. обращается въ предметъ снаряженія, а не вооруженія. Да и то нужно еще вспомнить, что махать мы шашкою умѣемъ, а рубить не умѣемъ.

Какъ честный человѣкъ, говорю, что не знаю, кто Вы, но по нѣкоторымъ особенностямъ Вашихъ замѣчаній думаю, что Вы артиллеристъ; скажите на совѣсть, задавались ли Вы когда-нибудь вопросомъ: а умѣютъ ли мои люди рубить, а отточены ли у нихъ шашки? И если Вы человѣкъ не въ конецъ самострастный, т. е. не увлекаетесь только однимъ, чтобы въ спорѣ Ваше всегда было сверху, то Вы не скажете: *Да*. Я же съ полнымъ убѣжденіемъ утверждаю, что они не умѣютъ рубить и что шашки у Васъ не отточены. А если такъ, то Вы отпускаете Вашихъ людей на часы богато снабженными снаряженіемъ, но не вооруженіемъ. Шашкой не рублю, а въ лучшемъ случаѣ дамъ фухтеля; изъ револьвера и радъ бы выстрѣлить, да онъ въ кобурѣ и не заряженъ: хорошъ часовой...

Въ отвѣтѣ же говорится:

„Если огнестрѣльное оружіе такого рода, что оно въ чехлѣ (или въ кобурѣ—что то же) и изъ чехла не вынуто, то часовой не есть часовой, пока револьверъ не обнажитъ".

Отвѣтъ. По буквѣ да; но по духу? Отвѣтъ см. выше, пунктъ 4-й.

Говорится далѣе, что про револьверъ забыли „по рутинѣ" и поэтому само собою разумѣется, что часовой съ револьверомъ долженъ имѣть его, во первыхъ, обна-

женнымъ, т. е вынутымъ изъ его ноженъ (кобуры то же) и при томъ заряженнымъ, такъ какъ въ случаѣ чего неожиданнаго, его, разумѣется, нельзя поспѣть зарядить, даже если бы онъ и былъ вынутъ изъ кобуры".

Но, во-первыхъ, по Уставу вынутый изъ кобуры револьверъ у часового не долженъ быть—это будетъ противорѣчить § 36 прим. 2 и, во-вторыхъ, если это и разрѣшатъ, то часовой долженъ будетъ по тому же § и примѣчанію имѣть въ правой рукѣ обнаженную шашку, а въ лѣвой—револьверъ.

Это должно вызвать уже тогда измѣненіе Устава относительно часовыхъ, вообще заступающихъ въ караулъ съ шашками и револьверами.

Отвѣтъ. Вѣрно; каюсь; забылъ, что при одномъ револьверѣ на часы не ставятъ. Но забывчивость, если не извинительная, то по крайней мѣрѣ, объяснимая, такъ какъ я думалъ объ одномъ револьверѣ, о коемъ былъ вопросъ.

Что касается того, что револьверъ нельзя успѣть зарядить, то этотъ пробѣлъ можетъ быть легко пополненъ лишь тѣмъ, что стоитъ только въ Уставъ ввести новый параграфъ (дополнительно) „револьверы у часовыхъ на постахъ всегда должны быть заряжены", ну, а ужъ изъ кобуры съ открытой крышкой заряж револьверъ вынуть можно очень быстро въ самую данную минуту.

Отвѣтъ. Во-первыхъ, примѣчаніе 2-е къ § 36 можетъ быть и отмѣнено, если оно не отвѣчаетъ существу дѣла; во-вторыхъ, „въ Уставѣ порядки писаны, а время и случаевъ нѣтъ"; въ 3-хъ, Уставъ для насъ, а не мы для Устава, почему его и не совѣтовано держаться, яко „слѣпой стѣны".

И говорить нечего, что держать шашку въ одной рукѣ, а револьверъ въ другой—нелѣпо; но я вѣдь, этого и не предлагалъ. Понятно, что въ рукахъ должно быть что-нибудь одно, а что именно, то я

лично предпочелъ бы револьверъ, такъ какъ всякій злоумышленникъ скорѣе полѣзетъ на шашку, чѣмъ на заряженный револьверъ.

Въ отвѣтѣ говорится, что про револьверъ забыли по рутинѣ, тѣмъ не менѣе относительно револьвера въ Уставѣ имѣются точныя указанія (напримѣръ, вышеприведенныя). Изъ одного указанія (§ 48 Устава гарнизонной службы) слѣдуетъ, что револьверъ у часового не долженъ быть заряженъ—правило это, какъ показываетъ опытъ, на дѣлѣ неудобно, но все же видно, что „новорожденный (теперь довольно пожилой) револьверъ“ не забытъ по рутинѣ, но съ наступленіемъ зрѣлаго возраста лишь требуетъ, чтобы ему оказали заслуженное довѣріе и на постахъ у часовыхъ разрѣшили бы быть заряженнымъ.

Отвѣтъ. Вполнѣ согласенъ, что можно и такъ, если непремѣнно стоять на томъ, чтобы у часового въ рукахъ была шашка, но она будетъ серьезнымъ препятствіемъ употребленію револьвера.

Всѣ вышеуказанныя противорѣчія ставятъ насъ втупикъ и хочется услышать точныя разъясненія—быть ли часовому по прежнему — обнаженная шашка въ рукѣ, револьверъ въ кобурѣ (отстегнута крышка), или такъ же, но съ заряженнымъ револьверомъ, или по новому— въ одной рукѣ шашка, конечно, въ правой, ибо ею, вѣдь и честь надо отдавать, а въ другой заряженный револьверъ, или же шашка въ ножнахъ, а револьверъ въ рукахъ, но тогда какъ имъ честь отдавать?

Если Вы сами соглашаетесь, что теперь револьверъ слѣдуетъ держать постоянно заряженнымъ, а до сихъ поръ это допускалось въ исключительныхъ случаяхъ и съ большими церемоніями, вплоть даже до донесенія объ этомъ командующему войсками, то, значитъ, Вы и сами признаете, что нынѣшній порядокъ подлежитъ измѣненію. А что онъ возникъ подъ вліяніемъ именно рутины, болѣе всего виновной въ

томъ, что даютъ, напримѣръ, человѣку шашку и забываютъ учить ея употребленію (Вы и сами согласитесь, вѣроятно, что дѣлать ею пріемы и ничего болѣе, не значитъ учить ее употреблять), навѣшиваютъ револьверъ и ставятъ въ невозможность изъ него выстрѣлить,—то это мое личное объясненіе; если Вы это приписываете другой причинѣ, я первый поблагодарю Васъ за исправленіе моей ошибки.

Противорѣчія не должны ставить втупикъ, если бы они и были, такъ какъ по журнальной статьѣ никакіе порядки не мѣняются. Если же будетъ признано за благо ихъ измѣнить, то это будетъ сдѣлано въ установленныхъ формахъ.

Словомъ, если „разрѣшеніе не замедлитъ“, то оно должно вызвать не мало измѣненій въ Уставѣ, ибо, если спрашиваютъ, успѣетъ ли часовой при извѣстныхъ обстоятельствахъ зарядить револьверъ, то навѣрно спросятъ, какъ честь имъ отдавать, какъ его держать и т. д., и т. д., такъ какъ все это дѣлать надо по Уставу, а не какъ кому вздумается.

Отвѣтъ. Объ остальномъ сказано выше. Что же до отданія почести, то это вопросъ настолько второстепенный, что его и поднимать не стоило. Это вопросъ моды; прежде считалось непринятымъ у барынь руки цѣловать, а теперь принято цѣловать: такъ и съ нашими модами.

Прежде для отданія чести на ходу пѣхота брала ружье съ вольно на плечо, а теперь остался одинъ первый пріемъ.

Вы, вѣроятно, еще застали время, когда отданіе почестей составляло довольно сложную науку и, знаете, что съ тѣхъ поръ, какъ ее упростили, бѣды

отъ этого, слава Богу, никакой не вышло. Если признано будетъ, чтобы часовой все же оставался съ обнаженной шашкой, то онъ будетъ отдавать почесть какъ и теперь; если съ револьверомъ—будетъ становиться смирно и провожать начальника глазами, и все тутъ. На прощанье удостойте принять комплиментъ: формальности Устава знаете Вы прочно; если такъ же знаете обязанности—честь Вамъ и слава.

III.

Вопросъ I. I. 3. Начальникъ корпуснаго штаба приказалъ артиллерійскому часовому показать, имѣются ли у него въ кобурѣ револьверъ и патроны, но часовой этого не исполнилъ. Правъ ли часовой или нѣтъ? Вѣдь контроль за часовыми остается въ рукахъ начальства (стр. 96 сборника прик. генерала Драгомирова по 1 января 1892 г.).

Отвѣтъ.

Правъ, если не зналъ въ лицо начальника корпуснаго штаба, не правъ, если зналъ. Въ томъ и трудность нашего дѣла, что одинъ и тотъ же поступокъ въ одномъ случаѣ—проступокъ, даже преступленіе, въ другомъ—дѣйствіе похвальное, иногда подвигъ. Слишкомъ сдѣлать солдата повинующимся нельзя, ибо будетъ слушаться чуть не всякаго; слишкомъ вооружить его спасительнымъ и необходимымъ недовѣріемъ и способностью сопротивляться—тоже неудобно: все дѣло въ мѣрѣ и въ тактѣ воспитывающаго, да и воспитываемаго.

Ну, напримѣръ, хоть это положеніе (по моему

одно изъ основныхъ), что солдата нужно воспитать такъ, чтобы стоя на часахъ онъ имѣлъ силу духа не только повиноваться, но въ извѣстныхъ случаяхъ и сопротивляться даже прямымъ своимъ начальникамъ; многимъ ли оно приходило въ голову? И не найдется ли больше такихъ, которыхъ оно возмущаетъ въ глубинѣ души до сихъ поръ, хотя они въ этомъ и не сознаются? А вѣдь пока это не проникнетъ въ сознаніе, будутъ столкновенія нежелательныя; будутъ и жертвы тамъ, гдѣ личное самолюбіе, укрываясь за начальническимъ авторитетомъ, слишкомъ разыграется.

Въ предстоящемъ случаѣ, если только часовой не зналъ въ лицо начальника штаба, то о его виновности и рѣчи быть не можетъ; онъ конечно правъ и свое дѣло знаетъ. Если же зналъ и не далъ, то конечно не правъ, но не столько онъ, сколько тотъ, кто его переучилъ. Случается иногда такъ: спрашиваешь, напримѣръ, кого слушаетъ часовой? — Отвѣчаетъ вѣрно. Слѣдующій вопросъ: идетъ твой командиръ полка, что сдѣлаешь? „Отдамъ честь“. А онъ говоритъ: у тебя разстегнутъ крючокъ, застегни. Исполнишь? „Никакъ нѣтъ“.

Вотъ, значитъ, или переучили, или недоучили; т. е. или ужъ слишкомъ напирали на то, что кромѣ разводящаго никого не слушайся, или не сумѣли втолковать, что приказанія, касающіяся общаго порядка службы, обязательны для солдата во всѣхъ его положеніяхъ, отъ кого бы изъ начальства они ни исходили.

До сихъ поръ я разумѣлъ только честныхъ людей, т. е. искренно желающихъ выучить и выучиться.

Но есть и другіе: на первыхъ порахъ случилось наткнуться на такого артиста, который училъ солдата одному—молчать на часахъ какъ пень, о чемъ и кто бы его ни спрашивалъ. Конечно, въ извѣстномъ смыслѣ и эта сноровка недурная, напоминающая страуса, который, говорятъ, прячетъ голову и думаетъ, что весь спрятался.

Всѣ подобные промахи и кажущіяся иногда невѣжливости въ отвѣтѣ, нужно расцѣнивать въ зависимости отъ внутренняго побужденія, руководящаго солдатомъ. Если оно обнаруживаетъ только усердіе не по разуму, то нужно помнить, что оно все же усердіе и позаботиться о томъ, чтобы оно стало усердіемъ по разуму.

IV.

Въ № 430 „Развѣдчика“ сего года былъ возбужденъ вопросъ объ употребленіи въ дѣло оружія часовымъ. Желательно было бы получить категорическій отвѣтъ и по духу Устава, который для насъ, военныхъ, есть законъ, не допускающій личныхъ варіантовъ и, несмотря на извѣстныя разсужденія авторитетнаго лица, намъ все же кажется, что въ данномъ случаѣ означенныя дѣйствія часового явно противорѣчатъ § 153 Устав. гарниз. службы, гдѣ точно и ясно указаны тѣ случаи, когда часовой можетъ употребить въ дѣло оружіе. Во всѣхъ этихъ случаяхъ (кромѣ лишь побѣга арестанта), въ наличности должна быть очевидна или предполагаема опасность со стороны лица, угрожающаго какъ самому часовому, такъ и вообще предмету, охраняемому имъ.

Въ разбираемомъ же случаѣ, съ момента остановки (въ 10 шаг.) часовымъ подходящаго къ нему лица (дежурнаго по карауламъ), часовой безошибочно узналъ въ подходящемъ къ нему лицѣ своего начальника, на которомъ лежитъ обязанность повѣрки караула и часовыхъ, и которому часовой обязанъ отвѣчать, согласно § 151 Уст. гарниз. службы,—часовой же все-таки взялъ „на

руку", и такимъ образомъ приготовился къ употребленію въ дѣло оружія, завѣдомо зная, что передъ нимъ находится дежурный по карауламъ, а не злоумышленникъ...

Мы позволимъ себѣ спросить, надѣясь на благосклонный отвѣтъ уважаемаго „Развѣдчика":

1) На какое же разстояніе могутъ безопасно подходить, (такъ какъ объ этомъ въ Уставѣ ничего не говорится) къ посту и часовому лица, указанныя въ § 125 Уст. гарн. службы, дабы, въ случаѣ надобности, сдѣлать часовому напоминаніе и не находиться подъ угрозою штыка, если не соразмѣришь разстоянія до часового?..

2) Будетъ ли нормальнымъ и непротиворѣчащимъ Уставу поступокъ часового, который, подпустивъ къ себѣ на извѣстное разстояніе лицо, имѣющее право сдѣлать ему напоминаніе и которому онъ обязанъ отвѣчать, и узнавъ это лицо, возьметъ „на руку" и при такомъ положеніи будетъ отвѣчать на вопросы, продѣлывая это не только ночью, но и днемъ?..

А вѣдь и это возможно при извѣстномъ усердіи часового!..

Конечно, за поступокъ часового, разбираемый въ „Развѣдчикѣ" за № 430, нѣтъ основанія карать виновнаго, ибо все это сдѣлано имъ во благо службы, да и дерзости въ этомъ нельзя предполагать, зная недоразвитость извѣстнаго контингента нижнихъ чиновъ, но все-же этотъ поступокъ часового, какъ намъ кажется, противорѣчитъ Уставу и разсудку, такъ какъ часовому стало очевиднымъ, что передъ нимъ стоитъ дежурный по карауламъ, а не злоумышленникъ, и это лицо (дежурный по карауламъ) не пыталось (какъ надо полагать) сдѣлать то, что ему по праву не принадлежитъ и что входитъ въ кругъ обязанностей разводящаго, а потому никакой рѣчи не могло быть о разводящемъ...

Въ данномъ случаѣ дѣйствія часового просто слѣдуетъ принять за „пересолъ", который къ счастью не принесъ ущерба службѣ, но врядъ ли этотъ „пересолъ" слѣдуетъ поощрять... *Капитанъ Микулинскій.*

Отвѣтъ.

Вы совершенно вѣрно объясняете поступокъ часового пересоломъ при его обученіи; тѣмъ же пере-

соломъ объясняется и требованіе остановки на разстояніи, обращенное не къ чужому, а къ своему, да еще начальнику. Но если вы хотите утвердить солдата въ томъ, чтобы онъ на часахъ каждую минуту былъ на чеку, какой вы посовѣтуете иной пріемъ? Если знаете, посовѣтуйте. А затѣмъ, закаливши такимъ образомъ солдата, слѣдуетъ отпустить насколько слѣдуетъ. Да и смѣшивать угрозу оружіемъ съ употребленіемъ, тоже едва ли правильно.

V.

Угроза начальнику оружіемъ. Въ № 430 „Развѣдчика“ обращаетъ на себя особенное вниманіе статья „Караульные случаи“.

О сложности даннаго вопроса можно заключить уже изъ того, что разрѣшеніе его „порождаетъ споры не только между младшими офицерами, но и между старшими, и встрѣчаются различныя рѣшенія въ различныхъ частяхъ войскъ“. Нужно полагать, что уставъ редактированъ недостаточно ясно, если цѣлыя части войскъ не могутъ въ немъ разобраться.

Кто же разрѣшилъ этотъ сложный вопросъ?

Первое лицо, разрѣшившее его былъ рядовой *). Ученикъ превзошелъ учителей: нужно полагать, что его учили „твердо, честно и опредѣленно“. Почему же многіе старшіе офицеры не могли разрѣшить вопроса? У нихъ осталась еще „отрыжка крѣпостного права“.

Итакъ забудемъ объ этомъ отжившемъ правѣ, будемъ помнить, что солдатъ съ 1861 года „ничей“, какъ на часахъ, такъ и послѣ смѣны, что онъ всегда состоитъ подъ охраной закона и поищемъ средствъ для опредѣленнаго преподаванія Устава гарнизонной службы. Средство рекомендуется только одно. Нужно сказать новобранцу: „я изъ тебя веревки вить могу, въ гробъ тебя вогнать могу, но не всегда. Когда ты пойдешь въ караулъ

*) Очень жаль, что не названа его фамилія; не указано время, проведенное имъ на службѣ, и сословіе, изъ котораго онъ происходитъ. Возможно, что онъ и не „мужикъ“; теперь, вѣдь, всесословная повинность.

и вступишь на постъ,—тогда конецъ, потому что ты съ этого момента становишься человѣкомъ Царевымъ и Божьимъ, а больше ничьимъ, и можешь меня въ свою очередь, въ гробъ вогнать, но не забудь ст. 277 воинскаго Устава о наказаніяхъ, въ которой указаны только три случая употребленія часовымъ оружія, не подвергающіе его отвѣтственности за послѣдствія". Нужно думать, что новобранецъ пойметъ гиперболу, если обученіе не будетъ производиться наглядным способомъ, и это будетъ способствовать скорѣйшему освобожденію отъ гнета тоски.

Подъ словомъ „ничей" нельзя понимать отсутствіе начальства, такъ какъ временное начальство указано въ Уставѣ, въ ст. 230 и другихъ, указанъ и моментъ, съ котораго оно вступаетъ во власть; не долженъ часовой забывать и постоянное начальство, которое имѣетъ право повѣрять караулы и посты.

Не всегда мѣстность позволитъ пройти даже въ десяти шагахъ отъ часового; но у часового есть пуля, онъ можетъ и за 50 шаговъ крикнуть: не подходи—стрѣлять буду. Степень нервности и очумѣнія бываетъ вѣдь разная. Нужно предполагать, что неприкосновенность предоставлена часовому потому, что онъ охраняетъ государственные интересы: но дежурный по карауламъ также назначенъ для охраны тѣхъ же интересовъ, почему же онъ не можетъ разсчитывать на неприкосновенность отъ своего же подчиненнаго? Если два сосѣднихъ часовыхъ сблизятся, то не подставляютъ же они штыковъ другъ другу. Въ § 152 сказано, что часовой становится смирно даже и ночью, если узнаетъ въ лицо начальника,—трудно совмѣщаются въ сознаніи два правила: смирно стать и штыкъ подставь. Если преподать солдату правило: не коли своихъ товарищей и начальниковъ, несущихъ съ тобою общую службу, то едва ли усвоеніе его представитъ затрудненіе даже для самаго неразвитаго рядового; обратное же правило, какъ показала практика, можетъ сбить съ толку даже старыхъ офицеровъ.

Могутъ ли лица, повѣряющія часовыхъ, приближаться къ посту безъ разводящаго? Трудно найти основанія для отрицательнаго отвѣта, для положительнаго же ихъ можно найти много. Если темнота и одиночество разстраиваютъ

нервы человѣка, то приближеніе своего человѣка должно дѣйствовать успокоительно на часового. Если же часовой долженъ видѣть въ приближающемся лицѣ врага и начальника одновременно, то даже и развитой солдатъ можетъ „очумѣть“. Часовой можетъ удалиться отъ поста (§ 152), если посту не угрожаетъ опасность. Слѣдовательно, законъ не придаетъ большого значенія счету шаговъ, поручая часовому, кромѣ охраны поста, охрану жизни и имущества гражданъ, не проявившихъ злой воли. Народъ такъ хорошо усвоилъ этотъ взглядъ, что при всѣхъ насиліяхъ кричитъ: „караулъ“.

Солдатъ приходитъ на службу съ сознаніемъ, что оружіе часового начначено для нарушителей закона, а не для исполнителей его. Часовой и разводящій въ большинствѣ случаевъ люди мало развитые и мало свѣдущіе, поэтому они могутъ не обратить вниманія на многія кажущіеся мелочи: висящую изъ окна нитку, проведенную проволоку, переговоры ударами въ стѣну, валяющуюся жестянку съ небезопаснымъ содержимымъ и такъ далѣе; то есть на все то, на что офицеръ долженъ обратить вниманіе, если пройдетъ вблизи поста. Если часовые будутъ повѣряться разновременно разводящимъ и дежурнымъ по карауламъ, то отъ этого будетъ болѣе обезпечено аккуратное исполненіе часовыми ихъ обязанностей.

Есть у насъ непосредственное начальство, есть прямое, есть временное, есть и просто начальсто. Если раздѣлить временное начальство на двѣ категоріи: „строго говоря“ и „по принципу“, то имѣется ли для этого достаточное основаніе? и, если имѣется, не слѣдуетъ ли также раздѣлить и постоянное?

Обращаясь къ буквѣ закона, нельзя не обратить вниманія на §§ 44, 122 и 125, въ которыхъ указаны лица, не имѣющія право повѣрять караулы и посты; а также на § 124, въ которомъ сказано: „Если бы повѣряющій потребовалъ конвой для осмотра постовъ, то ему наряжается одинъ изъ разводящихъ“... Изъ этого слѣдуетъ заключить, что дежурный по карауламъ вовсе не обязанъ брать съ собою разводящаго и не имѣетъ никакого основанія сказать часовому: „Спасибо, молодецъ, дѣло знаешь“, если увидитъ передъ собою конецъ штыка.

Для повѣрки постовъ, могутъ быть высылаемы патрули

(§ 174), назначеніе разводящаго въ составъ патруля необязательно (§ 176), одинъ изъ патрульныхъ можетъ не только приблизиться къ посту, но и стать на постъ безъ разводящаго; караульный унтеръ-офицеръ можетъ быть посланъ для повѣрки постовъ (§ 191), слѣдовательно, можетъ отлучаться изъ караульнаго дома, и можетъ самостоятельно смѣнить часового. Повѣрку постовъ даже надежнѣе поручить караульному унтеръ офицеру, который болѣе ознакомленъ со службою и не утомленъ почти безпрерывною ходьбою, какъ разводящій. Исключительныя обстоятельства, въ силу самаго понятія объ исключительности, могутъ имѣть мѣсто и въ первый годъ службы рядового. Нужно полагать, что ознакомленіе съ этими §§ Устава нельзя откладывать до второго года службы рядового, тѣмъ болѣе, что къ исключительнымъ обстоятельствамъ приходится отнести болѣзнь — явленіе заурядное.

Изъ этихъ статей Устава можно вывести заключеніе, что законъ предполагаетъ взаимное довѣріе чиновъ караула и взаимопомощь, поэтому рекомендуется назначать въ караулъ людей изъ одной части войскъ. Если же часовой можетъ довѣрять товарищу, то онъ обязанъ довѣрять начальнику. Встрѣча штыкомъ прямого начальника, когда онъ не идетъ „противъ сдачи“, а только приближается къ посту, едва ли имѣлась въ виду законодателемъ.

Желательнно, чтобы духъ закона отливался въ удобопонятную для всѣхъ форму, не допускающую различныхъ толкованій; тогда не пришлось бы духъ и букву изображать въ видѣ двухъ коней, связанныхъ хвостами.

Едва ли возникновеніе вопроса можно объяснить только „отрыжкой“ и „помраченіемъ“, а не желаніемъ выяснить дѣло, чтобы имѣть возможность „твердо и опредѣленно“ преподавать подчиненнымъ и облегчить ихъ страшное положеніе на часахъ, выяснивъ имъ своевременно духъ закона, а не на скамьѣ подсудимыхъ.

Въ заключеніе напрашивается вопросъ: часовой за угрозу штыкомъ получилъ заочно молодца, а какое воздаяніе послѣдовало бы за ударъ?

Своему — честь и довѣріе, злодѣю — штыкъ и пуля, прохожему—ничего! *К. Костромитинъ.*

Отвѣтъ.

Нѣтъ, Уставъ редактированъ вполнѣ ясно, и если цѣлыя части войскъ не могутъ въ немъ разобраться, какъ вы неточно выражаетесь [1]), то можетъ быть потому, что на параграфы этого рода только недавно стали обращать вниманіе, слѣдовательно, не выработалась еще привычка относиться къ нимъ какъ слѣдуетъ.

И средство преподаванія рекомендуется не то, которое вамъ показалось, и которое, по вашему мнѣнію, заключается только въ одной фразѣ: „я изъ тебя веревки вить могу“ и пр. Вы знаете очень хорошо, что фраза никогда не есть средство, да и вообще слово не есть средство; только извѣстный пріемъ есть дѣйствительное средство укоренить въ человѣкѣ навыкъ къ извѣстному дѣйствію или же практическую мысль, годную ему для поведенія въ будущемъ. Эти пріемы суть: для вещей видимыхъ, какъ строй, ружейные пріемы,—показъ; для вещей, которыя глазу не говорятъ, (какъ всѣ обязанности), которыхъ ни въ шеренгу не поставишь, ни церемоніальнымъ маршемъ не пропустишь, единственный пріемъ обученія и, главное, внѣдренія, это—искушеніе. Не нужно думать, что если солдатъ вамъ перебалтываетъ, что никому ружья не отдамъ кромѣ вы знаете Кому, то, что онъ это ужъ непремѣнно и сдѣлаетъ; а вы его при наукѣ подведите такъ, чтобы когда вы его примѣрно на часы поставите, чтобы онъ кому-нибудь ружье отдалъ.

---

[1]) Ибо не собирали же выроятно цѣлыхъ полковъ, чтобы обсуждать параграфы устава.

Если не отдастъ, тогда вы спокойны, онъ дѣло знаетъ; если же отдастъ, то и напомните: „а кому ты можешь отдать?“ Станетъ ему стыдно, а закрѣпите вы ему это въ сознаніи на многихъ винтахъ. Вотъ вамъ пріемъ искушенія. Затѣмъ, конечно, вы можете ожидать, что онъ упрется и въ такомъ случаѣ, гдѣ этого не нужно; бѣда не велика: ибо вы его закалили на настоящее дѣло; вѣдь и сталь сначала закаливаютъ, а потомъ отпускаютъ. То же и съ солдатомъ. Небольшого труда стоитъ растолковать ему потомъ, что эта наука нужна ему противъ врага, а не противъ своего, который, какъ и онъ, работаетъ на пользу службы, а не противъ службы. Слова нѣтъ, что солдатъ иной разъ упрется и не кстати; тутъ онъ не виноватъ; значитъ, его закалили да не отпустили. На то и служба, чтобы недодѣланное въ обученіи было додѣлано на службѣ подлинной. Другого пріема утвержденія солдата въ томъ, чтобы онъ дѣйствительно зналъ свои обязанности, а не задолбленными фразами только болталъ о нихъ на смотрахъ, я не знаю. Если вы знаете, подѣлитесь—поклонюсь въ ноги.

По поводу статьи „Надо спѣшить“ и вызванной ею замѣтки въ „Allgem. Zeitung“ 16-го (28-го) мая.*)

„Русская военная газета требуетъ увеличенія постояннаго состава артиллеріи на 300,000 человѣкъ, дабы армія находилась въ такомъ же процентномъ отношеніи, какъ германская“. Нѣмецкій оффиціозъ полагаетъ, что эта статья не предназначена для Гаагской конференціи, и ссылается потомъ на проводимую въ той статьѣ мысль о необходимости спѣшить увеличеніемъ артиллеріи, въ виду возможныхъ рѣшеній Гаагской конференціи.

Очевидно, эта замѣтка взята изъ статьи г. Дембовскаго „Надо спѣшить“, помѣщенный въ № 455 „Развѣдчика“, только, должно быть, для краткости, она переиначена, ибо г. Дембовскій и не думалъ требовать увеличенія артиллеріи на 300,000 человѣкъ. Вѣдь это, считая даже по 20 номеровъ прислуги на орудіе, соотвѣтствовало бы увеличенію артиллеріи на 1,500, а, считая по пятнадцати, на 2,000 орудій: несообразность очевидная. Онъ находилъ только, что русская армія (а не артиллерія) могла бы быть больше на 300,000 человѣкъ,

*) 1899 г.

если бы въ ея рядахъ служилъ такой же процентъ населенія страны, какой служитъ, напримѣръ, въ германской арміи. Слѣдовательно, замѣтка, по нашему, не заслуживаетъ вниманія; гораздо болѣе его заслуживаетъ статья, подавшая къ ней поводъ.

Г. Д. полагаетъ, что „надо спѣшить“. Спѣшить никогда не надо, ибо „поспѣшишь людей насмѣшишь“; а зѣвать, конечно, не слѣдъ. Да и Гаагской конференціи опасаться тоже не слѣдъ: она, вѣдь, собрана не въ видахъ посягательства на автономію котораго-либо изъ государствъ.

Съ чѣмъ же, по мнѣнію г. Д., надо спѣшить? Во-первыхъ, съ усиленіемъ артиллеріи: у нѣмцевъ, молъ, 72 орудія на дивизію; у насъ 48—64.

Во-вторыхъ, съ перевооруженіемъ; нѣмцы уже перевооружены, а мы еще только собираемся.

Въ-третьихъ, не беремъ изъ народа такой процентъ людей въ армію, какой берутъ нѣмцы. Однимъ словомъ, нѣмцы, нѣмцы и нѣмцы...

Остановимся по порядку на каждомъ изъ этихъ сѣтованій и постараемся посмотрѣть, взято ли въ нихъ въ соображеніе все то, что слѣдовало бы взять, принимаясь толковать о подобныхъ вопросахъ?

1) „У нѣмцевъ 72 орудія на пѣхотную дивизію, у насъ 48—64“. Кто знаетъ, чего стоитъ пѣхотѣ [1]) совмѣстное движеніе съ артиллеріею, особенно по дурнымъ дорогамъ, тотъ не будетъ считать подобное усиленіе артиллеріи особеннымъ преимуществомъ. Этому завидовать и за этимъ гнаться нечего.

[1]) Да и конницѣ. Но о ней рѣчи нѣтъ, такъ какъ пока, слава Богу, никому еще въ голову не приходитъ сдѣлать открытіе, что на кавалерійскую дивизію двѣнадцати орудій мало.

Нужно помнить, что отношеніе артиллеріи къ пѣхотѣ должно мѣряться на число людей, а не на число частей: баталіонъ героевъ въ 200 человѣкъ не вытащитъ изъ грязи тяжести, какую вытащутъ 1,000 трусовъ. Однимъ словомъ, артиллерія, имѣющая въ бою столь громадное значаніе въ дѣлѣ поддержки духа нашихъ войскъ и подрыва его у противника, относится къ нимъ, тѣмъ не менѣе, какъ къ источнику силы физической, когда рѣчь идетъ объ организаціи.

Взявъ это въ расчетъ, увидимъ, что даже при 16-ти тысячномъ составѣ дивизіи (т. е. небываломъ въ кампаніи), 72-хъ-орудійная бригада даетъ уже $4^1/_2$ орудія на тысячу человѣкъ. Затѣмъ люди начинаютъ осыпаться, а число орудій остается все то же. Съ пониженіемъ состава дивизіи до 12-ти тысячъ (чего въ кампанію долго ждать не придется), уже получимъ 6 орудій на тысячу человѣкъ—бремя непосильное, замедляющее движеніе впередъ и назадъ, какъ въ походѣ, такъ и въ бою, а при неудачѣ ведущее къ потерѣ орудій сотнями. Партизаны безмѣрнаго усиленія артиллеріи, увлекаясь въ воображеніи картиной батарей, тянущихся на цѣлыя версты, забываютъ, что прежде чѣмъ таковыя получить на позиціи, нужно ихъ довезти до позиціи; нужно для нихъ найти позицію; нужно, наконецъ, дать мѣсто и пѣхотѣ. И еще болѣе, наконецъ, нужно умѣть извлечь пользу изъ имѣющихся силъ, а чѣмъ ихъ больше, тѣмъ это труднѣе, а люди, на это способные, встрѣчаются рѣже... Большинство людей постоянно забываютъ это послѣднее условіе. Правда, это не такъ наглядно, какъ то, что 72 болѣе 64-хъ, а тѣмъ паче 48-ми.

По дорогѣ г. Д. сѣтуетъ на то даже, что у насъ батареи не шести, — а восьми-орудійныя. Вопросъ совершенно не существенный тамъ, гдѣ рѣчь идетъ о совокупности батарей, а не объ одной батареѣ; будемъ ли имѣть на позиціи 48, напримѣръ, орудій, раздѣленными на шесть или на восемь батарей, они представятъ вѣдь совершенно одну и ту же цѣль. Слова нѣтъ, шести-орудійная батарея въ управленіи нѣсколько легче, но вѣдь теперь единичной батареѣ стрѣлять и маневрировать придется рѣдко...

Рядомъ съ подобными мелочами раздается сѣтованіе болѣе серьезное, что „германскія батареи снабжены (вооружены?) новыми скорострѣльными пушками, о которыхъ у насъ по настоящее время ведутся одни разговоры, на что мы большіе мастера“.

Во-первыхъ, ведутся не одни разговоры, но и опыты, а во-вторыхъ, если бы пока велись даже только разговоры, и то не бѣда. Было бы хорошо, если бы, подчиняясь совѣту „надо спѣшить“, приняли систему, которая не продержалась бы, можетъ быть, и пяти лѣтъ, въ родѣ блаженнной памяти картечницъ. Мы бѣдны, и роскоши частаго перевооруженія позволить себѣ не можемъ: вѣдь это каждый разъ пахнетъ расходомъ въ 100—120 милліоновъ рублей; есть передъ чѣмъ остановиться и подумать прежде окончательнаго рѣшенія.

Легко сказать, что „всякій погибшій безъ пользы солдатъ, вслѣдствіе превосходства артиллерійскаго огня противника, долженъ служить укоромъ тому вѣдомству, которое не находитъ денегъ для того,

чтобы сразу усилить нашу артиллерію до требуемаго количества".

Требуемаго кѣмъ и на основаніи какихъ доводовъ и соображеній? Если на основаніи той ариѳметической истины, что 72 больше 48, то этого еще недостаточно.

Легко бросить укоромъ „не находитъ денегъ", бумага вѣдь все терпитъ; да когда ихъ дѣйствительно нѣтъ? Вѣдь армія существуетъ для народа, а не наоборотъ, и очень роскошествовать въ удовлетвореніи ея потребностей (а иногда капризовъ, построенныхъ на недомысліи, продуктѣ первичныхъ впечатлѣній) можно только истощая народъ. Придетъ бѣда настоящая, и тогда брать будетъ не откуда, если все выберемъ до настоящей бѣды.

То же должно сказать и относительно принятія новой системы орудій. Вопросъ этотъ слишкомъ сложенъ, и рѣшать его съ плеча не приходится. Нѣмцы, напримѣръ, пожалуй, сами теперь не рады, что поспѣшили съ перевооруженіемъ. А насколько онъ сложенъ, г. Д. можетъ ознакомиться изъ превосходной статьи г. Д-ра, помѣщенной въ № 382 „Развѣдчика". Если приходится „разобраться въ томъ, что́ мы имѣемъ, что́ можемъ извлечь изъ имѣющагося и, въ зависимости отъ этого, рѣшить, что́ нужно сдѣлать, чтобы не оказаться слабѣе сосѣдей", то вѣдь тутъ на быстрыя рѣшенія не разскачешься.

Изъ этой статьи видно, что, не мѣняя всей системы, а только принявъ сошникъ и унитарный патронъ, можно достигнуть результатовъ, которые едва ли въ чемъ уступятъ дѣйствію прусской системы, и это будетъ стоить неизмѣримо меньше, чѣмъ полное перевооруженіе.

Необходимо и то еще имѣть въ виду, что въ настоящую минуту прусская система оказывается уже устарѣвшею. Нельзя не согласиться съ тѣмъ, что перевооружающійся позже другихъ долженъ воспользоваться всѣмъ тѣмъ, что выработано перевооружившимися раньше. А теперь воспользоваться есть чѣмъ, благодаря работѣ французскихъ артиллеристовъ. Они достигли такой устойчивости лафета (а слѣдовательно и прицѣльной линіи), что монета, положенная на ободъ колеса, остается на немъ, не мѣняя мѣста, при какомъ угодно числѣ выстрѣловъ; что два номера прислуги, заправляющіе наводкой, открываніемъ, закрываніемъ затвора и производствомъ выстрѣла, сидятъ правѣе и лѣвѣе казенной части орудія вполнѣ спокойно, безъ малѣйшаго сотрясенія. Благодаря устойчивости прицѣльной линіи, стрѣльба по подвижнымъ цѣлямъ, дѣло случая при нынѣшнихъ системахъ, становится для нынѣшней французской системы почти совершенно въ одинаковыя условія со стрѣльбою по неподвижнымъ.

Очевидно, что послѣ этого открытія, сдѣлавшаго, по нашему мнѣнію, полный переворотъ въ области полевой артиллеріи, странно было бы удовольствоваться какой бы то ни было изъ подпрыгивающихъ, т. е. при каждомъ выстрѣлѣ нарушающихъ наводку, системъ. Подобныя подпрыгивающія системы едва ли желательны на европейскихъ театрахъ войны для армій, которыя до сихъ поръ, по счастію, воздерживались отъ перевооруженія. И дѣло тутъ вовсе не въ скорости стрѣльбы, какъ большинству ошибочно кажется, а именно въ устойчивости прицѣльной линіи, благодаря каковой устойчивости копотли-

вая и деликатная манипуляція наводки, разъ пристрѣлка окончена, почти не требуетъ исправленія во французской системѣ, пока цѣль и разстояніе не мѣняются.

Насколько переворотъ этотъ радикаленъ, можно судить по нижеслѣдующему. Еще недавно инженеры Круппа утверждали съ самоувѣренность непогрѣшимаго убѣжденія, что:

1) неподвижности полевого лафета добиваться, безъ ущерба дѣлу, нельзя;

2) системы, въ которыхъ орудіе скользитъ при отдачѣ, а лафетъ неподвиженъ, не имѣютъ будущности въ полевой артиллеріи;

3) для быстроты заряжанія орудіе быстро должно возвращаться въ первоначальное положеніе.

Во французской системѣ все какъ разъ наоборотъ: 1) лафетъ неподвиженъ, а орудіе скользитъ; 2) на вооруженіи къ 1-му мая новаго стиля было уже 350 батарей такой, по мнѣнію Крупповскихъ инженеровъ, не имѣющей будущности системы; 3) орудіе возвращается въ первоначальное положеніе настолько медленно, что его можно при этомъ заряжать, и дѣлаетъ впечатлѣніе будто не дойдетъ до мѣста, а между тѣмъ доходитъ! Эта медленность возврата орудія имѣетъ свой резонъ и выработана опытомъ: въ системахъ частныхъ французскихъ заводчиковъ орудіе отдаетъ великолѣпно и мягко, но пока возвращается назадъ такъ рѣзко, что вырываетъ изъ земли сошникъ и, слѣдовательно, смѣщаетъ прицѣльную линію. Они теперь работаютъ надъ устраненіемъ этого недостатка, т. е. именно надъ тѣмъ,

чтобы орудіе возвращалось въ первоначальное положеніе мягко или относительно медленно.

Къ славѣ французскихъ артиллерійскихъ офицеровъ должно сказать, что вся система выработана исключительно ими, безъ помощи техниковъ частныхъ заводовъ. Благодаря этому, французская артиллерія командуетъ у себя частными заводами, а не они ею командуютъ, какъ бываетъ въ иныхъ мѣстахъ.

При такомъ положеніи дѣла можно ли „спѣшить?“ Намъ кажется, нельзя. Правда, французскіе артиллеристы держатъ свою систему въ секретѣ; но если нашлись люди, ее придумавшіе, найдутся и такіе, которые секретъ разгадаютъ. Въ идеѣ онъ и теперь извѣстенъ; дѣло, слѣдовательно, только за исполненіемъ и надъ этимъ лучшіе частные французскіе заводы теперь уже трудятся и, по слухамъ, небезуспѣшно.

Во всякомъ случаѣ задача для всѣхъ будущихъ системъ поставлена вѣрно и опредѣленно: это— устойчивость прицѣльной линіи. Рѣшена она французскими артиллеристами блистательно. Будемъ надѣяться, что и другія рѣшенія ея, не менѣе блистательныя, не замедлятъ своимъ появленіемъ; слѣдовательно, „не надо спѣшить“.

Не надо спѣшить и съ раздуваніемъ силъ; если мы не имѣемъ надобности брать лишнихъ 300 тысячъ ежегодно, то это не недостатокъ, а благополучіе; это ежегодный заработокъ въ народѣ по меньшей мѣрѣ милліоновъ тридцати; это экономія для бюджета другихъ тридцати милліоновъ. Каждый солдатъ вѣдь обходится вдвое противъ обывателя; самъ на себя не можетъ работать и, сверхъ того, другой

долженъ на него работать для его содержанія. Если усиливаться этимъ путемъ не по разуму и не въ мѣру, до разоренія дойти не долго. Нырять въ воду, чтобы спрятаться отъ дождя, не расчетъ.

Жили-были три сосѣда: Иванъ, Сидоръ и Петръ, и держали для обереганія своихъ дворовъ по одному сторожу. Въ одно прекрасное утро Ивану приходитъ въ голову, что если Сидоръ и Петръ противъ него стакнутся, то его ограбятъ, ибо у нихъ два сторожа противъ его одного. Заведу, молъ, себѣ еще одного сторожа, рѣшилъ Иванъ. Сказано-сдѣлано: завелъ. Первый замѣтилъ это Сидоръ. „Не къ добру это Иванъ завелъ къ себѣ лишняго сторожа; должно быть, что-нибудь замышляетъ противъ меня“, думаетъ онъ. „Заведу и я себѣ еще двухъ сторожей; у меня будетъ тогда три и у нихъ у двоихъ три, значитъ равновѣсіе, и можно будетъ спать спокойно“. Не тутъ-то было: увидѣлъ это Иванъ и самъ себя въ ужасъ привелъ: противъ меня уже четверо, нужно и себѣ завести еще двоихъ. И вотъ другъ передъ другомъ Иванъ и Сидоръ пошли себѣ набавлять сторожей. Уже во дворѣ у нихъ и стеречь нечего, и самимъ животы подвело, а они все стараются. Смотрѣлъ на это третій сосѣдъ Петръ и думаетъ: такъ и безъ бѣды самъ себѣ бѣду наживешь; буду себѣ лучше жить, какъ бабушка велѣла, по одежкѣ протягивать ножки, а придетъ бѣда, въ обиду себя не дамъ, ничего не пожалѣю, чтобы отбиться: не всѣ же будутъ противъ меня, найдутся авось и за меня; силенъ чортъ, да милостивъ Богъ.

Дуэли.

Милостивый Государь Владиміръ Антоновичъ.*) До невозможности притѣсняете вы меня съ дуэлями: пиши, да пиши; а что вамъ я буду писать послѣ того, что уже и безъ меня написано г. А. И. З., ген. Навроцкимъ, г. Новиковымъ, г. А—тъ и другими? Но вы настаиваете вотъ уже который мѣсяцъ, и я сдаюсь. Если скажутъ, что мы это молъ и безъ васъ, г. Драгомировъ, знали, пеняйте на себя.

I.

Дуэль, какъ и война,—дѣло волевое, и никакіе доводы разума ихъ опрокинуть не могутъ, ибо у воли своя логика, которой разумъ не въ состояніи понять и потому отрицаетъ. Это его свойство: чего онъ не понимаетъ, то отрицаетъ. А между тѣмъ всѣ возстающіе противъ дуэли, подумавши немного и, главное, безпристрастно, должны признать, что они сами могутъ быть поставлены въ такое положеніе, что запросятъ дуэли: человѣкъ оскорбилъ мою родину, мой полкъ, мою мать, сестру, жену, дочь. Что тутъ мыслимо, кромѣ дуэли? Это дѣйствительно вопросы чести и при томъ большею частью такіе, которыхъ формальный судъ разрѣшить не можетъ, ибо, первое, въ законѣ и подходящихъ статей не

*) Березовскій, редакторъ „Развѣдчика“.

найдется, а второе, что бываютъ дѣла, изъ-за которыхъ человѣкъ скорѣе пойдетъ на смерть, нежели на огласку. И съ этой точки зрѣнія (но только съ этой) разрѣшеніе дуэлей я признаю величайшею милостью, ибо оно даетъ право на смертельную расправу въ тѣхъ случаяхъ, когда иной и быть не можетъ.

Въ жизни безусловныхъ нормъ нѣтъ; не мѣшаетъ помнить, что самъ провозгласившій норму „не убій“, спустившись съ Синая, не только разбилъ скрижали, на коихъ она была начертана, но и совершилъ избіеніе, да не единичное, а массовое, въ три тысячи человѣкъ. Вотъ вамъ и „не убій“.

Но совсѣмъ другое дѣло выходитъ, если дуэль считаютъ разумною и даже необходимою изъ-за рѣзкаго слова, иногда дерзкаго взгляда или, наконецъ, хотя бы изъ-за... рукоприкладства.

Въ этихъ случаяхъ прибѣгать къ дуэли, конечно, странно. Одинъ учинитъ другому рукоприкладство въ пьяномъ видѣ или, что то же, въ состояніи остраго помѣшательства. Неужели требовать отъ него кроваваго удовлетворенія за оскорбленіе, котораго онъ и самъ не помнитъ? Такого скораго на руку во хмелю человѣка въ полку держать нельзя, но вызывать? Просто даже смѣшно объ этомъ говорить. Особенно вспомнивъ, что вѣдь неизвѣстно еще, его ли ухлопаютъ, или онъ ухлопаетъ. Съ равнымъ основаніемъ можно глубокомысленно и докторально утверждать, что слѣдуетъ вызывать временно помѣшаннаго, когда онъ выздоровѣетъ, за то, что въ припадкѣ безумія онъ кого-нибудь заушилъ.

Можетъ быть скажутъ, что рукоприкладство случается иногда и въ трезвомъ видѣ: да, случается; но оно у насъ имѣетъ свою исторію и въ громадной массѣ народа не считается безчестьемъ; и этотъ взглядъ раздѣляли такіе высокіе представители народнаго духа, какъ, напримѣръ, Суворовъ. Извѣстно, что онъ на своемъ вѣку получилъ три пощечины, но на дуэль не вызывалъ, и даже потомъ при встрѣчѣ съ давшимъ ихъ Нащокинымъ бѣгалъ отъ него, приговаривая: „я его боюсь, онъ дерется“.

Можетъ быть скажутъ, что онъ себя не уважалъ. Нѣтъ, уважалъ и очень, и истиннаго пониманія личнаго достоинства ему было не занимать стать. Извѣстна легенда, какъ подъ Очаковымъ, на одномъ военномъ совѣтѣ Потемкинъ потребовалъ себѣ необходимую вазу. Денщикъ, пріотворивъ дверь, показалъ ее. „Чего ты, дуракъ, тамъ торчишь, подавай сюда!“ Подали. Когда свѣтлѣйшій изволилъ отлиться, при всѣхъ, Суворовъ позвалъ денщика къ себѣ и послѣдовалъ примѣру свѣтлѣйшаго; значитъ, за оскорбленія дѣйствительныя онъ сдачи умѣлъ давать; да не равному, а старшему; да еще временщику. Есть и другая легенда, еще болѣе внушительная объ умѣньи Суворова ставить свѣтлѣйшаго на должное мѣсто; но, къ сожалѣнію, она не поддается инословію, которое ее сдѣлало бы удобною для печати.

Что же, умалили ли пощечины Суворова? Не остался ли онъ и послѣ нихъ, и не отомстивши за нихъ, тѣмъ же Суворовымъ? Не даромъ сказано, что дѣйствительно храбрый презираетъ дуэль.

Такого же отношенія къ поединкамъ держались и древніе; Цезарь, вызванный Маркомъ Антоніемъ,

Метеллъ Серторіемъ, отвѣчалъ совершенно просто: „мнѣ жить еще не надоѣло“. Непристойныя ругательства Цицерона въ полномъ присутствіи сената, противъ Антонія, котораго онъ обвиняетъ, между прочимъ, въ томъ, что онъ пьяный бѣгалъ нагишомъ по улицамъ, вызвали реплику другого сенатора, обругавшаго въ свою очередь Цицерона и закончившаго тѣмъ, что если Цицеронъ носитъ длинную тогу, то это для прикрытія своихъ отвратительныхъ ногъ [1]).

Въ древности не было дуэлей, а единоборства, которыя собственно представляли только эпизодъ сраженія: разница, и существенная, въ томъ, что это замѣняло столкновеніе массъ и личной вражды между противниками не было. Однимъ словомъ, была честь города, націи, за которую и стоялъ индивидуумъ даже до смерти; но его личнаго понятія о части, въ рыцарскомъ смыслѣ, не было. Вспомнимъ еще: „бей, но выслушай“ Θемистокла.

Складъ понятій нашего народа тотъ же, что у древнихъ; и къ нему слѣдовало бы платоническимъ обожателямъ дуэлей отнестись можетъ быть нѣсколько болѣе внимательно, нежели къ тому, что написано въ иностранныхъ книжкахъ, возникшихъ подъ вліяніемъ понятій и обычаевъ, намъ совершенно чуждыхъ.

Правъ совершенно г. Новиковъ, что въ нашемъ языкѣ нѣтъ даже словъ для выраженія понятія point d'honneur; но я иду далѣе: у насъ нѣтъ и слова, выражающаго понятіе honneur. Основной смыслъ

---

[1]) Герценъ. „Объ историческомъ развитіи чести“.

нашего слова „честь“ есть собственно почесть. Говорятъ: „отдать честь“, „по отцу и сыну честь“, „честь вамъ и слава“. Честный человѣкъ, по нашему вовсе не значитъ un homme d'honneur, а скорѣе un homme vertueux.

Рыцарства у насъ не было, не могло слѣдовательно возникнуть и той индивидуальной щепетильности, которая изъ-за косого взгляда, изъ-за неосторожнаго слова ведетъ къ бреттерству. У насъ эта щепетильность является товаромъ привознымъ, обезьянствомъ съ Европы.

Вся наша бѣда въ томъ, что мы до сихъ поръ считаемъ себя передъ Европой малолѣтками и, какъ малолѣтки, всегда стараемся подражать старшимъ. Подражаемъ, конечно, по обычаю малолѣтковъ, поверхностно, т. е. не въ чемъ-нибудь стоющемъ, духовномъ, а въ belles manières и тому подобныхъ пустякахъ. Въ Европѣ дерутся на дуэли, какъ же не драться и намъ? Если бы въ Европѣ было въ ходу рукоприкладство, невступно и у насъ оно получило бы право гражданства и убѣжденныхъ апологетовъ. Полное отсутствіе самостоятельности, дурно понятое личное достоинство, не больше; да еще на подкладкѣ трусости передъ тѣмъ, чтобы не сочли трусомъ.

Пора быть самими собой. Если я кого обидѣлъ и дѣйствительно себя уважаю, я первый долженъ извиниться именно въ силу и мѣру этого самоуваженія; въ этомъ, полагаю, гораздо болѣе сознанія подлиннаго личнаго достоинства, нежели въ томъ, чтобы, сдѣлавъ глупость, а иногда и мерзость, упереться на ней ослинымъ обычаемъ.

II.

Нѣкоторые думаютъ, будто дуэлями можно уменьшить рукоприкладство; большая ошибка, объясняемая невниманіемъ къ тому, откуда у насъ рукоприкладство идетъ. У многихъ изъ насъ оно въ крови и въѣдалось въ натуру путемъ вѣковой практики; слѣдовательно, можетъ и выпариться не иначе, какъ путемъ такового же вѣкового отсутствія этой практики, но конечно не можетъ исчезнуть въ какія нибудь не то 30, 40, а и сто лѣтъ.

По библіи кары за преступленіе идутъ до седьмого колѣна; смѣю думать, что въ иныхъ случаяхъ онѣ тянутся дольше.

Рукоприкладство—одна изъ отрыжекъ крѣпостного права. Тѣ, которые такъ теперь возмущаются проявленіями рукоприкладства, пусть не забудутъ, что ихъ дѣды, а у старшихъ поколѣній и отцы, практиковали его въ широкихъ размѣрахъ не только надъ крестьянами, а иногда, нечего грѣха таить, и между собой... Были исключенія, но только исключенія.

Общеизвѣстная истина, что рабство развращаетъ не одного раба, а и рабовладѣльца; только послѣдняго во много разъ больше. Кто скоръ на руку съ низшимъ, усвоиваетъ эту привычку вообще и, если его раздразнить, не задумается примѣнить ее и съ равнымъ...

Отсюда изящныя 18-лѣтнія дѣвицы, приказывающія выгладить горячимъ утюгомъ спину горничной за недостаточно художественно выглаженное платье; гг. Пѣночкины и другіе ему подобные герои Тургенева; и какъ вѣнецъ всего, Грибоѣдовскій „Несторъ негодяевъ знатныхъ“:

„Усердствуя, они, въ часы вина и драки, и честь, и жизнь его не разъ спасали; вдругъ—на нихъ онъ вымѣнялъ борзыя двѣ собаки“...

Значитъ, этотъ Иксъ заушалъ и былъ заушаемъ; дѣло взаимное, и между высоко блаародными людьми, ибо былъ онъ не только знатный, но даже Несторъ между знатными. Въ нѣкоторомъ родѣ primus inter pares!

Повторяемъ, такія застарѣлыя, вѣковыя язвы можетъ излѣчить только время, и очень не короткое... А мы воображаемъ, что одно-другое мѣропріятіе, и это исчезнетъ по щучьему велѣнію.

Стоитъ только по правиламъ „кодекса, выработаннаго и освященнаго опытомъ запада“, ухлопать въ годъ десятка два—три подпоручиковъ—и дѣло въ шляпѣ: возникнутъ belles manières, утонченное, чувствительное какъ вскрытый нарывъ, чувство личнаго достоинства, блаародное обращеніе; и все, все у насъ будетъ совсѣмъ, совсѣмъ такъ, какъ на просвѣщенномъ культурномъ западѣ, предъ коимъ мы стояли и должны стоять на заднихъ лапкахъ, и съ благоговѣніемъ безъ критики все отъ него принимать.

Все это было бы смѣшно, когда бы не было такъ грустно... Вѣдь поручики-то пригодились бы для дѣла, вѣдь никто не знаетъ, какихъ ухлопаютъ — можетъ быть будущаго Лермонтова или Суворова; вѣдь гибнутъ большею частью не худшіе, а лучшіе...

„Ахъ, помилуйте! Что скажетъ Европа“? Да пусть ее говоритъ, что хочетъ. Вѣдь она не интересуется тѣмъ, что скажетъ Россія, даже тогда,

Домъ со стороны сада, гдѣ жилъ въ Конотопѣ, Черн. губ. съ 18-го Октября 1903 г.
и скончался 15-го Октября 1905 г. Мих. Ив. Драгомировъ.

когда дѣлаетъ подлинныя, заправскія мерзости; такъ что же намъ интересоваться тѣмъ, что скажетъ она въ дѣлѣ разумномъ и чистомъ. Потщимся же быть самими собой.

III.

Милостивый Государь Владиміръ Антоновичъ. Получилъ неожиданный упрекъ, что я якобы оправдываю рукоприкладство. Отнюдь нѣтъ: не оправдываю, а только объясняю, что это явленіе вѣковое, т. е. одно изъ тѣхъ, противъ которыхъ скоропалительныя мѣры безсильны. Я его разсматриваю не этически (хорошо или дурно) и не эстетически (красиво или не красиво), а такъ сказать естественно-исторически. Какъ вѣковой фактъ народной жизни, оно имѣло свои условія возникновенія, роста и процвѣтанія; теперь для него наступили условія, при которыхъ оно должно постепенно падать. Но нельзя и мечтать, что это можетъ случиться скоро; нѣтъ, оно уйдетъ медленно уже по одному тому, что давать волю рукамъ гораздо легче, нежели держать ихъ на привязи. Знаю случай, какъ послѣ нашей послѣдней кампаніи, еще въ Турціи, одинъ изъ начальниковъ (и не изъ маленькихъ) отдулъ по мордѣ, да не простого солдата, а георгіевскаго кавалера, да еще фельдфебеля. И было это въ началѣ 1878 года, а всѣ подобныя воздѣйствія отмѣнены, если не ошибаюсь, еще въ 1863 г. Какъ Вы видите, съ моей стороны это не апологія рукоприкладства, а его генезисъ, т. е. родословная; и казнить за него жестоко (а дуэль есть казнь) также нелогично, какъ казнить человѣка за то, что

онъ унаслѣдовалъ скверную болѣзнь; тутъ нужно не казнить, а лечить. И при этомъ помнить, что потребуется, какъ во всѣхъ застарѣлыхъ болѣзняхъ, леченіе продолжительное, настойчивое и особенно терпѣливое.

Въ избѣ развелись клопы и тараканы; первые язвятъ да и воняютъ здóрово; вторые и въ щи падаютъ, и во снѣ покою не даютъ—совсѣмъ скверно. Что дѣлать? Одни предлагаютъ сѣти для вылавливанія сказанныхъ насѣкомыхъ; другіе—пистолеты, чтобы ихъ перестрѣлять; третьи, наконецъ, замѣтивъ, что въ чисто содержимыхъ избахъ ихъ не водится, говорятъ: и не переловите вы ихъ, и не перестрѣляете, пока у васъ будетъ грязно; а заведите чистоту—сами переведутся. Да не ту чистоту, что разъ въ годъ вымели и побѣлили, а потомъ и забыли, а настойчивую, непрерывную, блюдомую изо дня въ день; да и сами въ баню навѣдывайтесь почаще—тогда и не будетъ погани ни на васъ, ни около васъ. „Помилуйте, вы оправдываете существованіе клоповъ и прочаго“.—Нѣтъ, не оправдываю, а только указываю, откуда они у насъ и какъ отъ нихъ избавиться — не временно, а окончательно.— Преслѣдуйте настойчиво и неуклонно рукоприкладство къ солдатскимъ физіономіямъ *), выйдетъ оно изъ моды въ примѣненіи и къ инымъ физіономіямъ. Это случилось, между прочимъ, на нашихъ глазахъ съ тѣлесными наказаніями, которыя теперь положительно заставляютъ страдать не однихъ пацієнтовъ, но и исполнителей, и присутствующихъ. А не далеко

*) Это то же, что въ избѣ чистота.

еще то время, когда до упражненія въ нихъ разумѣется на чужихъ подспиніяхъ, страстные охотники считались сотнями, если не тысячами.

Платоническіе приверженцы дуэлей относятся къ нимъ именно съ эстетической стороны: некрасиво обезпокоить портретъ ближняго натуральнымъ кулакомъ или дланью; но сдѣлать то же самое кулакомъ усовершенствованнымъ, т. е. шпагой, шашкой, пистолетомъ,—красиво.—Почему? — „Какъ почему? Такъ принято въ старшемъ классѣ, сирѣчь на просвѣщенномъ культурномъ западѣ“.

Но если ужъ пошло на красоту, чѣмъ же не красива и даже не величественна, вплоть до рокового исхода, дуэль на кулакахъ Калашникова съ Кирибѣевичемъ:

А родился я отъ честнова отца,
И жилъ я по закону Господнему:
Не позорилъ я чужой жены,
Не разбойничалъ ночью темною,
Не таился я отъ свѣта небеснаго...
. . . . . .
„Не шутку шутить, не людей смѣшить
Къ тебѣ вышелъ я теперь басурманскій сынъ,
Вышелъ я на страшный бой, на послѣдній бой!“

Правда, это свое, грубое, мужицкое, чужое не въ примѣръ благороднѣе.

Великая Россіянка нѣмецкаго происхожденія въ 1787 году объявила, что поединки не могутъ быть допущены ни въ одномъ благоустроенномъ обществѣ и тѣмъ болѣе у насъ, такъ какъ „они не суть отъ предковъ полученные, но перенятые, чужіе *). Она понимала, значитъ, то, чего нѣкоторые при-

*) См. статью А. И. З., № 441 „Развѣдчика“.

рожденные россійскіе россіяне въ толкъ взять никакъ не могутъ. Правда, она была Великая; и, какъ таковая, читала въ книгѣ народнаго духа, а не въ чужеземныхъ бумажныхъ книжкахъ; работала, какъ сама сказала Дидро, не на бумагѣ, а на человѣческой кожѣ, которая совсѣмъ по иному воспріимчива и раздражительна, нежели бумага... Бумага все терпитъ: и богословскія элукубраціи, и, рядомъ съ ними, разглагольствованія о великомъ значеніи дуэлей; но кожа человѣческая — нѣтъ, не все.

IV.

Въ прошломъ письмѣ я объяснилъ стремленіе нѣкоторыхъ къ разводкѣ у насъ дуэльнаго микроба неосмысленнымъ подражаніемъ западу. Истина этого объясненія подтверждается еще тѣмъ, что характеръ подражательности въ этомъ дѣлѣ выдерживается до конца. Что отличаетъ обыкновенно подражающаго? Именно то, что онъ всегда отстаетъ отъ своего оригинала и преусердно упорствуетъ въ подражаніи даже тогда, когда оригиналъ уже бросаетъ свою повадку. Такъ и тутъ: на Западѣ дуэли, если не совершенно еще вышли изъ обычая, то сильно къ этому клонятъ, а наши поклонники дуэлей тутъ-то и усиливаются возстановить ихъ во всей средневѣковой чистотѣ; чуть не до требованія, чтобы дрались не только сами противники, но и ихъ секунданты. Говорю „стремленіе къ разводкѣ дуэлей“ потому, что, допуская ихъ, какъ дѣйствіе дозволенное и даже почти поощряемое, нельзя сказать впередъ, до какихъ размѣровъ ихъ примѣненіе

дойдетъ. Вѣдь во Франціи, даже при строжайшихъ воспрещеніяхъ, дошло до того, что въ десятилѣтній періодъ 1598—1608 погибло на дуэли 8,000 дворянъ; до чего же можно доиграться, если ихъ не только разрѣшить, но даже какъ бы поощрять? И пусть не думаютъ, что это говорится для красоты слога: не говоря уже о понятной пищѣ, даваемой дуэлями тщеславію, бахвальству, поползновенію почти безъ драки попасть въ большія забіяки, нужно еще вспомнить и то, что есть усердствующіе извѣстнаго сорта, которые не прочь и подстрекнуть на дуэль въ чаяніи, что они этимъ отвѣтятъ затаеннымъ желаніямъ начальства, (а въ низшихъ чинахъ авось и вакансію себѣ откроютъ). Мы знаемъ, что вскорѣ послѣ изданія извѣстнаго приказа, командиръ одного полка почти настаивалъ на дуэли между своими офицерами, воображая, что онъ этимъ зарекомендуетъ передъ высшимъ начальствомъ свой полкъ (а по дорогѣ разумѣется и самого себя). Дѣло, какъ Вы видите, житейское: пошла въ моду, напримѣръ, гимнастика; ну какъ не отличиться передъ товарищами и не добиться какихъ-нибудь невѣроятныхъ прыжковъ, что ли? А что по дорогѣ получатся вывихнутыя или поломанныя ноги, надсаженныя груди—не бѣда. Выписать домой на поправку не долго; пущай себѣ тамъ мается, пока ноги не протянетъ, лишь бы не въ моемъ полку. Много въ нашихъ палестинахъ людей съ непредусмотримыми, хотя и понятными поползновеніями; гдѣ по недомыслію, гдѣ по жидкости натуры, а гдѣ и по канальству: пріятно, иногда и выгодно, попасть въ тонъ начальству...

V.

Что съ умовой точки дуэль представляетъ очевидный абсурдъ въ благоустроенномъ государствѣ, особенно въ такомъ, гдѣ по принципу смертная казнь упразднена, кажется, не требуетъ пространныхъ доказательствъ. Нелогично предоставлять индивидууму право жизни и смерти надъ себѣ подобнымъ тамъ, гдѣ отъ этого права отказалась сама Государственная Власть. Нелогично предоставлять его даже и тамъ, гдѣ она отъ него не отказалась, ибо въ смертной казни по суду мотивъ личной мести отсутствуетъ, между тѣмъ какъ во всякой дуэли онъ всегда составляетъ основную подкладку. Наконецъ, нелогично и вообще, при какихъ бы то ни было порядкахъ, кромѣ, разумѣется, первобытно-дикаго состоянія, признавать за человѣкомъ право быть судьей въ своемъ собственномъ дѣлѣ.

Полагаю также, что предоставленіе офицерскому суду права рѣшать, долженъ ли я драться на дуэли или нѣтъ, есть отрицаніе именно той самой чести, о которой такъ хлопочутъ: вѣдь честь-то во мнѣ, а не внѣ меня; вѣдь она моя, а не кого-нибудь иного; и рѣшать о томъ, поругана она или нѣтъ, могу только я, и никто другой—иначе она не моя. Если же я и рѣшаюсь кого посвятить въ случившееся со мной столкновеніе, то опять же по моему выбору, какъ духовника, а не казенную коллегію. Какъ бы послѣдняя ни была честна и безпристрастна, она выбрана не мною и право отвода кого-либо изъ ея членовъ мнѣ не дано. И потому единствен-

ное право, которое можетъ быть предоставлено суду общества офицеровъ, разъ что дуэль допускается закономъ, можетъ быть только одно: налагать свое veto на дуэли по пустяковымъ случаямъ. Это, какъ извѣстно, есть вмѣстѣ съ тѣмъ и святѣйшее право и обязанность секундантовъ: употребить всѣ мѣры къ примиренію враждующихъ, прежде приступа къ роковой развязкѣ.

Первѣйшимъ условіемъ допустимости дуэли считается равенство шансовъ, между тѣмъ его почти никогда не бываетъ: вы холосты, я женатъ, да иногда Богъ наградилъ и кучей дѣтей на придачу; вы голы какъ перстъ, а у меня на рукахъ старуха мать, одинокая сестра и т. д. Какое тутъ равенство шансовъ?

Въ старое время мѣрили даже шпаги, чтобы онѣ были равной длины, а этого въ расчетъ не принимали: кумедія, фрати! какъ говорятъ въ Бессарабіи. Невольно вспоминается вызовъ на дуэль, бывшій кажется во время оно въ Америкѣ. Обиженный, или мнившій себя таковымъ (ибо и это бываетъ), является съ вызовомъ. „Вполнѣ готовъ“, отвѣчаетъ ему вызванный: „но только шансы наши не равны: вы холосты, я женатъ“. Согласился вызыватель, что дѣйствительно не равны. Приходитъ черезъ годъ: „Я теперь тоже женатъ“.—А есть ли у васъ ребенокъ? „Нѣтъ“.—А у меня есть, значитъ шансы опять неравны. Приходитъ опять черезъ годъ. „У меня есть ребенокъ“.—А у меня два.—Такъ дошли они первый до четырехъ, второй до пяти, пока вызыватель не угомонился.

VI.

Много еще можно сказать по поводу разбираемаго вопроса; но я думаю, что и такъ уже Вамъ надоѣлъ въ достаточной мѣрѣ; и потому заключаю моимъ скромнымъ и ни для кого, конечно, необязательнымъ мнѣніемъ о приказѣ 1894 года.

Кто не знаетъ изъ юристовъ и въ особенности изъ людей, которые не совершенно невинные младенцы въ исторіи, какъ часто мѣры, принимавшіяся съ извѣстными намѣреніями, приводили совершенно не къ тѣмъ послѣдствіямъ, которыхъ отъ нихъ ожидали? Не даромъ и давно уже сказано, что булыжникъ, коимъ вымощенъ весь адъ, именуется благими намѣреніями. Такъ случилось и тутъ: узаконивъ дуэли, думали поднять уровень понятій о чести въ офицерской средѣ, а въ результатѣ подняли только число убійствъ; случаевъ же рукоприкладства не уничтожили и даже не думаю, чтобы уменьшили. И пусть не говорятъ, что убійство на дуэли не есть убійство; на дуэли ли, или не на дуэли, по правиламъ ли „кодекса, освященнаго опытомъ культурнаго Запада“ или просто отправляютъ человѣка на тотъ свѣтъ— все же это убійство; а сколько, благодаря дуэлямъ оказалось обездоленныхъ, удрученныхъ безысходнымъ, непоправимымъ горемъ, а можетъ и такихъ, что побрели по міру на голодовку или на развратъ, кто же это знаетъ и кто сосчитаетъ?

Но это не все. Сколько было уже и теперь случаевъ такихъ дуэлей, которыя состоялись на основаніи соображенія „что скажутъ“? Ибо ужъ если начальство разрѣшило дуэли, то, значитъ, оно

таковыхъ желаетъ; разрѣшеніе въ этомъ случаѣ равносильно приглашенію, которое со стороны начальства весьма близко къ приказанію: „нельзя же отставать отъ другихъ; мы тоже блаародный полкъ“! Сколько было и такихъ дуэлей, которыя это страшное дѣло обращали въ недостойный балаганъ? Выйти на сорокъ шаговъ, обмѣняться выстрѣлами на воздухъ и признать, что позоръ смытъ, честь удовлетворена...

Подымаясь въ сферу болѣе общую, нельзя и того не отмѣтить, что приказъ 1894 года внесъ глубокій разладъ въ общее законодательство. Оскорбленный вольный вызвалъ офицера на дуэль и уложилъ его на мѣстѣ—на два, на три года въ крѣпость. Если бы случилось обратное, офицеръ, обидчикъ, остался бы безнаказаннымъ, уложивъ притомъ обиженнаго. Два вѣса и двѣ мѣры въ законодательствѣ—не годится.

И потому ограничиться однимъ существовавшимъ закономъ, безусловно воспрещающимъ дуэли, кажется мнѣ и можно, и должно. Нужды нѣтъ, что онъ безусловенъ: я уже сказалъ, да и кто же этого не знаетъ, что жизнь не признаетъ безусловныхъ нормъ и что по нуждѣ и закону перемѣна бываетъ. Ибо законъ для человѣка, а не человѣкъ для закона. На то живые судьи, на то живая верховная власть, дабы смягчать, а иногда и совсѣмъ устранять эти безусловныя нормы, когда жизнь своею властною рукою ихъ рветъ. Есть и „виновенъ, но заслуживаетъ снисхожденія“, есть и „не виновенъ“, есть наконецъ Высочайшее помилованіе.

„Да ну, а какъ же съ рукоприкладствомъ“?—А съ нимъ смотря по обстоятельствомъ дѣла. Руко-

прикладство въ пьяномъ видѣ не позорящее рукоприкладство, а, какъ уже объяснено, скверная народная привычка. Если офицеръ хорошъ, гнать его за это совсѣмъ со службы не дѣло, ибо пригодится. Въ полку тоже оставлять неудобно, а перевести въ другой полкъ, разумѣется выдержавъ предварительно на казенной квартирѣ. Въ случаѣ повторенія—совсѣмъ гнать. Если занимается рукоприложеніемъ въ трезвомъ видѣ—гнать и предоставлять раздѣлываться на сторонѣ. Если случилось совсѣмъ въ ограниченномъ товарищескомъ кружкѣ, а люди порядочные—сплетничать и трезвонить нечего. Такіе случаи тоже бывали; и послѣ такъ называемаго недоразумѣнія участники онаго, благодаря скромности товарищей, продолжали служить и хорошо служили...

И еще разъ: выведется рукоприкладство съ низшими, о немъ и помину не будетъ между равными. Всѣ мы грѣшны, всѣ и покаемся...

Что сдѣлаетъ вашъ штыкъ противъ этого? (Que fera votre baïonnette contre ceci?)

Этотъ рисунокъ присланъ мнѣ въ началѣ ноября этого года (1900) не знаю кѣмъ, при слѣдующей вырѣзкѣ, тоже не знаю изъ какой французской газеты:

„Во французской и русской арміяхъ есть группа личностей, которыя возводятъ въ догматъ систему превратныхъ идей. Можно присвоить этому догмату разныя клички: назовемъ его, пожалуй, „поклоненіемъ штыку“.

Дѣйствіе орудія Кольта на стрѣльбищѣ въ Рэннимедѣ. 2,250 выстрѣловъ частымъ огнемъ (безъ прицѣливанія), выпущенные противъ мишени, изображающей развернутую роту (96 фут. по фронту), съ разстояній въ 1,200, 1,000, 800 и 500 ярдовъ. Попало 1,220 пуль, т. е. 54,22%.

„Откуда идетъ эта тенденція? Изъ лѣни,—объяснили мнѣ какъ-то. Нѣкоторые господа, находя, что воинское искусство слишкомъ видоизмѣняется и что приходилось бы слишкомъ многому учиться, дабы не отставать, придумали отрицать огуломъ всѣ усовершенствованія. Въ Россіи это противодѣйствіе новому искусству скристаллизовалось на великомъ имени Суворова. Сидятъ на его фразѣ: „пуля дура, штыкъ молодецъ".

„Разглагольствуютъ, что если бы Суворовъ воскресъ, онъ сдѣлалъ бы и то, и се. По моему мнѣнію, въ высшей степени непочтительно рядить великаго покойника въ ослиный колпакъ, который приходится по ихъ головѣ. Мой противникъ*) находитъ, что Суворовъ одѣлъ бы своихъ людей въ бѣлое и устремилъ бы ихъ противъ необстрѣлянныхъ укрѣпленій, по примѣру генераловъ Криднера и Шаховского подъ Плевной (съ какимъ успѣхомъ—извѣстно). Но я могу точно утверждать, что если бы Суворовъ межъ насъ появился, то прежде всего справился бы о результатахъ школъ стрѣльбы, о пушкахъ Гатлинга, Максима, Гочкисса и о новой артиллеріи.

„Но въ дѣйствительности, желая бороться съ извѣстными тенденціями, пришлось бы начать очень свысока и очень издалека. Въ такомъ случаѣ мы вышли бы изъ военнаго искусства и вступили бы въ область психологіи. И тогда, какъ обыкновенно,

*) Противникъ, созданный себѣ самимъ авторомъ.

Прим. переводчика.

мы открыли бы, что корень зла таится въ первоначальномъ воспитаніи дѣтства *).

„Но показать, какимъ путемъ ребенокъ, воспитанный рутиной, у котораго личная предпріимчивость не была развита, пренебрегаетъ, ставъ военнымъ, извѣстными пріемами и ищетъ другихъ, мы не беремся: это выходитъ изъ рамокъ нашей настоящей темы. Мы хотимъ только привлечь вниманіе къ дѣйствительности современной стрѣльбы и предостеречь противъ роковой фразы: „атакуйте непріятеля, не думая о потеряхъ“.

„Передъ Хартумомъ Махдисты, пренебрегая ночными атаками, не воспользовавшись самумомъ, дувшимъ въ теченіе двухъ дней, бросились въ одно прекрасное утро на англичанъ, на точномъ основаніи поученій генерала Драгомирова. Никогда не было видано болѣе блестящей храбрости. Людскія волны набѣгали одна за другой. Вечеромъ 20,000 махдистскихъ труповъ покрывали поле сраженія. У англичанъ не было и ста убитыхъ.

„Обратимся къ Бурамъ. Вотъ вооруженные мужики, у которыхъ постоянной военной организаціи нѣтъ. Во всякомъ случаѣ и тѣни ея не было въ 1880 году.

„Они дали четыре сраженія противъ цвѣта англійской арміи, шотландцевъ и линейныхъ войскъ:

1) Branker Spruit: всѣ англійскіе офицеры убиты или ранены, треть состава выведена изъ строя. Противникъ невидимъ, 20-го декабря 1880 года.

*) Можно пожалѣть, что авторъ этого не сдѣлалъ. Тамъ, гдѣ человѣкъ важнѣйшій факторъ, безъ психологіи обойтись нельзя. *Прим. переводчика.*

2) Laing's Neck: 250 убитыхъ или раненыхъ англичанъ. 28-го января.

3) Ingogo: англичане спаслись чудомъ отъ поголовнаго истребленія. Потери: 200 человѣкъ изъ пятисотъ. Всѣ офицеры внѣ строя. 8-го февраля.

4) Majuba: англичане на вершинѣ горы теряютъ треть ихъ состава. Ихъ генералъ убитъ 27-го февраля.

Во всѣхъ этихъ стычкахъ потери Буровъ были ничтожны.

Конечно, Буры будутъ раздавлены.

„Населеніе въ 300,000 душъ не можетъ сопротивляться имперіи въ 350 милліоновъ подданныхъ, но мы не къ этому ведемъ: Европа подлѣ, это касается ея.

„Что насъ заботитъ, это—чтобы перестали проповѣдывать солдатамъ, что нужно идти на бойню, какъ Махдисты въ Хартумѣ или русскіе подъ Горнымъ Дубнякомъ. Нужно внушать солдату небоходимость убивать возможно больше непріятелей, а себя сохранять невредимымъ для службы отечеству.

„Нужно поощрять въ деревняхъ стрѣльбу по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ и подражать въ этомъ швейцарской организаціи.

„Нужно, наконецъ, чтобы наши офицеры тщательно изучали нынѣшнюю войну, замѣчая, что Буры сражаются противъ людей, которые очень любятъ поберегать свою шкуру.

„Англійскіе командиры столь же извѣстны заботою о сбереженіи ихъ людей, какъ русскіе знамениты обратнымъ.

„Въ 1857 году генералъ Вильсонъ бомбарди-

ровалъ Дели. Одинъ изъ нетерпѣливыхъ офицеровъ замѣтилъ, что можно уже идти на штурмъ.

— Знаю, молодой человѣкъ, но два часа спустя я, вѣроятно, потеряю пятью или шестью человѣками меньше.

„Не мѣшаетъ также вспомнить генерала Гавелокъ, добровольно отказавшагося отъ прекраснаго маневра изъ опасенія потерять много народа. Англичане гордятся подобными фактами, хотя въ ихъ храбрости на поляхъ сраженій никто не сомнѣвается“.

I.

На приложенный выше рисунокъ я могъ бы отвѣтить тоже рисукомъ такого содержанія: нарисуй картечницу: вмѣсто живой прислуги пририсуй къ ней чучела, а противъ нея солдатъ, устремляющихся въ штыки на эти чучела, и подпиши: „Что сдѣлаетъ ваша картечница противъ этого?“

Впрочемъ, я покладливъ и согласенъ даже на то, чтобы вмѣсто чучелъ нарисовали живыхъ людей, только картечницу съ пустымъ зарядным ящикомъ, т. е. уже разстрѣлявшую свои патроны. Неблагосклонный читатель воскликнетъ, конечно, что мой рисунокъ нелѣпъ. Будьте снисходительны и справедливы, г. читатель, и признайте, что онъ ничѣмъ не нелѣпѣе рисунка, который помѣщенъ выше. Тамъ картечница стрѣляетъ по беззащитнымъ мишенямъ, у меня атакуютъ беззащитную картечницу. Значитъ, разницы между рисунками нѣтъ. Переносить на людей результатъ, получаемый по мишенямъ,—пріемъ наглядный и, пожалуй, прак-

тичный, но не логичный и годенъ только какъ реклама, чтобы пустить пыль въ глаза заказчикамъ.

Въ этомъ мой отвѣтъ на вопросъ: „Что сдѣлаетъ вашъ штыкъ противъ этого“?

Кто хочетъ сдѣлать добросовѣстное сравненіе, тотъ долженъ брать данныя однородныя: у васъ картечница, и у меня картечница; при вашей картечницѣ пѣхота и при моей тоже пѣхота; тогда и сравнивайте. Но тогда получите совсѣмъ другой выводъ; именно тотъ, что вы перестрѣляете у меня кое-кого, и я у васъ тоже. Но сколько бы мы ни стрѣляли, ни вы, ни я рѣшительнаго результата не добьемся, пока сначала не сблизимся, а потомъ не сойдемся на штыки.

И потому вышеприведенный рисунокъ хорошъ, какъ сказано, для рекламы, для пусканія пыли въ глаза, дабы выудить побольше заказчиковъ, но тактическаго значенія никакого неимѣетъ, ибо равныя за равныя сокращаются и въ концѣ концовъ все же остается человѣкъ противъ человѣка, и одолѣетъ изъ нихъ тотъ, который болѣе способенъ сойтись на штыкъ или, что то же, меньше озабоченъ сохраненіемъ драгоцѣнныхъ дней своихъ.

Правда, теперь сходятся на штыки рѣдко, ибо въ большинствѣ случаевъ одного выраженнаго желанія сойтись на эту дистанцію достаточно, чтобы непріятель побѣжалъ. Но это говоритъ за штыкъ, а не противъ штыка. Чѣмъ же онъ виноватъ, если народъ сталъ жидокъ, и что его не только не хлопочутъ укрѣпить, а напротивъ стремятся ослабить нелѣпыми проповѣдями?

Обратимся къ французской статейкѣ.

II.

Въ ней неизвѣстный авторъ борется побѣдоносно... съ противникомъ, котораго самъ себѣ сочинилъ. Я не почтилъ бы его возраженіемъ, если бы рѣчь не шла о модной болѣзни огнепоклонничества, имя же одержимымъ ею легіонъ.

До сихъ поръ мнѣ случалось спорить съ людьми, которые, по нетерпѣнію или по чему другому, не имѣютъ обычая дочитывать до конца то, что они оспариваютъ; мой настоящій оппонентъ представляетъ явленіе новое и оригинальное: онъ читаетъ только концы, перескакивая начала. Онъ прочелъ: „пуля дура, а штыкъ молодецъ“, и не прочелъ того, что̀ стоитъ передъ этимъ заключительнымъ афоризмомъ. Напомню ему это: „Береги пулю на три дня, а иногда и на цѣлую кампанію, когда негдѣ взять; стрѣляй рѣдко, да мѣтко; штыкомъ коли крѣпко; пуля обмишулится, штыкъ не обмишулится“. Если бы онъ это прочелъ, то, можетъ быть, и воздержался бы отъ праздной забавы спорить съ самимъ собой. Въ вышеприведенныхъ, имъ пропущенныхъ словахъ заключается полное ученіе какъ о свойствахъ огнестрѣльнаго и холоднаго оружія, такъ и о взаимоотношеніи ихъ между собою—ученіе, коего никакія усовершенствованія огнестрѣльнаго оружія опрокинуть не могутъ.

Дѣйствительно: 1) чѣмъ оружіе будетъ скорозаряднѣе, тѣмъ забота о снабженіи патронами будетъ заявлять о себѣ настоятельнѣе: слѣдовательно, „береги пулю“.

2) Чѣмъ оружіе бьетъ болѣе мѣтко, тѣмъ болѣе нелѣпою является безтолковая трескотня, основанная, какъ при гладкомъ оружіи, на томъ, что пуля виноватаго найдетъ. Изъ картечницы, правда, можно изрѣшетить мишень; но вѣдь человѣка достаточно убить или вывести изъ строя только одинъ разъ; сверхъ того попавшее, сколько бы его ни было, пропадаетъ даромъ. Слѣдовательно, „стрѣляй рѣдко, да мѣтко“. „Рѣдко“ не въ буквальномъ смыслѣ этого слова, а въ томъ, что нужно выбирать такія мгновенія для стрѣльбы, въ которыя она можетъ дать наибольшій результатъ. Вѣдь стрѣляетъ не машина, а человѣкъ; и если его не утвердить въ этой мысли, то, при понятномъ во время боя волненіи, онъ тѣмъ больше потратитъ безъ толку патроновъ, чѣмъ оружіе скорозаряднѣе. А при этомъ и самое совершенное оружіе рискуетъ обратиться въ безобидную палку; и тѣмъ скорѣе, чѣмъ оно будетъ совершеннѣе, разъ что всѣ патроны будутъ разстрѣляны до сближенія на дистанцію штыка.

3) „Пуля обмишулится (т. е. летитъ на вѣтеръ), штыкъ не обмишулится“ (т. е. промаха не дастъ, если человѣкъ воспитанъ къ штыковой работѣ). Тотъ же великій покойникъ высказываетъ эту истину, въ инструкціи Австрійцамъ въ 1799 г., на языкѣ, иностранцамъ болѣе понятномъ. „Штыкомъ одинъ человѣкъ можетъ заколоть трехъ или четырехъ, а сотня пуль летитъ на воздухъ“. Да притомъ ружье нужно заряжать, а штыкъ всегда заряженъ. Развѣ и теперь это не вѣрно?

Вотъ въ чемъ заключается дурость пули и молодечество штыка, и это остается вѣрнымъ теперь, и

останется вѣрнымъ навсегда, такъ же какъ было вѣрнымъ сто лѣтъ тому назадъ.

Когда неизвѣстный оппонентъ приводитъ въ примѣръ Махдистовъ, то, еще разъ, онъ споритъ не со мною, а съ самимъ собою.

Если онъ воображаетъ, что я проповѣдую атаку безъ подготовки, то весьма ошибается; въ чемъ онъ могъ бы убѣдиться, справившись съ тѣмъ, что я писалъ. Онъ нашелъ бы тамъ, между прочимъ, что я рекомендую ночныя атаки не только для тѣхъ, которые, какъ Махдисты, почти не имѣютъ огнестрѣльнаго оружія (или имѣютъ его допотопное), но и для тѣхъ, которые его имѣютъ. Онъ прочелъ бы и указаніе на то, какъ самъ Наполеонъ выдерживалъ противника подъ огнемъ по десяти—двѣнадцати часовъ, прежде нежели начать рѣшительную атаку. Въ этомъ кажется нельзя усмотрѣть, будто я пренебрегаю огнемъ. Если онъ эту проповѣдь считаетъ заслуживающею ослинаго колпака, то я охотно готовъ его носить, и не промѣняю конечно на его колпакъ мудреца трусости, себялюбія, своекорыстія, самосохраненія.

Онъ прислалъ мнѣ рисунокъ стрѣльбы по мишенямъ: неужели онъ, принимаясь толковать объ этихъ предметахъ, даже и того не уразумѣлъ, что стрѣльба мѣняетъ характеръ, когда не только вы стрѣляете, но и въ васъ стрѣляютъ?

Изъ этого мой неизвѣстный оппонентъ, можетъ быть, уразумѣетъ, что Махдисты атаковали именно не такъ, какъ поучаетъ генералъ Драгомировъ, если при атакѣ не приняли въ расчетъ ни того, что огнемъ подготовить атаку не могутъ, ни того,

что они могли бы воспользоваться ночью и самумомъ. Если бы они читали то, что генералъ Драгомировъ писалъ и съ онымъ соображались, можетъ быть они и не сдѣлали бы такой ошибки. Но они конечно не подозрѣваютъ и о существованіи сказаннаго генерала, не говоря уже о его писаніяхъ; и потому сопоставлять эти писанія съ ихъ образомъ дѣйствій — шалость со стороны моего оппонента, можетъ быть и игривая, но мало опрятная: ибо и въ борзописаніи не мѣшаетъ сохранять оттѣнокъ порядочности.

Поговоривъ о томъ, что пренебреженіе къ огню (какъ читатель видитъ мнимое) происходитъ отъ лѣни и отъ рутиннаго воспитанія въ дѣтствѣ, онъ заявляетъ, что въ разборъ этихъ темъ не вдается, а хочетъ только привлечь вниманіе къ дѣйствительности современнаго огня и предостеречь противъ роковой фразы: „атакуйте, не взирая на потери“. Напрасная забота: дѣйствительность современнаго огня вездѣ и всѣми принимается во вниманіе и безъ его приглашенія, многими даже болѣе, чѣмъ слѣдуетъ; что же до фразы, ненравящейся неизвѣстному автору, то и здѣсь онъ остался вѣренъ себѣ, т. е. схватилъ конецъ и опустилъ начало, ибо она относится не къ бою въ его совокупности, а только къ заключительному акту его, именно къ атакѣ въ штыки. И само собою разумѣется, что тутъ поздно думать о потеряхъ.

Кто въ эту минуту ими озабоченъ, тотъ конечно дастъ тылъ.

Неудача второй Плевны объясняется не пренебреженіемъ къ огню и не бѣлыми рубахами, а тѣмъ,

что единоначалія не было и позиція была растянута.

Буры стрѣляютъ прекрасно именно потому, что стрѣляютъ не по-регулярному, а по-охотничьи, т. е. какъ по намѣченной цѣли. На это намекаютъ между прочимъ громадныя потери англичанъ въ офицерахъ И всегда стоялъ, и теперь стою, именно за такую стрѣльбу, а не за безтолковую трескотню, изъ картечницъ ли она, или изъ ружей—все равно.

Внушать солдатамъ необходимость убивать возможно больше, а себя сохранять—пустой, а во второй половинѣ—даже вредный совѣтъ. Обученіе стрѣльбѣ отвѣчаетъ первой половинѣ совѣта [1]); вторая отвѣчаетъ инстинкту самосохраненія, который говоритъ въ бою и безъ спеціальныхъ внушеній болѣе, чѣмъ то желательно. Въ солдатѣ должно прежде всего развивать и укрѣплять самоотверженіе. Кто этого не понимаетъ, тотъ въ нашемъ дѣлѣ ничего не понимаетъ. Солдатъ не долженъ себя беречь, начальникъ долженъ его беречь. Большая потеря людей въ бою—къ славѣ солдата и къ безславію начальника, если она произошла не отъ трудностей самого дѣла, а отъ нераспорядительности начальника.

Кто воспитанъ на штыкѣ, и стрѣлять будетъ спокойно; кто воспитанъ только на стрѣльбѣ, въ штыки неохотно пойдетъ, а чаще и совсѣмъ не пойдетъ.

Онъ слишкомъ надѣется на то, что пулей не

---

[1]) Теперь нѣтъ арміи, въ которой не обучали бы стрѣльбѣ и не высчитывали процентовъ попаданія даже до сотыхъ долей.

допустить до себя противника, и конечно конфузится, когда это не удается.

Губить другихъ въ бою, не рискуя самому погибнуть, нельзя, какъ это ни пріятно личному самосохраненію. Это то же, что ловить птицъ насыпаніемъ соли на хвостъ.

Могутъ быть исключенія, какъ, напр., при засадахъ; но и эти исключенія даютъ возможность губить безъ риска погибнуть только въ первыя мгновенія стычки. А, какъ общее правило, это неосуществимая мечта при мало-мальски одинаковыхъ условіяхъ вооруженія и положенія противниковъ. Учить нужно труднѣйшему, а не легчайшему, ибо кто можетъ больше, можетъ и меньше, чего наоборотъ сказать нельзя.

Швейцарскій обычай упражненія въ стрѣльбѣ по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ въ деревняхъ прекрасный обычай; и кто можетъ его у себя примѣнить, но этого не дѣлаетъ, конечно, совершаетъ большую ошибку. Но не всегда и не вездѣ онъ можетъ быть примѣнимъ, по многимъ соображеніямъ, о коихъ здѣсь распространяться не къ мѣсту.

PS. Уже когда эта замѣтка была готова, я прочелъ въ „Новомъ Времени“ выдержки изъ разобранной здѣсь статьи, съ комментаріями какого-то Кавказца; оказалось, что статья принадлежитъ г. Горлову, извѣстному и своею боевою опытностью, и тѣмъ, что онъ пропустилъ черезъ свои руки десятки тысячъ солдатъ въ мирное время, и наконецъ теоретическими изслѣдованіями по вопросамъ воспитанія и образованія войскъ. Завидный талантъ

быть спеціалистомъ по всѣмъ предметамъ и по многимъ инымъ! Какъ же ему не знать, что солдата должно прежде всего учить поберегать себя въ бою?! Не онъ ли прислалъ и прилагаемые тутъ рисунки?

PPS. На дняхъ узналъ также великую новость, которую можно сравнить только съ открытіемъ Америки: именно, что Суворовъ вовсе не пренебрегалъ стрѣльбой! Объ этомъ, правда, можно было догадываться и прежде, изъ его „Науки побѣждать“ (см. „Стрѣляй сильно въ мишень, изъ экономіи пуль двадцать свинцу немного стоитъ“... „Стрѣляй рѣдко, да мѣтко“); но теперь это открыто во вновь открытыхъ неизданныхъ документахъ, слѣдовательно, много интереснѣе и поучительнѣе!

Вольныя работы.

Г. ***, попавъ изъ округа, „гдѣ вольныя работы не практикуются, въ такой, гдѣ онѣ пользуются правомъ гражданства“—очень ихъ полюбилъ.

Находитъ онъ, во-первыхъ, что въ періодъ вольныхъ работъ, за увольненіемъ запасныхъ, выдѣленіемъ предназначенныхъ въ учебную команду и проч., едва ли останется четвертая часть для строевыхъ занятій, которую яко-бы учить не стоитъ, а лучше отпустить на вольныя работы. Я же полагаю что много ли, мало ли остается людей въ осенній періодъ, все же лучше имъ заниматься тѣмъ дѣломъ, къ которому они призываются государствомъ, а не

[1]) См. № 208 „Рус. Инв.“. 1900 г.

поденными заработками не по волѣ а по приказу. Кто этого послѣдняго обстоятельства не забываетъ, тотъ долженъ согласиться, что такъ называемыя „вольныя“ работы въ сущности являются подневольными, съ совершенно крѣпостническимъ оттѣнкомъ. Прежде помѣщикъ отправлялъ на заработки своихъ крестьянъ, теперь то же самое дѣлаетъ военный начальникъ. Разница въ одномъ, что онъ не беретъ заработка въ свою пользу; но за то онъ дѣлитъ его своею властью между частью, работавшими и неработавшими, т. е. самопроизвольно распоряжается чужою собственностью. Да вѣдь и помѣщикъ всего заработка тоже не отбиралъ. Имѣетъ ли право воинскій начальникъ примѣнять данную ему власть приказывать по службѣ и во имя службы къ дѣлу, неимѣющему къ службѣ никакого отношенія? По моему, не имѣетъ. Такое примѣненіе власти ведетъ къ тому, что человѣка, не желавшаго идти на вольныя работы, предавали иногда военному суду. Гдѣ же правда, гдѣ логика? Вѣдь если работы вольныя, то я могу на нихъ идти и не идти; я вѣдь не крѣпостной; а меня за дѣло, совершенно постороннее службѣ, предаютъ суду, установленному вѣдь для охраны именно службы, и ничего иного. И одного подобнаго случая преданія суду по моему убѣжденію совершенно достаточно для того, чтобы безповоротно осудить „вольныя“ работы.

Солдатъ есть человѣкъ, призванный для службы государственной: онъ присягаетъ жертвовать собой за государственное дѣло, слѣдовательно, не долженъ быть отдаваемъ въ наемъ частному лицу. Случится пожаръ, наводненіе, заносъ на желѣзной дорогѣ—

онъ работаетъ, долженъ работать, иногда даже гибнетъ,—и это логично, ибо всѣ подобные случаи—дѣло общественное; но посылать его въ наймы, батракомъ къ частному лицу,—значитъ подрывать въ корнѣ его государственно-общественную роль. Найдутся смѣхуны, которые, пожалуй, расхохочутся, прочитавъ это. „Что! какой-нибудь чумазый михрютка—государственно-общественный дѣятель! Ха-ха-ха! Да это умора“!—Смѣйтесь, господа, коли есть охота: надъ собою будете смѣяться. Но не забывайте, что этому чумазому михрюткѣ присвоено право жизни и смерти надъ ему подобными даже въ мирное время въ извѣстныхъ случаяхъ, и вдругъ—пожалуйте... хоть бы возить, напр., навозъ на поле какого нибудь панка... Если онъ дѣлаетъ это по своей волѣ—въ добрый часъ; но если по приказу того самаго начальника, который долженъ воспитывать его на общественное служеніе въ мирное время и водить на смерть въ военное—нѣтъ, позвольте!

Влюбившись въ подневольныя работы, г. *** значеніе всего того, что вопіетъ противъ нихъ, тащится, по мѣрѣ силъ и возможности, ослабить; мы это уже видѣли въ его разсужденіи о томъ, что осенью людй остается такъ мало, что военнымъ дѣломъ съ ними и заниматься не стоитъ.

Дальше, лучше: „Насколько вредное вліяніе оказываютъ вольныя работы на утвержденіе въ солдатѣ воинскаго духа дисциплины, это вопросъ другой“. Т. е. именно то, что должно составлять предметъ непрерывной, строго послѣдовательной, настойчивой заботливости въ войскѣ, г-ну *** кажется другимъ вопросомъ. Охъ, не другой, а главный и

даже можно сказать единственный, особенно при короткихъ срокахъ службы. Ибо, чему бы вы ни учили: строю, стрѣльбѣ, удару штыкомъ и пр., вы, собственно говоря, служите только одной мысли, достигаете одной цѣли: утвержденія духа дисциплины. А г-ну *** это кажется „другимъ“ вопросомъ.

Разговоры о томъ, чтобы отпускать на работы большими командами, при унтеръ-офицерѣ или даже офицерѣ, о соблюденіи въ командѣ распорядковъ казарменной жизни—только разговоры и ничего болѣе. Конечно командами и увольняютъ; но вѣдь такихъ экономій, которыя требуютъ людей на работы ротами баталіонами, сравнительно мало; значительная же часть распускается небольшими командами, расползающимися для пріисканія работы кто куда, вплоть до таскания кулей съ барокъ и до битья камня на шоссе; и этого избѣжать нельзя, гоняясь за заработками. А въ большихъ командахъ унтеръ-офицеры и офицеры поступаютъ на содержаніе помѣщиковъ, что даже и при одноплеменности неудобно, а при разноплеменности и совсѣмъ не годится. Что же до соблюденія казарменныхъ распорядковъ на вольныхъ работахъ, то для этого на оныхъ не достаетъ самой малости: именно казармъ.

Въ третьихъ: г. *** не согласенъ и съ тѣмъ положеніемъ, что вольныя работы вредно отзываются на солдатской одеждѣ, и въ этомъ случаѣ онъ правъ, такъ какъ на эти работы людей отпускаютъ въ такомъ рубищѣ, что и нищій посовѣстился бы одѣть. Въ какой же мѣрѣ это можетъ способствовать развитію уваженія постороннихъ къ солдату и

его личнаго самоуваженія, предоставляемъ судить г-ну ***.

Обращаясь къ выгодамъ вольныхъ работъ г. *** впадаетъ въ идиллію: онъ находитъ, что въ нижнемъ чинѣ необходимо поддерживать умѣнье работать въ полѣ и любовь (?) къ сельскимъ работамъ. На это отвѣтимъ: 1) что намъ за двумя зайцами гоняться не приходится, дай Богъ за четыре года и одного изловить; 2) что за четыре года трудно утратить умѣнье работать; что же до любви къ сельскимъ работамъ, то ее изъ подъ палки не внушишь. Да и не наше это дѣло: довольно будетъ, если намъ удастся поддержать въ немъ любовь къ солдатской работѣ.

Что касается до подспорья, даваемаго подневольными заработками артельному хозяйству, то уже давно признано, что солдатъ долженъ быть содержимъ казной, а не на постороннія этому источнику средства. И теперь отпуски на это достаточны. Все же, заводимое сверхъ этихъ отпусковъ,—капризъ начальства, возможность коего и поддерживается существованіемъ подневольныхъ заработковъ. Освѣжить погончики, завести новую фуражку, щегольнуть одѣяльцами: и все это, чтобы выскочить, пустить пыль въ глаза. Грустно...

Въ заключеніе нѣсколько иллюстрацій.

Вольныя работы вошли въ моду въ 50-хъ годахъ. Высшее начальство ими заинтересовалось и полковые командиры взапуски другъ передъ другомъ (и, разумѣется, передъ начальствомъ) принялись щеголять большими заработками. Былъ я свидѣтелемъ такого анекдота: въ одномъ большомъ городѣ подъ вечеръ

подходитъ солдатъ-верзила и проситъ гривенникъ. „Что ты, съ ума сошелъ? Попрошайничаешь?“— „Никакъ нѣтъ, ваше б-родіе; потому какъ выгнали на работу, а я не досталъ, а долженъ представить гривенникъ фельдфебелю въ ротную сумму“. Не знаю, по какому расчету, въ той ротѣ отпускаемые на работу должны были представлять гривенникъ въ день въ ротныя суммы.

Другой анекдотъ. Солдаты, какъ наемная рабочая сила, въ краѣ съ многочисленнымъ населеніемъ [1]) не нужны и служатъ дошлымъ помѣщикамъ только какъ средство сбивать цѣну на крестьянскій трудъ. Поэтому иногда случается, что крестьяне, вооружившись дубьемъ и чѣмъ попало, прогоняютъ солдатъ съ работы. Крестьянъ приходится приводить въ чувство за насиліе, а солдатъ... усовѣщивать, что насилію поддаваться солдату стыдно; но усовѣщивать съ большою опаскою, ибо не возбуждать же ихъ къ междуусобію со своимъ братомъ-крестьяниномъ изъ-за того, что какому-нибудь господину X или Z [2]) пріятно выцыганить на каждомъ рабочемъ нѣсколько копѣекъ въ день. Но такъ или иначе, а высылка солдатъ на работу, въ ущербъ крестьянамъ, порождаетъ между ними отношенія, способствовать развитію коихъ, да еще на казенный счетъ, едва ли желательно.

Почему же, скажутъ, быть можетъ, на казенный

---

[1]) Т. е., гдѣ недостатка въ рабочихъ нѣтъ.

[2]) Не имѣю и въ мысли ставить это въ упрекъ помѣщикамъ. Кто же не предпочтетъ платить рабочему 35—40 коп., вмѣсто 70 или рубля? Никто себѣ не врагъ, но давать къ этому возможность на казенный счетъ мнѣ кажется страннымъ.

счетъ? казна тутъ не причемъ. А вотъ почему: начальство можетъ пустить солдата въ наемъ дешевле, такъ какъ его поитъ и кормитъ государство, да и семьи у него нѣтъ, а крестьянинъ на все это долженъ самъ заработать, да кромѣ того, на подати, изъ коихъ тотъ же солдатъ кормится. И выходитъ, что мужикъ солдата кормитъ, а солдатъ, по милости начальства, ему за это цѣны сбиваетъ и вооружаетъ этимъ противъ себя крестьянина. Не правда-ли, полезный результатъ вольныхъ работъ, г. ***?

Еще анекдотъ. Работавшая въ одномъ имѣніи цѣлая рота спала на чердакѣ воловни [1]), которая загорѣлась. По счастью было не поздно, и люди успѣли во время спуститься по лѣстницѣ. Случись это попозже, знатный бы получился заработокъ. А то былъ и такой случай: солдатъ сорвался со стога, напоролся на вилы и на мѣстѣ Богу душу отдалъ. Могутъ сказать, что это случается и на занятіяхъ солдатскимъ дѣломъ: да, случается; но на дѣлѣ, для котораго человѣкъ взятъ изъ народа, а не изъза 35 коп. Думаю, что это разница. Отецъ погибшаго подобнымъ образомъ человѣка имѣлъ бы полное право обратиться къ начальнику той части примѣрно съ такой предикой: „У меня взяли сына, чтобы служить Царю и Родной Землѣ, а вы его послали, какъ своего крѣпостного, на смерть изъза 35 коп.; будьте же вы и т. д. И да покараетъ васъ Всемогущій въ вашихъ дѣтяхъ, какъ безвинно покарали меня вы, пользуясь вашей безнаказанностью“.

[1]) Воловнями въ краѣ называются сараи, устраиваемые для воловъ; значитъ, внизу волъ, а вверху, на чердакѣ, солдатъ.

Теперь анекдотъ съ другого конца. Заботливый ротный командиръ пріискалъ себѣ въ одномъ году выгодныя работы и выручилъ уйму денегъ. Въ приказѣ по полку такая ему благодарность, что и за самую выдающуся служебную заслугу такой, вѣроятно, не получилъ бы. Ротный командиръ на седьмомъ небѣ, а его товарищи унываютъ и шипятъ; но торжествовалъ онъ недолго; между товарищами нашелся ловкачъ, коему завистливости и лукавства не занимать стать. Забралъ справки, у кого работалъ его счастливый товарищъ и почемъ; затѣмъ, передъ наступленіемъ работъ будущаго года, съѣздилъ къ помѣщику, предложилъ свои услуги пятакомъ ниже, сподобился, конечно, получить согласіе и заработалъ поменьше, но тоже хорошо. Счастливцу прошлаго года, высаженному такимъ образомъ изъ сѣдла, совсѣмъ не повезло: работъ выгодныхъ не нашелъ и взялъ, какія подвернулись. Заработалъ, конечно, мало и въ слѣдующемъ приказѣ изъ заботливыхъ, дѣятельныхъ, попечительныхъ попалъ въ слабые, беззаботные, чуть не въ лодыри. Тутъ какъ изволите видѣть, и товарищество, и порядочность, и сбиваніе цѣнъ уже не крестьянамъ, а своему-же брату солдату и даже не чужого полка. Если г. *** взвѣситъ все это, то, можетъ быть нѣсколько измѣнитъ свой взглядъ на благодѣтельныя послѣдствія подневольно-вольныхъ работъ. А то и еще анекдотъ: ужъ если допускать вольныя работы, то развѣ въ своей же семьѣ. Такъ нѣкоторые и дѣлаютъ, если разстоянія позволяютъ; но плату и въ этомъ случаѣ солдатъ долженъ принести, взявъ ее слѣдовательно съ отца или съ матери, которымъ помогалъ...

Заключеніе ясно: заработанные гроши даютъ матеріальную выгоду ничтожную, а нравственный вредъ причиняютъ неисчислимый. Помѣщикамъ они на руку; не на руку только крестьянамъ и всяческому воинскому порядку. Гоньба за заработками дошла до того, что уже не помѣщики ищутъ солдатъ на работы, а попечительное начальство само забѣгаетъ съ предложеніями. А отношенія между спросомъ и предложеніемъ кому же не извѣстны?

Необходимое предостереженіе.

Не разъ приходилось предостерегать отъ различныхъ увлеченій въ дѣлѣ подготовки солдата къ его назначенію. Но какъ бы вы ни доказывали нелѣпость какого-нибудь увлеченія, вамъ никогда не удастся сдѣлать это такъ убѣдительно, наглядно и безпощадно, какъ сдѣлаетъ сама жизнь.

Рекомендуя въ „Подготовкѣ роты къ бою“ пріемъ показа, какъ дающій самые быстрые результаты по обученію, я и въ мысли не имѣлъ доводить примѣненіе этого пріема на практикѣ до универсальности, которая въ послѣднемъ выраженіи всегда приведетъ къ нелѣпымъ результатамъ, какой бы вы принципъ или пріемъ ни примѣняли къ дѣлу. Объ этомъ, къ сожалѣнію, позаботились другіе.

Ужъ, кажется, чего проще мысль, что, обучая ребенка, ему нужно растолковывать многое? Но многое не значитъ все; иначе начинаютъ толковать и о томъ, напр., что у коровы четыре ноги, т. е. усиливаются обогатить его такими свѣдѣніями,

которыя и безъ заботъ учителя ребенку извѣстны съ тѣхъ поръ, какъ онъ себя помнитъ. Слѣдовательно, основная мысль вѣрна, а въ примѣненіи къ дѣлу получается нелѣпость.

Нѣчто подобное, только похуже, случилось и съ солдатской наукой, благодаря неосмысленному примѣненію „показа“.

Въ №№ 3-мъ и 4-мъ „Военнаго Сборника“ за 1897 годъ была помѣщена статья г. Б. „Практическій методъ обученія солдата по способамъ, принятымъ въ учебномъ унтеръ-офицерскомъ баталіонѣ“, которая обратила на себя вниманіе нѣкоторыхъ высшихъ строевыхъ начальниковъ и была ими рекомендована въ приказахъ для руководства при занятіяхъ въ ротахъ и учебныхъ командахъ. Въ слѣдующемъ году статья эта, съ нѣкоторыми дополненіями, была выпущена отдѣльнымъ изданіемъ и приняла характеръ пособія при обученіи солдата практическимъ методомъ, уже въ частяхъ войскъ.

Хотя г. Б. и думалъ обосновать рекомендуемый имъ методъ на указаніяхъ „Опыта руководства для подготовки частей къ бою“, но, разсматривая предлагаемые имъ способы, не трудно замѣтить, что его „практическій методъ“ лишь по формѣ имѣетъ сходство съ „обученіемъ показомъ“ и не только не служитъ его дальнѣйшимъ развитіемъ, но совершенно его искажаетъ, представляя собой характерный случай увлеченія формой въ ущербъ самому дѣлу.

До чего можетъ довести увлеченіе формой и какъ, подъ вліяніемъ, этого увлеченія безусловно необходимое „обученіе показомъ“ превратилось въ совершенно

непригодный къ дѣлу „практическій методъ“ обученія по способу учебнаго унтеръ-офицерскаго баталіона“, будетъ видно изъ нижеслѣдующихъ примѣровъ, взятыхъ изъ жизни, огласить которые считаю своимъ нравственнымъ долгомъ.

Вотъ что пишетъ мнѣ одинъ ротный командиръ:

„Съ 1886 года я постоянно практиковалъ „обученіе показомъ“, и дѣло шло весьма успѣшно, а получаемые результаты съ избыткомъ оправдывали затрачиваемый на обученіе трудъ; но когда, въ 1897 году, я примѣнилъ способы унтеръ-офицерскаго баталіона, предлагаемые г. Б., то занятія приняли совершенно иной характеръ: люди, изображавшіе возмутившихся арестантовъ, производили такой безпорядокъ, что часовые, которые не могли же ихъ бить на самомъ дѣлѣ, совершенно не въ состояніи были съ ними справиться, и усмирять ихъ приходилось мнѣ лично; изображавшій весьма естественно пьянаго посѣтителя въ ротѣ, войдя въ свою роль, начиналъ ругаться площадными словами и вступалъ въ драку съ дежурнымъ, желавшимъ его удалить, пока не былъ призываемъ къ порядку мною; люди, изображавшіе новобранцевъ, окончательно ничего не хотѣли понимать, какъ и что ни объяснялъ бы имъ учитель, причемъ болѣе остроумные вызывали своими выходками совершенно неумѣстную веселость въ окружающихъ. Такимъ образомъ, серьезныя занятія обратились въ какое-то дурачество [1]), во время котораго

[1]) Добро бы въ дурачество; а то пожалуй даже и въ развратъ. Изъ-за желанія однихъ обучить какъ справляться съ арестантами обращать другихъ хоть въ примѣрныхъ арестантовъ—педагогія, по меньшей мѣрѣ, странная. Вѣдь солдата должно воспитать такъ, чтобы онъ смотрѣлъ на арестанта какъ на преступника, а тутъ человѣка честнаго заставляютъ самого разыгрывать преступника... *М. Д.*

вниманіе людей болѣе привлекалось остротами мнимыхъ арестантовъ, пьяныхъ и новобранцевъ, чѣмъ распоряженіями должностныхъ.

„Немало времени было мною потрачено на изображеніе мѣстности въ комнатѣ; на показъ такихъ вещей, которыя люди и такъ видятъ ежедневно, какъ, напр., вечерней переклички и тому подобнаго. Но результаты занятій оказались значительно слабѣе прежнихъ.

„Такая неудача окончательно убѣдила меня, что способы, предлагаемые г. Б., представляя изъ себя случай увлеченія формой преподаванія, не могутъ служить полезнымъ пособіемъ при обученіи солдатъ.

„Но такъ какъ мнѣ извѣстно, что книгой г. Б., какъ руководствомъ, пользуются многіе строевые офицеры, то, желая подѣлиться съ ними своими наблюденіями и заключеніями по этому вопросу, я и рѣшился сдѣланныя мною наблюденія изложить въ замѣткѣ, посылаемой мною на случай, не признаете-ли Вы умѣстнымъ огласить ихъ въ общую извѣстность.

„Какъ характеристика отношенія нижнихъ чиновъ къ обученію практическимъ методомъ, не лишенъ интереса слѣдующій курьезный случай, имѣвшій мѣсто во время занятій. Для того, чтобы всѣ люди прошли черезъ исполненіе различныхъ обязанностей, у меня велась очередь по списку; на одномъ урокѣ вызываю тѣхъ, съ кѣмъ не успѣлъ продѣлать на предыдущихъ занятіяхъ обязанностей дневальнаго; въ числѣ вышедшихъ не вижу одного, который, насколько я помнилъ, не изображалъ еще дневальнаго. „Что же ты не выходишь, вѣдь ты на прошломъ

урокѣ никого не изображалъ?“ говорю я ему. „Никакъ нѣтъ, ваше высокоблагородіе, я уже на прошломъ урокѣ примѣрно въ чужой сундукъ лазилъ“.

„Дѣйствительно, въ способахъ г. Б. предлагается „приказать кому-нибудь залѣзть въ чужой сундукъ“ (стр. 109), для того, чтобы показать, что дневальный долженъ слѣдить за цѣлостью вещей въ ротѣ. Очевидно, исполнявшій это порученіе думалъ, что онъ уже отбылъ свою очередь, и практически ознакомился со своими обязанности [1]).

„Наибольшее вниманіе строевыхъ частей привлекъ къ себѣ предлагаемый г. Б. порядокъ пріема новобранцевъ учителемъ, какъ нѣчто новое, не имѣвшее до сего времени опредѣленной формы.

„Хотя въ нѣкоторыхъ частяхъ въ настоящее время уже требуется примѣненіе вышеуказаннаго порядка унтеръ-офицерскаго баталіона при прибываніи новобранцевъ, но схема, данная г. Б., совершенно не подходитъ къ дѣйствительности; и для того, чтобы показать это, привожу сценку съ натуры, которая ярко иллюстрируетъ всю несообразность подобныхъ схемъ.

„Въ роту прибываютъ новобранцы; учитель продѣлываетъ совершенно точно все то, что ему показано практическимъ методомъ по схемѣ г. Б.

„Вечеръ. Въ роту входятъ четыре новобранца, имѣя въ рукахъ и за спиною свои сундучки и котомки, и пугливо озираются на незнакомую имъ

---

[1]) Т. е. честнаго человѣка заставить разыгрывать роль вора— педагогично, нечего сказать. *М. Д.*

обстановку; изъ нихъ двое русскихъ, одинъ полякъ, плохо понимающій по-русски, и одинъ чухонецъ, совершенно ничего не понимающій. Къ нимъ подходитъ назначенный учитель изъ унтеръ-офицерскаго баталіона и торжественно говоритъ: „Я ефрейторъ Викула Будкалюкъ, назначенъ научить васъ всему хорошему и удержать отъ дурного“. Новобранцы переминаются съ ноги на ногу; русскіе думаютъ, что съ ними шутитъ какой-нибудь балагуръ, полякъ ловитъ знакомыя слова и старается понять, чего ефрейтору Будкалюку надо, а чухонецъ смотритъ на него совершенно безучастно, привыкнувъ, что со времени набора надъ нимъ продѣлываютъ много ему непонятнаго. Затѣмъ учитель ведетъ новобранцевъ къ ротному образу и, сказавъ нѣсколько подобающихъ случаю словъ, предлагаетъ помолиться, т. е. кому-нибудь вслухъ прочитать молитву Господню. Новобранцы въ тулупахъ и армякахъ, въ шапкахъ, снять которыя имъ затруднительно, такъ какъ руки заняты сундуками, слѣдуя за учителемъ, подходятъ къ ротному образу. Русскіе, увидя образъ, стараются снять шапки; ихъ примѣру слѣдуетъ и полякъ; съ чухонца, который продолжаетъ безучастно стоять, снимаетъ шапку одинъ изъ присутствующихъ расторопныхъ рядовыхъ и кладетъ ее ему на сундукъ, который онъ продолжаетъ крѣпко держать въ обѣихъ рукахъ. Въ это время учитель кончилъ свою рѣчь и, предлагая кому-нибудь прочесть молитву, обращается къ поляку; замѣтивъ, что его о чемъ-то спрашиваютъ, онъ считаетъ своимъ долгомъ отвѣтить: „Матеушъ Жидекъ“, такъ какъ привыкъ, что его все спрашивали имя и фамилію. Это возбуждаетъ

въ окружающихъ смѣхъ, а такъ какъ оказывается, что молитвы никто не знаетъ, то учитель затрудняется, что дѣлать, ибо въ урокахъ такого случая не было предусмотрѣно. Рѣшивъ произнести молитву самъ, онъ ведетъ новобранцевъ на указанныя взводнымъ командиромъ мѣста, гдѣ они наконецъ освобождаются отъ своихъ сундуковъ. Затѣмъ онъ даетъ имъ хлѣба и ведетъ туда, гдѣ можно оправиться и покурить.

„Возвратившись въ роту, учитель старается всячески ободрить новобранцевъ; приказываетъ имъ сѣсть на койки и въ нѣсколькихъ словахъ объясняетъ, что военная служба ничего страшнаго и труднаго не представляетъ для хорошаго солдата, и приводитъ нѣсколько правилъ, которыя надо исполнять, чтобы быть такимъ солдатомъ: 1) люби Бога и Царя; 2) исполняй приказанія начальника; 3) безъ спросу никуда не отлучайся; разсказываетъ, что на военной службѣ, какъ и дома, есть семья—рота, есть отецъ—ротный командиръ, который заботится, чтобы всѣ были сыты, одѣты, жили въ теплѣ; потомъ спрашиваетъ имя, фамилію, какой губерніи, какого вѣроисповѣданія. Но тутъ происходитъ маленькое недоразумѣніе: оказывается, что чухонецъ, который все время сидѣлъ и, казалось, очень внимательно слушалъ учителя, ничего по русски не понимаетъ и приходится звать переводчика. Учитель въ этомъ недоразумѣніи совершенно не виноватъ; онъ продѣлывалъ все такъ, какъ ему было показано въ унтеръ-офицерскомъ баталіонѣ [1]), точно придерживаясь той

[1]) Т. е. на людяхъ, которымъ все и безъ того извѣстно. *М. Д.*

послѣдовательности, которая тамъ установлена, и на урокахъ ничего подобнаго не случалось.

„Далѣе онъ приказываетъ открыть сундуки и осматриваетъ ихъ, причемъ, во время осмотра вещей, пользуется случаемъ преподать еще одно важное правило, какъ держать свои и казенныя вещи; говоритъ какъ бережливо долженъ относиться солдатъ къ деньгамъ. Окончивъ смотръ, учитель въ простой бесѣдѣ совѣтуетъ не скрывать своихъ болѣзней, докладывать о нихъ и вообще обо всемъ, что случится съ новобранцемъ—учителю; предостерегаетъ противъ членовредительства и побѣга [1]). Въ видѣ отдыха, проводитъ по всему помѣщенію роты, показываетъ портреты, картины и тому подобное. Въ заключеніе совѣтуетъ не грустить, написать домой письмо о благополучномъ прибытіи на службу, а безграмотнымъ пишетъ самъ... Однимъ словомъ, проходитъ сразу чуть-ли не всю солдатскую науку.

„Послѣ такого пріема, говоритъ г. Б. „можно быть спокойнымъ, что на первыхъ шагахъ своей службы новобранцы не будутъ запуганы, задерганы, а наоборотъ успокоены". Мнѣ-же сдается, что они окончательно ошалѣли и даже русскіе перестаютъ понимать по-русски [2]).

„Не лучше-ли все это предоставить на усмотрѣніе учителя, внушивъ ему, что, для пользы дѣла, новобранца слѣдуетъ обласкать, а не запугивать. Если онъ человѣкъ душевный, то съумѣетъ это сдѣлать; можетъ даже онъ просто потреплетъ племяша по

---

[1]) Т. е. иного можетъ и навести на мысль о томъ или другомъ. *М. Д.*

[2]) И мнѣ то же самое сдается. *М. Д.*

плечу, да обложитъ хорошимъ словомъ: „что, молъ, пріунылъ, такой-сякой“, а новобранецъ-то почувствуетъ себя гораздо теплѣе въ ротѣ, чѣмъ послѣ всѣхъ, безспорно хорошихъ словъ ученаго ефрейтора; а тотъ-же учитель, ограниченный рамками извѣстной формы, едва-ли будетъ въ состояніи проявить свою душевность, дѣйствуя какъ машина, по заранѣе заученнымъ пріемамъ. Тутъ нужна душа, а не форма“.

Именно душа, а не форма. Еще великій апостолъ сказалъ:пусть языкомъ твоимъ говорятъ ангелы, но если въ словахъ твоихъ не будетъ любви, то они будутъ не болѣе какъ мѣдью звенящей и кимваломъ бряцающимъ. Такъ и тутъ. Придетъ ли, напримѣръ, въ голову честному отцу заставлять одного сына изображать вора для того, чтобы показать другому сыну, какъ нужно оберегаться отъ воровъ? Конечно, не придетъ. Отъ такой науки вмѣсто просвѣтленія можно получить растлѣніе. И, при любви, всякій подобный пріемъ конечно будетъ отвергнутъ даже безъ обсужденія, если бы онъ и пришелъ въ голову; но вѣрнѣе, что и не придетъ. Но при казенномъ желаніи пройти все безъ исключенія не иначе, какъ показомъ, онъ кажется чуть не открытіемъ и рекомендуется безъ зазрѣнія совѣсти.

Нужно помнить, что учитель для ученика, а не наоборотъ. И потому онъ долженъ удовлетворять не своей потребности учить, а потребности ученика знать; слѣдовательно, давать ему только то, чего безъ пособія учителя онъ узнать не можетъ, а не размазывать ему того, что и безъ учителя понятно и

ужъ ни въ какомъ случаѣ конечно не загрязнять ему мысли и сердца такими вещами, которыя для честнаго солдата должны быть мерзостны. А то на одномъ урокѣ представляй арестанта, вора, а на другомъ учись быть честнымъ солдатомъ, способнымъ справляться съ подобными артистами. Выходитъ такъ, что это какъ будто только разныя, но равноправныя спеціальности.

Нравственная перспектива такимъ образомъ устранена въ обученіи, изъ-за невоздержаннаго желанія все пройти непремѣнно показомъ; и все это конечно незавѣдомо для самихъ надумавшихъ столь странные пріемы показа.

Къ этому дѣлу нужно прилагать болѣе здраваго смысла и въ особенности болѣе сердца; гдѣ этого нѣтъ, тамъ пріемъ самый лучшій приведетъ: въ лучшемъ случаѣ къ нелѣпости, въ худшемъ — къ разврату.

И потому обращать святое дѣло воспитанія и образованія солдата въ какое-то лицедѣйство и забаву, вплоть до раздачи новобранцамъ нечистоплотныхъ ролей, сколько мнѣ кажется, не подобаетъ.

Нравственный ранжиръ.

Недавно я получилъ письмо отъ г. Матвѣева (выписываю всю фамилію, такъ какъ убѣжденъ, что это псевдонимъ), которымъ считаю долгомъ подѣлиться съ моими читателями, приложивъ къ этому письму посильныя разъясненія.

Примѣчаніе. Письмо напечатано мелко, разъясненія покрупнѣе.

...Нѣсколько дней тому назадъ, совершенно случайно,

я прочелъ въ „Новомъ Временя“, въ отдѣлѣ провинціальныхъ извѣстій, перепечатанный тамъ одинъ изъ Вашихъ приказовъ. Ваше въ немъ разъясненіе невѣроятно смутило меня, смутило рѣшительно и всѣхъ тѣхъ, съ кѣмъ мнѣ пришлось говорить о немъ.

Изъ № 530 „Развѣдчика“, который Вы, вѣроятно, уже прочли, видно, что смутившее Васъ указаніе *) сдѣлано не въ приказѣ, а въ замѣчаніяхъ вызванныхъ объѣздомъ; сдѣлано притомъ совершенно мимоходомъ: это разница, и большая; такая же разница, какъ между правиломъ и частнымъ случаемъ; а частнаго случая, по логикѣ, никто не вправѣ обобщать. Вы это могли видѣть даже изъ тона смутившаго Васъ замѣчанія: вѣдь „на просьбу можно снисходить“ не значитъ ни „должно снисходить“, ни тѣмъ болѣе „предписывается къ руководству“. Гражданская газета можетъ не знать разницы между приказомъ и замѣчаніями, но Вамъ она извѣстна. Взявъ это въ расчетъ, Вы согласитесь, вѣроятно, что въ случаѣ, подавшемъ Вамъ и, какъ Вы говорите, и другимъ поводъ къ смущенію, и грозившемъ на практикѣ окончиться ссылкою въ Сибирь человѣка, завѣдомо прочнаго и для службы полезнаго, не было большого грѣха снизойти на просьбу, заявленную скромно и покорно. Вѣдь просьба не преступленіе, а при бездушно формальномъ отношеніи къ дѣлу ближайшихъ исполнителей, ее такъ легко было повернуть на преступленіе...

Ваше Вы—во, статью, по содержанію несогласную съ какими-либо, высказанными Вами положеніями, не примутъ

*) Солдатъ православный просилъ не ставить его рядомъ съ иновѣрцемъ. Команд. войск. замѣтилъ; „Къ подобному убѣжденію нельзя относиться какъ къ дисциплинарному нарушенію, и на просьбу можно и снисходить.“

ни „Русскій Инвалидъ“, ни „Развѣдчикъ“; обратиться къ Вамъ съ оффиціальнымъ письмомъ, по поводу Вашего приказа, не разрѣшитъ начальство, а вмѣстѣ съ тѣмъ Вы одинъ кто можетъ разъяснить и уложить всю ту смуту, которая поднята Вашимъ приказомъ во мнѣ,да, увѣренъ, и во всѣхъ тѣхъ, кто въ дѣло обученія и воспитанія солдата кладетъ и трудъ, и всю душу свою. Вотъ мотивы, въ силу которыхъ я прошу Ваше Высокопревосходительство, во-первыхъ, великодушно простить меня за мое смѣлое рѣшеніе беззаконнаго права обратиться къ Вамъ, а затѣмъ выслушать.

Напрасное опасеніе: ни „Русскій Инвалидъ“, ни „Развѣдчикъ“ не отказались бы, вѣроятно, помѣстить ваше письмо *); въ обѣихъ газетахъ знаютъ, что я никогда не былъ въ претензіи ни на возраженія, ни даже на пасквили: на первыя отвѣчаю, если они того заслуживаютъ; ко вторымъ отношусь съ презрѣніемъ, но ими не обижаюсь. А дальнѣйшія Ваши оговорки даже, извините, излишни: по духу литературы, въ ней нѣтъ чиновъ, а есть только мнѣнія и авторы таковыхъ; и кто, выступая въ печать, пускаетъ въ ходъ и свое генеральство, тотъ, попросту говоря, усиливается прикрыть онымъ свое словоизверженіе. Г-ну Х. никто не поцеремонится отвѣчать, а генералу Х. еще подумаетъ, не вышло бы нарушенія субординаціи.

Изъ сказаннаго видите, что всѣ эти расшаркиванья совершенно напрасны.

Нѣтъ сомнѣнія, что всякая воинская команда вся цѣликомъ служитъ одному святому дѣлу. Сила и стойкость этой команды въ ея единеніи, общности, въ глубокой вѣрѣ въ товарищескую выручку. Мыслимо ли достигнуть

*) Редакція „Развѣдчика“ не помнитъ такого случая, когда бы она отказала печатать возраженія противъ госп. М. Драгомирова.

этого въ такой командѣ, гдѣ православный сторонится иновѣрца, а послѣдній естественно, въ свою очередь, сторонится православнаго, да сторонятся они другъ друга не какъ-либо втихомолку, а совершенно свободно, почти на законномъ основаніи. Какъ же тогда обезпечить въ такой командѣ тѣ высокіе завѣты, которые золотыми словами преподаны Вами на страницахъ „Солдатской памятки“?

Совершенно вѣрно, равно какъ и то, что единеніе внѣшними мѣрами не достигается, и бываетъ прочно только тогда, когда растетъ изъ души, а не изъ ранжира; что оно дается, а не берется.

Жаль одно: именно то, что Вы и здѣсь частный случай, незавѣдомо, конечно, для себя, въ жару полемики, возводите въ общее правило; случай притомъ настолько исключительный, что онъ никогда не можетъ обратиться въ общее правило. Довольно сказать, что за одиннадцатилѣтнюю практику это первый. Вѣдь иновѣріе иновѣрію рознь. И безъ объясненія Вы могли бы догадаться: 1) о какомъ иновѣріи здѣсь идетъ рѣчь; 2) что, съ другой стороны, тутъ дѣло не въ чистомъ православіи, а въ томъ сектантскомъ фанатизмѣ, котораго въ православномъ—собственно никогда не встрѣчается.

По Вашему выходитъ, что нужно было погубить добросовѣстнаго служаку изъ-за того, что онъ просилъ, какъ милости, быть поставленнымъ номеромъ выше или ниже случайно доставшагося ему по ранжиру мѣста—такъ, что ли? А по-моему, характеръ и твердое убѣжденіе качества настолько въ нашемъ дѣлѣ дорогія, что нужно ихъ беречь, какъ зеницу ока, а не приносить съ легкимъ сердцемъ въ жертву Молоху однообразія, т. е.

ранжира. Вы, можетъ быть, скажете, что убѣжденіе, проявленное въ разбираемомъ случаѣ, нелѣпо: для насъ съ Вами, можетъ и нелѣпо, но не для того человѣка, который во имя его готовъ идти на тяжелую кару. Еще разъ: предрасположеніе къ товариществу идетъ изъ души, а не изъ ранжира; воображать, будто ранжиръ можетъ ему въ чемъ-либо помочь, значитъ просто не сознавать разницы между единообразіемъ и единодушіемъ. Я думаю, и Вы признаете, что нужно стремиться къ развитію послѣдняго въ ущербъ первому, а не наоборотъ. По духу единодушіе и единообразіе не однородны, а противоположны. Къ несчастію, это часто забывается и нерѣдко даетъ поводъ къ накопленію горя, котораго въ нашей жизни и безъ того довольно.

Законнаго основанія сторониться никто и не думалъ давать, что ясно кажется и изъ самаго тона замѣчанія. Да не мѣшало бы, кстати, Вамъ и то имѣть въ виду, что замѣчанія пишутся для офицеровъ—солдаты ихъ не читаютъ.

Завѣты, удостоенные Вами наименованія „высокихъ“, осуществляются (разумѣется въ мѣрѣ, доступной человѣческой слабости) именно тамъ только, гдѣ руководитель считается не только съ убѣжденіями, но и съ предубѣжденіями людей; гдѣ онъ не смотритъ на людей какъ на бездушные брусья, которые нужно притесать другъ къ другу по столярному, не соображаясь съ ихъ свойствами. Но разумный столяръ и къ дереву даже такъ не относится, а соображаетъ, какой брусокъ къ какому лучше приладить, чтобы вещь вышла прочною и красивою.

Тамъ сказано „Зри въ части—семью; въ начальникѣ отца; въ товарищѣ родного брата; тогда и весело, и дружно, и все ни почемъ“.

„Не думай о себѣ, думай о товарищахъ; товарищи о тебѣ подумаютъ. Самъ погибай, а товарища выручай“.

Человѣку дано ставить идеалы, но доводить ихъ осуществленіе до полнаго совершенства не дано. Если бы это было возможно, идеалы не были бы идеалами. Идеалы—тѣ же ассимптоты: къ нимъ можно весьма приблизиться, но совсѣмъ слиться съ ними нельзя.

Не иронiей ли зазвучатъ всѣ эти высокія беззавѣтныя слова въ той воинской командѣ, гдѣ просьбу, не въ мѣру гордаго своимъ православіемъ, солдата, не ставить его рядомъ съ иновѣрцемъ, найдутъ вполнѣ терпимой и какъ на таковую станутъ „снисходить“. Положеніе, однако, легко можетъ усложниться, когда иновѣрца, отъ котораго отшатнулся православный, произведутъ въ унтеръ-офицеры, а затѣмъ и въ офицеры. Какъ поступить тогда?

Вѣдь, чтобъ быть послѣдовательнымъ, придется: православному свое заявленіе поддерживать, а начальству „снисходить“.

Нѣтъ, не иронiей; и Вамъ извѣстно, что именно православные менѣе всего гордятся своимъ православіемъ. Такой исключительной нетерпимостью отличаются именно иновѣрцы и сектанты, а не православные; еще разъ напоминаю, что иновѣріе иновѣрію рознь. Христіанскія исповѣданія не иновѣрны, а по опредѣленію духовенства только инославны. Вы вмѣсто факта, подавшаго поводъ къ Вашему письму, подставили свой, который побѣдоносно и опрокидываете. Вы спорите сами съ собой, да при томъ на каждомъ шагу обобщаете не просто частный, а даже исключительный случай.

Еще разъ напоминаю, что рѣчь идетъ вовсе не о православномъ. А что столкновенія бываютъ иногда на почвѣ разновѣрія и особенно разноплеменности, это и Вамъ, конечно, извѣстно. Да притомъ Вы здѣсь дѣлаете логическій скачекъ: рѣчь шла о постановкѣ по ранжиру, а Вы перешли въ командованіе.

„Больше сея любве никто же имать, да кто душу свою положитъ за други своя". Эти высоко гуманныя слова Спасителя поставлены Вами въ заголовкѣ все той же „Солдатской Памятки".

Могли бы и не давать Спасителю аттестата истрепанной и заѣзженной сентименталистами гуманности.

Врядъ ли тотъ православный, что сторонился отъ иновѣрца, положитъ за него душу свою. А такое сознаніе, да еще въ воинской командѣ, не изъ отрадныхъ! Конечно, во всемъ этомъ крайне прискорбномъ событіи нельзя особенно винить, а слѣдовательно и казнить православнаго, такъ грубо нарушившаго завѣты Христа любить не только родныхъ и друзей, каковыми должны быть между собою всѣ чины роты, но даже и враговъ своихъ. Всю тяжесть вины, по-моему, слѣдуетъ возложить на того, кому поручено было голову и сердце этого православнаго направить на должный путь.

Еще разъ: это не былъ чистый православный и, конечно, положитъ за иновѣрца голову тѣмъ легче, чѣмъ иновѣрецъ удручилъ его своимъ видомъ меньше. Содѣйствуя укорененію вражды, любви не получите, а только усиленіе вражды.

Вотъ Вы и договорились до того, что одно я собственно и имѣлъ въ виду; но по Вашему выходитъ, что особенно винить нельзя, а уготовать въ Сибирь можно?

Еще разъ: не былъ православный. А что до святѣйшаго христіанскаго завѣта, то каждый изъ насъ сколько разъ въ день грѣшитъ противъ него? Вѣдь, опять же, это ИДЕАЛЪ. Что же Вы говорите о немъ въ примѣненіи къ солдату, почти какъ объ идеѣ общей, обязательно доступной? Вѣдь это лицемѣріе...

Какъ Вы скоро отъ ссылки на высшую любовь перескакиваете къ суровому обвиненію; не судите да не судимы будете. Я бы Вамъ далъ на воспитаніе иного сектанта и посмотрѣлъ бы, какъ Вы стали бы направлять его голову и сердце на должный путь, и съ какимъ успѣхомъ...

Теперь позволю себѣ перейти къ слѣдующему вопросу изъ того же приказа, къ вопросу о нравственномъ ранжирѣ. Вслѣдъ за указаніемъ, какъ слѣдуетъ поступать въ томъ случаѣ, когда православный не захочетъ стоять въ строю рядомъ съ иновѣрцемъ, въ Вашемъ приказѣ сказано: „По заведеннымъ обычаямъ, нравственный ранжиръ не практикуется; но совсѣмъ его забывать тоже не годится“. Съ первымъ замѣчаніемъ нельзя согласиться, такъ какъ во всякой мало-мальски благоустроенной части нравственный ранжиръ обязательно практикуется; онъ всегда въ головѣ начальника; въ противномъ случаѣ начальникъ никогда не будетъ полнымъ хозяиномъ своей части, а послѣдняя никогда не станетъ на должную высоту своего положенія. При этомъ считаю, однако, необходимымъ добавить, что въ ранжирѣ этомъ вѣроисповѣданіе зачастую не при чемъ. Здѣсь на правомъ флангѣ стоитъ солдатъ въ лучшемъ значеніи этого слова, на лѣвомъ прохвостъ, если на несчастье таковой имѣется въ командѣ; остальные въ нисходящемъ порядкѣ отъ правофланговаго, въ зависимости отъ своихъ личныхъ, нравственныхъ и служебныхъ качествъ.

Подъ нравственнымъ ранжиромъ мы съ Вами разумѣемъ совершенно разныя вещи: я—постановку

людей въ строю; Вы — избраніе на должности. Слѣдовательно, Вы опять возражаете не противъ того, что я написалъ, а противъ того, что сами написали.

Не доставало, чтобы онъ назначалъ по росту въ унтеръ-офицеры, каптенармусы, фельдфебеля.

А теперь Вы перескакиваете къ строевому ранжиру; и у Васъ правофланговый непремѣнно солдатъ въ лучшемъ значеніи слова, а лѣвофланговый— прохвостъ, вѣдь бываетъ и наоборотъ? Вѣдь ростъ не предполагаетъ, какъ необходимаго условія, нравственныхъ качествъ?

Смѣю думать, сами вы признаете, что вы рисуете совсѣмъ не картинку съ натуры. Вѣдь матеріальный ранжиръ съ моральнымъ не имѣетъ ничего общаго. Не сомнѣваюсь въ Вашей горячей преданности службѣ, но зачѣмъ вы говорите совсѣмъ не то, что дѣлается, и за отступленіе отъ чего Вамъ бы такъ влетѣло, что любо-два?

Если безъ такого ранжира, какъ видно, нельзя обойтись въ мирное время, то про военное и говорить нечего. Знать на войнѣ, на что способенъ и какъ способенъ исполнить то или другое порученіе Вашъ подчиненный особенно цѣнно. И, конечно, кто умѣло распорядится этимъ значеніемъ „въ накладѣ не будетъ".

Время, когда различали у солдата лишь руки и ноги—время далекаго прошлаго. Ужъ давно въ дѣлѣ воспитанія солдата голова и сердце его на первомъ планѣ. Такъ оно, конечно, и должно быть.

Дай же, Боже, чтобы Ваши слова да Ему въ уши, какъ говорятъ хохлы. Вы сами знаете, что не совсѣмъ Вы то говорите, что дѣлается...

Только хранилъ бы насъ Богъ отъ излишнихъ и поспѣшныхъ въ этомъ направленіи увлеченій. Къ сожа-

лѣнію, послѣднія здѣсь вполнѣ возможны, такъ какъ почва для нихъ до чрезвычайности тутъ благопріятна.

Mercі за нравоученіе, но я попросилъ бы Васъ указать мнѣ хоть одну идею, даже изъ самыхъ возвышенныхъ, которая не давала поводовъ къ увлеченіямъ, иногда самымъ ужаснымъ? Это свойство человѣка, а не идеи.

Благая въ принципѣ идея, поставленная сверху на очередь или слишкомъ рано, или въ недостаточно ясной формѣ, легко можетъ въ своемъ примѣненіи на дѣлѣ дать самые нежелательные результаты. Кого же винить тогда?!

Человѣческую натуру. А инсинуаціи ничему не помогаютъ. Да и не дѣло заниматься ими строевому человѣку; на это есть особые спеціалисты.

Ваше Вы—во, поставленные мною здѣсь вопросы смущаютъ не одного меня, смущаютъ они массу такихъ же, какъ я, искренно преданныхъ святому дѣлу воспитанія солдата. Къ кому же обратиться намъ за поучительнымъ разъясненіемъ?

Уже и массу! Дайте себѣ трудъ добросовѣстно остановиться на томъ, со сколькими лицами Вамъ пришлось объ этомъ говорить: гдѣ же масса? Не сомнѣваюсь въ Вашемъ горячемъ отношеніи къ дѣлу, равно какъ и въ томъ, что „масса“ поставлена Вами здѣсь, такъ сказать, для красоты слога. Усиливаясь доказать опасность моего размышленія, сдѣланнаго мимоходомъ и вскользь, Вы не остановились передъ ... гиперболой ... столь ощутительной. И въ доказательствахъ нужно знать мѣру.

Не откажите, Ваше Вы—во, и въ данномъ случаѣ помочь намъ разобраться въ поднятыхъ вопросахъ. Было бы, конечно, слишкомъ просить Васъ отвѣтить мнѣ. При Вашемъ исключительномъ положеніи

въ нашей огромной военной семьѣ на исполненіе такихъ просьбъ не хватило бы и времени. Но, быть можетъ, Вы найдете возможнымъ по содержанію моего письма для блага общей пользы сказать намъ на страницахъ „Русскаго Инвалида“ или „Развѣдчика“ все то, что въ данномъ случаѣ найдете для насъ необходимымъ и полезнымъ.

Опять расшаркиванье къ дѣлу неидущее.

На случай справки прилагаю здѣсь перепечатанную въ „Новомъ Времени“ выдержку изъ Вашего приказа, выдержку послужившую основной причиной моего настоящаго письма. *Матвѣевъ*.

Выдержка не помѣщается, такъ какъ она извѣстна изъ № 530 „Развѣдчика“ (см. стр. 1114) и гдѣ помѣщена, какъ и слѣдуетъ, на своемъ мѣстѣ, т. е. въ цѣломъ рядѣ замѣчаній, а не вырвана отдѣльной фразой.

На смерть Ричарда Трояновича Мевеса.

Мало я тебя зналъ, но довольно для того, чтобы на совѣсть сказать о тебѣ, что былъ ты человѣкъ и солдатъ прочный.

И не только самъ ты службу по чести и правдѣ правилъ, но умѣлъ налаживать на оную и другихъ; не однихъ солдатъ, а и гг. офицеровъ. Ты понималъ, что они не только твои товарищи, но и подчиненные и что воспитывать ихъ въ служебномъ долгѣ много нужнѣе, нежели солдатъ. Солоно имъ иногда отъ тебя приходилось; можетъ иной разъ и кряхтѣли, а въ концѣ концовъ говорили тебѣ спасибо, поминали тебя потомъ не лихомъ, а добрымъ словомъ и награждали признательностію нелицемѣрною.

И былъ ты человѣкъ большой и полезной силы, хотя и ловкачъ. Не зарылъ ты таланта, отъ Бога даннаго, въ землю, а если и шелъ онъ у тебя иной разъ на показное дѣло, то да простится тебѣ, ибо твори волю пославшаго. А тамъ, гдѣ твоя воля была, не показному дѣлу служилъ ты, а правдивому служебному и пользѣ солдатской.

И тебѣ многое простится, ибо ты много и честно, по крайнему разумѣнію твоему, служилъ. И легши средь прежде почившихъ отцовъ и братій, ты Божьей нивы не осквернишь, зане не мразь какая и не межеумокъ былъ ты, а человѣкъ и солдатъ прочный.

Царство тебѣ небесное, Ричардъ Трояновичъ.

Земля тебѣ пухомъ.

23/2 1901 г. Спб.

Теоретическія основы воспитанія и образованія войскъ.

(Изъ письма къ пріятелю).

Вы не ограничились „Армейскими замѣтками“, а перечитали все и взяли именно то, что составляетъ корень системы и за что милые компатріоты ославили меня въ свое время чуть не нигилистомъ. Въ ихъ головѣ никакъ не вмѣщалось, что совершенство въ какой-либо одной части есть гибель цѣлаго: что, если бы, напримѣръ, Бальзака, Паскаля, Бейля заставить при выраженіи ихъ мыслей заниматься каллиграфіей, то изъ нихъ вышли бы писаря, но великими писателями едва ли бы они сдѣлались.

Конечно, безспорно, что писать красиво и четко гораздо лучше, чѣмъ писать отвратительно; но безспорно и то, что когда дѣло идетъ о выраженіи быстро возникающихъ мыслей, то лучше закрѣпить ихъ хоть скернымъ почеркомъ, чѣмъ дать имъ ускользнуть, занявшись вырисовываніемъ буквъ.

Простите, что повторяю давно вамъ извѣстное и переизвѣстное; но вѣдь такъ пріятно поговорить съ человѣкомъ, раздѣляющимъ вашъ взглядъ.

Моя теорія очень проста:

1) Что ни изучалъ бы человѣкъ, онъ всегда начинаетъ съ того, что разлагаетъ предметъ изученія на части (анализъ).

2) Изучаетъ каждую изъ нихъ порознь, при чемъ прибѣгаетъ къ новому разложенію: это мы видимъ и на строѣ, и на стрѣльбѣ, и на гимнастикѣ, и, наконецъ, на фехтованіи.

3) Соединяетъ эти части постепенно по двѣ, а потомъ и больше; но соединяетъ ихъ такъ, какъ онѣ представляются соединенными въ изучаемомъ предметѣ (синтезъ).

4) Если этого соединенія не сдѣлаемъ, т. е. если остановимся на изученіи частей предмета порознь, тогда каждая изъ этихъ частей стремится къ своему собственному, самостоятельному совершенству, отрицающему основную общую цѣль, иногда до полнаго ея забвенія.

Наша общая, основная цѣль — подготовить солдата и составляемыя изъ него коллективныя единицы для боя (т. е. для того средства, къ которому иные совѣтуютъ прибѣгать только въ крайности): никакой иной цѣли нѣтъ и быть не должно.

Для этого, кромѣ воспитанія, необходимо еще образованіе, состоящее изъ работы штыкомъ, стрѣльбы, строя. Къ чему ведетъ параллельное существованіе этихъ отдѣловъ безъ ихъ соединенія, показало прошлое, когда увлеченіе строемъ повело къ забвенію всего остального. Но, можетъ быть, чѣмъ строй совершеннѣе, тѣмъ для боя лучше? Ничуть не бывало: герои носка и ружейныхъ пріемовъ относились къ бою до того враждебно, что одинъ изъ нихъ даже запечатлѣлъ это отвращеніе знаменательнымъ въ своемъ родѣ афоризмомъ: „Ничто такъ не портитъ войска, какъ война“. Вы, можетъ быть, подумаете, что они разумѣли подъ этимъ гибель множества людей на войнѣ, и ошибетесь; едва ли эта гибель могла заботить людей, которые въ мирное время ставили такой принципъ: „десять забей, одного выучи“; а заботило ихъ то, что на войнѣ выправка теряется.

Увлеченіе строемъ, которое я имѣлъ случай наблюдать въ періодъ его разгара (1849—1854 гг.), и навело меня впервые на мысль, что предметъ занятій есть сила, властвующая надъ человѣкомъ, свойство коего (т. е. человѣка) стремиться къ возможному совершенству того дѣла, коему онъ себя посвятилъ. Это относится не къ одному строю, но въ равной мѣрѣ и къ прочимъ отдѣламъ солдатской работы, что я имѣлъ случай наблюдать уже послѣ Крымской войны; разумѣется не въ такой чистой формѣ, какъ на строѣ, ибо исключительно чѣмъ-нибудь однимъ уже нельзя было болѣе заниматься. При этомъ я замѣтилъ, что солдатъ и офицеръ отливаются совсѣмъ не въ одну форму при увлеченіи

тѣмъ либо другимъ отдѣломъ образованія. Строевикъ получалъ совсѣмъ не ту складку, которую получалъ, напримѣръ, стрѣлокъ. То же съ гимнастеромъ и даже съ одностороннимъ приверженцемъ холоднаго оружія.

Въ чемъ же причина разницы въ физическомъ, умственномъ и нравственномъ складѣ этихъ спеціалистовъ? Причина въ разницѣ идей, лежащихъ, въ основаніи стрѣльбы, строя, гимнастики, работы штыкомъ. Эти-то идеи и суть силы, стремящія человѣка осуществить ихъ вполнѣ, т. е. довести дѣло, за которымъ онѣ скрыты, до возможнаго совершенства. Какія это идеи? Вотъ онѣ: автоматизмъ въ строѣ; акробатство въ гимнастикѣ; пораженіе противника издали, не особенно рискуя собою —въ стрѣльбѣ (умъ, самосохраненіе, трусость, хитрость, эгоизмъ); стремленіе сойтись грудь съ грудью, не думая о себѣ—въ штыковой работѣ (воля, самоотверженіе, храбрость, прямота, глупость, кровожадность).

Попробуемъ изобразить это на чертежѣ:

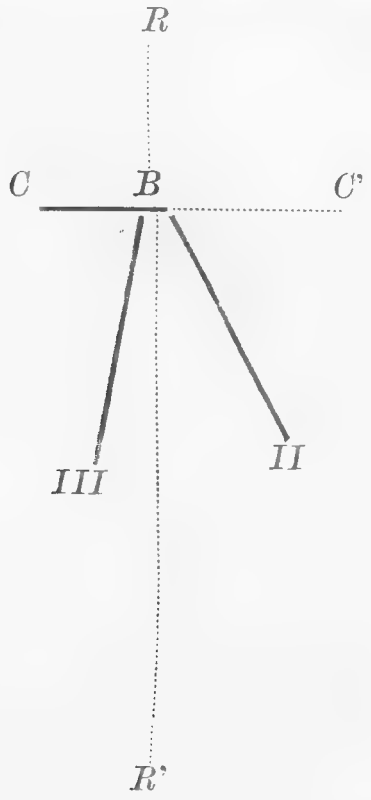
Обозначимъ:

Воинъ. . . . . В.
Штыкъ . . . . . Ш.
Пуля. . . . . П.
Строй . . . . . С.

Равнодѣйствующая или составляющая этихъ силъ R.

Примѣчаніе 1-е. Мы не прочерчиваемъ равнодѣйствующей, чтобы не пестрить чертежа. Читатель безъ труда самъ это сдѣлаетъ, построивъ сначала параллелограммы на ПС и ШС. и затѣмъ на полу-

ченныхъ такимъ образомъ частныхъ равнодѣйствующихъ построивъ общую Равнодѣйствующую.



Величину силъ я принялъ произвольную, такъ какъ чертежъ прилагается для наглядности только. Строй я принялъ въ полдюйма, хотя собственно это преувеличиваетъ его значеніе, что вполнѣ убѣдительно доказали Буры. Штыкъ равняется пулѣ, хотя это невѣрно качественно, что доказали отрицательно тѣ же Буры. Если бы они прибѣгали къ штыку, не подлежитъ сомнѣнію, что война бы окончилась на первыхъ же порахъ. Это тѣмъ болѣе прискорбно, что нравственный складъ Буровъ (самоотверженіе, упорство) вполнѣ штыковой. Пу...

нравственной побѣды, т. е. подчиненія противника убѣжденію, что онъ намъ не можетъ сопротивляться, не даетъ.

Чертежъ вышелъ бы ближе къ истинѣ, если принять С за $^1/_{10}$, пулю за $^1/_2$, штыкъ за 1, но, конечно, и это совершенно произвольно.

Примѣчаніе 2-е. Гимнастика для наглядности не вводится, тѣмъ болѣе, что это отдѣлъ не боевой и составляетъ собственно только подспорье къ строю.

Положимъ, что упражненій въ ударахъ штыкомъ и въ стрѣльбѣ нѣтъ, т. е. Ш. и П. равны нулю (какъ то было до Крымской кампаніи), тогда Воина потянетъ по CC′; и чѣмъ далѣе онъ уйдетъ по этому направленію, тѣмъ болѣе отклонится отъ единственнаго разумнаго направленія, которое есть RR′. Какъ я уже сказалъ, это относится и ко всякой другой силѣ, такъ какъ ни одна изъ нихъ съ направленіемъ Равнодѣйствующей не совпадаетъ и не можетъ совпасть. Ибо какъ вы получаете при увлеченіи строемъ тупого, не энергичнаго, забитаго автомата, точно также, увлекшись стрѣльбой, Вы получите резонера, лукавца и труса; увлекшись холоднымъ оружіемъ (на манеръ горцевъ, т. е. срубая, напримѣръ, головы животнымъ и т. д.), получите благороднаго, дикаго, отчаяннаго, но въ то же время глупаго звѣря; увлекшись гимнастикой, получите героя цирка. Но ни одинъ изъ нихъ не будетъ солдатъ, который долженъ быть способенъ и беречь себя, и не щадить себя; обращаться изъ ловкой самодѣятельной единицы въ автомата и, наоборотъ; изъ человѣка въ звѣря, и изъ звѣря въ человѣка.

Эти отношенія предметовъ воинскаго образованія къ человѣку и привели меня: 1) къ афоризму: Родъ занятій человѣка опредѣляетъ складъ его понятій и характеръ отношеній къ другимъ людямъ; 2) къ убѣжденію въ громадной важности составныхъ отдѣловъ образованія, какъ единственнаго средства обуздывать однѣ идеи другими. Отсюда: а) соединеніе стрѣльбы со строемъ, т. е. ученіе съ боевыми патронами и зарядами; б) соединеніе штыковой работы со строемъ, т. е. Суворовская школа ударовъ въ намѣченную точку, атакъ на видимую неподвижную цѣль и сквозныхъ атакъ.

Нельзя обойтись безъ анализа, если хотятъ изучить что-нибудь основательно; и опасно останавливаться на одномъ анализѣ, такъ какъ слишкомъ занявшись частями, рискуемъ забыть цѣлое. Въ одиночномъ строевомъ образованіи мы слишкомъ далеко повели анализъ[1]) и забыли боевой синтезъ. Обратное замѣчается въ тактическомъ образованіи, которое и не подумали разложить на составныя части, вообразивъ, будто можно перейти отъ чисто строевыхъ ученій прямо къ тактическимъ упражненіямъ. Ошибки противоположныя дали и результатъ противоположный: въ строевомъ обученіи погрязли въ мелочахъ; въ тактическомъ маневрированіи, вслѣдствіе отсутствія разработки его по частямъ, дѣлаемъ на каждомъ шагу грубѣйшія ошибки противъ сущности боевыхъ требованій и довольствуемся воспроизведеніемъ (изуродованнымъ,

---

[1]) Вплоть до того, что даже шагъ и каждый ружейный пріемъ разложили на составные элементы.

конечно, внѣшней картины боя. Эта картина похожа правда, на бой, какъ созвѣздіе медвѣдицы на дѣйствительную медвѣдицу: но намъ до этого какое дѣло? Вѣдь пушки и ружья палятъ, конница скачетъ, пѣхота ходитъ, чѣмъ не картина! А дается или нѣтъ войскамъ хоть какое-нибудь полезное поученіе подобнымъ упражненіемъ для боя, это вопросъ отдаленный и, пожалуй, даже неподозрѣваемый. Если глазъ и ухо развлечены, то и это уже результатъ достаточный, и требовать большаго значитъ просто показывать свой дурной характеръ и претензіи на оригинальность.

Неудачное предложеніе облегчить тягость караульной службы.

(По поводу замѣтки, помѣщенной въ № 200 „Русск. Инвалида“ 1901 г.).

Предложеніе расчета карауловъ не на три, а только на двѣ смѣны весьма заманчиво, но къ сожалѣнію прямо противорѣчитъ данной опыта о силахъ человѣка. Автору вѣроятно извѣстна граница, отдѣляющая обыкновенный переходъ отъ усиленнаго: десять часовъ работы (со включеніемъ въ это время приваловъ) и четырнадцать отдыха— обыкновенный переходъ; двѣнадцать часовъ работы (опять считая съ привалами) и двѣнадцать отдыха— усиленный. Выходитъ, слѣдовательно, что собственно чистой работы будетъ: въ первомъ случаѣ 7—8 часовъ, во второмъ 9—10 часовъ. При этомъ нужно помнить, что походомъ идти веселѣе, чѣмъ стоять на часахъ: личной отвѣтственности никакой, вмѣстѣ

съ товарищами, пѣсни, музыка. На часахъ не то, особенно на бойкомъ посту, да въ одиночку, да версты за двѣ отъ всякаго жилья, да въ глухую ночь. Тутъ и при восьмичасовой суточной работѣ измочалишься не только физически, но и въ особенности нравственно: что же будетъ при двѣнадцати часовой? И при восьмичасовой доходитъ иногда до галлюцинацій. Мнѣ извѣстны, напримѣръ, посты, посѣщаемые чортомъ; и единственная была возможность отъ него отдѣляться, это подставить къ часовому подчаска. Случалось ли г. А. Н. Р. стоять на часахъ? Вѣдь и два часа простоять тяжело; а когда это шесть разъ два... Нѣтъ, четыре раза два болѣе по силамъ средняго неокрѣпшаго человѣка. Да и при томъ, если караулъ даже только за двѣ версты отъ казармъ, чистой работы получается уже 9 часовъ въ сутки. А вѣдь бываютъ и дальше [1]).

И потому думаю, что дѣлить караулъ на двѣ смѣны только—то же самое, что принять за правило форсированный маршъ: едва ли это будетъ полезно для дѣла, такъ какъ неминуемо поведетъ къ увеличенію числа нарушеній караульной службы, происходящихъ отъ переутомленія. Мы не знаемъ ни одной арміи со строго поставленной караульной

[1]) Да еще и то нужно помнить, что и разводъ часовыхъ беретъ время: если постъ въ разстояніи хотя четверти часа отъ караульнаго дома, движеніе туда и назадъ возьметъ каждый разъ полчаса, что въ сутки еще прибавить два часа. Слѣдовательно, чистой работы въ сутки будетъ уже одиннадцать часовъ, т. е. уже совсѣмъ усиленный переходъ, такъ какъ по расчету 4-хъ верстъ это уже 44 версты. Могутъ возразить, что и караулы отъ расположенія части, и посты отъ караульнаго дома бываютъ и ближе: конечно бываютъ; но въ массовомъ дѣлѣ расчеты должно дѣлать соображаясь не съ тѣми, которымъ легче, а съ тѣми, которымъ труднѣе.

службой, въ которой подобная норма была бы принята: лучшее доказательство того, что ее и нельзя принять. И единственнымъ средствомъ сберегать солдата остается старое и испытанное: 1) строжайшее наблюденіе за тѣмъ, чтобы изъ трехъ ночей солдатъ двѣ спалъ въ кровати; 2) не только не поощреніе, но истребленіе такихъ фельдфебелей, которые не въ мѣру любятъ заниматься такъ называемыми „расчетами“. Перекличка и расчетъ кажется дѣло невинное и много времени не требующее; а случалось видѣть въ одномъ городѣ, какъ „расчетъ“ дѣлали чуть не до одиннадцати часовъ ночи, т. е., подъ предлогомъ расчета прорепетировали все ротное ученье, а затѣмъ начали пропускать несчетное число разъ церемоніальнымъ маршемъ. При такомъ порядкѣ неудивительно, если процентъ выключаемыхъ въ неспособные процвѣтаетъ. Правъ г. А. Н. Р., что теперь и амуниція не та, и пища не та, и помѣщеніе другое; не правъ только тѣмъ, что главный факторъ (и физическія силы солдата стали другія) у него попалъ въ конецъ; и это обстоятельство вовсе не одинаково касается какъ сна, такъ и бодрствованія, какъ ему кажется: вѣдь слабому человѣку отдыхать нужно больше, а бодрствовать меньше. И, принимая это обстоятельство въ соображеніе, можетъ быть, было бы не безполезно подумать и о томъ, чтобы наборъ дѣлать хоть годомъ позже, такъ какъ нашъ новобранецъ сѣверной и средней полосъ зачастую является не вполнѣ сложившимся для военнаго быта и службы. А тутъ вдобавокъ фельдфебель съ „расчетомъ“... на благосклонность начальства за усердіе.

Житейскіе вопросы.

1.

М. Г, М. И. Позвольте обратиться къ вамъ за разрѣшеніемъ слѣдующихъ вопросовъ: 1) почему пѣхотными полками могутъ командовать офицеры всѣхъ родовъ оружія, т. е. артиллеристы, кавалеристы, офицеры-воспитатели, инженеры и т д.? Неужели они, никогда не служа въ пѣхотѣ, знаютъ пѣхотное дѣло лучше пѣхотинца? Или пѣхотное дѣло такое простое, такое несложное и не спеціальное, что всякій даже безъ спеціальной практической подготовки можетъ управлять не только полкомъ, но и дивизіей? И если это не грубая ошибка Главнаго Штаба (я служилъ въ дивизіи, гдѣ 1-мъ полкомъ командовалъ пѣхотинецъ, 2-мъ—саперъ, 3-мъ—артиллеристъ, а 4-мъ кавалеристъ), то намъ, пѣхотнымъ офицерамъ, очень обидно будетъ сознаться, что всѣ, кромѣ насъ, пѣхотинцевъ, лучше знакомы съ пѣхотнымъ дѣломъ и авторитетнѣе въ томъ дѣлѣ, которое они увидѣли въ первый разъ. Утѣшьте же насъ, не убивайте же въ насъ послѣдней энергіи, скажите, что это грубая ошибка Главнаго Штаба.

Отвѣтъ 1. Не могу этого сказать, ибо тутъ ни грубой, ни вѣжливой ошибки нѣтъ. Вѣдь въ конницѣ и артиллеріи тѣ же люди, что и пѣхотѣ; такъ же маршируютъ, стрѣляютъ и строй знаютъ: слѣдовательно, пѣхотное дѣло артиллеристы и кавалеристы видятъ не въ первый разъ тогда, когда принимаются за командованіе пѣхотной частью, какъ то вамъ кажется.

Наоборотъ, въ пѣхотѣ нѣтъ ни пушекъ, ни боевыхъ коней. При томъ артиллеристы и кавалеристы попадаютъ въ пѣхотные командиры, какъ исключеніе; слѣдовательно, убійству энергіи, да еще послѣдней, резона нѣтъ. А о саперахъ и гово-

рить бы вамъ не надо было, ибо это та же пѣхота, только съ прибавкою нѣсколькихъ спеціальностей сверхъ пѣхотной.

4) „Резервъ идетъ въ бой съ пѣснями“. Писалъ это, вѣроятно, не православный и не русскій человѣкъ. Русскій человѣкъ передъ сраженіемъ молится Богу, одѣваетъ чистую рубаху и вообще подготовляется къ смерти, и врядъ ли передъ такимъ моментомъ какъ смерть найдется даже одинъ человѣкъ, который рѣшится молитву или если не молитву, то приподнятое возвышенное настроеніе, замѣнить скоморошьей пѣсней. *Пѣхотинецъ.*

Отвѣтъ 2. Совершенно съ вами согласенъ, что, идучи на смерть, распѣвать какую-нибудь Ваньку-Таньку въ горлѣ пересохнетъ. Въ атакѣ и музыкѣ не мѣсто, и даже рожку: одинъ барабанъ. Разсказываютъ, будто при штурмѣ Варшавы какой-то полкъ шелъ въ атаку, распѣвая: „Ахъ, зачѣмъ было огородъ городить, ахъ, зачѣмъ было капусту садить“, но я этому не вѣрю и считаю сочиненіемъ какого-нибудь ловкача, въ свое время бившаго на то, чтобы симпатическимъ анекдотомъ влѣзть въ душу начальству.

II.

(Отвѣтъ г. Артиллеристу).

Вопросы Ваши—плодъ неправильныхъ умозрѣній и недостаточно внимательнаго отношенія къ Уставу, какъ по буквѣ, такъ и по духу. Но, повидимому, Вы искренни и, подписавъ письмо своей фамиліей, явили достойный уваженія примѣръ другимъ.

Поэтому отвѣчаю Вамъ.

1) Нижній чинъ, поставленный съ ружьемъ своимъ ротнымъ командиромъ для охраненія цейхгауза, можетъ ли считаться часовымъ?

Непремѣнно! Уставъ ясенъ: „Часовымъ называется всякій солдатъ, поставленный на постъ съ ружьемъ или обнаженнымъ холоднымъ оружіемъ".

Другое дѣло, имѣетъ ли право ротный командиръ самовольно, не испросивъ разрѣшенія свыше, устанавливать постъ часового... Но Вы объ этомъ не спрашиваете, а солдату не подобаетъ объ этомъ разсуждать.

Начало § 36—„караулъ выставляетъ отъ себя часовыхъ" — Вы, повидимому, понимаете такъ: часовые выставляются только отъ карауловъ, а не прямо изъ части. Конечно, это не такъ; могутъ быть случаи временной постановки часового и не изъ состава караула.

2) § 156 говоритъ, что если сняты печати съ кладовой, сундука и денежнаго ящика, и они отперты, то часовой никого не допускаетъ безъ разрѣшенія лица, снявшаго печати. А новаго часового можно ли ставить безъ разрѣшенія этого лица, или же для смѣны того, при которомъ сняты печати, слѣдуетъ просить разрѣшенія лица, открывшаго сундукъ, и проч.?

Вопросъ праздный и по меньшей мѣрѣ странный. Какое дѣло открывшему кладовую до смѣны часовыхъ? Смѣна производится разводящимъ; онъ и укажетъ, что̀ нужно новому часовому.

Далѣе Вы спрашиваете:

Можетъ ли въ этомъ случаѣ вкладывать ящикъ не то лицо, которое вынуло его, предъявивъ только соотвѣтствующую печать и слѣпокъ?

Тутъ, очевидно, недоразумѣніе: въ § 156 говорится о часовомъ у открытаго ящика и о допускѣ

въ ящикъ. Запретъ и запечатаетъ ящикъ, конечно, то же лицо, которое сняло печати, другого вѣдь часовой не допуститъ. Если же почему-либо понадобилось бы сдѣлать иначе, то часовой получилъ бы соотвѣтствующія приказанія отъ лица, имѣющаго право ему приказывать.

3) § 217 устанавливаетъ правила для допуска въ денежный ящикъ, имѣя цѣлью указать мѣры къ сохранности денегъ.

Вовсе не мѣры къ сохранности денегъ, а правила допуска къ открытію кладовой и денежнаго ящика.

4) Въ § 218 сказано, что лица, допускаемыя къ ящику расписываются въ предписаніи и въ постовой вѣдомости. Когда они должны расписаться: до вынутія ящика или послѣ него? Въ правилахъ § 217 указаны мѣры, принимаемыя до выдачи ящика. Разъ же ящикъ выданъ, у караульнаго начальника не остается документа, что онъ выданъ. Если при этомъ ящикъ взятъ изъ караульнаго помѣщенія, то у караульнаго начальника нѣтъ доказательствъ, что ящикъ выданъ законно. Если ящикъ взятъ незадолго до смѣны караула, то при вступленіи новаго караула какимъ образомъ караульный начальникъ можетъ убѣдиться въ томъ, что ящикъ не похищенъ?

Лица, допущенныя къ открытію находящейся въ караульномъ помѣщеніи кладовой или денежнаго сундука, могутъ брать оттуда, что имъ нужно, безъ контроля караула, но передъ уходомъ должны вновь запереть ихъ и приложить печать, а въ постовой вѣдомости и предписаніи коменданта расписаться надлежащимъ образомъ. Караульному начальнику нѣтъ дѣла до выноса денежнаго ящика, хранящагося въ кладовой или денежномъ сундукѣ, допускъ къ открытію которыхъ разрѣшенъ. Если же въ вопросѣ Вашемъ Вы разумѣете выносъ самого

денежнаго сундука, находящагося подъ охраной караула, изъ караульнаго помѣщенія, то выдача такового можетъ быть допущена только по особому распоряженію лицъ, власть имѣющихъ надъ карауломъ, или же объ этомъ должны быть надлежащія указанія въ инструкціи караульному начальнику. Конечно, въ этомъ случаѣ караульный начальникъ долженъ потребовать росписку въ принятіи денежнаго сундука, если при немъ отправляется и часовой отъ караула.

5) Если караульный начальникъ долженъ требовать, чтобы лица, допускаемыя къ ящику, должны расписываться до вынутія ящика, то какія мѣры онъ долженъ принимать, если эти лица не соглашаются расписываться *до вынутія*, утверждая, что этого они дѣлать не должны, а должны расписываться *послѣ вынутія*. Имѣетъ ли въ этомъ случаѣ право караульный начальникъ не допускать къ ящику? Такой случай не предусмотрѣнъ въ § 217.

Всякихъ вздорныхъ случаевъ Уставъ предусматривать не можетъ и не долженъ. Караульный же начальникъ имѣетъ возможность, въ случаѣ сомнѣній, обратиться за указаніями къ дежурному по карауламъ.

6) Въ одномъ артиллерійскомъ учебникѣ сказано: „въ артиллеріи нѣтъ знамени, тамъ есть пушки“. Не военная ли это ересь? Не есть ли это соблазнъ „малыхъ сихъ“, привыкшихъ святыню видѣть только въ извѣстныхъ образахъ, соединять понятіе о ней съ извѣстными символами? Не совращеніе ли это въ идолопоклонство или, скорѣе, не толкованіе ли это, которому обучаемые не повѣрятъ?

Не читалъ этого учебника. Пушка и знамя двѣ вещи разныя. Пушка не символъ, а орудіе, у котораго каждый артиллеристъ долженъ сражаться до послѣдней капли крови, памятуя, что съ потерей

орудія онъ лишенъ возможности исполнять свой долгъ въ бою.

Чѣмъ знамя старѣе, тѣмъ оно святѣе, чѣмъ пушка старше, тѣмъ она негоднѣе; старое знамя относятъ въ церковь; старую пушку бросаютъ въ ломъ. Потеря знамени или штандарта — безчестіе для части: потеря пушки въ бою—честь для артиллериста, ибо доказываетъ, что онъ дѣйствовалъ на позиціи до послѣдней минуты. Укоръ за потерю пушки ложится на прикрытіе, да и то не всегда. Да притомъ и приведенная Вами фраза такъ лукаво сложена, что ее можно разно толковать: и такъ, какъ Вы ее толкуете, т. е. что пушка приравнена якобы къ знамени; и такъ, что при пушкѣ знамени нельзя имѣть, какъ вообще въ разсыпномъ строѣ. Вѣдь Вы, вѣроятно, согласитесь, что въ артиллеріи, кромѣ разсыпного строя, другого нѣтъ.

Упадокъ политическаго могущества Англіи.

(По поводу сочиненія д-ра Тилле въ извлеченіи *А. Рѣдкина*).

Эта книжка заслуживаетъ большого вниманія со стороны лицъ сколько-нибудь интересующихся послѣдними событіями, въ коихъ Англія, разсчитывая, на дѣятельную, попала, совершенно для себя неожиданно, въ страдательную роль. Авторъ книжки—нѣмецъ, бывшій доцентомъ Гласговскаго университета цѣлыхъ десять лѣтъ; изучилъ не одну казовую сторону, а и изнанку англійскаго строя. Когда началась англо-бурская война, которую правильнѣе назвать охотой Буровъ на Англи-

чанъ, Тилле не стѣснялся въ сужденіяхъ и безпристрастно расцѣнивалъ Буровъ, какъ и Англичанъ. Это студентамъ не нравилось; то, что было только безпристрастно, имъ казалось поруганіемъ британскаго національнаго чувства; ну, конечно, скандалъ, закончившійся чуть не побіеніемъ дерзновеннаго, говорившаго правду въ глаза. Тилле ничего послѣ этого не оставалось, какъ вернуться въ понятномъ настроеніи на родину, гдѣ онъ и издалъ книгу, съ содержаніемъ коей насъ знакомитъ г. А. Рѣдкинъ.

Островное положеніе Англіи ставило ее всегда въ великолѣпныя условія относительно континентальныхъ державъ, а бурныя событія конца XVIII и начала прошлаго вѣка дали возможность забирать въ колоніяхъ все что плохо лежало. Поживились они и отъ Французовъ, которыхъ безъ малаго совсѣмъ выперли изъ Индіи, и отъ Голландцевъ, и отъ Испанцевъ. Однимъ словомъ въ мутной водѣ половили рыбки достаточно.

Но при всемъ этомъ политика ихъ была полна спасительной осторожности: Англичане понимали отлично, что на европейсвомъ континентѣ они со своими наемниками, дорого стоющими и малочисленными, безсильны; какъ же разрѣшить такую задачу, чтобы и постоянно слѣдить, что на этомъ континентѣ дѣлается, и не подвергаться риску увязаться на немъ въ какую-нибудь боевую игру? А разрѣшить очень просто: независимо шпіонства, которому торговыя сношенія лучшій проводникъ, независимо

интригъ, доходящихъ до содѣйствія „устраненію“ людей неудобныхъ,—держать въ своихъ рукахъ передовыя морскія, но отнюдь не континентальныя, позиціи кругомъ западно-европейскаго материка и вылѣзать на берегъ только тамъ, гдѣ серьезной сухопутной силы ожидать нельзя. Эти позиціи суть: Гельголандъ, при устьѣ Эльбы, недавно возвращенный Нѣмцамъ; острова: Жерси, Гернси и Альдерней у сѣвернаго берега Бретани; Гибралтаръ [1]), Мальта; одно время Іоническіе острова. Зашла рѣчь о Суэцкомъ каналѣ. Сначала Англичане противились его прорытію всѣми мѣрами, пока не захватили острова Перимъ, при южномъ выходѣ изъ Краснаго моря. И только въ Индіи щука вылѣзала, наконецъ, на берегъ. Тамъ опасаться было некого, особенно если мѣстныхъ потентатовъ постоянно ссорить между собою и потомъ являться между ними когда примирителемъ, а когда защитникомъ мнимо обиженнаго.

Но этого мало; Іоническіе острова слишкомъ близки къ берегу, и Англичане отказываются отъ протектората надъ ними. Слѣдовательно, они не только захватывали, но умѣли и отказываться отъ захватовъ, если считали ихъ для себя невыгодными.

И такъ имъ въ прошломъ (XIX) вѣкѣ везло, что одинъ изъ ихъ выдающихся государственныхъ дѣятелей охарактеризовалъ англійскую политику знаменитой фразой, „Tout prendre, rien rendre, toujours prétendre“ (т. е. „все забирать, ничего не отдавать, всегда претендовать“). Значитъ, совсѣмъ

[1]) Недоступный съ суши.

по Ноздревски: „что до лѣса мое, и что за лѣсомъ такъ тоже мое“. Дальше этого въ жадности стяжанія идти нельзя, и это первый признакъ паденія.

За послѣднее время положеніе Англіи весьма измѣнилось вслѣдствіе новой группировки политическихъ и интеллектуальныхъ силъ; да и развитіе парового флота въ значительной мѣрѣ ослабило преграду, представляемую морями, т. е. понизило выгоды островного положенія. При томъ же не одни Англичане теперь захватываютъ; научились хватать и другіе. Но сами Англичане, въ своемъ самодовольномъ ослѣпленіи, воображаютъ, что все осталось по старому. Они захватываютъ Кипръ, захватываютъ наконецъ, Египетъ—позицію уже совсѣмъ континентальную и находящуюся вблизи большихъ сухопутныхъ силъ: въ Египтѣ можно получить нравоученіе и отъ Италіи, и отъ Франціи и даже, пожалуй, отъ Турціи. Щука, такимъ образомъ, вылѣзла на берегъ по близости серьезныхъ рыболововъ. Традиціонная политика держаться на сушѣ подальше отъ сильныхъ континентальныхъ державъ—забыта. Такое ослѣпленіе безнаказанно не проходитъ; но оно бываетъ, обыкновенно, тѣмъ упорнѣе, чѣмъ бѣда ближе. И вотъ бѣда стряслась.

По мнѣнію автора 1900 годъ знаменуемъ собою рѣшительный переломъ въ исторіи Англіи, избалованной легкими успѣхами. Мы думаемъ, что переломъ этотъ начался раньше, именно съ той минуты, когда необузданная жадность до захватовъ заглушила въ Англичанахъ предостереженія здраваго смысла.

Говорятъ, обыкновенно, что исторія не повто-

ряется: смотря по тому, въ чемъ и какъ. Если рѣчь идетъ о дѣйствующихъ личностяхъ, то она, пожалуй, не повторяется, такъ какъ индивидуальныя особенности дѣятелей придаютъ окраску событіямъ. Хотя и дѣятели, въ духовной части ихъ дѣятельности, не могутъ не повторяться, такъ какъ всѣ они разсуждаютъ по однимъ и тѣмъ же законамъ и подчиняются, или не подчиняются, однѣмъ и тѣмъ же страстямъ. Но когда рѣчь идетъ объ учрежденіяхъ, то въ нихъ исторія повторяется съ замѣчательнымъ постоянствомъ.

Такъ, въ націи, у которой торговля составляетъ преобладающій мотивъ дѣятельности, правленіе будетъ всегда олигархическое, армія всегда наемная. Свобода высшаго и средняго сословія, безпощадная эксплуатація низшаго, но все на почвѣ громогласно проповѣдуемой свободы, которая, впрочемъ, для этого послѣдняго сословія приводится къ свободѣ умереть съ голода.

Такъ было въ Карѳагенѣ, Венеціи, Генуѣ, Голландіи; такъ есть и теперь въ Англіи. Нужды нѣтъ, что она не только монархія, но даже имперія: по существу она все же олигархическая республика со всѣми особенностями духовнаго склада, присущаго купцамъ всего міра.

Какія отличительныя черты этого склада?— Запросъ, посулъ, обманъ: за деньги все купить можно. Нѣтъ вѣроломства, передъ которымъ Англичане остановились бы; и постоянное стремленіе загребать жаръ чужими руками. Послѣднее весьма наглядно показала вся эпоха Наполеоновскихъ войнъ.

Испанская кампанія одна повидимому этому противорѣчитъ; но только повидимому, ибо ихъ войска находили мощную поддержку въ народномъ возстаніи, несмотря на которое отсиживались въ Торресъ Ведрасскомъ лагерѣ и не предпринимали ничего, пока Наполеонъ не погнался за двумя зайцами, т. е. не окончивъ дѣла въ Испаніи, затѣялъ походъ въ Россію. То же должно сказать объ ихъ Крымской экспедиціи: не будь Французовъ, Англичане не посмѣли бы о ней и мечтать.

Другая черта духовнаго склада Англичанъ— всестороннее фарисейство и лицемѣріе. Что бы ни предпринимали они несправедливаго, а иногда и прямо позорнаго, въ видахъ денежнаго интереса, всегда они это дѣлаютъ во имя цивилизаціи, интересовъ человѣчества. Они громко провозглашаютъ права человѣка, возстаютъ противъ всякаго угнетенія, а между тѣмъ нѣтъ гнета болѣе жестокаго, болѣе безпощаднаго и разорительнаго, какъ тотъ, подъ которымъ стонутъ Ирландія и Индія.

Воюютъ они и съ Бурами тоже во имя якобы интересовъ гуманности, прогресса, цивилизаціи, а эти интересы приводятся къ тому, чтобы завладѣть золотоносными розсыпями. Даже и свои преслову-тые концентраціонные лагери для семействъ Буровъ они завели будто бы потому, что этимъ семействамъ въ лагеряхъ жить удобнѣе и смертность въ нихъ меньше, чѣмъ у себя на фермахъ [1]). И такъ во всемъ.

[1]) Насколько это наглая и вмѣстѣ лицемѣрная ложь, видно изъ свидѣтельства миссъ Хобхузъ: въ теченіе послѣднихъ іюня, іюля и августа въ лагеряхъ умерло 3,245 дѣтей, между тѣмъ какъ нормальная смертность не превосходила бы 272 за этотъ срокъ.

Третья черта—дальновидность. Купецъ долженъ постоянно думать о томъ, гдѣ дешевле купить, гдѣ дороже продать, на чемъ онъ можетъ выиграть и чего долженъ остерегаться, чтобы не потерять; онъ долженъ изо всякаго событія дѣлать отдаленные выводы, быть способнымъ смотрѣть иногда на цѣлые годы впередъ. Похоже на междоусобную войну въ Сѣверной Америкѣ: нужно закупать поскорѣе хлопокъ, а то вздорожаетъ и т. п. И такъ не въ одной какой-нибудь странѣ или части свѣта, а по всему земному шару. Говоря фигурально, онъ лѣтомъ долженъ думать о зимѣ и зимою о лѣтѣ. Англичанинъ не пошлетъ зимней одежды такъ, что она придетъ по назначенію только весною.

Всякое политическое событіе, всякое стихійное явленіе, тѣ или другія отношенія между данными государствами вызываютъ съ его стороны усиленную мозговую дѣятельность. Правда, такое напряженіе даромъ не проходитъ: Англичанинъ мраченъ и необщителенъ, недовѣрчивъ, высокомѣренъ и наглъ. Долгимъ опытомъ онъ убѣдился въ силѣ наглости надъ большинствомъ человѣческаго стада, и ею пользуется во всю, пока не наскочитъ на отпоръ; тогда онъ поджимаетъ хвостъ и на время прячетъ въ карманъ традиціонный Англійскій интересъ, передъ которымъ якобы все должно уступать. Сплинъ, которому онъ подверженъ, объясняется этимъ же мозговымъ напряженіемъ, можетъ быть, больше, нежели климатомъ. Это же напряженіе, переходя преемственно изъ поколѣнія въ поколѣніе, даетъ въ области, ничего общаго съ

торговлей не имѣющей, то обиліе ученыхъ и философовъ, которое отличаетъ Англію. Думаю также, что оно вырабатываетъ преемственно и великихъ стратеговъ. Величайшій изъ нихъ — Аннибалъ, былъ сынъ торговой расы.

При такихъ условіяхъ понятно, что справиться съ торговой націей, было бы невозможно, если бы коррективомъ не являлась жадность: торговая нація, когда она въ силѣ, гоняется не за двумя, а за двадцатью зайцами. Въ этомъ спасеніе для человѣчества.

Въ книжкѣ г. Рѣдкина читатель увидитъ, какъ, благодаря жадности и вѣроломству, Англичане возстановили противъ себя всѣхъ; а это рано или поздно извѣстно чѣмъ кончается, не взирая на неисчислимыя матеріальныя средства. Достаточно имъ было натолкнуться на ничтожную по численности [1]), но сильную духомъ армію для того, чтобы сразу сказалась полная несостоятельность стада наемниковъ. Война тянется уже третій годъ и конца ей пока не видно.

Въ началѣ войны, т. е. въ октябрѣ 1899 года, англійскій министръ финансовъ предполагалъ, что она потребуетъ около 250—275 милліоновъ франковъ; въ мартѣ 1900 года онъ предвидѣлъ уже 1,100 милліоновъ. Сколько она стоитъ теперь— можно догадаться.

Нѣкоторые статистики высчитывали, что она

---

[1]) Если цифра Бурскаго населенія (250 тысячъ) вѣрна, то вооруженная его сила не превосходила 40—50 тысячъ. Теперь изъ нихъ, вѣроятно, осталось менѣе половины, и 200,000 Англійскихъ наемниковъ съ ними справиться не могутъ.

обходится 75 милліоновъ франковъ въ недѣлю: 25 милліоновъ на пищу людей и довольствіе лошадей; столько же на содержаніе и возобновленіе обмундированія, обуви, снаряженія; столько же на содержаніе и возобновленіе вооруженія, на средства перевозки, на санитарную службу и непредвидѣнные расходы, которые влечетъ за собою содержаніе на военномъ положеніи арміи въ 150—200 тысячъ человѣкъ въ 12 тысячъ верстъ отъ метрополіи. Это исчисленіе установлено Вильсономъ, который въ сентябрѣ 1900 года, принимая въ расчетъ убыль людей и лошадей, понизилъ предполагаемый расходъ до 50 милліоновъ въ недѣлю и подсчиталъ съ горькой ироніей, что каждый убитый Буръ обошелся Англіи отъ 1,250,000 до 900,000 франковъ [1]).

Гладстонъ зналъ, что дѣлалъ, когда, послѣ пораженія Англичанъ Бурами у Маюбы, 1880 года, тотчасъ же заключилъ съ ними миръ. Правда, онъ былъ Гладстонъ, а не Чемберленъ, и интересы Англіи были для него дороже интересовъ Chartered company.

Извѣдавъ на опытѣ хрупкость наемной арміи и затруднительность ея комплектованія, теперешніе главари мечтаютъ о переходѣ къ общеобязательной повинности, но это едва ли имъ удастся, такъ какъ потребовало бы полнаго переворота не только въ государственномъ устройствѣ, но, что труднѣе, даже невозможнѣе—переворота въ родѣ занятій и складѣ понятій. Презрительное отношеніе Англича-

[1]) См. „Revue de deux Mondes“, 15-го января 1901 года, „Ce que coute la guerre impériale anglaise“ („Что стоитъ англійская императорская война“).

нина къ войску и солдату, столь наглядно очерченное въ книжкѣ г. А. Рѣдкина, ставитъ такой реформѣ неодолимую преграду. Да и кому охота мѣнять прибыльное и нечленовредительное обращеніе съ ярдомъ или фунтомъ на обращеніе съ ружьемъ или саблей? Мы не дѣлаемъ выписокъ изъ книжки г. А. Рѣдкина, потому что изъ нея хочется выписать чуть не все. Особенно въ ней хороша сводка всѣхъ сюрпризовъ, постигшихъ за послѣднее время Англію и въ Африкѣ, съ Германцами и Французами, и въ Китаѣ, и даже въ Америкѣ. Прекрасно очерчено также не только отношеніе Англичанъ къ ихъ арміи, но и интересное состояніе резервовъ. Это послѣднее за истекшіе два года со времени изданія книжки, конечно, не улучшилось.

Дисциплинарныя недоразумѣнія.

(Отвѣтъ Ив. Ив. Кал—ву.)

На стр. 6-й „Подробной программы обученія молодыхъ солдатъ пѣхоты“, составленной для Кіевскаго военнаго округа, сущность воинской дисциплины опредѣляется такъ:

„Дѣлай все, что прикажетъ начальникъ, а если противъ Государя—не дѣлай“.

„Младшіе начальники ничего не могутъ приказывать противъ старшаго начальника“.

Затѣмъ, далѣе на стр. 7-й говорится:

„Если одинъ начальникъ приказалъ тебѣ что-нибудь сдѣлать, а другой даетъ другое приказаніе, доложи ему: отъ кого и какое ты прежде получилъ приказаніе, и если второй начальникъ опять прикажетъ исполнить его при-

казаніе, то исполни, а потомъ уже исполняй первое приказаніе, а возвратившись, доложи первому начальнику что и какъ было".

Усматривая здѣсь противорѣчіе, въ томъ случаѣ, когда второй начальникъ младше перваго, Вы задаете вопросъ:

„Долженъ ли подчиненный, не рискуя попасть подъ отвѣтственность, исполнять приказаніе, противное приказанію старшаго начальника, когда оно отдано послѣ старшаго?"

Вопросъ казуистическій. Да и не вытекаетъ онъ прямо изъ сказаннаго въ подробной программѣ, по коей „младшіе начальники ничего не могутъ приказывать противъ старшаго начальника".

Казуистики при обученіи нижнихъ чиновъ нужно всячески избѣгать. Не вводите и Вы ея. Всѣхъ частныхъ случаевъ не предусмотрите, а съ толку собьете.

Основное правило воинской дисциплины,—безусловное повиновеніе начальнику,—ограничивается статьями дисциплинарнаго Устава; онѣ даютъ обширное поле для толкованій; обнять ихъ въ частномъ примѣненіи иногда не подъ силу и офицеру, а во время искуса надо много воинскаго такта и чутья для того, чтобы правильно рѣшить вопросъ въ духѣ воинской дисциплины и не сблудить, рѣшившись на неповиновеніе.

Въ программѣ обученія молодыхъ солдатъ Кіевскаго военнаго округа, ограниченіе безусловнаго повиновонія выражено словами—„противъ Государя не дѣлай"; примѣчаніе же о томъ, что младшіе начальники ничего не могутъ приказывать противъ старшаго, введено лишь какъ поясненіе.

Не могутъ — значитъ не будутъ, а вдаваться въ придумываніе возможныхъ случаевъ нарушенія начальниками общихъ основаній воинской дисциплины, это значитъ затемнять дѣло и затруднять уразумѣніе общихъ основаній воинской дисциплины, на которыхъ зиждется добропорядочность арміи.

То, что говорится на стр. 7-й подробной программы, имѣетъ совсѣмъ другое значеніе. Тамъ вѣдь рѣчь не объ отмѣнѣ приказанія старшаго, не о приказаніи младшаго противъ старшаго, а лишь о послѣдовательности исполненія различныхъ приказаній двухъ начальниковъ; приведенный тамъ примѣръ не есть частный случай отступленія отъ основного правила воинской дисциплины, а только наглядное поясненіе сказаннаго, примѣръ для показа.

И потому никакихъ противорѣчій тамъ, гдѣ Вы ихъ видите, нѣтъ въ программѣ; а вопросъ Вашъ выросъ на другой, нежелательной, почвѣ. Вы боитесь недомолвокъ и хотите вдаться въ подробности отступленій отъ основныхъ началъ: а между тѣмъ при обученіи молодыхъ солдатъ надо, напротивъ, стремиться къ твердому внѣдренію въ нихъ этихъ началъ безъ сомнѣній и колебаній.

Ну-съ, а прямой отвѣтъ на вашъ вопросъ? Это область казуистики и за разъясненіемъ его совѣтую обратиться къ законникамъ, которые укажутъ вамъ соотвѣтствующія статьи закона, покопаются въ рѣшеніяхъ Главнаго Военнаго Суда, разбередятъ вопросъ и, быть можетъ, выскажутъ общее рѣшеніе.

Воспользуйтесь разъясненіями этихъ законниковъ сами, но Бога ради не путайте въ это дѣло солдата.

Необходимость счета часовъ до 24-хъ въ военныхъ приказахъ, приказаніяхъ, диспозиціяхъ.

Милостивый Государь, Владиміръ Антоновичъ! Давно собирался написать Вамъ о чемъ мы какъ-то говорили, — именно о неудобствѣ въ полевой перепискѣ счета часовъ два раза по двѣнадцати, — да все что-нибудь мѣшало. Дѣлаю это теперь, тѣмъ болѣе, что генералъ Бетрищевъ *) тоже недоволенъ предложеніемъ считать часы до 24-хъ, находя, что и при счетѣ до 12-ти путаницы никакой быть не можетъ. Объясняю себѣ это неудовольствіе почтеннаго генерала укоренившеюся въ немъ привычкою считать часы до 12-ти. Я знаю силу привычекъ, особенно массовыхъ, и никогда не посягаю даже на безполезныя, если онѣ невинны. Но привычки опасныя, могущія вести въ нашемъ дѣлѣ къ недоразумѣніямъ, а иногда и къ катастрофамъ, должно мѣнять. На войнѣ столько враждебныхъ случайностей, независимыхъ отъ нашей воли, что добровольно увеличивать число ихъ едва ли расчетливо.

Всякому извѣстно, что земля дѣлаетъ суточный оборотъ около своей оси въ періодъ времени, который принято дѣлить на 24 части или часа, и каждый изъ этихъ часовъ не похожъ на другой, ибо не только каждый часъ, но каждую секунду положеніе меридіана даннаго мѣста относительно солнца мѣняется. Ясно, слѣдовательно, что каждый

*) См. „Русскій Инвалидъ“ за этотъ годъ (1901), № 186, „Задачи на построеніе“.

часъ, какъ непохожій на другіе, долженъ имѣть свое имя (или свой номеръ, что одно и то же), точно такъ же, какъ его имѣютъ самыя маленькія подраздѣленія времени, т. е. минуты и секунды.

Но на дѣлѣ вышло не такъ: подѣлили сутки пополамъ и стали считать часы до двѣнадцати. Получилось изъ этого нѣчто совсѣмъ несуразное: часамъ, не имѣющимъ между собою ничего общаго, присвоили одинаковые номера; явились два шестыхъ, два седьмыхъ и т. д. часа.

Во всякой номенклатурѣ, для избѣжанія путаницы, принято не давать одинаковыхъ названій разнороднымъ отдѣламъ какъ времени, такъ и пространства, особенно если эти отдѣлы стоятъ близко одинъ отъ другого. Это условіе не только научной логики, но и обыденнаго здраваго смысла: странно было бы называть, напримѣръ, и дверь, и окошко однимъ и тѣмъ же словомъ, хоть дверью, что ли.

Чѣмъ же объяснить эту непослѣдовательность въ счетѣ часовъ? Вѣдь, кажется, считать ихъ до 24-хъ, какъ то всегда дѣлали и дѣлаютъ астрономы и дѣлали всѣ еще въ XVI—XVII вѣкахъ, не труднѣе, чѣмъ считать до 12-ти? А между тѣмъ предложеніе вернуться къ этому, единственно разумному, счету многимъ кажется страннымъ, а иныхъ даже возмущаетъ, какъ посягательство на что-то священное.

Нѣкоторымъ кажется, что и при нынѣшнемъ счетѣ часовъ до двѣнадцати ошибокъ быть не можетъ; посмотримъ, такъ ли это?

Такъ какъ при дѣленіи сутокъ пополамъ являются

пáры одноименныхъ часовъ, то для отличія одного отъ другого приходится прибавлять къ нумеру часа еще слово: „пополудни“ или „пополуночи“.

Такимъ образомъ, въ редакціи приказанія, вмѣсто того, чтобы проставить цифру часа и на томъ кончить, нужно приписать одно изъ этихъ словъ, созвучныхъ, т. е. мало отличающихся одно отъ другого въ произношеніи. Стоитъ только второпяхъ *) написать одно вмѣсто другого и исполненіе приказанія опоздаетъ на полсутокъ. Другой примѣръ: нужно приказать выступать, напримѣръ, черезъ полчаса послѣ полуночи или послѣ полудня: какъ написать? Если написать въ $12^1/_2$ пополуночи, то это выйдетъ въ половинѣ перваго дня; если написать въ $12^1/_2$ пополудни, то это выйдетъ черезъ полчаса послѣ полуночи на слѣдующій день. Вы пишете, напримѣръ „$11^3/_4$ часа пополудни“, а это уже почти полночь; „$11^3/_4$ часа пополуночи“, а это почти полдень; это, конечно, точно, но въ томъ и другомъ случаѣ опредѣленіе времени дѣлается такимъ словомъ, которое несообразно съ временемъ сутокъ.

Третій примѣръ: вы написали, напримѣръ: „20-го ноября, полночь“. Является вопросъ: которая полночь? Съ 19-го по 20-е или съ 20-го по 21-е? Вѣдь всякія сутки отграничиваются полуночью и отъ предыдущихъ и отъ послѣдующихъ сутокъ; и, во избѣжаніе недоразумѣнія, возникаетъ необходи-

*) А въ военное время почти всегда приходится спѣшить съ распоряженіями, иначе не поспѣютъ ихъ развезти. И отдаются они почти всегда ночью, да иногда послѣ утомительнаго перехода, т. е. когда и силы, и вниманіе ослабли.

мость прибавлять уже не одно, а нѣсколько лишнихъ словъ: полночь: „съ такого-то на такое-то число“. Стоитъ только забыть это прибавить и приказаніе съ исполненіемъ можетъ разъѣхаться на цѣлыя сутки.

Можно сказать, что въ случаѣ недоразумѣнія слѣдуетъ потребовать разъясненія; не очень-то легко его получить стоя отъ штаба въ 20 — 30 верстахъ, да и писать наши бумаги нужно по возможности такъ, чтобы не было нужды въ разъясненіяхъ.

Эти примѣры достаточно показываютъ, къ какимъ недоразумѣніямъ можетъ повести счетъ часовъ до 12-ти, и сколько нужно помнить лишнихъ словъ (и не забывать ихъ ставить на мѣстѣ), дабы исправлять нераціональность этого счета.

Могутъ сказать, что офицеръ, призываемый къ страшному дѣлу редакціи такихъ документовъ, отъ ошибки въ одномъ словѣ которыхъ можетъ зависѣть судьба сотенъ, иногда тысячъ головъ, „забывать не долженъ“. Конечно, не долженъ; но, во-первыхъ, онъ человѣкъ, а вторыхъ, ему такъ много приходится помнить дѣйствительно необходимаго, что обременять его память и вниманіе мелочами, легко устранимыми, если не преступно, то по меньшей мѣрѣ безсмысленно, ибо вредно. Ошибки всегда возможны; и потому въ нашемъ дѣлѣ, гдѣ за ошибку плата одна — головы, нужно въ привычкахъ и порядкахъ по возможности устранять все то, что увеличиваетъ вѣроятность ошибокъ.

Съ принятіемъ счета часовъ до 24-хъ, никакихъ недоразумѣній быть не можетъ. Лишнія слова („въ ночь съ такого-то на такое-то число“, „пополудни“, „пополуночи“) отпадаютъ сами собой и, по соотвѣтствію, редакція распоряженій упрощается и сокращается; — удобство, значенія коего люди, не писавшіе диспозицій и не поставленные въ необходимость вникать въ нихъ для исполненія, и представить себѣ не могутъ.

Весь счетъ упрощается до крайности: цифра 24 часа естественно относится къ концу данныхъ сутокъ, а не къ началу ихъ, такъ какъ счетъ въ каждыхъ суткахъ начинается съ минутъ перваго часа, затѣмъ идетъ дальше по порядку, отъ одного часа до 24-хъ. Если, напримѣръ, я пишу: „20-го ноября выступить въ 15, 30, 45 минутъ, то всякому ясно, что онъ долженъ выступить въ показанное число минутъ послѣ 24-хъ часовъ (т. е. полуночи) 19-го ноября. Дальнѣйшій счетъ полныхъ часовъ или часовъ съ минутами ясенъ для всякаго и никакихъ недоразумѣній вызвать не можетъ.

Возраженія противъ этого объясняются привычкой, рутиной. „Привыкли считать до 12-ти, а тутъ вдругъ до 24-хъ—обидно!“. Не правда ли, какъ это трудно! Смѣемъ думать, что кто умѣлъ считать до 12-ти, съумѣетъ сосчитать и до 24-хъ. И переводъ съ одного счета на другой, даже на первыхъ порахъ не труденъ: Вы привыкли считать до 12-ти, а я Вамъ говорю, напримѣръ, приходите въ 20 часовъ—стоитъ отбавить 12 и получите 8

часовъ пополудни. Вы привыкли считать до 12-ти, а хотите сказать по новому: буду у Васъ въ два часа пополудни—прибавьте 12 и скажите: буду у Васъ въ 14 часовъ.

Счетъ до 24-хъ часовъ не представляетъ никакой новости; астрономы *) всего міра и вся Италія иначе никогда не считали суточное время. Теперь такой же счетъ принятъ и на бельгійскихъ желѣзныхъ дорогахъ.

Этого мало: изъ недавняго реферата профессора Кіевскаго университета, М. Н. Ясинскаго, явствуетъ, что не далѣе какъ въ XVI — XVII вѣкѣ всѣ, въ томъ числѣ и мы, вели счетъ до 24-хъ часовъ; слѣдовательно, придется отказаться только отъ дурной привычки и возвратиться къ забытой хорошей.

Не понадобится передѣлывать и часы, а только на циферблатѣ подъ существующими цифрами подписать дополнительныя, т. е. подъ единицей—13, подъ двумя—14 и такъ далѣе, до 24-хъ.

Я, къ сожалѣнію, не знаю, когда и почему перешли къ полусуточному счету, но думаю, что это просто черная интрига часовщиковъ, которые съ развитіемъ техники стали дѣлать столь малые карманные часы, что на ихъ циферблатѣ стало трудно умѣстить 24 цифры! Другого резона мнѣ въ голову не приходитъ.

Само собою разумѣется, что я отстаиваю счетъ

---

*) Разница астрономическаго счета съ гражданскимъ только въ томъ, что въ первомъ за начало сутокъ принимается полдень, а не полночь.

до 24-хъ часовъ только для военной переписки, а въ общежитіи, какъ ни считать, все равно; если и будутъ случаться ошибки,—не важно: въ обыденной жизни онѣ едва ли могутъ повести къ роковымъ послѣдствіямъ.

Аттестаціи.

Отвѣтъ В. А. С—ву въ Никольскъ-Уссурійскій. Вы меня спрашиваете, почему я нахожу, что „аттестаціи“ дѣло субъективное и иначе ихъ организовать нельзя.

Потому, что всякое единоличное мнѣніе есть, по необходимости, субъективное; и коррективъ этой субъективности въ томъ, что слѣдующій по порядку начальникъ даетъ свою аттестацію, если съ первой не согласенъ. Каковая аттестація будетъ, въ свою очередь, точно также субъективна, какъ и первая. Въ этомъ организація аттестаціоннаго дѣла и, по моему мнѣнію, другой его организаціи въ воинскихъ частяхъ допустить нельзя, ибо это было бы противно духу нашей службы. Всякія сѣтованія, какъ и гласность, могутъ только повести къ разладу въ офицерскихъ обществахъ и къ подрыву субординаціи.

Что касается до другого Вашего вопроса—нужны ли аттестаціи — то отвѣчаю на него такъ: въ томъ видѣ, какъ онѣ существуютъ, аттестаціи безполезны и составляютъ лишній переводъ

бумаги. По крайней мѣрѣ таково мое скромное, и ни для кого конечно не обязательное, мнѣніе.

Случай изъ гарнизонной службы.

Помѣщенный ниже разсказъ капитана NN *) представляетъ характерный примѣръ разногласій здраваго смысла съ буквоѣдствомъ при оцѣнкѣ жизненныхъ фактовъ, не предусмотрѣнныхъ закономъ, или же находящихся въ противорѣчіи съ требованіями буквы закона, но вызванныхъ логикой жизни на почвѣ личной доблести и геройскаго духа.

Вотъ этотъ разсказъ:

Въ одномъ изъ пѣхотныхъ полковъ произошелъ слѣдующій случай:

Стоялъ около казенныхъ сараевъ сторожъ при холодномъ оружіи, наряженный согласно приложенія 3-го къ ст. 34-ой Устава гарнизонной службы 1900 года.

Вдругъ невдалекѣ сталъ тонуть „вольный человѣкъ“. Кричитъ отчаянно и бьется. Потомъ кричать сталъ глуше—захлебывается. Сейчасъ пойдетъ ко дну.

Не выдержалъ нашъ сторожъ и, какъ былъ, бросился въ воду. Посчастливилось ему: и самъ выплылъ обратно, и утопавшаго вытащилъ.

Кажется, что-жъ тутъ еще? Человѣка отъ смерти спасъ. Сараи цѣлехоньки. Высуши казенную одеж-

*) Фамилія подписана подлинная, но мы ея не помѣщаемъ, такъ какъ для дѣла это не нужно.

ду, вытри досуха, а, смѣнившись, смажь масломъ казенный штыкъ и служи себѣ спокойно Царю-Батюшкѣ.

Не тутъ-то было! Возникъ роковой вопросъ, передъ которымъ порою останавливаются люди, спокойно шедшіе навстрѣчу смерти.

— А что начальство скажетъ? Сгоряча похвалить хочется, наградить... А потомъ: „что начальство скажетъ?“.

И сталъ одинъ начальникъ на другого поглядывать. А начальство повыше стало думать: „А что военный прокуроръ скажетъ?“ [1]).

— Я бы ему выдалъ рублей пять и въ приказѣ похвалилъ бы [2]),—горячился молодой командующій ротой капитанъ. — Вѣдь даже часовому Уставъ не только разрѣшаетъ, но прямо говоритъ, что часовой „долженъ“ предупредить совершаемое вблизи его насиліе, не подвергая опасности охраняемаго поста [3]).

— Ага, вотъ то-то и есть: „не подвергая опасности охраняемаго имъ поста“. А сторожъ-то вашъ свой постъ подвергалъ опасности.

— Какой опасности? Отъ кого опасность?

— Отъ тонувшаго...

---

[1]) Военные прокуроры сами не могутъ возбуждать дѣло противъ военнослужащаго.

[2]) И къ медали „за спасеніе погибавшихъ“ представилъ бы.

[3]) Это не совсѣмъ такъ. Въ § 152 Устава говорится: „...Точно также онъ (часовой) долженъ поступить (т. е. не только можетъ, но и обязанъ сойти со своего мѣста) и въ томъ случаѣ, когда, не подвергая опасности охраняемаго имъ поста, онъ можетъ предупредить совершаемое вблизи его насиліе“.

— Какъ такъ? Человѣкъ тонетъ, что жъ онъ сараямъ можетъ сдѣлать?

— А онъ могъ такъ вцѣпиться въ спасавшаго его сторожа, что оба ко дну пошли бы. И остались бы сараи безъ сторожа. Кому не лѣнь — приходи, дѣлай, что хочешь. Такимъ образомъ сторожъ, поддавшись настроенію минуты и рискуя своей жизнію, рисковалъ оставить сараи безъ защиты и, стало быть, подвергалъ опасности свой постъ [1]).

— Позвольте. А часовому, который предупреждаетъ насиліе, развѣ не грозитъ никакой опасности со стороны совершающихъ насиліе? Разсуждая по вашему, часовой никогда не можетъ попробовать предупредить насиліе, потому что всегда можетъ ожидать противодѣйствія, а слѣдовательно и опасности для своей особы. Между тѣмъ, Уставъ обязываетъ часового защищать насилуемаго [2]).

— Обязываетъ, но при полномъ условіи полной безопасности.

— Что жъ, по вашему нашъ сторожъ долженъ былъ продолжать ходить вокругъ сараевъ, а тотъ пусть тонетъ?

— Нѣтъ. Зачѣмъ же. Не подвергая себя опасности, ему слѣдовало сдѣлать все возможное для спасенія несчастнаго [3]).

---

[1]) Мертвые срама не имутъ и отъ суда свободны.

[2]) Это не такъ. Уставъ предоставляетъ самому часовому рѣшить вопросъ: подвергаетъ ли онъ опасности свой постъ или нѣтъ, рѣшаясь предупредить насиліе.

[6]) Значитъ, разыграть комедію спасенія, а не спасти? И умненько, и осторожненько. Вотъ она эта самая „краснословка, лживка, лукавка, немогузнайка“. „На мѣстѣ: шагомъ маршъ!“ Примѣрно: „отмыкай штыкъ!“ Сирѣчь, показывай, что идешь, но оставайся

— То-есть бѣгать по берегу и воздѣвши руки къ небу кричать о помощи?

— Если ничего другого не оставалось дѣлать?

— Я бы такому идеально разсудительному сторожу—началъ молодой капитанъ, но не кончилъ и только ударилъ кулакомъ по столу.

Нельзя воспитывать въ арміи людей, трусливо прячущихся за букву закона...

При надлежащемъ воспитаніи войскъ, каждый солдатъ, кто бы онъ ни былъ—первѣйшій генералъ или послѣдній рядовой—въ минуты искуса, не убоится за свою шкуру, а поступитъ, какъ подскажетъ ему совѣсть, чувство долга и разумъ. Не убоится онъ отвѣтственности передъ закономъ, какъ и возможности погибнуть.

Герой всегда останется героемъ... Но бываютъ и глупые герои. Ихъ порывы сдерживаетъ законъ: вышелъ изъ предѣловъ своихъ полномочій и нарушилъ законъ во вредъ дѣлу—вздуютъ; дѣло увѣнчалось успѣхомъ, результатъ оправдалъ смѣлое рѣшеніе — „побѣдителя не судятъ“, Такъ рѣшила Великая Русская нѣмецкаго происхожденія..

Во всякомъ случаѣ самая рѣшимость принять на себя отвѣтственность почетна длл военнослужащаго.

И потому, не мудрствуя лукаво, слѣдовало отне-

на мѣстѣ; маши руками около ружья, какъ будто отмыкаешь штыкъ, но его не снимай. Э-эхъ!... у военнаго ни словесъ, ни поступковъ лукавствія не должно быть. Возразившій такъ странно или спорщикъ по натурѣ, изъ самолюбія, чтобы его всегда сверху было, или человѣкъ ужъ слишкомъ осторожный. У него слѣдовало бы попросить категорическаго отвѣта на вопросъ: какъ бы онъ самъ лично поступилъ на мѣстѣ сторожа.

стись къ данному факту проще и по мѣрѣ силъ поощрить геройскій поступокъ сторожа.

Прокурора не бойтесь! Онъ мѣшаться не можетъ: начальство само рѣшитъ вопросъ: наградить ли героя или наказать преступника. Тѣмъ наша служба и велика, и почтенна, что даже простого солдата ставитъ въ необходимость разрѣшать такія жизненныя противорѣчія, какихъ самый совершенный законъ предусмотрѣть не можетъ.

Одностороннее огнепоклонство и его вліяніе на войсковыя занятія въ мирное время [1]).

I.

Было время, когда совсѣмъ въ войскахъ не стрѣляли, а занимались только пріемстикой и шагистикой. Съ принятіемъ нарѣзныхъ ружей пришлось начать стрѣлять, т. е., собственно говоря, приняться за дѣло новое, въ массѣ ни людямъ, ни офицерамъ совершенно неизвѣстное, какъ ни страннымъ покажется это выраженіе въ примѣненіи къ частямъ, которыя были вооружены ружьями и знали что́ такое патронъ и пуля.

Дѣло въ томъ, что ружьями онѣ только пріемы дѣлали, а на ученьяхъ и маневрахъ палили изъ

[1]) По поводу статьи г. ***: „Оцѣнка подготовки войскъ по результатамъ смотровой стрѣльбы“ въ № 593 „Развѣдчика“.

нихъ въ холостую; стрѣлять же никогда, или почти никогда, въ мирное время не стрѣляли.

Для введенія этого новаго отдѣла образованія въ войска начали, какъ и слѣдовало, съ того, что создали особую инспекцію изъ спеціалистовъ по стрѣльбѣ и командировали ихъ періодически, въ заблаговременно назначаемые сроки, по войскамъ, для провѣрки успѣховъ стрѣльбы и исправнаго содержанія оружія. Послѣднее пришлось сдѣлать потому, что пока ружье служило только машиной для пріемовъ и отношеніе къ нему было другое, чѣмъ къ машинѣ для стрѣльбы: для звонкости пріемовъ подпиливали, напримѣръ, гайки, стачивали шомпола, что́ въ машинѣ для стрѣльбы совсѣмъ уже не годится.

По новости дѣла инспекція налегала исключительно на стрѣльбу съ отмѣренныхъ разстояній, не взирая на то, что съ началомъ ея дѣйствій [1]) стали раздаваться голоса, напоминавшіе, что подобная стрѣльба есть только часть дѣла, а не *все* дѣло;

Что *все* дѣло представляетъ стрѣльба съ разстояній неизвѣстныхъ, и притомъ не только съ мѣста, но и при маневрированіи;

Что, сойдясь съ непріятелемъ, нельзя, напримѣръ, утромъ противъ него поманеврировать, въ полдень отмѣрить до него разстоянія и потомъ пострѣлять, вечеромъ штыкомъ поколоть, а нужно все это дѣлать совмѣстно и современно, т. е. сначала сопровождать маневрированіе стрѣльбою, а потомъ,

[1]) Даже нѣсколько раньше. Первое заявленіе относится къ 1858 году.

въ извѣстную минуту, идти на непріятеля въ штыки. Какъ читатель видитъ, тутъ никакой выдумки или новшества не было, а было только памятованіе о томъ, что́ и какъ въ бою дѣлается, и что̀ при мирномъ обученіи забывать не слѣдуетъ, если, конечно, не желать извращенія понятій и солдатъ, и офицеровъ о боѣ вообще и о боевой стрѣльбѣ въ частности.

Но эти голоса остались гласомъ вопіющаго въ пустынѣ—часть вытѣснила цѣлое, или, правильнѣе, о послѣднемъ долго даже и не упоминали: изъ года въ годъ смотрѣли стрѣльбу съ отмѣренныхъ разстояній, проценты попаданія выводились съ точностью до сотыхъ (!) долей и по этимъ процентамъ опредѣлялась мнимая боевая подготовка частей по стрѣльбѣ.

Если въ кои вѣки и смотрѣли стрѣльбу съ разстояній неотмѣренныхъ, то больше для очистки совѣсти; а впослѣдствіи пришлось дѣлать ее еще по другой причинѣ: стали дѣлать нѣмцы — нужно же и намъ. Хотя нужно сказать, что и нѣмцы подѣйствовали не вполнѣ, такъ какъ изъ 9-ти ротъ, обыкновенно инспектируемыхъ въ полку, только одну пускаютъ на стрѣльбу съ неотмѣрныхъ (якобы) разстояній.

На эти грустныя воспоминанія и размышленія невольно наводитъ замѣчательная статья г. ***. Она показываетъ, что за сорокъ лѣтъ мы не только не отрѣшились отъ вреднаго увлеченія, но зарвались по его пути дальше. Изъ нея видно, что стрѣльба [1])

[1]) Все съ отмѣренныхъ разстояній.

обратилась въ своего рода „спортъ“, со всѣми его особенностями, чуть не до своеобразнаго „гандикапа“; что войска относятся къ „критической“ линіи [1]) нервно; что становящіеся ниже этой линіи впадаютъ въ уныніе, а сподобившіеся ее перескочить ликуютъ до украшенія ружей полевыми цвѣтами. Но этого мало: кромѣ узаконенной критической линіи народилась и свирѣпствуетъ еще линія „командирская“, поднятая надъ первой на 15 %. Только перешагнувшіе эту послѣднюю черту, т. е. ставшіе выше „отлично“, ликовали по праву, а не только „очень хорошо“, но даже „отлично“ перестали уже удовлетворять.

При чемъ, спрашивается, во всемъ этомъ бой, боевыя понятія, боевыя требованія? И разумно ли самымъ направленіемъ занятій возбуждать нездоровое соревнованіе, нервирующее людей, въ которыхъ для боя мы должны воспитывать возможно большее [2]) спокойствіе.

Невольно скажешь съ г. ***: „кто можетъ отрицать, что она (командирская линія) не наталкиваетъ, въ угоду болѣзненно настроеннаго стрѣлковаго спеціализма, быть можетъ, даже на преступное небреженіе прочими, не менѣе важными, отраслями боевого дѣла?“ Конечно, наталкиваетъ, иначе и быть не можетъ.

---

[1]) Отдѣляющей стрѣльбу „хорошую“ отъ „ниже хорошей“.

[2]) Конечно, могій вмѣстити да вмѣститъ: человѣка, нервнаго отъ природы, нельзя сдѣлать совершенно спокойнымъ; но, во-1-хъ, можно его успокоить въ мѣрѣ возможности; во 2-хъ, должно избѣгать въ обученіи такихъ повадокъ, которыя и спокойнаго человѣка разнервить могутъ.

Но, можетъ быть, смотры по этой системѣ даютъ хоть приблизительное понятіе о степени подготовки войскъ для боя, не говорю всесторонней, а только стрѣлковой? На бѣду, и этого сказать нельзя: г. *** даетъ на этотъ счетъ драгоцѣннѣйшія указанія: онъ далъ себѣ трудъ сопоставить инспекторскіе отчеты стрѣльбы за нѣсколько лѣтъ и получилъ совершенно неожиданные результаты: такъ, напримѣръ, часть, выбившая въ 1898 году—16,87 %, въ 1899 году выбиваетъ+25,25 %, т. е. между сосѣдними годами разница 42,12 %. И подобное колебаніе произошло отъ вѣтра, даже не особенно сильнаго.

Изъ этой и ей подобныхъ данныхъ (см. статью г. ***) оказывается, что процентная оцѣнка вовсе не даетъ сколько-нибудь вѣрнаго понятія объ искусствѣ стрѣльбы даже съ отмѣренныхъ разстояній. Она представляетъ чистѣйшій самообманъ для однихъ и невинное ариометическое самоуслажденіе вывода процентовъ для инспектирующихъ. А если это такъ, то спрашивается: стоютъ ли подобные проценты ежегодной траты не то что десятковъ тысячъ рублей, въ которые обходится ихъ полученіе, а даже десятковъ копѣекъ?

Къ сомнительной пользѣ и достовѣрности этихъ отчетовъ, нужно прибавить, что и такъ называемая стрѣльба съ неопредѣленныхъ разстояній единственной изъ инспектируемыхъ ротъ является таковою только въ воображеніи инспектирующихъ, такъ какъ она, за крайне рѣдкими исключеніями, производится на тѣхъ же самыхъ поляхъ, на которыхъ проходится учебный курсъ стрѣльбы.

Если припомнить, что всѣ такія поля испещрены

постоянными приспособленіями, какъ-то: трасированными директрисами и линіями огня, закрытіями для махальныхъ и т. п., то и окажется, что неопредѣленныя якобы разстоянія являются совершенно точно опредѣленными для офицеровъ, изъ коихъ многіе практикуются на этихъ поляхъ десятки лѣтъ.

Принявъ это въ расчетъ, невольно спросишь себя: „кого здѣсь надуваютъ?“ [1]). Какъ кого? Сами себя надуваемъ...

———

Показавъ полную несостоятельность современной инспекторской оцѣнки, въ настоящемъ ея видѣ, г. *** предлагаетъ ея исправленіе, т. е. своего рода гандикапъ. Оцѣнивъ вѣтеръ разной силы по 12-тибальной системѣ, онъ вводитъ эту произвольную данную въ процентную оцѣнку и получаетъ, конечно, иной выводъ, пожалуй, даже болѣе справедливый. Намъ кажется, что эти гандикапы ничему не помогаютъ и не подвигаютъ ни на волосъ ни къ боевой стрѣльбѣ, ни къ ея оцѣнкѣ. Вѣдь ихъ можетъ быть много, этихъ гандикаповъ: во-первыхъ, гандикапъ на мѣстность; потомъ одному идти дальше до поля, другому ближе; потомъ, люди въ одной ротѣ слабѣе по физическимъ силамъ, въ другой сильнѣе [2]); потомъ, средняя температура тѣла въ ротахъ тоже разная. Наконецъ, для равенства шансовъ, во время стрѣльбы слѣдуетъ соблюдать строжайшую тишину, какъ требовалъ во время оно

[1]) Извѣстное выраженіе Бомарше: „qui trompe-t-on ici?“

[2]) Что можно вымѣрить динамометромъ.

нѣкоторый магъ и волшебникъ стрѣльбистики, теперь уже усопшій [1]).

Все это нужно принять въ расчетъ для исправленія процентной оцѣнки и все это ни къ чему, ибо она даетъ понятіе о той же самой стрѣльбѣ съ отмѣренныхъ разстояній, представляющей въ бою случай настолько исключительный, что давать ей главную роль въ обученіи значитъ добровольно предаваться вредному самообману.

Если процентная оцѣнка не только ничего не даетъ какъ показатель подготовки войскъ, но даже извращаетъ ихъ взглядъ на характеръ боевой стрѣльбы, то дѣло весьма нездорово и настоитъ необходимость подумать о томъ, какъ бы его оздоровить.

А въ чемъ причины нездоровья, то изъ сказаннаго выясняется достаточно, что причинъ двѣ: существованіе частной инспекціи и заблаговременно назначаемые смотры.

Что инспекціи необходимы, не подлежитъ никакому сомнѣнію: но вопросъ вовсе не въ этомъ, а въ томъ, какія инспекціи и когда нужны?

Въ нашемъ дѣлѣ всякій отдѣлъ занятій требуетъ провѣрки, и какъ нравственнаго стимула для тѣхъ, кто въ ономъ нуждается, и какъ указаній со стороны старшихъ начальниковъ младшимъ, то́ ли они и та̀къ ли дѣлаютъ, какъ слѣдуетъ. Это предпо-

[1]) Ему же принадлежало изобрѣтеніе остроконечнаго желѣзнаго штыря, для увеличенія числа пробоинъ въ мишеняхъ, если, по злонамѣренности пуль, таковыхъ оказывалось мало. Искусство искусствомъ, а исправлять фортуну все же не мѣшаетъ, если она къ намъ несправедлива.

лагаетъ постоянную инспекцію, общую по всѣмъ отдѣламъ образованія.

Но независимо отъ этого еще возникаетъ иногда необходимость учрежденія временныхъ инспекцій: это случается тогда, когда приходится ввести въ войска что-либо новое, или если и не новое, то запущенное. Таковы были въ свое время спеціально-строевыя инспекціи, вызванныя открытіемъ мѣрнаго шага и назначенныя для доведенія строя до идеальнаго совершенства. Онѣ имѣли и свои спеціальныя части, такъ называемыя образцовыя, черезъ которыя всѣ усовершенствованія муштры проводились въ войска.

Въ этомъ же смыслѣ и оправданіе стрѣлковой инспекціи: начавъ работать въ 60-хъ годахъ, она сдѣлала свое дѣло, распространивъ правильныя элементарныя понятія о стрѣльбѣ и о содержаніи оружія. Но дальше она не пошла: къ 80-мъ годамъ она дала все, что могла дать, и съ тѣхъ поръ топчется на одномъ мѣстѣ, ни въ чемъ болѣе не помогая войскамъ и даже причиняя вредъ помѣхою правильному ходу въ нихъ занятій и распространеніемъ превратнаго взгляда, будто стрѣльба съ отмѣренныхъ разстояній есть главная часть въ этомъ отдѣлѣ образованія.

Какъ въ свое время исчезли такъ называемыя учебныя войска и узко-спеціальные строевые смотры, распространивъ повсемѣстно точное строевое образованіе, также точно должна исчезнуть и узко-спеціальная стрѣлковая инспекція, разъ она ограничивается одною стрѣльбой съ отмѣренныхъ разстояній, да сверхъ того мѣшаетъ правильному ходу занятій

другими отдѣлами, благодаря заблаговременному извѣщенію о своихъ смотрахъ.

Можно ли въ наше время упрекнуть войска въ равнодушіи къ стрѣльбѣ съ опредѣленныхъ разстояній? Отнюдь нѣтъ: послѣдній графикъ статьи г. *** показываетъ ясно, что большинство частей скорѣе заслуживаетъ упрека въ обратномъ, т. е. въ усердіи не по разуму къ этому отдѣлу воинскаго образованія въ ущербъ другимъ, въ томъ числѣ и боевой стрѣльбѣ. А если это такъ, къ чему инспекція? Неужели нарушеніе правильнаго хода образованія и умаленіе авторитета прямыхъ начальниковъ настолько желательныя явленія, что для нихъ нужно держать дорого стоющую спеціальную инспекцію?

— Ужъ и умаленіе авторитета начальниковъ! Гдѣ г. М. Д. его выкопалъ?

А вотъ гдѣ:

Вѣдь если, напримѣръ, пріѣзжаетъ изъ сосѣдней дивизіи бригадный командиръ въ мою дивизію повѣрять спортъ пробиванія досокъ съ отмѣренныхъ разстояній, то значитъ я самъ этого не умѣю сдѣлать? Тогда какой же я начальникъ дивизіи? А въ случаѣ чего вѣдь поведу ее въ бой я, и никакой инспекторъ мнѣ въ этомъ помогать не пріѣдетъ? И выходитъ, что судьбу 16-ти тысячъ человѣкъ мнѣ ввѣрить можно, но судьбу стрѣльбы съ отмѣренныхъ разстояній ввѣрить нельзя; не дорось. Самые ярые маніаки стрѣльбы, если они не забыли значенія авторитета начальника въ части и необходимости его поддерживать, а не подрывать, вѣроятно согласятся, что отъ подобнаго смотра начальника

дивизіи бригаднымъ командиромъ поневолѣ у перваго руки опускаются...

Но если бы даже инспекторскіе проценты стоили и больше, то что они могутъ дать для военнаго времени, когда роты наполовину будутъ состоять изъ запасныхъ, а послѣ одного-другого дѣла и съ прибавкою новобранцевъ? Вѣдь тамъ и отличный стрѣлокъ будетъ работать подъ вліяніемъ боевыхъ впечатлѣній... Мнѣ случилось видѣть часть отлично выдержанную, побывавшую не разъ въ дѣлѣ, и хорошо побывавшую, которая стрѣляла, даже не подумавъ поставить прицѣлы. До такой степени мысль о разстояніи и о соотвѣтствующемъ ему прицѣлѣ важно обратить солдату въ такую рутину, чтобы эта мысль мучила его передъ каждымъ выстрѣломъ. И у кого этого нѣтъ, у того стрѣльба будетъ всегда турецкая, не взирая на самые лучшіе инспекторскіе проценты.

Какъ этого достигнуть?

1) Учить настойчиво и усиленно прицѣливанію на всѣ дистанціи и спокойному спуску ударника. Послѣ вечерней и утренней молитвы напоминать: „Береги патронъ: выпустишь издали, подойдешь ближе, тутъ бы и стрѣлять, а стрѣлять нечѣмъ. Береги патронъ“.

2) Учить стрѣлять до предѣльной дистанціи прямого выстрѣла; напрактиковаться на дистанціи, требующей поднятаго прицѣла, нельзя; а кто умѣетъ поставить прицѣлъ и спокойно спустить ударникъ, тотъ и дастъ возможный процентъ попаданія. Опредѣленіе дистанціи—дѣло ротнаго командира; хотя

и всякій солдатъ долженъ быть въ этомъ напрактикованъ.

3) Заблаговременно назначаемыхъ смотровъ по одному какому-либо отдѣлу не допускать. Только инспекторскій смотръ общій, т. е. по воспитанію и по всѣмъ отдѣламъ образованія вмѣстѣ, можетъ быть заблаговременно назначаемъ. Не допускать и частныхъ инспекцій по отдѣламъ образованія укоренившимся. Иначе, для послѣдовательности, нужно завести инспекціи и по маневрированію, и по строю, и по фехтованію, и по гимнастикѣ, и по самоокапыванію, въ дополненіе къ существующей инспекціи стрѣльбы: тогда будетъ можно поручиться, что образованіе войскъ придетъ въ совершенное разстройство. Вѣдь между солдатами эти спеціальности не раздѣляются; каждый изъ нихъ долженъ знать ихъ всѣ одинъ; слѣдовательно и инспектировать ихъ всѣ долженъ тоже одинъ. Тогда нельзя будетъ предаваться одной спеціальности, забывая остальныя.

4) Инспектируется [1]) только стрѣльба съ маневрированіемъ; и конечно не на такихъ мѣстахъ, гдѣ не только офицеру, а и солдату всякая кочка извѣстна.

Можетъ быть не мѣшало бы подумать о сбереженіи ружей и въ разумной мѣрѣ уменьшить отпускъ патроновъ; а то въ погонѣ за хорошими мирными процентами не выйти бы въ кампанію съ настолько разстрѣлянными ружьями, что и сносная дѣйствительность станетъ сомнительна.

Элементарныя повѣрки каждаго отдѣла особо—

[1]) Разумѣется общимъ инспекторомъ.

дѣло частныхъ начальниковъ на домашнихъ занятіяхъ, безъ всякихъ предвареній, а слѣдовательно и приготовленій. Это дѣло громадной важности: вѣдь если занятія ведутся правильно, результатъ долженъ быть хорошъ. Всякій смотръ, заблаговременно назначаемый по одному какому-либо отдѣлу, даетъ два вредныхъ явленія: 1) начинаютъ натаскивать этотъ отдѣлъ, забывая остальные; 2) показываютъ его начальнику въ лучшемъ состояніи, чѣмъ онъ дѣйствительно находится, т. е. получится такъ называемое втираніе очковъ — пріученіе ко лжи тожъ.

II.

Съ великимъ наслажденіемъ прочелъ „Культъ стрѣльбы“ *) г. Лазаревича. Наконецъ, начинаютъ появляться люди, понимающіе, что въ воинскомъ образованіи имѣетъ значеніе достижимое совершенство въ совокупности всѣхъ отдѣловъ солдатской науки, а не въ какомъ-либо одномъ, да и то неполномъ.

Говорю „неполномъ“ потому, что всѣ одержимые стрѣльбоманіей исповѣдаютъ только стрѣльбу съ отмѣренныхъ разстояній; соединенія же стрѣльбы съ опредѣленіемъ разстояній, да еще, чего Боже сохрани, съ маневрированіемъ, они терпѣть не могутъ. Г. Григорьевъ, сѣтуя на то, будто „искусство попаданія въ цѣль ушло впередъ очень мало“, можетъ быть убѣдится въ обратномъ, справившись съ послѣдней графикой статьи г. ***. Изъ нея онъ узнаетъ, что почти вся армейская пѣхота и стрѣлки

*) „Русскій Инвалидъ“ № 28. 1902 г.

стоятъ выше отличнаго, и является сомнѣніе не ушли ли они впередъ уродливо, т. е. въ ущербъ всему остальному; и для достиженія этого мнимаго успѣха не потребовалось вѣдь никакихъ особыхъ наградъ, составляющихъ заботу г. Григорьева. Узнаетъ онъ изъ этой же статьи, что порядочнаго вѣтра достаточно, дабы это совершенство полетѣло кувыркомъ; узнаетъ наконецъ и то, что въ 227 частяхъ, гдѣ была произведена стрѣльба съ маневрированіемъ, нашлось только 8 подполковниковъ, за которыми можно было признать полную распорядительность и знаніе дѣла. Вѣдь техника попаданія немного поможетъ, если толковаго управленія огнемъ нѣтъ. Думать надобно, что у г. Григорьева техника нападанія стоитъ очень высоко, если онъ скорбитъ о недостаточномъ ея совершенствѣ у другихъ. Весьма интересно было бы посмотрѣть, во что обратилась бы его техника при рѣшеніи хотя бы слѣдующей нехитрой задачи: укладка полная; часъ ходу; послѣдніе 300 шаговъ бѣгомъ; стрѣльба съ маневрированіемъ на мѣстности незнакомой; погода благопріятная.

Замѣтка по поводу статьи „Характерныя аттестаціи“. *)

Статья эта напомнила мнѣ далекое прошлое. Я былъ назначенъ состоять въ кампанію 66 года при прусской арміи нѣсколько поздно и, задержанный въ Берлинѣ, попалъ къ Кениггрецу на второй или

*) См. № 54 „Р. Инв.“ 1902 г.

на третій день послѣ битвы. Пришлось въ Берлинѣ явиться въ посольство, получить изъ прусскаго главнаго штаба пропускъ и затѣмъ ѣхать въ армію съ задержками, неизбѣжными и понятными въ тылу большой арміи. Непріятная задержка эта была хоть тѣмъ пріятна, что доставила интересную встрѣчу, разъяснившую происхожденіе аттестацій, теперь появляющихся на свѣтъ Божій. Это была встрѣча съ извѣстнымъ венгерскимъ патріотомъ генераломъ Клапкой и тремя его спутниками, фамилій которыхъ не помню. Клапку я зналъ еще съ 1859 года по Италіи, гдѣ съ нимъ встрѣчался въ Туринѣ у общаго знакомаго.

Отъ Рейхенберга правильное срочное движеніе по желѣзной дорогѣ прекращалось, и нужно было подаваться впередъ наудачу, въ чемъ и когда попало. Посадили меня не то въ товарный, приспособленный для перевозки людей, не то въ третьеклассный вагонъ—теперь не помню. На сосѣднихъ скамейкахъ усѣлось четверо „вольныхъ“. Нѣсколько присмотрѣвшись, я хоть и узналъ Клапку, но, разумѣется, и усомнился: какъ будто онъ, а можетъ быть и не онъ. Съ одной стороны физіономія у него такъ характерна, что забыть ее было нельзя, не взирая на девятилѣтній промежутокъ; съ другой стороны приходило въ голову и то, что встрѣчаются иногда поразительныя сходства между людьми, совершенно чуждыми; а потомъ Италія и Богемія—что общаго? Особенно вспомнивъ, что въ 1849 году Клапка чуть ли не былъ осужденъ на смертную казнь за участіе въ венгерскомъ возстаніи и эми-

гировалъ. Съ чего попадать въ Богемію, т. е. въ Австрію, хотя бы и въ тылу прусаковъ?

Такъ раздумывая, рѣшился, наконецъ, къ нему обратиться:

— Если не ошибаюсь, имѣю честь говорить съ генераломъ Клапка?

— Да; а вы, вѣроятно русскій офицеръ, съ которымъ я познакомился въ Туринѣ, у графа Рот. въ 1859 году?

— Именно.

Затѣмъ разговорились. Онъ, нисколько не скрывая, прямо сказалъ, что ѣдетъ со своими товарищами въ главную прусскую квартиру для переговоровъ съ Бисмаркомъ о содѣйствіи венгровъ пруссакамъ на случай если бы война затянулась. Переговорено было не мало: въ томъ числѣ и объ аттестаціяхъ австрійскихъ генераловъ, которыя сдѣланы венграми для пруссаковъ (которыя теперь напечатаны). По тому, какъ говорилъ объ этихъ аттестаціяхъ Клапка, и что тутъ же досталъ одинъ экземпляръ и вручилъ мнѣ, думаю, что онѣ имъ и составлены. Экземпляръ, мною полученный, былъ въ свое время приложенъ къ одному изъ донесеній моихъ Военному Министру; вѣроятно, онъ и теперь находится при дѣлѣ. На публичныхъ чтеніяхъ въ академіи, зимою 66—67 гг., я цитировалъ эти аттестаціи и одобренія за сіе не получилъ. Тѣмъ менѣе, конечно, могъ я предать ихъ тогда бумажной гласности.

Этотъ эпизодъ интересенъ, между прочимъ, тѣмъ, что бросаетъ свѣтъ на безцеремонность Бисмарка въ выборѣ средствъ для достиженія цѣли;

il faisait flèche de tout bois, какъ говорятъ французы. Онъ не остановился бы передъ тѣмъ, чтобы взбунтовать подданныхъ противъ ихъ законнаго государя, если бы это понадобилось по ходу войны... Весьма нецеремонный былъ онъ человѣкъ относительно принциповъ; и такъ какъ при этомъ онъ всегда совершенно ясно зналъ, чего хотѣлъ, и за двумя зайцами никогда не гонялся, то всегда успѣвалъ и достигалъ великихъ цѣлей.

Клапка съ товарищами, прибывъ въ главную квартиру, оставались при ней до замиренія въ Никольсбургѣ и этимъ замиреніемъ, очевидно, были разочарованы. Хотя автономія имъ была, какъ извѣстно, дарована, и „честный маклеръ“ не совсѣмъ ихъ надулъ, но, вѣроятно, они ожидали большаго.

Обращаясь къ аттестаціямъ, нельзя не сказать, что, за исключеніемъ нѣкоторыхъ ироническихъ выходокъ, ничего не поясняющихъ и излишнихъ въ документахъ этого рода, онѣ могутъ служить образцомъ. Сама же иронія нѣкоторыхъ изъ аттестацій прямо указываетъ на ихъ неказенное происхожденіе. Вѣроятно, Клапка и написалъ, и передалъ ихъ пруссакамъ по собственному почину, а не по приглашенію прусскаго военнаго вѣдомства.

Огнепоклонство, доведенное до идолопоклонства [1]).

Г. А. Н. Р. недоволенъ тѣмъ, что, наконецъ, начинаютъ подниматься голоса противъ увлеченія занятіями стрѣльбой, и не вѣритъ тому, что таковое увлеченіе мѣшаетъ занятіямъ другими отдѣлами образованія.

„Не входя въ детали разбора доводовъ за и противъ увлеченія стрѣльбой, среди которыхъ нѣтъ ни одного обоснованнаго", онъ собирается „возражать лишь по существу дѣла".

Начато кавалерственно и размашисто, но нелогично: вѣдь если онъ въ пользу увлеченія стрѣльбой, то ему какъ будто не приходится возставать противъ тѣхъ, которые на его сторонѣ, т. е. стоятъ тоже за увлеченіе стрѣльбой; между тѣмъ онъ и ихъ доводы признаетъ необоснованными. Какъ же это такъ? Своя своихъ не познаша, что ли?

Съ другой стороны и то удивительно: намъ кажется, что если человѣкъ собирается возражать противъ сочинителей какого-то увлеченія и его вредныхъ послѣдствій по существу, то это возраженіе именно и должно заключаться въ опроверженіи доводовъ людей, имѣющихъ несчастіе не раздѣлять его мнѣній; ничуть не бывало: объявивъ эти доводы не обоснованными, онъ не затрудняетъ себя доказательствомъ своего положенія и совершаетъ такимъ образомъ логическій грѣхъ, именуемый признаніемъ

---

[1]) По поводу статьи „Культъ стрѣльбы", А. Н. Р., въ № 48 „Русскаго Инвалида". 1902 г.

за доказанное того, что еще слѣдуетъ доказать. Но этихъ грѣховъ не одинъ; ниже увидимъ принятіе причины за слѣдствіе и наоборотъ; отнесеніе явленій не къ тѣмъ причинамъ, которыя ихъ вызвали; поползновеніе по частнымъ случаямъ дѣлать общіе выводы. И все это грѣхи не маленькіе для того, кто принимается что-либо доказывать, особенно печатно.

По его мнѣнію, лишнее увлеченіе дѣломъ, хотя бы и чрезмѣрное, не вредитъ; опять же, это нужно доказать, а не принимать за доказанное; такъ какъ возгласы о томъ, будто увлеченіе лишаетъ (?) рутины и заставляетъ яркимъ пламенемъ загораться священный (!) огонь, суть только возгласы, а не доказательства. Сихъ послѣднихъ онъ могъ бы поискать въ пережитомъ нашей арміей увлеченіи строемъ, котораго онъ, вѣроятно не засталъ, но о которомъ, навѣрное, слышалъ. Это увлеченіе повело къ тому, что строй вытѣснилъ совершенно всѣ прочіе отдѣлы образованія. Увлеченіе стрѣльбой разумѣется не можетъ дойти до такого идеала, ибо нельзя дострѣляться до полнаго забвенія ходьбы и строя; но достаточно и того, если оно ослабляетъ занятіе другими отдѣлами и притупляетъ вниманіе къ нимъ начальниковъ, офицеровъ и солдатъ. И что это такъ, пусть г. А. Н. Р. справится въ чужихъ частяхъ, а не въ той, въ которой онъ служитъ, и я увѣренъ, что на десять человѣкъ не найдетъ и двухъ, которые не подтвердили бы, что стрѣльба, особенно передъ смотрами, заставляетъ забывать все остальное. Но это еще только цвѣточки, а ягодки впереди: мы знаемъ часть, въ которой начальникъ,

обходя карцера, освобождаетъ изъ-подъ ареста солдатъ, если они имѣютъ значокъ за стрѣльбу, посаженныхъ не имъ и не за пустячную вину. Найдетъ ли г. А. Н. Р. подобное явленіе нормальнымъ? И не признаетъ ли, что этимъ путемъ увлеченіе стрѣльбой уже вноситъ развратъ не въ образованіе, а въ воспитаніе, ибо подрываетъ авторитетъ низшихъ начальниковъ, а солдату показываетъ, что можно быть безнаказанно и негодяемъ, лишь бы стрѣлять хорошо. Хорошъ священный огонь, не правда ли?

И добро бы г. А. Н. Р. проповѣдывалъ увлеченіе стрѣльбой боевой, нѣтъ: ему дорога и мила только стрѣльба съ отмѣренныхъ разстояній, а маневрированіе и неопредѣленныя разстоянія забываются. Ибо кто, какъ г. А. Н. Р., воображаетъ, будто можно достигнуть ста процентовъ попаданія, тому, что̀ бы онъ ни говорилъ, конечно, грезится только стрѣльба съ отмѣренныхъ разстояній.

Во-вторыхъ, г-ну А. Н. Р. кажется, что „увлеченіе спеціально стрѣльбой, которая, какъ никакъ, а имѣетъ первенствующее значеніе въ бою, что, между прочимъ, показала и доказала англо-бурская война, не только не вредно, но въ высшей степени желательно“.

Для тѣхъ, кто, благодаря одной стрѣльбѣ, получаетъ крупныя повышенія, перескакивая при этомъ десятки сверстниковъ, столь же, если не болѣе его достойныхъ, увлеченіе стрѣльбой не только желательно, но и весьма полезно, устрояя ихъ драгоцѣнное личное благополучіе. Но для службы весьма не полезно, если въ погонѣ за процентами

попутно упускаются изъ виду такіе, напримѣръ, отдѣлы, какъ гарнизонная служба. Что дѣлать принявшему отъ такого проворнаго командира полкъ? Поддерживать ли процентъ, на коемъ сей молодецъ выѣхалъ, или смотрѣть за тѣмъ, чтобы, напримѣръ, часовые не смѣли садиться и проч.? Какъ объ этомъ полагаетъ г. А. Н. Р.? Вѣдь если налегать на все ровно, а въ особенности на воспитаніе, процентъ-то вѣдь понизится... А на смотру скажутъ: „А при такомъ-то было столько-то процентовъ выше отличнаго; жаль, оччень жаль!“ Послѣдствія такого сожалѣнія понятны, если командиръ мало-мальски жидокъ, или хоть и не жидокъ, но одержимъ чинобѣсіемъ: кто себѣ врагъ?

Г. А. Н. Р. признаетъ за стрѣльбой первенствующее значеніе въ бою и ссылается на англо-бурскую войну, которая по его словамъ это показала и доказала; коварный это аргументъ—англо-бурская война; она доказываетъ и показываетъ прямо обратное тому, что ему кажется: именно то, что огнемъ, даже и относительно мѣткимъ, рѣшительныхъ результатовъ достигнуть нельзя. Сколько разъ Буры били Англичанъ и ни разу не воспользовались ни одной побѣдой, не взирая ни на самоотверженіе, ни на знаніе мѣстности, ни наконецъ на то, что имѣютъ дѣло съ наемниками, являющими степень упорства довольно умѣренную; какъ полагаетъ г. А. Н. Р., отчего это произошло?

Въ свою очередь, Англичане нагнали 200—250 тысячъ войска и, не взирая на громадность и личныхъ и матеріальныхъ средствъ, не могутъ справиться съ двумя-тремя десятками тысячъ. Возня тянется

вотъ уже скоро два съ половиною года, стоила Англичанамъ болѣе шести милліардовъ франковъ, а конца ей не видно; ибо частные успѣхи, несопровождаемые рѣшительными результатами, кромѣ взаимнаго истощенія, вѣдь ничего не приносятъ: ни Англичане не могутъ покорить Буровъ, ни Буры не могутъ выгнать Англичанъ изъ Африки. Поразмысливъ нѣсколько надъ этими фактами, не трудно догадаться, что стрѣльба есть средство только подготовительное и слѣдовательно ни въ какомъ случаѣ не первостепенное. Да и признаніе какого-либо средства въ столь сложномъ дѣлѣ, какъ наше, первостепеннымъ, показываетъ, не въ укоръ будь сказано г-ну А. Н. Р., непониманіе этого дѣла. Спрашивается: что въ ружьѣ первостепенно: стволъ, или затворъ, или даже какой-нибудь винтикъ въ затворѣ, безъ котораго онъ не будетъ дѣйствовать? Или тоже въ патронѣ, что́ первостепенно: порохъ ли, пуля, гильза, или наконецъ капсюль? Если хотите, все первостепенно и ничто. Школярскую точку зрѣнія первыхъ, вторыхъ учениковъ и т. д. нужно оставить, разсуждая о боевыхъ элементахъ солдатской науки, а слѣдуетъ ставить каждый изъ нихъ на подобающее мѣсто по присущимъ ему свойствамъ. Съ этой точки зрѣнія было, есть и останется вѣрнымъ то, что уже давно сказано: пуля есть средство подготовительное, штыкъ — средство рѣшительное. Бываетъ, конечно, такъ, что и отъ одной пули бѣгаютъ; бываетъ и такъ, что бѣгаютъ и отъ одного штыка. Разница только въ томъ, что въ первомъ случаѣ возвращаются иногда на слѣдующій же день; а во второмъ долго, иногда и

совсѣмъ не возвращаются. Итакъ, если ужъ примѣнять школярскую оцѣнку къ средствамъ пораженія, то нужно признать первенствующее значеніе за тѣмъ изъ нихъ, которое даетъ результатъ рѣшительный, т. е. за штыкомъ. По нашему же, какъ уже давно сказано, они не исключаютъ, а дополняютъ другъ друга, т. е. одинаково важны и, при разумномъ обученіи, должны пользоваться одинаковымъ вниманіемъ.

Не можемъ не сказать по этому поводу нѣсколько словъ о характерѣ дѣйствій и особенно о стрѣльбѣ Буровъ, о которой г. В. Лазаревичъ совершенно вѣрно замѣтилъ, что розсказни о ея баснословной дѣйствительности заслуживаютъ мало вѣроятія: ибо если бы онѣ были вѣрны, давно ни одного Англичанина въ живыхъ не осталось бы въ Южной Африкѣ. Объясняется это очень просто; не найдется ни одного побитаго, который бы сознался, что засверкалъ пятками по своей личной дряблости; а всегда выходитъ такъ, что это случилось по неодолимому превосходству непріятеля въ чемъ-либо: въ предлежащемъ случаѣ—въ огнѣ [1]). А такъ называемые изслѣдователи принимаютъ это на вѣру, упуская изъ виду, что свидѣтельствуетъ бѣгунъ, которому интересно втереть изслѣдователю очки, а не сообщить объективный фактъ.

Стрѣльба у Буровъ охотничья, т. е. на вскидку, по звѣрю, на прямой выстрѣлъ; сбереженіе патроновъ, такъ сказать, вошедшее въ плоть и кровь, ибо патронъ вѣдь свой, онъ денегъ сто́итъ. Долгой

[1]) Поразительная его сила есть ближайшій родственникъ „свинцовыхъ дождей“ кампаніи 77-го года.

практикой Буръ подавилъ въ себѣ волненіе, нераздѣльное со стрѣльбою по живымъ цѣлямъ; подавилъ и страстную жадность попасть, которая горячитъ и легко ведетъ къ промахамъ. Между такой стрѣлковой выдержкой и выдержкой регулярнаго солдата ничего общаго конечно нѣтъ; у послѣдняго патронъ казенный, жалѣть его нечего; стрѣльба не по звѣрю, а монотонное разбиваніе казенныхъ досокъ, которое нагоняло бы конечно скуку и равнодушіе, не будь надзора, подстегиванья и похвалой и хулой, наконецъ наградъ.

У Буровъ ничего этого конечно нѣтъ; плохо стрѣляешь, иногда и наголодаешься, о какихъ-либо наградахъ и помину нѣтъ, кромѣ развѣ того, что отличные стрѣлки извѣстны на десятки верстъ кругомъ. Однимъ словомъ дѣло, во-первыхъ, вольное, во-вторыхъ охотничье. Да и по натурѣ Буръ неповоротливъ и флегматиченъ, т. е. ближе къ типу лафета, нежели большинство людей другихъ расъ. И потому, разсуждая о солдатской стрѣльбѣ, ссылаться на стрѣльбу Буровъ, даже если бы она была и болѣе дѣйствительна, значитъ сравнивать данныя неоднородныя.

Къ несчастію, противъ звѣря штыковъ не нужно, и ихъ у Буровъ нѣтъ. Отсюда всѣ ихъ бѣды: самые ошеломляющіе успѣхи ихъ надъ Англичанами не вели ни къ чему, ибо ни въ одномъ дѣлѣ не было ни атаки, ни преслѣдованія. Засѣсть на позиціи, непремѣнно укрытой, разстрѣлять въ упоръ, и дѣлу конецъ. Непріятель бѣжитъ. Буръ радуется, а на слѣдующій день повтореніе того же. Однимъ словомъ, охота на Англичанъ; если угодно, забава

войной, но не война. Припомнивъ страшное впечатлѣніе, произведенное на Англичанъ первыми пораженіями, съ большою вѣроятностью можно сказать, что война давно была бы кончена, если бы за этими дѣлами слѣдовало преслѣдованіе, т. е. если бы были штыки; а въ рѣшимости Буровъ пустить ихъ въ ходъ сомнѣваться нельзя, если бы они были.

Вотъ что значитъ штыкъ и что значитъ стрѣльба. Это не умаленіе стрѣльбы и не превознесеніе штыка (какъ нѣкоторымъ кавалерамъ, по временамъ выскакивающимъ изъ подворотни, казалось), а только постановка ихъ въ должное относительное положеніе.

Обратимся, однако, къ статьѣ г. А. Н. Р. Конецъ ея можно охарактеризовать такъ: что ни положеніе, то логическій грѣхъ. По его мнѣнію, увлеченіе стрѣльбой есть кажущееся явленіе, происходящее якобы:

1) Отъ оцѣнки стрѣльбы процентами. Спрашивается: что общаго между какой бы то ни было системой оцѣнки и увлеченіемъ стрѣльбой? И этотъ логическій грѣхъ именуется отнесеніемъ явленія не къ тѣмъ причинамъ, которыя его вызвали. А, говоря правду, увлеченіе, во-первыхъ, не мнимо, а дѣйствительно; во-вторыхъ, происходитъ отъ неумѣренныхъ наградъ за стрѣльбу [1]).

2) Публикованіе отчетовъ по стрѣльбѣ и неимѣніе таковыхъ по другимъ отдѣламъ.—Что общаго между этимъ и какимъ-либо увлеченіемъ?

---

[1]) Воинскія награды должны выдаваться только за совершенство по всѣмъ отдѣламъ, и отнюдь не за совершенство въ какомъ-нибудь одномъ.

3) Слишкомъ низкій процентъ оцѣнки.—А если его поднять, увлеченіе будетъ меньше? Я думаю, оно будетъ больше. Да и почему г. А. Н. Р. признаетъ процентъ оцѣнки низкимъ? Вѣдь это нужно доказать, а не принимать за доказанное.

4) Слишкомъ снисходительный тонъ отчетовъ по стрѣльбѣ. — Опять-таки, если завести подтяжку стрѣлковую на манеръ бывшей строевой, увлеченіе будетъ больше, а не меньше.

Конецъ статьи представляетъ перечень войсковыхъ грѣховъ противъ наставленія; всѣ они взяты, вѣроятно, изъ отчетовъ, но такъ какъ при перечнѣ не упоминается, въ сколькихъ частяхъ тѣ грѣхи были замѣчены, то мы опасаемся, не представляютъ ли эти цитаты опыта общихъ выводовъ по частнымъ случаямъ.

Уставныя и дисциплинарныя недоразумѣнія.

(Отвѣтъ завѣдующему учебной командой шт.-кап. К—ко).

Отвѣтомъ на Ваше письмо будетъ повтореніе не разъ высказанной мысли: не мудрствуйте лукаво, учите просто, не вдавайтесь при воспитаніи солдата въ казуистическія тонкости и внѣдряйте въ подчиненныхъ здравый смыслъ и твердое знаніе своихъ обязанностей, безъ колебаній и уклоненій въ сторону.

Повидимому, Вы преисполнены добрыхъ намѣреній, а не желаніемъ бередить вопросъ; да притомъ Вы не одни, и потому отвѣчаю.

1) „Часовой никого не допускаетъ къ посту безъ

своего разводящаго". Можетъ ли часовой подпустить дежурнаго по полку (по карауламъ) убѣдиться въ цѣлости печатей на денежномъ ящикѣ, или буквально не долженъ подпускать къ посту? Разные ротные командиры толкуютъ разно и, значитъ, учатъ разно, ставя и солдата и дежурнаго въ неловкое положеніе, если таковые встрѣтятся разныхъ толковъ.

Разногласія тутъ быть не можетъ, а если встрѣтится, то по недомыслію. Во-первыхъ, Уставъ въ число обязанностей дежурнаго по карауламъ не включаетъ повѣрки цѣлости печатей; слѣдовательно, если сей дежурный суется въ это дѣло, когда это ничѣмъ особымъ не вызывается, то развѣ для того только, чтобы повеличаться своею властью. Если же почему-либо подобная повѣрка съ его стороны нужна, кто ему мѣшаетъ сдѣлать ее при разводящемъ? Или обидно, что „какого-нибудь хама разводящаго часовой слушаетъ, а меня не слушаетъ"? Такъ эту обиду давно пора спрятать въ карманъ и помнить, что часовой не слушаетъ лицъ и поважнѣе дежурнаго по карауламъ, стоящихъ въ линіи караульнаго начальства. Всѣ подобныя претензіи не болѣе какъ отрыжка того же крѣпостного права, когда офицеръ разумѣлъ себя бариномъ, а солдата подневольнымъ ему мужикомъ, съ которымъ что хотѣлъ, то и дѣлалъ *). Въ Уставѣ совершенно ясно сказано, что часовой у денежнаго ящика никого къ нему не допускаетъ безъ своего разводящаго, а за отсутствіемъ его безъ приказанія караульнаго начальника (§ 155).

Зачѣмъ же изученіе этого яснаго требованія

*) Отсюда же и законъ о подчиненіи солдата всякому офицеру.

запутывать еще вводомъ разныхъ добавленій, да притомъ почему тогда ограничиться дежурнымъ по полку (по карауламъ): почему не распространить это и на другихъ начальниковъ, коимъ подчинены караулы, а то, пожалуй, и на тѣхъ, которые имѣютъ право только повѣрять караулы?

И тѣ ротные командиры, которые толкуютъ, какъ Вы говорите, разно прямую и категорическую статью Устава, доказываютъ этимъ одно: именно то, что для нихъ законъ не писанъ, а дороги имъ ихъ собственныя измышленія. Поступая такимъ образомъ, подобные ротные командиры присваиваютъ себѣ законодательную власть, сами того не подозрѣвая.

Вы приводите картинки:

Подходитъ къ полковому денежному ящику дежурный по полку; часовой, усердствуя показать свое знаніе, останавливаетъ дежурнаго шагахъ въ 10, угрожая даже штыкомъ.

Другая картинка: проѣзжаетъ мимо того же часового извозчикъ (неизбѣжность по обстановкѣ, такъ какъ ящикъ во дворѣ начальника) и останавливается около поста; часовой молчитъ. Оба случая взяты изъ жизни и контрастъ ихъ оттѣняетъ несообразность.

Это относится не къ неточности Устава, а къ усердію не по разуму или дурному воспитанію солдата: вѣдь прежде чѣмъ брать на руку, онъ долженъ отдать честь дежурному, т. е. взять на караулъ. Та или другая особенность постановки часового должна вызвать указаніе въ надлежаще утвержденной табели постамъ, гдѣ излагаются особыя обязанности часового. Если же это упущено, то ревностный дежурный по карауламъ или караульный

начальникъ, замѣтивъ несообразность, донесетъ объ этомъ начальству. Смущаться такими несообразностями не годится, а тѣмъ болѣе нѣтъ надобности вводить по сему какія-либо поправки въ обученіе. А картинка съ извозчикомъ даже и ничего не стоитъ: что можетъ сдѣлать ящику мимо проѣзжающій, хотя и близко, извозчикъ? А въ такомъ случаѣ какой резонъ часовому обращать на него вниманіе? Но надо пользоваться положительными и отрицательными случаями изъ полковой практики для примѣненія *показа* при обученіи.

2) Нарушаетъ ли часовой свои обязанности, допуская дежурнаго убѣдиться, что печати и замки цѣлы, что патроны у часового есть? Или нарушаетъ тогда, когда дежурному, котораго знаетъ и долженъ знать, угрожаетъ штыкомъ? Вѣдь и буква Устава имѣетъ логическія и цѣлесообразныя основанія.

Нельзя вводить двойственности въ обученіе. Учите твердо. Часовой есть лицо неприкосновенное, а чьи приказанія исполняетъ, въ Уставѣ указано точно. Ни дежурный, ни старшіе начальники не имѣютъ права осматривать часового, а также не могутъ быть имъ допускаемы къ осмотру охраняемыхъ замковъ и печатей безъ разводящаго. Дежурный можетъ, что нужно, приказать караульному начальнику, а черезъ него и часовому; если же дѣлаетъ иначе, то или не знаетъ своихъ обязанностей и правъ, или желаетъ испытать часового искусомъ. Въ первомъ случаѣ да будетъ ему стыдно получить урокъ отъ твердаго въ своемъ дѣлѣ часового, а во второмъ случаѣ пусть не прогнѣвается, если, завравшись, получитъ тумака прикладомъ; за это часовой подлежитъ наградѣ, а не

порицанію. Нужно помнить и то, что искусъ есть пріемъ учебный, а не караульно-служебный; онъ настолько же необходимъ при обученіи, насколько неумѣстенъ въ примѣненіи къ дѣйствительному отправленію службы. Знаю случай, какъ одинъ изъ начальниковъ попробовалъ взять у часового оружіе и полетѣлъ отъ толчка на землю. За таковую продерзость часовой тутъ же былъ произведенъ въ унтеръ-офицеры.

Если же часовой, по глупому усердію, какъ въ Вашемъ примѣрѣ, желая показать свою исправность, угрожаетъ дежурному по карауламъ штыкомъ, то дежурный имѣетъ возможность приказать смѣнить его, внушить караулу правильное пониманіе обязанностей, сообщить о происшедшемъ въ часть и т. д. Вы же, г. завѣдующій учебной командой, не вдавайтесь въ тонкости. Учите просто: это всегда лучше, а то сами запутаетесь и малыхъ сихъ собьете съ толку. Не нужно забывать, что часовой облекается правомъ жизни и смерти; уже по одному этому его подчиненность должна быть опредѣлена точно и ограничена строго необходимымъ числомъ лицъ, имѣющихъ право отдавать ему приказанія. Въ уставѣ оно такъ и сдѣлано: Вамъ извѣстно, что на практикѣ часовой знаетъ только того, кто его на часы поставилъ. Остальные прибавлены изъ принципа и на тѣ рѣдкіе случаи, когда разводящій убитъ или умеръ.

3) Какъ понимать: „часовой не долженъ выпускать изъ рукъ ружья“ и „часовой держитъ ружье, какъ ему удобнѣе“. Я толкую, что первое требованіе основано на необходимости имѣть каждый моментъ оружіе готовымъ къ дѣйствію и, значитъ, понимай буквально: не выпускай

изъ пятерни; второе разрѣшеніе, не исключая перваго требованія, имѣетъ цѣлью напрасно не обременять часового. Съ этимъ не соглашаются, придавая большой вѣсъ буквѣ второго правила и не видятъ проступка въ томъ, что часовой держитъ ружье на плечѣ прикладомъ кверху или подъ мышкой, штыкомъ назадъ, или за спиной, поддерживая изгибами локтей.

Конечно, Вы понимаете правильно. Противъ слишкомъ усердно разбереживающихъ букву предѣломъ служитъ здравый смыслъ. У кого онъ отсутствуетъ, тому никакія оговорки въ Уставѣ не помогутъ.

Согласитесь сами, что солдату, если онъ не сошелъ съ ума, не можетъ прійти въ голову держать ружье прикладомъ вверхъ, т. е. взявъ его за штыкъ?! Вѣдь такой курьезъ взятъ не изъ дѣйствительности, а просто кѣмъ-то вымученъ изъ глубины собственнаго духа и предполагаетъ въ надумавшемъ его серьезный умственный вывихъ.

Часовой естественно держитъ ружье или на плечѣ, или у ноги: не можетъ даже взять безъ надобности ни на-руку, ни на-краулъ, ибо это уже значило бы дѣлать ружейные пріемы, что ему запрещено.

Далѣе вопросы Ваши относятся къ области дисциплинарныхъ недоразумѣній.

4) Осмѣливаюсь коснуться еще одного очень важнаго вопроса, уже Вами разъясненнаго; какія приказанія долженъ исполнять солдатъ? Пространныя разъясненія для солдата Вы нашли вредными, забивающими ихъ головы. Такъ ли это? Не исполнитъ солдатъ такое приказаніе, которое долженъ исполнить, идетъ подъ судъ, далѣе въ тюрьму или дисциплинарный баталіонъ, а то и въ каторгу; если исполнитъ то, чего не долженъ исполнять—послѣдствія такія же. Развѣ это не вызываетъ настоятельной необходимости разъяснить, какія приказанія нужно исполнять,

а какія нельзя. Тутъ вѣдь не вопросъ—можетъ или не можетъ, а вопросъ—долженъ или не смѣетъ, т. е. положеніе между молотомъ и наковальней.

При обученіи нижнихъ чиновъ не слѣдуетъ вдаваться въ разсужденія, бередящія сложный вопросъ: какія приказанія должно исполнять, а какія нельзя. Въ № 583 „Развѣдчика“ было уже разъясненіе по сему, а ниже, въ дальнѣйшемъ изложеніи Вашего письма, Вы сами указываете какъ легко запутаться въ понятіи о явнопреступности приказанія не только солдату, но и спеціалисту по части юридическихъ тонкостей:

Что и говорить про насъ, если на этомъ пунктѣ путаются спеціалисты, судьи и юристы. По закону (69 ст. XXII кн.) приказанія явно преступныя не должны исполняться, а это „явно“ вотъ какъ толкуютъ:

Рядовой, будучи въ составѣ конвоя, съ разрѣшенія старшаго конвойнаго, отлучился въ деревню—виноватъ (рѣшеніе Гл. Воен. Суда 1878 г. №113). Такой же рядовой съ такого же разрѣшенія отлучился—не виноватъ (1882 г. 96).

По приказанію караульнаго начальника рядовой принесъ водку въ караульный домъ—виноватъ.

Часовой по приказанію разводящаго ушелъ съ поста—не виноватъ.

По принятому и практиковавшемуся въ части порядку, часовые смѣнялись безъ разводящаго, на этомъ основаніи № смѣнился тоже безъ разводящаго—виноватъ.

Виноватъ тутъ прежде всего начальникъ части, который заводитъ свой уставъ, а не руководствуется Высочайше утвержденнымъ.

Караульный начальникъ выпустилъ арестованнаго, по приказанію помощника дежурнаго по карауламъ—виноватъ.

Рядовой, по приказанію караульнаго начальника, свелъ арестанта въ публичный домъ—не виноватъ.

Рядовой и ефрейторъ при исполненіи обязанности

дежурнаго по ротѣ пользуется правами начальниковъ по отношенію рядовыхъ той же роты (1894 г. № 44).

Они же этими правами не пользуются (1887 г. № 163 и 1891 г. № 22).

Гдѣ же тутъ ясность и явность?

А я вопрошаю: есть ли смыслъ путать въ это солдата?

Но, съ другой стороны, нельзя разсѣчь гордіевъ узелъ, такъ какъ Вы предлагаете:

Развѣ нельзя всѣ эти статьи и руководящія рѣшенія замѣнить одной статьей въ редакціи вашей программы?

Дерзаю думать, что не только можно, но и должно, такъ какъ отъ этого зависитъ ясность, а слѣдовательно и прочность дисциплины. Весь строй дисциплины исключаетъ предположеніе, что законодатель больше довѣряетъ подчиненному, чѣмъ начальнику. Исходя изъ этого, слѣдуетъ исключить для подчиненнаго выраженіе: „приказаніе преступное,—выраженіе, дающее право контролировать старшаго, умничать...“ конечно, я не беру случаевъ „противъ Государя“ —тутъ и безъ уставовъ русскій солдатъ знаетъ какъ поступить... Пусть всегда начальникъ отвѣчаетъ за послѣдствія своихъ всякихъ приказаній, а подчиненный никогда, иначе придется уподобиться силѣ, бьющей стулъ, если о него ушибся ребенокъ.

Это дѣло не такъ просто, какъ Вамъ кажется. Конечно, пора разобраться въ той путаницѣ, которая нынѣ проявляется въ понятіи о явнопреступности приказанія. Пора разобраться и въ вопросѣ—кто собственно считается начальникомъ солдата, имѣющимъ право отдавать ему приказанія. Задача будущаго выразить въ законѣ возможно точнѣе общую идею понятія о явнопреступности приказанія и ограничить до минимума случаи, воспрещающіе подчиненному повиноваться, но законъ долженъ считаться съ природою человѣка и не можетъ не

предвидѣть возможности злоупотребленія данной начальникамъ властью во вредъ основнымъ интересамъ государства.

Формула, предлагаемая въ программѣ обученія молодыхъ солдатъ, для ограниченія повиновенія—„противъ Государя не дѣлай“,—не можетъ быть достаточна для законодателя, но по идеѣ она вѣрна и всѣ отклоненія отъ нея рано или поздно должны быть исключены въ интересахъ воинской дисциплины. Надо надѣяться, что соотвѣтствующія статьи закона будутъ современемъ редактированы съ достаточною ясностью, дабы не было мѣста нынѣ практикуемому широкому толкованію понятія явнопреступности во вредъ основнымъ началамъ воинской доблести и дисциплины.

Пока же не смущайтесь тѣмъ, что не желая вводить солдата въ лабиринтъ юридическихъ тонкостей, Вы подвергаете его опасности подпасть подъ кару закона. Что дѣлать! Подобной случайности вы еще болѣе его подвергнете, если вздумаете набивать ему голову этими тонкостями. Единичныя жертвы неминуемы и въ будущемъ, особенно если лица, власть имущія, не достаточно проникнуты вѣрнымъ воинскимъ духомъ и по недомыслію неподлежаще возбуждаютъ судебныя дѣла противъ подчиненныхъ, забывая основное общее правило, что за послѣдствія приказанія отвѣтствуетъ отдавшій его начальникъ.

Если бы можно было такъ написать законъ, что подъ него подходили бы всѣ частные случаи одного рода, тогда и судовъ бы не нужно было. Но судьи

могутъ ошибаться? Да, могутъ—дѣло человѣческое. Пока изъ людей только одинъ Папа непогрѣшимъ; да и то далеко не всѣ этому вѣрятъ.

Странный вопросъ.

I.

Въ № 601 „Развѣдчика“ г. В. А. оплакиваетъ мнимую гибель стрѣльбы съ отмѣренныхъ разстояній, которой, какъ онъ выражается, подписанъ смертный приговоръ [1]). Преподноситъ онъ свои сѣтованія въ видѣ вопроса: „нужна ли стрѣльба съ отмѣренныхъ разстояній?“ и, разумѣется, доказываетъ, что нужна; развѣ кто-нибудь въ этомъ сомнѣвался и ее отрицалъ?

Съ равнымъ основаніемъ онъ могъ бы доказывать необходимость въ чистописаніи начинать съ крючковъ и палочекъ тѣмъ, которые утверждали бы, что для выраженія мыслей на бумагѣ этимъ ограничиться нельзя, а нужно упражняться въ писаніи буквъ, словъ и впослѣдствіи фразъ. Вѣдь никто противъ первоначальныхъ пріемовъ въ стрѣльбѣ, какъ и въ чистописаніи, не возстаетъ; и доказывать ихъ необходимость — то же, что ломиться въ открытую дверь. Г. В. А. въ этомъ и упражняется, припутывая

---

[1]) Подъ этимъ г. В. А. разумѣетъ, конечно, помѣщенное въ №8 „Русскаго Инвалида“ распоряженіе о передачѣ смотровъ стрѣльбы съ отмѣренныхъ разстояній строевымъ начальникамъ, хотя объ этомъ умалчиваетъ.

къ своимъ сѣтованіямъ и то, что уже совершенно ни къ какой стрѣльбѣ не относится. Такъ, онъ вспоминаетъ равненіе по веревочкамъ и другіе курьезы изъ эпохи увлеченія одной шагистикой, упуская изъ виду, что подобныя веревочки, только въ другомъ видѣ, заводятся и при стрѣльбоманіи, и эти новыя веревочки также отвлекаютъ отъ боевыхъ требованій, какъ и тѣ, которыя были порождены маніей строевой. Одно жаль: перечисляя эти курьезы, г. В. А. включилъ въ ихъ перечень и требованіе знанія заповѣдей Божіихъ; думаемъ, что это не одно и то же и что г. В. А. отъ сопоставленія знанія заповѣдей Божіихъ съ умѣніемъ кричать по курячьи и съ прочимъ могъ бы воздержаться. Тропари, конечно, дѣло лишнее, но, чтобы солдатъ не зналъ заповѣдей Христовыхъ (люби Бога, люби ближняго) и молитвы Господней, этого допустить нельзя, и, слѣдовательно, въ таковомъ знаніи его не повѣрять нельзя, если бы это шло даже въ ущербъ такому великому и священному дѣлу, какъ, напримѣръ, подготовительныя къ стрѣльбѣ упражненія, чего, конечно, нѣтъ. Судя по тому, что г. В. А. вспомнилъ веревочки и то, какъ кошка съ собакою дерутся, онъ, вѣроятно, служитъ давно, и потому можетъ быть ему попадалось свѣдѣніе о томъ, съ какими молитвами новобранцы приходятъ иногда изъ нѣкоторыхъ мѣстностей. Вотъ образчикъ такой молитвы: „Ке въ поли, ке въ мори, ке въ моркотыни, ке въ буркотыни, отсунь, засунь, присунь, яко благъ и человѣколюбецъ“. Это свѣдѣніе попало даже въ печать, не помню сколько лѣтъ тому назадъ.

Какъ полагаетъ г. В. А.: нужно или нѣтъ, при возможности подобныхъ явленій, повѣрять солдата въ знаніи того немногаго, что упомянуто [1]), пока у насъ школа не станетъ менѣе рѣдкою и лучше поставленною?

Съ точки зрѣнія стрѣлкоманіи это можетъ казаться такимъ же пустякомъ, какъ равненіе по веревочкамъ и умѣнье кричать по курячьему; но съ точки зрѣнія гармоническаго, не только образованія, но и въ особенности воспитанія солдата, это совсѣмъ не пустяки и г-ну В. А., мнѣ кажется, слѣдовало бы это помнить. И изъ сопоставленія заповѣдей съ перечисленными имъ курьезами г. В. А. на себѣ можетъ убѣдиться, какъ односторонніе увлеченія извращаютъ весь строй мысли. Для него все пустякъ, что не стрѣльба. Дальше въ извращеніи идти трудно.

Однако, обратимся къ тому, что г-ну В. А. кажется „смертнымъ приговоромъ стрѣльбѣ на измѣренныя разстоянія“. А смертнымъ приговоромъ ему кажется то, что отнынѣ повѣрка этой стрѣльбы передается въ руки строевыхъ начальниковъ! Такъ вотъ въ чемъ дѣло... Корпусному командиру, начальнику дивизіи ввѣряется судьба десятковъ тысячъ людей въ бою; они тамъ будутъ примѣнять всѣ средства для достиженія поставленной цѣли, въ томъ числѣ и стрѣльбу, по своему усмотрѣнію, подъ контролемъ только главнокомандующаго [2]); но

---

[1]) Т. е. двухъ заповѣдей Спасителя и молитвы Господней.

[2]) Инспекціи тамъ не будетъ; ея дѣло мирное, въ бой она не пойдетъ.

возлагать на нихъ повѣрку стрѣльбы въ мирное время немыслимо; они ее погубятъ; поручить имъ *часть* того дѣла, которое они должны знать, и примѣнять въ бою *все* значитъ подписать смертный приговоръ этой части дѣла. Что же это такое? Вѣдь и въ доказательствахъ нужно знать мѣру.

По смыслу сказа г. В. А. выходитъ, что великое и священное дѣло смотровъ стрѣльбы съ отмѣренныхъ разстояній, недосягаемое для строевыхъ профановъ, можетъ быть исполнено только чинами инспекціи или же хотя бы и строевыми, но рукоположенными отъ инспекціи и непремѣнно на двойные прогоны. Если будетъ смотрѣть стрѣльбу человѣкъ, къ инспекціи не принадлежащій, ею не рукоположенный и двойныхъ прогоновъ но получающій, это до добра не доведетъ, хотя бы этотъ человѣкъ даже служилъ въ инспекціи до перехода въ строй; не говоря уже о тѣхъ, которые служили все время въ войскахъ и не хлебнули стрѣлковаго секрета въ святая святыхъ инспекціи. Инспекція освящаетъ все; даже человѣкъ, далѣе мастерскихъ ничего не видѣвшій и ничѣмъ не командовавшій, попадая въ инспекцію, сразу становится спеціалистомъ по стрѣльбѣ и соучастникомъ тайнъ стрѣлковаго благополучія. Вѣдь корпусные командиры и начальники дивизій это дѣти, которыя сами не понимаютъ и не поймутъ всей важности хорошей стрѣльбы, не правда ли? Вѣдь они не возьмутъ въ толкъ, что отъ совершенства ихъ частей въ стрѣльбѣ отчасти будетъ зависѣть успѣхъ или неудача въ бою, а, слѣдовательно, и ихъ собственная репутація, не правда ли? Репутація, не нахлестанная мирными

подвигами пробиванія досокъ, а та подлинная, боевая, которой поддѣлать нельзя процентами попаданія. Вѣдь имъ необходимы няньки, которыя подстегивали бы ихъ періодически и своими смотрами показывали значеніе этого вида пораженія, не правда ли? Чиновникъ отъ стрѣльбы, войскамъ посторонній и за нихъ не отвѣтственный, вѣдь принимаетъ интересы ихъ, конечно, ближе къ сердцу, понимаетъ ихъ лучше, нежели прямые начальники, которымъ суждено жить и умереть съ войсками, не правда ли?

Мы не останавливаемся на подробности разсужденій г. В. А., усиливающагося доказать одно: именно, что азбука стрѣльбы дѣло первостепенное, а все остальное вздоръ; но, чтобы не быть голословными, представимъ нѣсколько образчиковъ этихъ разсужденій.

Ему кажется, что между подготовкой офицера и нижняго чина такая разница, что совмѣщать ихъ въ одинъ смотръ невозможно; намъ же кажется, что отдѣлять офицера отъ нижняго чина въ дѣйствіяхъ, въ которыхъ тотъ и другой въ бою должны идти рука въ руку, нелѣпо. Вѣдь войска обучаются для боя, а не для того, чтобы доставлять удовольствіе подлежащимъ лицамъ удобно ихъ повѣрять. Если большинство проваловъ боевыхъ стрѣльбъ бываетъ по винѣ начальниковъ, то это показываетъ только недостатокъ упражненій въ боевой стрѣльбѣ, а вовсе не то, чтобы можно было въ мирное время инспектировать людей отдѣльно отъ ихъ командировъ. Ставить вопросъ такъ, значитъ не подготовлять части къ бою, а разлагать ихъ, развращать тожъ.

Предложеніе подчинить маневрированіе съ холостыми патронами строгой отчетности боевыхъ стрѣльбъ не имѣетъ смысла, такъ какъ безъ пули и безъ гранаты нѣтъ показанія того, исполняются или нѣтъ всѣ манипуляціи, необходимыя для попаданія въ цѣль. Уже были попытки требовать опредѣлять разстоянія, ставить прицѣлъ и проч. на маневрахъ съ холостыми патронами и зарядами, и это ни къ чему не приводило прежде, не приведетъ и впредь. Вѣдь здравый смыслъ подсказываетъ каждому, что дѣлать все это, когда пули или гранаты нѣтъ, значитъ не дѣло дѣлать, а комедію ломать.

Г-ну В. А. кажется, что ученья съ боевыми патронами обойдутся дорого: опять не то, такъ какъ для этого вовсе не требуется увеличенія отпуска патроновъ, а только другого распредѣленія того, что отпускается. Можно бы, напримѣръ, сдѣлать такъ: для первогодниковъ только одна стрѣльба съ отмѣренныхъ разстояній, для второгодниковъ—$_1/_4$ отпуска на учебную стрѣльбу, $^3/_4$ на боевую; для третьегодниковъ и четырехгодниковъ—10 патроновъ на прямой выстрѣлъ, остальные на боевую стрѣльбу. А затѣмъ нѣтъ основанія освобождать строевыхъ начальниковъ и отъ смотра послѣдней. Конечно, такой курсъ далеко не дастъ съ-ногъ-сшибательныхъ процентовъ, но зато дастъ практику начальникамъ и людямъ въ томъ, что они и въ бою будутъ дѣлать, да и результатами стрѣльбы не будемъ обманывать ни себя, ни другихъ. Кто же не знаетъ, что теперешніе мирные проценты не имѣютъ въ боевомъ смыслѣ рѣшительно никакого

значенія? Но это не все: по г. В. А. на боевой стрѣльбѣ и порча ружей вѣроятнѣе, и песокъ можетъ попасть въ каналъ ствола, и солдатъ небрежно будетъ стрѣлять. Оказывается, значитъ, что даже песокъ противъ боевой стрѣльбы! При ней будетъ всыпаться въ каналъ, а при учебной не будетъ...

Но четвертый аргументъ противъ преимущественныхъ упражненій въ боевой стрѣльбѣ особенно хорошъ: „Если проходить основательно курсъ стрѣльбы на измѣренныя разстоянія, то и времени нѣтъ, не говоря уже о мѣстѣ, для такихъ маневровъ“ (!). До чего можно договориться... Пусть лучше солдатъ выходитъ въ бой неготовымъ къ тому, что ему тамъ придется дѣлать, но не мѣшайте намъ учить не всему дѣлу, а излюбленной нами части этого дѣла.

Съ равнымъ основаніемъ учитель чистописанія, одеревянѣвшій на крючкахъ, палочкахъ и буквахъ, могъ бы возражать противъ скорописи, на томъ основаніи, что красота буквъ потеряется да и времени на скоропись нѣтъ, если основательно проходить курсъ писанія палочекъ, крючковъ и буквъ...

Странное впечатлѣніе производятъ господа разсуждающіе подобнымъ образомъ; все, изучаемое только для боя и только тамъ обрѣтающее свой смыслъ, для нихъ обращается въ объектъ для ихъ повѣрокъ: что не подчиняется цифровой повѣркѣ ими по мѣрѣ силъ и возможности отрицается, считается лишнимъ и даже вреднымъ. Понятія извращаются; первостепенное кажется пустяками;

пустяки выползаютъ на первый планъ. Скоро дойдетъ до знаменитаго: „ничто такъ не портитъ войска, какъ война“. Впрочемъ, для господъ, утверждающихъ, что если заниматься боевой стрѣльбой какъ должно, то учебная стрѣльба ослабнетъ, оно уже и дошло. Не такъ ли же точно маньяки строя относились въ свое время къ стрѣльбѣ?

II.

Въ томъ же нумерѣ „Развѣдчика“ съ удовольствіемъ прочелъ отповѣдь г. Бенклевскаго г. Юнакову, мечтающему о томъ, чтобы школьные успѣхи отражались на судьбѣ офицера чуть не до гробовой доски. Развѣ тѣхъ преимуществъ, которыя школа даетъ за прилежаніе при выпускѣ мало? Развѣ пришло совсѣмъ въ забвеніе, что на службѣ выше всѣхъ наукъ должна стать наука управлять себѣ подобными? И развѣ для этой науки школа что-нибудь даетъ? Развѣ не попадаются ученые ослы, отработавшіе всѣ школьные цензы и для службы никуда не годные? И опять проценты; рѣшительно мы живемъ въ вѣкъ процентоманіи. Двадцать, сто разъ правъ г. Бенклевскій, указывая, что раздѣленіе офицеровъ на какихъ-то перворазрядниковъ и второразрядниковъ можетъ дать только одинъ результатъ: рознь въ полковой семьѣ, самодовольное усыпленіе на школьныхъ лаврахъ въ однихъ, равнодушіе не безъ примѣси враждебности въ другихъ. Но проценты, г. Банклевскій, проценты; ахъ, какъ жаль, что къ такимъ даннымъ нельзя примѣнить процентовъ. Вѣдь здравомысліе не для всѣхъ

осязательно, а процентъ то ли дѣло! Какъ бы хорошо было, если бы процентъ на усыпленіе, процентъ на равнодушіе, процентъ на враждебность, да еще съ выводомъ до сотыхъ долей!..

Причины неудачъ австрійскихъ войскъ въ кампанію 1859 года *).

Осматривая Сольферинскую позицію, невольно спрашиваешь себя на каждомъ шагу, какая возможность брать подобныя позиціи, а тѣмъ болѣе отдавать ихъ, особенно, когда чтеніе даже французскихъ рапортовъ показываетъ, что атака ведена была не всегда съ желаемой и возможной подготовкой и должна была стоить страшныхъ усилій и потерь.

Примѣчаніе. Это въ особенности видно изъ рапорта маршала Бараге д'Илье, который говоритъ „L'opiniâtre résistance de l'ennemi, les forces considérables qu'il nous opposait, et les defficultés que présentaient à la 2-me division le terrain trés retréci des attaques et les feux croisés du mamelon aux cyprès et du cimetière contre lequel plusieurs charges au pas de course avaient vainement été tentées, me forcèrent á engager la division Bazaine. Le 1-er régiment des Zouaves et bientôt après le 34-me vinrent appuyer la 2-me division; l'ennemi couvrit nos colonnes de feux d'artillerie, de mousqueterie et de fusées et tenta á plusieurs reprises des retours offensifs sur nos deux flancs". „Упорное сопротивленіе непріятеля, его значительныя силы и затрудненія, которыя представляла весьма стѣсненная мѣстность атакамъ 2-й дивизіи, а равно перекрестный огонь съ кипариснаго холма и кладбища, дѣлавшій

*) Писано изъ Турина 11-го іюля 1859 г. Напечатано въ „Развѣдчикѣ" въ 1903 г.

тщетными наши усилія овладѣть ими, заставили меня ввести въ дѣло дивизію Базена. 1-й полкъ зуавовъ и вслѣдъ за нимъ 34-й поддержали 2-ю дивизію; непріятель покрылъ наши колонны артиллерійскимъ, ружейнымъ и ракетнымъ огнемъ и многократно пытался переходить въ наступленіе противъ нашихъ фланговъ". (Очевидцы говорятъ, что ни одного не было сдѣлано австрійцами). „Le 37 fut aussi lancé en avant. Le cimetière arrêtait tous nos éfforts; voyant qu'il était indispensable de démolir cet obstacle, je donnait l'ordre d'y faire brèche, etc.", т. е.: „37-й полкъ былъ тоже устремленъ впередъ. Кладбище останавливало всѣ наши усилія; видя, что было необходимо разрушить эту преграду, я далъ приказъ пробить въ ней брешь" и т. д. Невольно рождается вопросъ: почему же не сдѣлать бы этого прежде, а не послѣ того, какъ три полка были посланы одинъ за другимъ, на невозможную атаку? Не говоря объ атакахъ предшествующихъ, сдѣланныхъ дивизіей л'Амиро? Наконецъ рѣшились пробить брешь, и то, что прежде не могли сдѣлать съ 9 баталіонами, исполнилъ одинъ, 78-го полка.

Сольферинская позиція (какъ ее занимали австрійцы) состоитъ изъ двухъ частей: сѣверная образуется холмами, идущими отъ Кастильоне къ Вольта, параллельно берегу озера Гарда; южная представляетъ совершенную равнину, въ которую сказанные холмы ниспадаютъ крутыми скатами, безъ постепеннаго перехода.

Цѣпь холмовъ перерѣзана глубокими поперечными лощинами, составляющими естественныя оборонительныя линіи противъ наступающаго отъ Кастильоне; она имѣетъ узломъ своимъ высоту Сольферинской башни, отъ которой снова повора-

чиваетъ на западъ и кончается крутыми скатами въ разстояніи отъ башни шаговъ 900. Этотъ заворотъ въ формѣ подковы образуетъ совершенный бастіонный фронтъ, котораго 1-я куртина—высота Сольферинской башни, представляющая уступъ для расположенія сильной батареи артиллеріи; 2-я куртина—часть деревни Сольферино, расположенная въ котловинѣ, образуемой заворотомъ: кладбище съ одной и Кипарисный холмъ съ другой стороны.

За Сольферино креты холмовъ становятся нѣсколько шире, не такъ круты покатости, но оборона ихъ можетъ быть ведена не менѣе упорно, чему способствуетъ раздѣленіе цѣпи холмовъ поперечными лощинами, какъ и до Сольферино, и значительнымъ количествомъ разбросанныхъ по высотамъ фермъ.

Такимъ образомъ, Сольферинскіе холмы составляютъ, такъ сказать, двѣ серіи позицій: ключъ первой—Сольферинская башня; второй—отдѣльная высота Фонтана, командующая холмами между Сольферино и Кавріана.

Понятны выгоды, даваемыя подобною позиціею: высоты, занятыя артиллеріей и пѣхотой, составляютъ преграду, способную остановить самую неудержимую энергію; равнина, ими фланкируемая, открываетъ обширное поприще атакамъ кавалеріи, которыя при удачѣ, особенно поддержанныя пѣхотой, могли повести къ прорыву французской арміи въ центрѣ. Такимъ образомъ всякій родъ войска находилъ на этой позиціи именно то, что ему необходимо для полнаго развитія своихъ рессурсовъ.

Если взять къ этому въ расчетъ, что высоты исчерчены траншеями для стрѣлковъ, почти всегда фланкируемыми съ командующей стороны другими подобными же траншеями, если вспомнить, что ко встрѣчѣ съ непріятелемъ на этой мѣстности готовились многіе годы, что наконецъ для французовъ это была неожиданная встрѣча, нельзя не признать огромныхъ преимуществъ на сторонѣ австрійцевъ. Высоты за Сольферино усилены были съ тою же тщательностью. Монте Фонтана увѣнчана была сомкнутой траншеей, приспособленной со стороны, обращенной къ равнинѣ, для орудій.

Не смотря на все это, сказанная позиція была взята. Чему приписать подобное отсутствіе стойкости австрійскихъ войскъ передъ французами, аттакующими обыкновенно не только не въ сомкнутомъ строѣ, какъ его привыкли принимать въ мирное время, но даже въ страшномъ, по австрійскимъ понятіямъ, безпорядкѣ?

Конечно, причина этому не въ характерѣ національностей, составляющихъ австрійское государство: каждому извѣстно, что, взятыя отдѣльно, онѣ дали, и не разъ, доказательства высокой военной энергіи.

Нельзя также отнести успѣхъ французовъ нарѣзной артиллеріи; извѣстно, что на главномъ пунктѣ, т. е. у Сольферино, она употреблена была далеко не раціонально, и имѣй противъ себя французы на этомъ пунктѣ войско съ большей иниціативой, ихъ не спасла бы отъ пораженія никакая нарѣзная артиллерія.

Остается слѣдовательно искать причину пораженія австрійцевъ въ ихъ политической и военной системѣ.

Австрійское правительство, положивъ въ основаніе своей системы подозрительное недовѣріе къ народностямъ, находящимся подъ его рукой, тѣмъ самымъ поведено было къ тому роковому убѣжденію, что нравственная независимость и достоинство личности—зло. Это убѣжденіе имѣло слѣдствіемъ упадокъ моральной стороны даже въ той силѣ, на которую оно смотритъ какъ на единственный залогъ своего существованія, т. е. въ войскѣ.

Дѣйствительно: разъ нравственная независимость и достоинство управляемыхъ признаются зломъ, которое въ благоустроенномъ государствѣ не можетъ быть терпимо, необходимо возникаетъ стремленіе выводить это зло по мѣрѣ силъ и возможности, благопріятствуя возможно большему распространенію добра ему противоположнаго, т. е. покорности. Отсюда, въ гражданскомъ быту порабощеніе личности административной бюрократіей, остающейся всегда правою въ Австріи при столкновеніи съ управляемыми: результатъ совершенно логическій—признаніе покорности, какъ основной добродѣтели въ быту государственномъ.

Понятно, что подобная система при самыхъ, благопріятныхъ обстоятельствахъ къ ея примѣненію можетъ повести только къ апатіи и къ извращенію понятій о правѣ, справедливости и другихъ основахъ общественнаго порядка; она притупляетъ

нравственную энергію личности, показывая послѣдней ея ничтожество на каждомъ шагу презрѣніемъ къ самымъ законнымъ ея притязаніямъ:

Солдатъ взятый изъ подобной сферы, уже вполовину, такъ сказать, поврежденъ; онъ чрезвычайно легко подчиняется всѣмъ возможнымъ требованіямъ, но уже это одно должно бы показать, что личная энергія—единственная сила, которая дѣлаетъ хорошаго солдата, въ немъ убита. Къ несчастію, приверженцы покорности во что бы то ни стало видятъ въ этомъ совершенно противное и не только не останавливаютъ, но напротивъ довершаютъ въ военной сферѣ свое разрушительное дѣло, полагая, что именно въ безусловномъ безмолвіи солдата и заключается верхъ совершенства. Отъ солдата требуютъ повиновенія не во имя великихъ обязанностей, на него возлагаемыхъ, но во имя самаго повиновенія, ставя его во главѣ всѣхъ обязанностей. Для побужденія его къ исполнительности, обращаются не къ его разсудку, но напротивъ, стараются показать на каждомъ шагу, что онъ разсуждать не долженъ. Такимъ образомъ, мало-помалу, чувство долга замѣняется страхомъ наказанія; человѣкъ обращается въ животное, исполняющее по навыку то, чему оно было обучено; дисциплина, изъ средства къ благоустройству военнаго быта, обращается въ конечную цѣль его. Если послѣ этого что-нибудь и остается отъ человѣка, то уже конечно не благодаря системѣ, а на зло ей.

Старшему недостаточно повиновенія, необходимаго для исполненія существенныхъ обязанностей

службы, ему нужны особыя знаки выраженія почтенія, которые вскорѣ становятся въ число важнѣйшихъ обязанностей; мелочныя отступленія наказываются съ такою же строгостью, какъ дѣйствительные проступки. Дѣлается это въ предположеніи, что точность въ исполненіи мелочей естественнымъ образомъ ведетъ къ добросовѣстному исполненію серьезныхъ обязанностей; практика показываетъ, къ несчастію совершенно противное: утрачивается понятіе о различіи между существенною и второстепенною стороною службы и начинаютъ исполнять не то, что важнѣе, а то, что виднѣе. Порядокъ, блестящій по наружности, подточенный въ существеннѣйшихъ основаніяхъ, продолжаетъ удивлять своимъ мнимымъ совершенствомъ до первой военной катастрофы, которая разомъ раскрываетъ пропасть подъ ногами и ни одного средства спасенія: ошибки, тянущіяся вѣка, разомъ не исправляются. Одно спасеніе для арміи, воспитанной такимъ образомъ, представляется въ живомъ чувствѣ національности, въ инстинктивномъ благоговѣніи ко всему тому, что составляетъ палладіумъ народной славы и народной гордости: извѣстно, что въ австрійской арміи нѣтъ и не можетъ быть этой великой связующей силы.

Явленія послѣдняго времени, представленныя Австріей, подтверждаютъ сказанное съ неопровержимой очевидностью въ военной, какъ и въ гражданской области. Они заключаются: 1) въ истощеніи рессурсовъ страны безъ всякой пользы не только для народа, но и для правительства; 2) въ общемъ

унынiи и неудовольствiи не только Венгрiи и славянскихъ провинцiй, но даже и нѣмецкихъ. Въ военной области: на крѣпости издерживаются громадныя суммы, а потомъ ихъ бросаютъ безъ боя; армiя превосходно обучена маневрированiю, занятiю крѣпостныхъ позицiй и укрѣпленiю ихъ, изучаетъ мѣстности, на которыхъ должны произойти вѣроятныя встрѣчи, угадываетъ эти мѣстности [1]), но побѣда бѣжитъ отъ нея съ неизмѣннымъ постоянствомъ.

Нельзя не признать въ подобномъ положенiи симптомовъ, весьма напоминающихъ нѣкоторыя эпохи въ исторiи Восточной имперiи.

Обращаясь къ воспитанiю войскъ собственно, замѣчаемъ то же самое явленiе—систематическое уничтоженiе личной энергiи и находчивости въ солдатѣ и стремленiе замѣнить ихъ совершенствомъ обученiя.

Солдатъ не смѣетъ разсуждать, слѣдовательно нужно обучить его такъ, чтобы ему не приходилось думать, а только безсознательно исполнять выученное. При этомъ упускаютъ изъ виду, что въ военномъ дѣлѣ есть части, которымъ мирной репетицiи сдѣлать нельзя, и тѣмъ болѣе начинаютъ заниматься тѣмъ, что допускаетъ эти репетицiи. Отсюда: 1) упражненiе солдатъ въ повторенiи того, что не составляетъ существенной стороны дѣла, но нравится взору: 2) маневры, имѣющiе цѣлью не показанiе въ общихъ чертахъ, какъ

---

[1]) Аустерлицъ, Сольферино.

согласуются движеніе и дѣйствія войскъ, но стройность движеній въ той мѣрѣ, въ какой ее невозможно достигнуть въ виду непріятеля; 3) стремленіе обучить войска не тому, какъ нужно дѣйствовать при встрѣчѣ съ непріятелемъ вообще, но именно при встрѣчѣ у Сольферино, у Монтекіаре, у Риволи. Такимъ образомъ дошли до крайней степени совершенства: дѣлали репетиціи не парадовъ, а сраженій, подготовляли къ нимъ и войска и мѣстность исподволь; не было крета не усиленнаго траншеей, офицера не знавшаго мѣстность какъ свои пять пальцевъ.

Къ чему привелъ этотъ способъ обученія? Солдаты и начальники, привыкнувъ повторять одно и то же, такъ сказать приглядѣлись къ нему. Основная цѣль всѣхъ упражненій—бить врага—утрачена, и всякое изъ нихъ стало само себѣ цѣлью.

Приходитъ война: солдатъ перебѣгаетъ отъ траншеи къ траншеѣ, какъ перебѣгалъ на маневрахъ, уклоняясь рѣшительной встрѣчи; удержать ее—это для него не вопросъ жизни и смерти; залечь за нею, пострѣлять, а потомъ убѣжать, это просто пріемъ, какъ всякій другой, какъ, напримѣръ, ружейный. Онъ привыкъ отступать на маневрахъ, когда на него наступаютъ, и исполняетъ то же самое въ дѣлѣ, гдѣ не только наступаютъ, но еще выгоняютъ штыкомъ тѣхъ, кто не торопится отступать.

Привычка къ стройности, столь удивляющая на мирныхъ маневрахъ, приводитъ къ тому, что офицеры и солдаты теряются при первыхъ выстрѣлахъ, ее нарушающихъ; пріученные смотрѣть на малѣй-

шее нарушеніе сомкнутости почти какъ на бѣдствіе, они деморализованы той степенью безпорядка, которую французы даже при мирныхъ маневрахъ называютъ порядкомъ.

Привычка обноситься постоянно укрѣпленіями привела къ тому, что солдатъ только на нихъ и сталъ надѣяться и терялся, разъ ихъ не видалъ. Мало того: онъ не считалъ преграды достаточно сильною, если только она его не совершенно отдѣляла отъ непріятеля. Это въ особенности обнаружила манера ихъ защищать дома: она заключалась въ одномъ—въ пораженіи приближающихся огнемъ; разъ дверь выломана, австрійцы бросаютъ оружіе и сдаются въ плѣнъ.

И послѣ нѣсколькихъ лѣтъ тщательнаго обученія, располагавшаго, конечно, къ высокому мнѣнію о собственномъ искусствѣ, войска замѣчаютъ при первыхъ выстрѣлахъ, что не въ состояніи соблюсти выученное,—и въ половину побиты, когда битва еще не начиналась.

Излишнее упражненіе въ мирномъ маневрированіи развиваетъ при всемъ этомъ недостатокъ, страшный по своимъ послѣдствіямъ — это, если можно такъ выразиться, чувствительность начальствующихъ лицъ къ тактическимъ и стратегическимъ вліяніямъ. Офицеры, судимые обыкновенно на маневрахъ на основаніи теоретическихъ правилъ, не имѣя возможности имѣть единственнаго законнаго *) въ военномъ дѣлѣ судью—успѣхъ, невольно

*) Особенно для субалтернъ-офицеровъ.

принимаютъ убѣжденія въ родѣ того, что разъ обходъ сдѣланъ, все кончено; что когда отрѣзанъ, остается одно—капитулировать и тому подобныя.

Зуавы не получали никогда выговоровъ въ мирное время за безразсудство атаковать батарею, прикрытую превосходными силами, съ фронта [1]) и поэтому сохранили способность изумлять міръ подобными безразсудствами на войнѣ...

Вредъ основательнаго мирно-военнаго образованія, какъ и естественно, долженъ былъ наиболѣе обнаружиться подъ командою генерала, не выходящаго изъ ряда, какъ Гіулай, и слѣдовательно совершенно подверженнаго привычкамъ окружающей среды.

Въ первый періодъ кампаніи Гіулай съ изумительной полнотой и точностью продѣлалъ все, что только обыкновенно дѣлается на мирныхъ маневрахъ: наводилъ и снималъ мосты, строилъ укрѣпленія, наблюдалъ строго обязанности аванпостной службы и проч. Разница съ мирными маневрами заключалась только въ болѣе сильныхъ реквизиціяхъ и въ контрибуціяхъ.

Трудно открыть во всѣхъ его дѣйствіяхъ иную цѣль кромѣ этой; припоминая ихъ, нельзя не видѣть, что всѣ они носятъ на себѣ общій характеръ повѣрки войскъ въ знаніи своего дѣла, а не исполненія какого-нибудь серьезнаго плана.

И думать надобно, что повѣрка должна была удовлетворить генерала и отдѣлкой, и быстротой

---

[1]) Какъ они сдѣлали при Палатро.

работы, особенно фортификаціонной; съ 29-го апрѣля по 30-е мая были укрѣплены: Виджевано, Мортара, Роббіо, Страделла; устроены тетъ-де-поны: въ Верчелли, С.-Мартино, передъ Павіей.

Объ объемѣ этихъ работъ можно судить по тому обстоятельству, что Санъ-Мартинскій тетъ-де-понъ, построенный на пунктѣ, гдѣ Австрійцы не ожидали нападенія, имѣетъ протяженіе 3,200 шаговъ [1]). Промѣривъ его самъ, я имѣлъ случай видѣть, что работа была сдѣлана по всей линіи съ такою тщательностью, какую не всегда можно встрѣтить и на практическихъ работахъ.

Но можно сказать положительно, что всѣ эти укрѣпленія не стоили союзникамъ ни одного человѣка. И причина понятна: не было ни умѣнія, ни желанія драться за возведенными валами; этому основательное мирное образованіе не учитъ, а разучиваетъ: заключая все въ окаменѣлыя формы, подведенныя подъ теоретическія сентенціи, оно убиваетъ послѣднюю предпріимчивость въ войскахъ и въ начальникахъ. И доказательство этому въ послѣдующихъ дѣйствіяхъ австрійцевъ.

Союзники открываютъ кампанію фланговымъ движеніемъ въ 5 переходовъ, въ разстояніи отъ центра австрійской арміи не болѣе 24-хъ верстъ, въ самомъ опасномъ мѣстѣ, т. е. у Новары; Гіулай не только не думаетъ ему помѣшать, но бросаетъ неодолимыя позиціи и съ поспѣшностью отступаетъ за Тичино. Что могло его остановить отъ движенія

[1]) Этотъ тетъ-де-понъ представляетъ непрерывную линію, не дающую никакой возможности къ переходу въ наступленіе.

на Новару, въ разрѣзъ французской арміи? Бывъ отброшенъ на свои собственныя позиціи въ случаѣ разбитія, онъ не рисковалъ многимъ, имѣя пути отступленія на Виджевано и Павію обезпеченными; и, напротивъ, въ случаѣ успѣха, онъ ставилъ союзную армію въ самое критическое положеніе. Нельзя не вспомнить, разбирая эту кампанію, великой замѣтки маршала саксонскаго [1]), что, генералы, привыкшіе къ мирному порядку, „не зная дѣлать на войнѣ, что должно, дѣлаютъ то, что умѣютъ“. Гіулай совершенно подтвердилъ это своими дѣйствіями въ Ломеллинѣ.

Давно извѣстно, что нѣтъ ничего вреднѣе, какъ теоретическій педантизмъ въ примѣненіи къ практикѣ: онъ внушаетъ страшную самоувѣренность, разъ правила исполнены; самоувѣренность, доходящую до надежды навести страхъ на непріятеля всѣми противопоставляемыми ему выгодами мѣстности или соображеннаго плана. И оно дѣйствительно такъ бываетъ, когда непріятель одержимъ болѣзнью тактической чувствительности; но приходитъ войско, не только не поклоняющееся идолу теоріи, но въ низшихъ чинахъ даже иногда не подозрѣвающее о его существованіи; оно не углубляется въ изслѣдованіе выгодъ и недостатковъ позиціи, оно знаетъ одно: что позиція должна быть взята, и увѣрено, что она будетъ взята. Встрѣча съ подобными войсками совершенно сбиваетъ съ толку мирно выученныхъ: отъ излишней увѣренности, они переходятъ

[1]) Mes reveries. Marèchal de Saxe.

въ другую крайность; позиція, казавшаяся имъ совершенною, не годна, какъ только она не останавливаетъ непріятеля; о людяхъ, стоящихъ на этой позиціи, во всемъ этомъ, конечно, нѣтъ и помину: основное обученіе мало-по-малу приводитъ къ привычкѣ не защищать позиціи, но на нихъ смотрѣть какъ на естественную защиту.

Легкость сдаванія почти недоступныхъ позицій австрійцами особенно рѣзко подтверждается Маджентскимъ боемъ, въ которомъ французы овладѣли сразу не только нагорнымъ берегомъ, но и мостомъ, и только встрѣтили сопротивленіе въ домахъ по ту сторону Навиліо-гранде. Австрійцы не знаютъ, что такое защита позицій на-смерть; по выраженію одного французскаго офицера, „они сражаются не съ тѣмъ, чтобы побѣдить, но чтобы только сдаться съ военными почестями“ (avec les honneurs de la guerre). И эта минута опредѣляется атакою въ штыки. Можно бояться палки капрала больше чѣмъ непріятельской пули [1]), но нельзя ея бояться больше непріятельскаго штыка. Отъ того-то употребленіе послѣдняго и кажется имъ варварской манерой сражаться.

И тутъ-то открывается, что извѣстный афоризмъ нашего великаго Суворова: пуля—дура, штыкъ—молодецъ, всегда былъ и будетъ вѣчной истиной: въ какой бы степени огнестрѣльное оружіе усовершенствовано ни было, штыкъ и только одинъ

[1]) Основной принципъ дисциплины Фридриха II, господствующій и понынѣ въ австрійской арміи, хотя и не признаваемый можетъ быть оффиціально.

штыкъ останется представителемъ нравственной энергіи солдата. Упрекали иногда сказанный афоризмъ въ отрицаніи военнаго искусства, говорили, что онъ безсмыслица съ изобрѣтеніемъ коническихъ снарядовъ. Но, спрашивается, можно ли принимать въ буквальномъ смыслѣ слова, сказанныя человѣкомъ, который иначе не говорилъ, какъ метафорами? Не раціональнѣе ли предположить, что подъ штыкомъ онъ разумѣлъ не оружіе, а того, кто имѣетъ довольно силы духа, чтобы сходиться на разстояніи штыка.

Обращаюсь къ предмету, прося извиненія въ невольномъ отступленіи. Въ большей части случаевъ австрійцы исполняли предшествующія бою движенія неоспоримо съ бо̀льшимъ искусствомъ, нежели союзники. Это въ особенности подтверждается маневромъ колонны Жабо подъ Палестро; но приходитъ минута удара, и самое это искусство имъ обращается въ гибель именно отъ того, что слишкомъ хорошо желая подготовить атаку, не рѣшились оставить безъ исполненія нѣсколько пунктовъ инструкціи или устава.

Генералъ Жабо, назначенный обойти правый флангъ піемонтцевъ, исполняетъ превосходно и счастливо это назначеніе, если вспомнить переправу по узенькому мосту цѣлой бригады пѣхоты и батареи и неожиданное ихъ появленіе на сказанномъ флангѣ. Уже самая переправа и оставленіе въ тылу непроходимаго препятствія даютъ право думать, что генералъ не обманывалъ себя насчетъ своего положенія и ясно видѣлъ, что только рѣшительнымъ

ударомъ можетъ избѣжать опасности быть опрокинутымъ въ каналъ. Вмѣсто этого, онъ строитъ боевой порядокъ, прикрываясь Сезіеттою, и начинаетъ обстрѣливать Палестро. Для войскъ, подобныхъ австрійскимъ, этого, конечно, было бы достаточно, чтобы довершить побѣду; сардинцы сильно даже подали назадъ свой правый флангъ; но являются три баталіона зуавовъ, съ фронта атакуютъ бригаду съ батареей, прикрытую Сезіеттой и расположенную на командующемъ берегу, и все бѣжитъ передъ ними.

Зуавы расположены, конечно, объяснять это тѣмъ, что имъ никто сопротивляться не можетъ; но, разсматривая дѣло со стороны, можно приписать успѣхъ одному: австрійцы такъ хорошо выучены тому, далѣе чего на маневрахъ нельзя идти, что о рѣшительной встрѣчѣ штыкомъ къ штыку забываютъ; она представляется для нихъ неожиданностью, какъ это ни покажется страннымъ. Пріученные къ репетиціямъ каждаго движенія, каждаго шага, они сходятся лицомъ къ лицу съ той стороной дѣла, которой нельзя дѣлать репетицій и, конечно, оказываются несостоятельными.

Какъ это ни грустно, но нельзя не сравнить обученныхъ такимъ образомъ солдатъ съ кавалерійскими лошадьми, которыя, привыкнувъ останавливаться при мирныхъ атакахъ по приближеніи къ карре, дѣлаютъ то же самое въ военное время. Аналогія эта вѣрна тѣмъ болѣе, что человѣкъ цѣлой стороной своего бытія есть животное, и въ характерѣ усвоиваемыхъ привычекъ подходитъ къ нему

тѣмъ болѣе, чѣмъ другая его сторона, духовная, сильнѣе подавлена.

Примѣчаніе. Подъ Сольферино австрійцы дрались упорнѣе; но, во-первыхъ, къ этому располагало присутствіе императора; во-вторыхъ, въ эпоху Сольферино для австрійской арміи началось уже серьезное военное образованіе; такіе уроки, какъ Маджентскій и Палестринскій, даромъ не проходятъ.

Громадную разницу между системой воспитанія французскихъ и австрійскихъ войскъ лучше всего показываетъ Маджентское сраженіе, въ сравненіи его съ Палестринскимъ. Подъ Маджентою дивизія гвардейскихъ гренадеръ, взявъ высоты, мостъ и прилежащія зданія, осталась безъ поддержки по крайней мѣрѣ три часа, прижатая тыломъ къ каналу. Австрійцы могли сдѣлать съ нею то же самое, что зуавы сдѣлали подъ Палестро съ бригадою Жабо. Разница была въ томъ, что Навиліо-гранде шире, чѣмъ Сартирана, набережная его выше, что дивизія французская была уже утомлена и что утвержденіе австрійцевъ на пунктѣ ею взятомъ, грозило гибелью не одной бригадѣ, но ставило въ критическое положеніе всю союзную армію. Всѣ эти причины могли бы, повидимому, побудить австрійцевъ къ энергическому усилію и, несмотря на это, горсть гренадеровъ и зуавовъ остановила ихъ натискъ на нѣсколько часовъ. Въ обоихъ случаяхъ всѣ выгоды были на сторонѣ австрійцевъ, и въ обоихъ случаяхъ они были побиты, Могутъ возразить, что Маджентская позиція быле взята не безъ упорнаго боя; если взять въ расчетъ огромный перевѣсъ силъ, бывшій на сторонѣ австрійцевъ, въ особенности

первые два или три часа, и раздѣльность усилій французовъ, то это упорство представится далеко не такимъ сильнымъ, какъ кажется это съ перваго взгляда.

Примѣчаніе. Въ началѣ французы имѣли у Маджентскаго моста не болѣе 8 тысячъ (въ рапортѣ St-Jean d'Angely показано не болѣе 5,000, но это, вѣроятно, ошибка; иначе пришлось бы принять баталіоны въ 450 человѣкъ); къ 6-ти часамъ прибыли: дивизія Винуа (10 тысячъ) и бригада Пикара (5 тысячъ). У Макъ-Магона съ гвардейской вольтижерской дивизіей было не болѣе 35 тысячъ; все вмѣстѣ составляетъ не болѣе 58 тысячъ. У австрійцевъ было тысячъ около 80 (3-й, 5-й, 2-й и 7-й корпуса).

Въ чемъ причина успѣха французовъ? Почти исключительно въ великой доблести солдата. Если разсматривать предшествующую кампанію чисто съ точки зрѣнія искусства, помимо политическихъ обстоятельствъ, убившихъ иниціативу въ одной, развившихъ ее до высшей степени въ другой арміи, должно признать за австрійцами полное преимущество. Во всѣхъ встрѣчахъ они были въ превосходномъ числѣ, вездѣ они имѣли выгоды мѣстности на своей сторонѣ; о сторожевой службѣ и говорить нечего: какъ извѣстно, въ этомъ отношеніи французовъ всегда не трудно было перещеголять.

Но обращаясь къ исходу встрѣчъ, нельзя не признать, что онъ не особенно располагаетъ къ вѣрѣ въ авторитетъ собственно военнаго искусства и невольно заставляетъ сказать съ Суворовымъ: „пуля дура, штыкъ молодецъ“ или съ Жомини: „первое и главное въ военномъ дѣлѣ, это—искреннее желаніе драться“. Бѣглый обзоръ кампаніи, какъ она

была ведена союзниками, покажетъ это совершенно ясно. Фланговое движеніе отъ Вогеры къ Новарѣ, съ котораго, собственно, начинается кампанія, есть единственный ея эпизодъ, вполнѣ отвѣчающій требованіямъ здравой теоріи, не только по идеѣ, но и по исполненію. Піэмонтская армія начинаетъ движеніе фронтальной переправой черезъ Сезію: этимъ движеніемъ она достигаетъ двухъ цѣлей: образуетъ боковой авангардъ и въ то же время вводитъ австрійцевъ въ заблужденіе насчетъ истиннаго направленія главныхъ силъ. Достигнувъ Новары, французы составляютъ новый боковой авангардъ и тѣмъ окончательно обезпечиваютъ отъ случайностей успѣхъ своего плана [1]).

Но исполненіе имѣвшихъ мѣсто боевыхъ встрѣчъ едва ли можетъ быть признано раціональнымъ. Подъ Палестро все искусство подготовки было рѣшительно на сторонѣ австрійцевъ; подвигъ зуавовъ, великій въ своей безыскусственности, останется какъ безсмертное свидѣтельство энергіи и ея значенія въ военномъ дѣлѣ, но ужъ, конечно, не можетъ быть поставленъ въ примѣръ разумнаго преодолѣнія препятствій. Подъ Маджентою рѣшено сдѣлать переправу на двухъ пунктахъ въ виду противной арміи: это подвергаетъ французовъ, наткнувшихся на превосходныя силы, опасности быть разбитыми по частямъ. Слишкомъ ранняя атака гвардейской дивизіи у Маджента и положеніе, въ какомъ она находилась въ теченіе нѣсколькихъ часовъ, испол-

[1]) Насколько это въ военномъ дѣлѣ возможно.

нивъ превосходно эту атаку, подтверждаютъ сказанное съ достаточной очевидностью. Мало того, атака гвардейскихъ гренадеръ начата, когда ближайшіе резервы находились отъ нихъ въ разстояніи по крайней мѣрѣ трехъ часовъ (считая съ посылкою приказанія). Едва ли можно назвать раціональнымъ подобное употребленіе силъ.

Подъ Сольферино видимъ въ одномъ изъ маршаловъ странное упорство посылать пѣхоту на такую атаку, которая безъ подготовки артиллеріею рѣшительно была невозможна; разумѣемъ атаку кладбища, окруженнаго каменной стѣной въ сажень слишкомъ высотою, и которое при томъ занимало узкій кретъ во всю его ширину, примыкало съ сѣвера къ крутому скату, съ юга получало пушечную фланговую оборону со стороны Сольферинской башни. Наконецъ, все сраженіе носитъ характеръ фронтальнаго столкновенія.

Все сказанное даетъ право заключить, что кампанія была выиграна солдатами, а не генералами [1]), это подтверждается и тѣмъ еще, что ни одно сраженіе не измѣнило ощутительнымъ образомъ стратегическаго положенія противныхъ сторонъ. Сами французскіе офицеры говорятъ [2]), что были увѣрены въ возобновленіи боя у Маджснты на слѣдующій день: мысль не приходившая, вѣроятно, въ голову французамъ послѣ, напримѣръ, Іены. Подъ Сольферино было бы то же самое, если бы предшествую-

[1]) Это не относится къ герцогу Маджентскому.

[2]) Разумѣется, не подозрѣвая, къ какому это приведетъ заключенію.

щіе успѣхи не привели французовъ къ непоколебимой увѣренности, что австрійцы передъ ними ничего не значатъ.

Объ битвы напоминаютъ тѣ страшно кровопролитныя, которыя не были послѣдуемы никакимъ дѣйствительнымъ результатомъ, какъ Прейсишъ-Эйлау, Бородино и т. п. Это фронтальныя столкновенія, отъ коихъ при малѣйшемъ равновѣсіи нравственныхъ силъ противниковъ, обоимъ бываетъ одинаково больно.

Правда, оба сраженія были послѣдуемы весьма рѣшительными результатами, но они опредѣлились нравственными пороками политической и военной системы австрійцевъ, а отнюдь не стратегическими соображеніями французскаго военачальника. Миланъ оставленъ потому, что боялись бунта, линіи Адды и Кіезе—потому, что не надѣялись на войско. Послѣ сраженія Сольферинскаго оставили линію Минчіо опять-таки вслѣдствіе неувѣренности въ войскѣ—естественнаго слѣдствія того, что въ немъ нѣтъ чувства національности, а личная доблесть уничтожена вмѣстѣ съ личнымъ достоинствомъ [1]).

Французская система составляетъ съ австрійской діаметральную противоположность: въ ней всего

---

[1]) Въ обществахъ цивилизованныхъ только человѣкъ, уважающій себя, можетъ быть дѣйствительно храбръ. Въ первобытныхъ обществахъ храбрость возбуждается кровожадностью, жаждою добычи, презрѣніемъ ко всему иностранному. Разъ эти побужденія ослаблены развитіемъ интеллектуальной стороны, необходима самостоятельность ея, чтобы человѣкъ былъ въ состояніи преодолѣть чувство самосохраненія во имя долга, а эта самостоятельность и уваженіе къ личности—синонимы.

меньше ожидаютъ отъ обученія, всего больше отъ личной находчивости и энергіи людей. Французы поняли нравственную независимость индивидуума не зломъ, какъ въ Австріи, но единственнымъ источникомъ военной доблести; у нихъ личность святыня, особенно во всемъ томъ, что касается ея самолюбія. Не только имъ въ голову не придетъ наивная мысль уничтожать щекотливость самолюбія во имя теоретическаго понятія о дисциплинѣ, напротивъ, они готовы поступиться ею во всѣхъ мелочахъ, и этимъ-то именно сберегаютъ силу и энергію солдата на серьезное самоотверженіе, которое не предписывается, а можетъ быть только у личности не придушенной, уважающей себя.

Они инстинктомъ поняли, что дисциплина, какъ цѣль, сама по себѣ налѣпость; что она должна существовать исключительно какъ средство, и въ этомъ смыслѣ дѣйствуетъ благотворно только до извѣстной степени развитія, за которою становится положительно вредною, ведя войска къ апатіи или къ неудовольствію, смотря по характеру народа.

Перехожу къ частностямъ примѣненія этого принципа, показывающимъ лучше всего съ какимъ изумительнымъ инстинктомъ націи, по превосходству военной, французы предугадали все способствующее возможно большему возбужденію нравственныхъ силъ въ войскѣ. Эти частности тѣмъ болѣе заслуживаютъ глубокаго вниманія съ нашей стороны, что представляютъ, и не разъ, знаменательное сходство съ преданіями, завѣщанными намъ

великимъ знатокомъ русскаго сердца—незабвеннымъ геніальнымъ Суворовымъ.

Обученіе не начинается съ уничтоженія въ рекрутѣ послѣдней вѣры въ себя [1]), но, напротивъ, въ возможно сильнѣйшемъ развитіи того убѣжденія, что онъ молодецъ, которому въ свѣтѣ нѣтъ подобнаго. Разъ первоначальное обученіе кончено, къ нему возвращаются, такъ сказать, только изъ приличія, по преданію, не особенно настаивая на совершенствѣ исполненія; и солдаты не скрываютъ, и начальники знаютъ, что это очень скучно и собственно дѣлу не помогаетъ, но по рутинности, свойственной французскому характеру въ весьма сильной степени, продолжаютъ „повторять зады“, хлопоча объ одномъ,—о возможномъ сокращеніи теряемаго на это времени. При томъ цѣлая половина года (зима и осень) проходитъ совершенно безъ ученій, которыя замѣняются военными прогулками, дѣлаемыми разъ въ недѣлю.

Примѣчаніе. Маршалъ Кастелланъ замѣнялъ ихъ иногда экзерциціей, весьма заслуживающей вниманія: обученіемъ пѣхотинцевъ садиться верхомъ за кавалериста, къ чему, какъ извѣстно, иногда прибѣгаютъ. Въ то же время это пріучаетъ и кавалеристовъ къ военному взгляду на свое дѣло и обязанности.

Характеръ маневровъ въ массѣ совершенно тотъ

---

[1]) Передъ самой войной мнѣ случилось видѣть въ Венеціи ученіе австрійскихъ рекрутъ: не могу выразить, какое тяжелое оно произвело на меня впечатлѣніе; не говоря о томъ уже, что преподавались учебные шаги, грубый тонъ командъ и замѣчаній долженъ былъ показать рекрутамъ, какъ они ничтожны предъ всемогуществомъ капрала, и какъ они должны бояться его, независимо отъ того, правы ли они или виноваты.

же, что и одиночныхъ ученій: ими даютъ понятіе начальникамъ и солдатамъ о совокупномъ движеніи и расположеніи массъ, нисколько не заботясь ни о тонкомъ исполненіи, ни о строгомъ соблюденіи уставныхъ и даже тактическихъ правилъ. Это тѣ же promenades militaires, только въ боевомъ порядкѣ вмѣсто походнаго. Рядомъ съ этимъ идетъ африканское образованіе войскъ. Много тысячъ людей стоила имъ Алжирія, но эта жертва принесла обильный плодъ. Постоянная смѣна (каждыя пять лѣтъ) войскъ, тамъ расположенныхъ, проводитъ черезъ эту пустынную землю всю французскую армію и не позволяетъ командирамъ частей, забывая истинныя военныя преданія, обращаться къ мирно-военному педантизму.

Африкѣ французская армія обязана своими переносными шатрами, тѣмъ, что куда бы ни пришла, она вездѣ дома, раціональнымъ устройствомъ обозной, походной, госпитальной, наконецъ, даже продовольственной и кухонной частей. Африкѣ она обязана тѣмъ, что солдатъ привыкаетъ быть предоставленнымъ самому себѣ и созрѣваетъ нравственно до той степени, что въ послѣднюю кампанію были примѣры частей, потерявшихъ всѣхъ своихъ офицеровъ и, несмотря на это, достигавшихъ возложеннаго на нихъ назначенія. Такое явленіе идеалъ совершенства, до какого только можетъ достигнуть армія, и оно возможно только тогда, когда въ самыхъ рядахъ ея находятся руководители, въ случаѣ недостатка оффиціально признанныхъ.

Наконецъ, Африкѣ же французская армія обя-

зана образованіемъ лучшихъ своихъ генераловъ. Война мелкихъ стычекъ и необходимость изучить противника своего, совершенно непохожаго на европейскаго солдата, ставятъ тамъ офицера въ самостоятельное положеніе съ подпоручичьяго чина и даютъ ему возможность выказать свою энергію и распорядительность; понятно, какъ это должно развивать привычку командовать дѣльно, и не покажется удивительнымъ, если скажу, что у французовъ не недостатокъ, а излишество въ кандидатахъ на командованіе частями, умѣющихъ ловко вести ихъ въ огонь.

Въ тоже время это даетъ случай высшимъ начальникамъ съ ранней поры знать на перечетъ энергическія и способныя личности. Нѣкоторые полагаютъ, что мелкая война стычекъ не приготовляетъ къ командованію массами и къ пониманію операцій европейской войны. Едва ли это вѣрно: она пріучаетъ къ хладнокровію и распорядительности въ опасныя минуты, а это главное. Гіулай прекрасно понимаетъ, вѣроятно, войну на картѣ и дѣйствія массами по мирному положенію, что ему немного помогло въ эту кампанію. Ней не въ состояніи былъ понять разницы масштабовъ картъ и всегда билъ австрійцевъ и пруссаковъ.

Примѣчаніе. Французы полагаютъ, что достоинство нашихъ войскъ (которое они весьма высоко ставятъ, особенно послѣ Крымской кампаніи) опредѣляется кавказской практикой и никакъ не хотятъ вѣрить, что мы не пользуемся этой школой, предоставляя ее исключительно одному постоянному корпусу.

Дисциплина. Почитателямъ нѣмецкой послѣ-

довательности, соблюденія, одинаково строго, важнѣйшихъ военныхъ обязанностей, какъ и мелочей военнаго приличія и быта, французская дисциплина покажется послѣдней степенью разврата, до котораго только войско дойти можетъ. Солдатъ ходитъ растегнутъ, отвѣчаетъ и даже довольно круто, если его въ чемъ-нибудь задѣнутъ, позволяетъ себѣ обижаться, если старшій съ нимъ слишкомъ нецеремоненъ и находитъ даже удовлетвореніе своей жалобѣ на послѣдняго, если она основательна. Не говоря уже о томъ, что онъ не только имѣетъ свой franc-parler (который нашъ Суворовъ хотѣлъ развить въ солдатѣ преслѣдованіемъ немогузнайства), но иногда и не особенно засуетится, когда офицеръ проходитъ: иногда даже и не приложится.

Но тотъ же офицеръ пошлетъ его на вѣрную смерть, и онъ не пойдетъ, а полетитъ, тотъ же офицеръ скажетъ ему что-нибудь для него сдѣлать, и онъ исполнитъ это съ тою предупредительностью и радушіемъ, которыя такъ часто напоминали мнѣ нашего солдата.

Нѣтъ ни малѣйшей холодности, недовѣрчивости въ отношеніяхъ, ни малѣйшаго стремленія со стороны солдата дать имъ, такъ сказать, юридическій характеръ—отдавать начальству должное по закону и не болѣе; напротивъ, до тѣхъ поръ пока офицеръ вѣжливъ, солдатъ готовъ себя положить, лишь бы быть ему пріятнымъ. Отъ этой дисциплины и до австрійской, которая требуетъ, чтобы подчиненный иначе какъ „съ покорностью“ ничего не смѣлъ докладывать начальству, — очень далеко, почти

столько же, сколько отъ результатовъ, ими полученныхъ въ сдѣланную кампанію, до тѣхъ, которыя достигнуты французами.

Тѣмъ не менѣе, по наружности французская система отношеній дѣйствительно пугаетъ, какъ будто давая слишкомъ ужъ большой просторъ солдату. Но это только по наружности: вглядѣвшись пристальнѣе, открываемъ, что этотъ просторъ имѣетъ чрезвычайно точно очерченные предѣлы въ области обязанностей солдата. Онъ существуетъ исключительно въ томъ отдѣлѣ ихъ, который можно назвать отдѣломъ военныхъ приличій. Наказанія за несоблюденіе ихъ существуютъ легкія, но въ то же время неизбѣжныя; никто не думаетъ вводить ихъ въ число серьезныхъ обязанностей, никто не воображаетъ, что дисциплина падаетъ, если солдатъ не застегнулъ пуговицы или забылъ приложиться, и въ то же время всякій почитаетъ долгомъ послать его за это на нѣсколько дней подъ арестъ. Рядомъ съ этимъ несоблюденіе чего бы то ни было относящагося къ службѣ собственно,—наказывается безпощадно.

Военныя, какъ и всѣ вообще приличія—дѣло чисто условное: то, что считается приличнымъ у однихъ, иногда составляетъ верхъ дерзости у другихъ. Такая измѣнчивость лучше всего показываетъ, что въ этихъ отношеніяхъ мало существеннаго. Разъ входимъ въ область серьезныхъ обязанностей, эта измѣнчивость исчезаетъ: во всѣхъ арміяхъ заснуть на часахъ, оставить свой постъ, отвѣтить изъ фронта и т. под. считается преступленіемъ, и

обыкновенно гораздо строже наказывается въ тѣхъ изъ нихъ, которыя по наружности болѣе распущены.

Все сказанное обнаруживаетъ, что французская дисциплина зиждется на двухъ глубоко-раціональныхъ основаніяхъ:

1) Признаніе въ служебномъ быту двухъ сторонъ, существенно различныхъ по важности: это собственно военныя обязанности и военныя приличія. Строгая дисциплина должна составлять охранительную силу только первыхъ. Признаніе это тѣмъ болѣе замѣчательно, что существуетъ практически, безъ освященія закономъ положительнымъ. Сколько можно судить по преданіямъ, Суворовъ всѣмъ своимъ поведеніемъ съ солдатами показалъ, что онъ также признавалъ эту разницу: онъ балагурилъ съ ними, обѣдалъ, пѣлъ пѣтухомъ, — факты, способные возмутить всякаго генерала австрійской школы, — и въ то же время жертвовалъ жизнью людей даже въ мирное время [1]).

2) Человѣческой энергіи дана извѣстная мѣра: кто хочетъ сохранить ее на великіе подвиги, тотъ долженъ остерегаться притуплять ее изъ-за мелочей.

Результаты того и другого порядка дисциплины обнаружены съ достаточной доказательностью послѣдней кампаніей, въ которую австрійцы имѣли вездѣ перевѣсъ въ томъ, что составляетъ мертвое искусство; французы, напротивъ, могли противопоставить одно искреннее желаніе драться, и они одо-

---

[1]) Для обученія кавалеріи атакамъ.

лѣли. Этотъ успѣхъ есть протестъ не противъ искусства, но противъ претензіи замѣнить однимъ имъ независимую и разсуждающую личность.

Нужно ли говорить, что въ австрійской арміи даже чины, призванные къ самостоятельной дѣятельности, бываютъ большею частью заражены нравственною болѣзнью, тяготѣющей надъ войскомъ? Пріученные къ безмолвію и неключимому повиновенію со стороны подчиненныхъ, они теряютъ способность разумно встрѣчать какое-либо противодѣйствіе и неминуемо должны быть поколеблены тѣмъ, которое имъ приходится преодолѣвать въ дѣлѣ. Только этому можно приписать тѣ ребяческія басни, которыя австрійское начальство не устыдилось распространять въ теченіе всей кампаніи, съ наивной надеждой поддержать ими нравственную силу солдатъ.

Такъ, вначалѣ старались ихъ увѣрить въ томъ, что имъ придется имѣть дѣло только съ піэмонтцами, что французы не придутъ; затѣмъ, когда въ этомъ увѣрять было трудно послѣ полученныхъ доказательствъ противнаго,—что французы предаютъ смерти всѣхъ плѣнныхъ. Наконецъ, передъ Сольферино былъ распущенъ слухъ, что будто въ Верону прибылъ имъ на помощь 50-ти тысячный русскій корпусъ. Не напоминаетъ ли подобная ребяческая ложь стратеговъ, рекомендуемыхъ византійскими писателями эпохи паденія? И нужно ли говорить, что при первой же встрѣчѣ съ противникомъ она производитъ впечатлѣніе, противоположное тому,

на которое разсчитывали, показывая при томъ солдатамъ, что и ихъ начальники боятся французовъ?

Французскій начальникъ находится въ иномъ положеніи: онъ долженъ быть всегда настороже противъ щекотливости подчиненныхъ; это задаетъ ему постоянную умственную работу или для того, чтобы ловко обойти эту щекотливость, или для того, чтобы возбудить ее въ высшей степени, когда этого требуетъ польза службы. Эта постоянная мирная борьба не мало способствуетъ и развитію духовной стороны въ начальникахъ, и изученію ими свойствъ солдата.

Не только въ обученіи и дисциплинѣ, но въ системѣ производства, наконецъ, даже въ организаціи частей, все направлено у французовъ къ тому, чтобы возбудить личную находчивость и предпріимчивость. Не рѣшаюсь говорить теперь объ этихъ предметахъ, потому что и безъ нихъ вышелъ уже за предѣлы письма.

Такимъ образомъ, французская и австрійская арміи представляютъ два полюса: одной необходимы позиціи, укрѣпленія, оборона, другая иначе не дѣйствуетъ какъ наступательно; въ одной пришли къ уничтоженію индивидуальности, въ другой къ презрѣнію научной стороны дѣла; одна думаетъ перестрѣлять непріятеля изъ-за закрытій, не сходясь съ нимъ на дистанцію штыка; другая только о томъ и думаетъ, какъ бы сойтись на эту дистанцію, не взирая на препятствія и даже не всегда заботясь о разумномъ преодолѣніи ихъ. Нечего и говорить, которая изъ этихъ двухъ односторонностей предпо-

чтительнѣе, но все же она односторонность и притомъ далеко не изъятая отъ весьма важныхъ недостатковъ.

Замѣтка господину, котораго фамилію не разобралъ.

Вы находите, что у насъ конницы много; я нахожу, что ея мало. Вы находите, что она нужна только для развѣдокъ и преслѣдованія; я нахожу, что она нужна и въ бою, особенно въ послѣдній его періодъ. Вы ссылаетесь на нѣкоторыя кампаніи, гдѣ она, по вашему мнѣнію, была безполезна, не обращая вниманія на то, въ чьихъ рукахъ она была. Увидавъ обращеніе какого-нибудь невѣжды съ геодезическимъ примѣръ инструментомъ, вы вѣроятно нашли бы, что инструментъ никуда не годится, а не то, что орудовать имъ нельзя невѣждѣ. И чѣмъ инструментъ тоньше, тѣмъ это вѣрнѣе. Вы находите, что всякій кавалеристъ годенъ только въ личные адъютанты, что занятіе кавалерійскихъ офицеровъ—пьянство, разгулъ, прожиганіе родительскихъ денегъ; я же нахожу, что глупые и умные, кутилы и воздержные бываютъ во всѣхъ корпораціяхъ; и что если вы это валите на однихъ кавалеристовъ, то производите одно впечатлѣніе: именно то, что вы на нихъ очень сердиты. За что?—Не знаю. Не погладилъ ли васъ который нибудь изъ нихъ противъ шерсти? Если это такъ, то, конечно, за такую продерзость нужно не то,

что уменьшить количество конницы, а и совсѣмъ ее уничтожить.

P. S. Прошу извиненія, фамиліи не разобралъ; а адресъ написанъ четко. Извините также, что не исполняю вашего требованія отвѣтить на ваше развязное письмо въ газетѣ, въ которой никогда ничего не писалъ.

Счетъ часовъ въ суткахъ до 24-хъ.

Объясненіе необходимости принять въ полевой военной перепискѣ счетъ часовъ до 24-хъ, сдѣланное нами въ ноябрѣ 1901 года [1]), повидимому, никого не убѣдило; появилось нѣсколько возраженій противъ такого счета и ни одного заявленія въ пользу его. Одному изъ возражавшихъ показалось даже болѣе предпочтительнымъ дѣлить сутки не отъ 12-то до 12-ти, а отъ 6-ти до 6-ти часовъ.

Силы рутины намъ извѣстна; извѣстна и сила недомыслія, укрывающагося за надежнымъ щитомъ рутины; я не отвѣчалъ на эти возраженія потому, что, собственно говоря, нечего было отвѣчать. Когда вы доказываете: такая-то привычка вредна и опасна; ибо можетъ повести къ катастрофѣ, а вамъ на это возражаютъ: и не вредна и не опасна, потому что мы къ ней привыкли,—то что же тутъ отвѣчать?

Тогда мы занялись другимъ, такъ сказать академическимъ или теоретическимъ, вопросомъ: въ чемъ причина столь единодушнаго противодѣй-

*) См. „Развѣдчикъ“ № 585.

ствія предложенію не новому, вполнѣ раціональному и осуществленіе коего не представляетъ никакой трудности?

По недолгомъ размышленіи причина нашлась; дѣло все въ томъ, что критическая точка полуночи, т. е. окончанія однѣхъ сутокъ и начала другихъ, въ общежитіи не имѣетъ значенія, ибо не отражается въ обыденной жизни ни на какихъ распоряженіяхъ.

Въ оффиціальной перепискѣ на дальнія разстоянія, часы никогда даже и не упоминаются, а проставляется только число; всѣ приглашенія, требующія обозначенія часа, дѣлаются обыкновенно днемъ, весьма рѣдко раннимъ вечеромъ и только въ исключительныхъ случаяхъ ночью, да и то въ предѣлахъ одного города, т. е. на небольшія разстоянія. Однимъ словомъ въ полночь люди или спятъ, или же если и бодрствуютъ, то вслѣдствіе приглашеній, полученныхъ въ теченіе предыдущаго дня.

Все это показываетъ, что точка полуночи въ общежитіи совершенно индифферентна, и невниманіе къ ней если и можетъ повести къ недоразумѣнію, то развѣ къ самому безобидному, легко поправимому и ужъ конечно не имѣющему характера катастрофы. При такомъ значеніи или, правильнѣе, отсутствіи значенія полуночи въ общежитіи, неудобствъ отъ одноименности каждой пары часовъ, совершенно между собою различныхъ, не ощущается; и предложеніе дать каждому часу свой номеръ дѣлаетъ впечатлѣніе если не пустого, то по меньшей мѣрѣ ненужнаго, безразличнаго.

По счастію, есть область дѣятельности, въ которой, какъ и у насъ, суточный счетъ времени имѣетъ вовсе не шуточное значеніе, ибо и въ этой области — именно въ желѣзнодорожной — прогульныхъ или сонныхъ часовъ нѣтъ, а приходится работать цѣлыя сутки безъ перерыва.

Вслѣдъ за появленіемъ моей замѣтки о счетѣ часовъ въ „Развѣдчикѣ“, г. Н. Верховской прислалъ мнѣ свой отчетъ „О двадцатичетырехъ-часовомъ циферблатѣ по отношенію къ исчисленію времени сутокъ въ желѣзнодорожныхъ росписаніяхъ“.

Нѣсколько времени спустя, К. А. Чаплинъ [1]) далъ мнѣ свой „Докладъ XIV совѣщательному съѣзду представителей службы движенія русскихъ желѣзныхъ дорогъ“. Свидѣтельствуя обоимъ этимъ почтеннымъ дѣятелямъ глубокую благодарность, пользуюсь ихъ трудами для ознакомленія военной публики съ тѣмъ, какъ стоитъ вопросъ о 24-хъ часовомъ счетѣ въ желѣзнодорожной области.

Предпосылаемъ описанію настоящаго положенія дѣла небольшую интересную справку, назидательно показывающую тупую силу рутины. Вся она взята изъ отчета г. Верховского.

Въ Италіи счетъ до 24 часовъ, собственно говоря, не прекращался; такъ въ Калабріи по деревнямъ онъ существовалъ всегда, существуетъ и до сихъ поръ. Разница была только въ томъ, что мѣнялось мгновеніе, съ котораго считали конецъ однихъ и начало другихъ сутокъ [2]); но для насъ это не важно

---

[1]) Начальникъ службы движенія Московско-Брестской желѣзной дороги.

[2]) Напр., въ Италіи съ вечерняго ave Maria.

и опускается безъ вниманія. Въ Италіи же установился принятый во всемъ мірѣ и астрономическій счетъ, тоже до 24-хъ часовъ; но въ оффиціальной области отъ него отступили и перешли къ счету два раза двѣнадцать.

Когда это случилось, не знаю; да это и не важно. Только въ 1859 году директоръ почты и телеграфа королевства Сардиніи, г. Бона, установилъ въ своемъ управленіи 24-хъ часовое исчисленіе и этимъ никого не смутилъ, не взирая на то, что только онъ одинъ этого счета держался.

Затѣмъ этотъ вопросъ возбуждался въ нѣсколькихъ конгрессахъ, имѣвшихъ цѣлью раціональное обозначеніе всемірнаго времени и въ особенности на конференціи 1884 года въ Вашингтонѣ, гдѣ принято слѣдующее рѣшеніе:

„Всемірные сутки должны равняться среднимъ солнечнымъ. Они должны начинаться со средняго полуночнаго времени перваго меридіана, совпадая съ началомъ гражданскихъ сутокъ и съ перемѣною числа. Часы сутокъ должно обозначать отъ 0 до 24-хъ“.

Но это постановленіе такъ и осталось постановленіемъ, не взирая на его возобновленіе въ 1886, 1890 и въ 1892 годахъ, въ годовыхъ собраніяхъ инженеровъ Сѣв. Америки, не взирая на то, что число желѣзнодорожныхъ обществъ, желающихъ присоединиться къ 24-хъ часовому счету, постепенно возрастало [1]). Дошло это дѣло наконецъ до

[1]) Въ 86-мъ году 171 желѣзнодорожное общество; въ 90-мъ—220; въ 92-мъ—276.

правительства: въ 1893 году, въ законопроектѣ о введеніи нормальныхъ единицъ длины и вѣса, представленномъ въ Сенатъ Соединенныхъ Штатовъ и въ палату представителей, предложено было включить статью, обязывающую обозначать время отъ 0 до 24-хъ часовъ. Впрочемъ и это повело только къ тому, что всего четыре общества ввели этотъ счетъ, но скоро отъ него отказались, и одно общество сообщило о намѣреніи ввести его исключительно въ виду удобства сношенія съ Канадой.

Въ этой послѣдней странѣ движеніе въ пользу 24-хъ часового счета получило практическое осуществленіе. Уже въ 1887 году изъ 26,000 верстъ желѣзнаго пути новый счетъ практиковался на 9,000 верстахъ и движеніе въ пользу его не прекращалось, такъ что теперь онъ принятъ, вѣроятно, на всей сѣти.

Въ англійской Индіи 24-хъ часовой счетъ начали вводить болѣе 30-ти лѣтъ тому назадъ. Въ настоящее время онъ введенъ уже на всѣхъ дорогахъ Индіи, и по заявленію представителей Индіи, былъ понятъ и усвоенъ даже младшими служащими изъ индусовъ безъ всякаго затрудненія.

Въ Австраліи вопросъ о введеніи этого счета обсуждался еще въ 1891 году, который и будетъ введенъ въ ближайшемъ будущемъ.

Въ Европѣ 24-хъ часовой счетъ принятъ во всей Италіи и въ Бельгіи, не только на желѣзныхъ дорогахъ, но и во всей администраціи.

О преимуществахъ этого счета въ росписаніяхъ поѣздовъ желѣзныхъ дорогъ едва ли стоитъ распространяться. „Лица, говоритъ Флеммингъ, кото-

рымъ случалось пользоваться указателями желѣзнодорожныхъ и пароходныхъ сообщеній, употребляемыми въ различныхъ странахъ, знаютъ насколько они сложны и какъ много людей, которые вовсе не могутъ достигнуть умѣнья ими пользоваться".

Да, по правдѣ говоря, и трудно достигнуть такого умѣнья. Такъ какъ издатели и редакторы росписаній должны вмѣстить въ наименьшемъ числѣ листовъ наибольшее число указаній, то это достигается только въ ущербъ ясности. Такимъ образомъ для экономіи въ размѣрахъ указателей обозначеніе „утра" и „вечера", или другихъ однородныхъ указаній, употребляемыхъ въ другихъ языкахъ, въ нѣкоторыхъ изданіяхъ помѣщаютъ въ головѣ или въ хвостѣ колонны всѣ обозначенія времени отправленія и прибытія поѣздовъ съ промежуточныхъ станцій и надо отыскивать ихъ сверху или снизу столбца цифръ. Въ такихъ указателяхъ, если попадается цифра 12 съ минутами, трудно узнать, день это или ночь, или, напримѣръ, 7 ч. 8 м., то трудно найти утро это или вечеръ: между тѣмъ какъ цифра напр. 19 ч. 8 м. прямо указываетъ, что это вечеръ. Затрудненіе увеличивается, когда языкъ чужой и сокращенія, принятыя для отличія разныхъ полусутокъ, мало понятны. А эти сокращенія у каждаго свои, и на одну Европу ихъ шесть паръ.

Путаница отъ сокращеній побудила прибѣгнуть къ условнымъ знакамъ для отличія однихъ полусутокъ отъ другихъ. Такъ, у однихъ отличаютъ часы „до полудня" и „послѣ полудня", у другихъ „денные", „ночные", считая за границу между ними

6 часовъ вечера и 6 утра: это первая причина сбивчивости. Знаки для обозначенія весьма различны— вторая причина ошибокъ. И чего тутъ нѣтъ? Подчеркиваютъ только минуты, окружаютъ часы рамкой, печатаютъ жирнымъ шрифтомъ, печатаютъ на болѣе темномъ фонѣ, отчеркиваютъ вертикальными клѣтками и т. п. Во всѣхъ этихъ значкахъ второй поводъ къ ошибкамъ. Наконецъ въ росписаніяхъ могутъ быть подобные же знаки для обозначенія сквозныхъ поѣздовъ и спеціальныхъ станцій — третья причина ошибокъ. А опечатки, которыя неизбѣжны, когда приходится на одной и той же страницѣ набирать въ разбивку то жирнымъ, то обыкновеннымъ шрифтомъ, то подчеркивать, то не подчеркивать минуты и т. д. И все изъ-за чего же? Изъ-за того, чтобы удержать во что бы то ни стало нелѣпое означеніе часовъ по полусуткамъ, когда все это устраняется легко и просто съ принятіемъ 24-хъ-часового счета...

Въ таблицѣ, приложенной къ реферату г. Н. Верховскаго, приведено цѣлыхъ десять различныхъ способовъ обозначенія времени, благодаря двойному счету часовъ въ сутки, и всѣ они замѣняются однимъ, безъ всякихъ сокращеній, жирныхъ шрифтовъ, подчеркиваній и другихъ ухищреній, при счетѣ отъ 0 до 24-хъ.

К. А. Чаплинъ собственно говоритъ то же; но какъ человѣкъ, непосредственно стоящій у дѣла, награждающаго его, можно сказать, ежеминутной сутолокой, онъ даетъ много назидательныхъ примѣровъ изъ дѣйствительности.

Всякому начальнику движенія извѣстно, гово-

ритъ К. А. Чаплинъ, сколько лишняго труда, вниманія и времени теряетъ составитель хотя бы росписанія поѣздовъ, чтобы отмѣтить соотвѣтствующимъ, знакомъ часы послѣ полуночи отъ таковыхъ же пополудни, (по названію, но не по сходству [1]) и теряетъ на это время не только непроизводительно, но и въ ущербъ дѣла, отвлекаемый этимъ отъ болѣе важныхъ заботъ, какъ: безошибочное опредѣленіе времени, потребнаго для даннаго поѣзда на проходъ каждаго перегона, въ зависимости отъ заданной скорости; выборъ наилучшаго мѣста на графикѣ для свободнаго пропуска поѣзда между существующими уже на графикѣ поѣздами; опредѣленіе пунктовъ обгона, пропуска, скрещенія съ другими поѣздами и проч.

Какъ легко ошибиться при такой массѣ разнородныхъ соображеній; ошибиться притомъ съ роковыми послѣдствіями; и какая настоитъ кричащая нужда подумать о томъ, чтобы вѣроятность ошибокъ уменьшить, а не увеличить... И это можно сдѣлать принятіемъ 24-хъ-часового счета.

Нѣтъ нельзя: перепробуемъ сначала всѣ исправленія нелѣпаго счета, и уже вдоволь настукавшись лбомъ во всѣ эти производныя нелѣпости, уже убѣдившись, что нелѣпое начало и послѣдствія даетъ нелѣпыя же, авось примемъ счетъ, единственно рзсумный.

Какъ же отмѣчается въ росписаніяхъ и афишахъ время часовъ пополудни и пополуночи? Неудобства такого дѣленія замѣтили скоро, потому

[1]) Что, напримѣръ, общаго между часомъ пополудни и часомъ пополуночи, и т. д.? А кличка у нихъ одна.

что, какъ уже сказано, полночь есть критическая точка конца однихъ и начала другихъ сутокъ, т. е. начало новаго числа мѣсяца и новаго счета часовъ совпадаютъ. Какъ же исправить? Думали, думали, да и надумали: раздѣлить сутки на двое, только не отъ 12-ти до 12-ти, а отъ 6-ти до 6-ти.

Въ оффиціальномъ указаніи принято время отъ 6,0 часовъ вечера до 5 часовъ 59 минутъ утра считать ночнымъ и обозначать черточкой подъ цифрою минутъ. Иныя дороги всѣ указанія времени отъ 6-ти до 5,59-ти печатаютъ жирнымъ шрифромъ. Но почему же не отъ 6-ти до 6-ти, а до 5,59-ти? А потому, что тогда пришлось бы подчеркнуть и утренніе и вечерніе 6,0 и получилась бы полная путаница. Вотъ и сочинили 5 часовъ 59 минутъ, а утренніе 6 часовъ пишутся 6,0 безъ черточки.

Но и эта система вызываетъ столь частыя недоразумѣнія, что на каждой страницѣ оффиціальнаго указателя пришлось напечатать: „ночное время отъ 6,0 вечера до 5 ч. 59 м. утра обозначено черточкой подъ цифрою минутъ“. При 24-хъ часовомъ счетѣ никакихъ этихъ хитроизмышленій не нужно, корректура росписаній облегчается, уменьшается и вѣроятность ошибокъ. Но зловредное вліяніе обозначенія полуночи 12-ю совершенно не устраняется 6-тичасовымъ хитроизмышленіемъ; приходится дѣлать распоряженія и въ полночь: тогда прибѣгаютъ къ такому фокусу: назначаютъ 11 часовъ 59 минутъ пополудни, или 12 часовъ 1 минута пополуночи! Но въ этомъ послѣднемъ обозначеніи опять безсмыслица, ибо, по точному смыслу, „12 часовъ пополуночи“ есть уже полдень слѣдующаго дня.

Но нелѣпыя послѣдствія дѣленія сутокъ по счету часовъ на-двое очевиднѣе всего сказываются въ телеграфной службѣ желѣзныхъ дорогъ. Во-первыхъ, на телеграфѣ остался счетъ отъ 12-ти до 12-ти, т. е. другой, чѣмъ въ росписаніяхъ; во-вторыхъ, возникаетъ непроизводительная работа по передачѣ излишнихъ словъ, а иногда и цѣлыхъ фразъ для поясненія отличія часовъ пополудни и пополуночи. Кто знаетъ, что телеграфная работа на желѣзныхъ дорогахъ идетъ не равномѣрно, а приливами, и иногда отъ утра до 3-хъ—4-хъ часовъ ночи безъ перерыва (съ отдыхомъ только для обѣда), тотъ безъ труда пойметъ, что ошибки въ „ппд“ и „ппч“ неизбѣжны, а это влечетъ за собою и строгое наказаніе, и путаницу въ распоряженіяхъ.

Въ депешахъ поѣздныхъ и съ назначеніемъ поѣздовъ въ обращеніе, излишнихъ словъ и фразъ, вставляемыхъ только для отличія одноименныхъ часовъ между собою, встрѣчается не мало, какъ въ текстѣ депеши, такъ и въ отмѣткахъ службы телеграфа о времени пріема и передачи депеши и другихъ свѣдѣній о времени сутокъ, требующемъ точнаго обозначенія. Не ошибаясь можно сказать, что каждая служебная депеша въ среднемъ имѣетъ въ служебныхъ отмѣткахъ и въ текстѣ отъ 3-хъ до 5-ти словъ, передаваемыхъ по телеграфу только для того, чтобы отличить одноименные часы сутокъ между собою.

Одна Московско-Брестская дорога за 1901 годъ передала депешъ 5,851,572; т. е. телеграфисты этой дороги въ 1901 году непроизводительно затратили время и трудъ на передачу около

30 милліоновъ словъ, только благодаря существующему исчисленію времени. Если стоимость слова цѣнить впятеро меньше противъ того, что беруть съ публики, то окажется, что удовольствіе удержанія 12-ти-часового счета обходится одной Московско-Брестской дорогѣ около 300 т. руб. А по всей Россіи это вскочитъ въ милліоны, брошенные на вѣтеръ. А время? Считая на передачу слова секунду, получимъ безплодную потерю времени 30 милліоновъ секундъ или 347 сутокъ на весь телеграфный составъ этой дороги. А излишняя трата энергіи телеграфистовъ и не нужно лишняя ихъ отвѣтственность изъ-за пустяковъ такъ просто устранимыхъ? А претензіи грузоотправителей? На практикѣ заполненіе накладной данными о времени совершенія той или другой операціи, путемъ обозначенія „до“ или „послѣ полудня“ вызываетъ массу недоразумѣній и ошибокъ со стороны агентовъ и влечетъ за собою крупные убытки. Значитъ, не дешево обходится это „до“ и „по“ и въ этой области!

Нѣтъ, пора принимать 24-хъ часовой счетъ, и весьма пора. А счетъ будетъ такой: 30-го октября „24 часа“, 31-го октября „0 час. 10 мин., 0 час. 25 мин., 0 час. 58 мин., 1 ч. 12 мин.—до 12-час.“, т. е. полудня. 12 ч. 5 м., 12 ч. 40 м., 13 час., 20 и т. д. до 24-хъ часовъ. Всѣ рабочіе люди благословятъ свою судьбу, а телеграфисты въ особенности, когда этотъ счетъ наконецъ будетъ принятъ.

Тактическія послѣдствія прогресса вооруженія [1]).

[Брошюра генерала Ланглуа (Langlois)].

При чтеніи нѣкоторыхъ военныхъ изслѣдованій послѣдняго времени кажется, будто главныя условія большой войны быстро и радикально измѣнились; что существующее представленіе о битвѣ устарѣло, и что пришло время не только установить основанія новой тактики, но и подвергнуть новому разбору моральные принципы, на коихъ зиждется самая идея войны.

Какой же переворотъ произошелъ въ человѣческой душѣ, чтобы вооруженныя націи въ ближайшей войнѣ такъ глубоко разнились отъ того, чѣмъ были во всѣ времена солдаты, подверженные и неожиданности, и деморализаціи, но также и способ-

[1]) Генералъ Ланглуа—отецъ современной скорострѣльной артиллеріи, установившій теоретическія ея основанія еще въ 1892 году. Предлагаемое здѣсь его изслѣдованіе о современныхъ теченіяхъ тактической мысли полно глубокаго интереса по строгой логикѣ и поучительности ихъ. Отстаиваетъ онъ вѣчныя истины нашего дѣла противъ нелѣпыхъ новшествъ въ родѣ того, будто теперь фронтальная атака невозможна, и тому подобныхъ. Хотя и артиллеристъ по первоначальной спеціальности, но онъ постоянно помнитъ, что въ нашемъ дѣлѣ важнѣйшій факторъ не машина, а человѣкъ; и что если его въ бою бьютъ, то вовсе не благодаря оружію, а по винѣ его самого. Психологія человѣка такова, что своимъ неудачамъ онъ ищетъ всегда причину не въ себѣ, а внѣ себя. Особенно это вѣрно въ примѣненіи къ боевымъ неудачамъ, ибо тутъ дѣйствуетъ и самолюбіе: кому же охота признать, что онъ трусъ или дуракъ? И является виноватымъ оружіе или что другое, а никакъ не онъ. Однимъ словомъ всегда и вездѣ одно: не проклятая разсѣянность, а проклятая тумба. Люди, признающіе свои ошибки, чрезвычайно рѣдки: сколько мнѣ извѣстно, одинъ Тюреннъ говорилъ въ случаѣ удачи: „мы побѣдили“; а при неудачѣ: „я былъ побитъ“.

Прим. перев.

ные къ самымъ героическимъ усиліямъ подъ вліяніемъ отважныхъ и любимыхъ начальниковъ?

Неужели какія-либо новыя и необыкновенныя событія возникли недавно въ организаціи военныхъ державъ, или въ организаціи и въ вооруженіи большихъ военныхъ силъ, которыя должны глубоко отразиться на будущихъ войнахъ?

Нѣтъ, такъ какъ въ военной организаціи не произошло никакихъ важныхъ измѣненій и важнѣйшія усовершенствованія въ вооруженіи, какъ бездымный порохъ, малокалиберное ружье, быстро стрѣляющая пушка, существуютъ уже нѣсколько лѣтъ, и способъ употребленія новаго вооруженія, если можетъ быть усовершенствованъ въ мелочахъ, то въ главныхъ основаніяхъ, подтвержденныхъ опытомъ—уже выработанъ.

Но еще разъ представился предлогъ къ новому возникновенію зловредной теоріи, бывшей въ модѣ во Франціи въ 1868 году, и которая, къ нашему несчастью, была тогда примѣнена на дѣлѣ,—теоріи, періодически возникающей при каждомъ усовершенствованіи огнестрѣльнаго оружія и заключающейся въ томъ, будто бы сила новаго оружія затрудняетъ атаку и даетъ значительныя и непредвидимыя преимущества оборонѣ.

И этотъ предлогъ дала Трансваальская война.

Военные писатели сочли возможнымъ заключить изъ опыта этой кампаніи, что дѣйствительности новаго вооруженія до сихъ поръ будто совершенно не подозрѣвали и что не только она должна вызвать перемѣны въ формахъ строя для наступленія и атаки и въ употребленіи огня, но что, кромѣ того,

еще будетъ имѣть слѣдствіемъ признаніе дряхлыми идей о битвѣ, выведенныхъ изъ изслѣдованія кампаній великихъ полководцевъ всѣхъ временъ.

Заключенія нѣкоторыхъ изъ этихъ писателей ведутъ ни болѣе ни менѣе къ тому, что отнимаютъ у верховнаго командованія управленіе битвой и отрицаютъ возможность, какъ и право, достигать ея рѣшенія сосредоточеніемъ матеріальныхъ и моральныхъ силъ, находящихся въ его распоряженіи, и предоставляютъ стрѣлку, т. е. одиночному солдату, доступному вліянію всѣхъ волненій и всѣхъ неожиданностей, рѣшеніе битвы, въ которой силы будутъ считаться сотнями тысячъ людей и отъ исхода которой можетъ быть будетъ зависѣть свобода націи и будущность расы.

Этотъ важный вопросъ, достойный самыхъ серіозныхъ размышленій, естественно, взволновалъ не только военныхъ, но и публику.

И потому кажется, что долгъ каждаго сдѣлать усиліе разъяснить этотъ вопросъ и внести, въ мѣрѣ своихъ силъ, личную лепту въ обсужденіе.

И прежде всего представляется вопросъ: допускаютъ ли подобныя заключенія событія Трансваальской войны, исторія которой еще не написана и которыя не подтверждаются пока никакимъ другимъ историческимъ фактомъ?

Мы не думаемъ: хотя всѣ элементы оцѣнки еще не настолько полны, чтобы имѣть право произнести окончательное сужденіе о кампаніи столь недавней, однако документы, уже извѣстные, и свѣдѣнія, появившіяся въ печати разныхъ странъ, уже позволяютъ ограничить поле заключеній, которыя можно

извлечь изъ Южно-Африканской войны, безъ преувеличеній, какъ и безъ опрометчивости.

Въ особенности нельзя принимать безъ провѣрки заключеній, къ которымъ могло придти англійское командирство; если въ дѣйствительности не подлежитъ сомнѣнію то, что англичане испытывали кровавыя неудачи, благодаря первоначальной тактикѣ, которую они поставлены были силою вещей въ необходимость измѣнить въ теченіе самой кампаніи, однако не менѣе вѣрно и то, что они были недостаточно подготовлены къ войнѣ, которую имъ пришлось вести.

И потому неудивительно, что они потомъ осудили огуломъ не только свою первоначальную тактику, но также и ту, которая вытекаетъ изъ опыта всѣхъ войнъ и которую они никогда не примѣняли; и что они уразумѣли, какъ универсальное рѣшеніе задачъ большой войны противъ непріятеля, искусно маневрирующаго, тѣ средства, которыя имъ только дали возможность въ теченіе долгихъ мѣсяцевъ извести мало-по-малу непріятеля въ десять разъ слабѣйшаго (и притомъ бездѣятельнаго).

Но вѣдь въ теченіе самой кампаніи нельзя исправить недостатокъ подготовки корпуса офицеровъ, нельзя установить и необходимыхъ тактическихъ связей и создать общую доктрину: на это нужно время, размышленіе, работа, и нѣтъ основанія тому, чтобы англичане, начавшіе войну съ ложными о ней представленіями, къ концу кампаніи пришли къ вѣрному на нее взгляду.

Что касается до военныхъ писателей, принявшихъ съ энтузіазмомъ заключенія англійскаго коман-

дирства, то они невольно подчинились впечатлѣнію неожиданности, такъ какъ вся Европа ожидала съ начала войны легкихъ успѣховъ англичанъ.

Послѣдствія сопротивленія буровъ были тѣмъ болѣе неожиданны, чѣмъ болѣе отсутствовала здравая оцѣнка свойствъ обоихъ противниковъ. И это грубое противорѣчіе позволило укорениться мнѣнію, будто неудача англійской арміи главнѣйше зависѣла отъ новой и неподозрѣваемой силы оружія, которая должна имѣть слѣдствіемъ радикальный переворотъ въ тактикѣ.

И потому кажется необходимымъ выяснить вкратцѣ, не вдаваясь ни въ какія подробности, каковы были общія условія борьбы въ Южной Африкѣ, послѣ чего будетъ легче разобраться въ заключеніяхъ, которыя писатели въ правѣ вывести изъ этой войны.

Во-первыхъ, нужно замѣтить разъ навсегда, что Трансваальскую войну нельзя сравнивать съ большой войною, въ родѣ той, которую мы должны были вести въ 1870 г., и той, которую мы будемъ принуждены вести противъ европейскаго противника. Ни относительное положеніе воюющихъ, ни театръ войны, ни численный составъ, не представляютъ сходства съ тѣмъ, чѣмъ были бы тѣ же самые факторы въ большой европейской войнѣ, и что поэтому заключенія, которыя можно вывести изъ Англо - Бурской кампаніи, по необходимости ограничены и не должны быть опрометчиво обобщаемы.

Органическій характеръ силъ, противупоставленныхъ въ Южно-Африканской войнѣ.

Такъ часто повторяли, что европейская армія, снабженная всѣми научными усовершенствованіями, выдержанная въ доктринахъ современной войны, можетъ быть задержана въ теченіе многихъ мѣсяцевъ горстью мужиковъ, что нѣтъ необходимости опровергать это мнѣніе, которое, впрочемъ, и вызвало уже нѣсколько основательныхъ возраженій.

Буры вовсе не представляли тѣхъ военныхъ свойствъ, которыя мы привыкли встрѣчать въ европейскихъ арміяхъ: ихъ самопроизвольная группировка, ихъ независимость въ отношеніи къ командирамъ, частое отсутствіе согласованія усилій и всякаго высшаго направленія,—рѣзко отличало ихъ (и къ несчастью къ ихъ невыгодѣ) отъ организованной арміи.

Но если они отличались разбродомъ, свойственнымъ милиціямъ, за то обладали большею частью индивидуальными военными качествами самыми солидными.

Прирожденные охотники и всадники, пріученные носиться по обширнымъ равнинамъ; въ высшей степени искусные въ употребленіи огнестрѣльнаго оружія, напрактикованные въ землекопствѣ, они, сверхъ того, пріобрѣли дѣйствительныя воинственныя качества въ ихъ предыдущихъ кампаніяхъ противъ англичанъ и въ ихъ постоянной борьбѣ съ кафрами.

Нужно ли прибавлять, что безграничная вѣра въ будущность своей расы, въ правоту своего дѣла и

въ помощь Божью создала имъ мощное единодушіе, способное до нѣкоторой степени возмѣстить воинскую дисциплину, которой имъ не доставало.

Съ матеріальной точки зрѣнія вооруженія, ихъ ружье было лучше англійскаго, ихъ артиллерія шла съ лучшихъ европейскихъ фабрикъ: правда, численно она уступала артиллеріи англійской, не имѣла опытной прислуги и дурно употреблялась, но противная артиллерія, благодаря тактическимъ предразсудкамъ, ни разу не одолѣла серьезно артиллеріи буровъ и не пріобрѣла, слѣдовательно, надъ нею замѣтнаго успѣха.

Что касается до англійской арміи, то ея полки, возбуждавшіе при высадкѣ въ Трансвааль удивленіе зѣвакъ, несли въ себѣ, въ своей организаціи, какъ и въ подготовкѣ, зародыши слабости.

Не помѣрявшись почти въ теченіе цѣлаго вѣка съ европейскими противниками [1]), весьма, напротивъ, пріученная къ колоніальнымъ экспедиціямъ противъ дикихъ или полудикихъ племенъ, англійская армія имѣла всѣ качества, какъ и всѣ недостатки, порождаемые привычкою къ колоніальнымъ войнамъ, которыя не приготовляютъ къ условіямъ современной войны, чему мы [2]) имѣли печальный опытъ въ 1870 году.

Въ особенности тактическая подготовка была

---

[1]) За исключеніемъ Крымской войны, въ которой ея участіе было второстепеннымъ.

[2]) Да вдобавокъ и то нужно имѣть въ виду, что, доведя составъ арміи до 250 тысячъ, по всей вѣроятности они имѣли на одного старшаго солдата не меньше пяти новобранцевъ.

Прим. перев.

очевидно неудовлетворительна, какъ показали послѣдствія и какъ мы это ниже выяснимъ; сверхъ того, партикуляризмъ каждаго рода оружія, которому всегда приходится противодѣйствовать во всѣхъ арміяхъ, былъ доведенъ въ англійской арміи до крайней степени и усиливался еще партикуляризмомъ единицъ въ каждомъ родѣ оружія,—естественнымъ слѣдствіемъ англійской организаціи.

Замкнутость, въ которой живутъ въ мирное время различные баталіоны другъ отъ друга, автономія и партикуляризмъ каждой единицы дошли до того, что внѣ баталіона между офицерами не существуетъ воинской іерархіи и что если они принадлежатъ къ двумъ разнымъ баталіонамъ, то они представляютъ не болѣе какъ людей общества, отношенія которыхъ опредѣляются общими соціальными условіями.

Подобные воинскіе нравы неизбѣжнымъ послѣдствіемъ должны имѣть отсутствіе боевого товарищества не только между единицами разныхъ родовъ оружія, но и между единицами одного рода оружія.

Оттого не удивительно, что, по свидѣтельству очевидца, въ сраженіи каждый баталіонъ старается устроить себѣ свой секторъ, остающійся за нимъ до конца дѣла, и что если другой баталіонъ посланъ ему въ поддержку, командиръ сего послѣдняго прежде всего заботится о томъ, чтобы не посягнуть на собственность перваго занявшаго.

Какъ мы далеки отъ того боевого товарищества, которое такъ широко примѣнялось французскими войсками въ наши эпохи славы, германской арміей въ 1870 году, русской арміей въ 1877 году, и безъ

коего громадный организмъ, которымъ должна быть армія, не имѣетъ ни сплоченности, ни упругости!

Съ этой точки зрѣнія, какъ и съ точки тактической подготовки, нѣтъ ни малѣйшаго основанія сравнивать теперь англійскую армію съ какою-либо изъ великихъ армій континента.

Слѣдовательно, есть основаніе заключить, въ противность мнѣніямъ, издавна преобладающимъ и изъ коихъ извлеченъ не одинъ ошибочный выводъ, что прирожденныя причины слабости англійской арміи вполнѣ уравновѣшивали преимущества ея организаціи надъ недостаткомъ таковой у войскъ южно-африканскихъ республикъ.

И это даетъ право сравнивать съ точки зрѣнія ихъ общихъ качествъ два орудія, которыя были въ рукахъ, съ одной стороны, у англійскихъ командировъ и съ другой—у бурскихъ начальниковъ.

Тактическіе пріемы обоихъ противниковъ.

Веденіе войны. Изслѣдованіе Англо-Бурской войны въ ея совокупности даетъ этой кампаніи совершенно отличительный характеръ отъ другихъ новѣйшихъ кампаній. Ни съ одной стороны, ни съ другой мы не видимъ рѣшимости справиться съ противникомъ возможно скорѣе, стремясь къ быстрому и полному истребленію его силъ, что представляетъ характеристику современной войны, будетъ ли это кампанія 1806, 1870 г. или кампанія будущаго. И со стороны каждаго изъ противниковъ это легко объяснить, если не оправдать.

Англичане затѣяли войну съ убѣжденіемъ, что

они рано или поздно добьются завоеванія страны, которая для нихъ была цѣлью борьбы гораздо болѣе, чѣмъ истребленіе непріятельскихъ силъ.

Поставивъ вопросъ такимъ образомъ, они повидимому считали, что лучше было беречь солдатъ наемной арміи (которой пополненіе было трудно и источникъ котораго не былъ неистощимъ) чѣмъ деньги, расходъ коихъ и выразился медленностью ихъ операцій. Что бы ни думали о такомъ взглядѣ, но онъ привелъ ихъ къ тому, чтобы больше стремиться къ занятію территоріи и желѣзнодорожной сѣти, чѣмъ къ истребленію силъ противника. Они такимъ образомъ имѣли цѣлью прогрессивное завоеваніе территоріи, т. е. въ общихъ чертахъ приблизились скорѣе къ войнѣ прежнихъ вѣковъ, чѣмъ къ современной.

Что касается буровъ, то ихъ темпераментъ, ихъ религіозныя убѣжденія, равно какъ ихъ организація политическая и военная, не позволили имъ въ первую половину кампаніи, въ которую они могетъ быть могли бы одержать рѣшительный успѣхъ, освободиться отъ строго оборонитсльнаго образа дѣйствій, и только позже, когда ихъ главныя силы были распущены или разбросаны, они, послѣ капитуляціи генерала Кронье въ Паардебергѣ, рѣшили перейти къ партизанской войнѣ и ввели въ свои операціи движеніе, дѣятельность и набѣги. И потому, въ общемъ, Англо-Бурская война была прежде всего медленна, равно, какъ по тѣмъ же самымъ причинамъ различные бои были относительно безобидны [1]), въ сравненіи съ другими современными сраженіями.

[1]) Напримѣръ, англійскія потери были при Колензо 6—7%.

Эта медленность, которая поразила всѣхъ военныхъ писателей и которую иные изъ нихъ считали возможнымъ приписать ужасающей (!) дѣйствительности современнаго вооруженія, угнетенію, слѣдующему за каждой встрѣчей, и необходимости переустройства послѣ каждаго испытанія, объясняется просто тѣмъ, что ни одинъ изъ противниковъ, по мотивамъ совершенно различнымъ, но равно неосновательнымъ, не торопился покончить и не употреблялъ для этого рѣшительныхъ средствъ.

Веденіе боя. Прежде чѣмъ изложить заключеніе, которое по нашему мнѣнію вытекаетъ изъ изслѣдованія боевыхъ фактовъ трансваальской кампаніи, мы напомнимъ сперва въ нѣсколькихъ словахъ фазы развитія битвы, какъ онѣ представляются изъ опыта послѣднихъ кампаній и изъ примѣненія доктринъ современной войны.

Впрочемъ, главныя фазы битвы соотвѣтствуютъ періодамъ всякой человѣческой борьбы, индивидуальной или коллективной, матеріальной или моральной, военной или экономической: она представляетъ: фазу соприкосновенія, во время коей противники ищутъ и, такъ сказать, ощупываютъ другъ друга; фазу подготовки (фронтальный бой), во время коей они пытаются истощить взаимно другъ друга, и наконецъ фазу рѣшенія (рѣшительная атака), въ коей болѣе отважный, считая минуту наступившею,

---

общаго состава, между тѣмъ какъ въ 1870 г. онѣ дошли со стороны нѣмцевъ: подъ Фрейшвиллеромъ до 11% общаго состава, подъ С. Прива—въ гвардейскомъ и саксонскомъ корпусахъ до 19%. Подъ Аустерлицемъ—11% общаго состава, а въ 4 корпусѣ (Сульта) онѣ достигли 17%.

пытается нанести своему врагу смертельный ударъ, который долженъ рѣшить исходъ борьбы и обезпечить ему побѣду.

Эти фазы битвы конечно сливаются одна съ другою безъ ощутительныхъ промежутковъ, и ихъ продолжительность естественно бываетъ разнообразна; ясно также, что если одинъ изъ противниковъ имѣетъ надъ другимъ ощутительное преимущество, въ свѣдѣніяхъ, въ силѣ или въ отвагѣ, онъ можетъ сократить, а то и совсѣмъ пропустить къ своей пользѣ одну изъ фазъ борьбы и попытаться достичь немедленнаго рѣшенія энергическимъ ударомъ. Можетъ случиться также и то, что прогрессивнаго истощенія боемъ будетъ одного достаточно для торжества надъ моралью ослабленнаго противника и что послѣднее рѣшительное усиліе станетъ въ такихъ обстоятельствахъ излишнимъ.

Но это исключенія, изъ которыхъ нельзя дѣлать какихъ-либо общихъ выводовъ.

Между противниками, которыхъ матеріальныя и моральныя силы сравнимы, для торжества одного изъ нихъ нужно, чтобы болѣе рѣшительный изъ нихъ вселилъ въ противника убѣжденіе въ своемъ абсолютномъ превосходствѣ и что столь же необходимо, сколь и благоразумно съ его стороны рѣшительно пожертвовать для этой цѣли всѣми рессурсами, какими онъ еще располагаетъ.

Впрочемъ, исторія доказываетъ, что во всѣ эпохи великіе полководцы прибѣгали въ извѣстныя мгновенія битвы къ побѣдоносному удару, который наклонялъ въ ихъ пользу равновѣсіе моральныхъ и физическихъ силъ, и нельзя не удивляться мнѣнію,

будто бы измѣненіе, происшедшее въ вооруженіи, т. е. простой матеріальный прогресъ, могло бы совершенно измѣнить условія чисто моральныя, которыя одни рѣшаютъ, кому изъ противниковъ быть побѣдителемъ и кому побѣжденнымъ.

А между тѣмъ эта теорія провозглашена недавно, не опираясь ни на какіе историческіе примѣры кромѣ южно-африканской войны.

Изъ неудачъ, постигшихъ англичанъ, неудачъ, впрочемъ, безспорныхъ и общеизвѣстныхъ, воображали себя въ правѣ заключить о невозможности искать рѣшенія атакой и о необходимости переворота въ тактикѣ.

Но развѣ эти неудачи объясняются неожиданною дѣйствительностью современнаго вооруженія и развѣ есть въ этомъ, какъ утверждали, новый значительный фактъ? Или же причина ихъ заключаается въ ложной доктринѣ боя, въ неудовлетворительной тактической подготовкѣ и въ отсутствіи согласованія усилій? Мы не колеблясь утверждаемъ, что неудачамъ англичанъ нечего удивляться, что они ими обязаны собственнымъ своимъ ошибкамъ и что эти неудачи могли бы превратиться въ катастрофу, если бы англійская армія не имѣла дѣла съ противникомъ недѣятельнымъ.

Въ самомъ дѣлѣ, какую общую картину въ первую часть кампаніи представляетъ бой англійскихъ войскъ передъ позиціей, занятой бурами?

Очевидецъ говоритъ: дѣло завязывается въ столь же густомъ мракѣ, какъ если бы оно имѣло мѣсто ночью; начальство ничего не знаетъ ни о

позиціи, ни о силахъ, ни о расположеніи непріятеля. По этому случаю упрекали англійскую кавалерію, которая, какъ говорили, не давала никакихъ положительныхъ свѣдѣній и только отрицательныя. Не говоря уже о томъ, что кавалерія даетъ только то, что съ нея сумѣетъ потребовать начальство, не нужно забывать также, что совокупность отрицательныхъ свѣдѣній доставляетъ начальнику указанія, которыхъ значеніе вовсе не пренебрежительно: вспомнимъ 1806 г. и заключеніе, которое извлекъ Наполеонъ изъ отрицательной развѣдки кавалеріи Мюрата въ Лейпцигской равнинѣ.

При подобной неизвѣстности какъ же завязывается дѣло?

Приходятъ ли англичане въ соприкосновеніе, которое позволяло бы ощупать противника по всему его фронту, развѣдать о немъ, пригвоздить его къ позиціи и принять скрытно распредѣленія, соотвѣтствующія положенію?

Нисколько. Служба обезпеченія (охраненія) не существуетъ, равно какъ и понятіе авангарда. И вотъ появляются тяжелыя колонны и наступаютъ въ упоръ, какъ при Магерсфонтенѣ и Колензо, на буровъ, зная, однако, что они на позиціи. И какъ бы неизвѣстности, въ коей находится англійское командованіе о противникѣ, было недостаточно, оно къ этому часто прибавляетъ еще и темноту ночи, какъ при Стормбергѣ и Магерсфонтенѣ.

Дѣло, такимъ образомъ начатое, не входя въ соприкосновеніе и безъ подготовительнаго боя, принимаетъ немедленно характеръ атаки, т. е. конечнаго акта сраженія, съ тою разницею, что къ атакѣ

приступаютъ только тогда, когда предварительно убѣдятся, что въ зонѣ атаки мы имѣемъ превосходство средствъ и въ особенности огня,—необходимое условіе, которое англичане упускали изъ виду и которое предполагаетъ сосредоточеніе усилій и вліяніе неожиданности, чѣмъ они не пользовались.

Что же происходитъ? А то, что ихъ атаки, разстрѣливаемыя, останавливаются или заминаются и вовсе не удаются; и это не удивительно, ибо они не исполняютъ ни одного изъ условій, необходимыхъ для успѣха: недостаточная подготовка огнемъ, отсутствіе связи между пѣхотой и артиллеріей, разброска силъ по всему фронту, отсутствіе организаціи—вотъ отличительныя черты общія безплоднымъ атакамъ англичанъ.

Буры, которые выбирали, во-первыхъ, позиціи по природѣ труднодоступныя, да еще усиленныя прекрасными фортификаціонными работами, ожидали атаки англичанъ укрыто. Обширный кругозоръ на равнину съ вершинъ копіе [1]), откровенная бомбардировка, которою англичане предваряли о ихъ атакѣ, обнаруживали во-время ихъ намѣренія.

Эта бомбардировка, вслѣдствіе отсутствія связи между пѣхотой и артиллеріей, не производила на буровъ никакого впечатлѣнія, ибо во время ея имъ не грозила атака пѣхоты, которая одна могла бы ихъ заставить открыться и подвергнуться пораженію отъ артиллерійскаго огня.

---

[1]) Отдѣльные холмы, составляющіе отличительную особенность равнинъ въ той странѣ.

(Прим. перев.).

И потому можно сказать, что англійская артиллерія, не взирая на прекрасную выдержку въ огнѣ и на самоотверженіе, не убивала.

Въ этомъ вина не ея, а прежде всего слѣдствіе ложной доктрины боя, ибо когда артиллерія не убиваетъ, отвѣтственность падаетъ въ особенности на пѣхоту, дурно исполняющую свой долгъ. Точно также, если пѣхота не можетъ подаваться впередъ, то чаще всего потому, что артиллерія для нея не работаетъ.

Какъ бы то ни было, но отсутствіе подготовительнаго боя со стороны англичанъ вело къ тому, что буры къ минутѣ атаки не испытывали никакого потрясенія, ни матеріальнаго, ни моральнаго, и потому ничто имъ не мѣшало на близкихъ дистанціяхъ пускать въ ходъ свою прекрасную стрѣльбу противъ прямыхъ, открытыхъ и густыхъ атакъ противника.

Впрочемъ, они довольствовались этимъ полууспѣхомъ, и ни на полѣ сраженія, ни на театрѣ войны не переходили въ рѣшительное наступленіе.

Правда, что такое наступленіе было для нихъ по многимъ причинамъ почти невозможно.

Если отъ ѣздящей пѣхоты можно ожидать развитія всей дѣйствительности огня, то атаки безповоротной ожидать отъ нея нельзя, такъ какъ она слишкомъ сильно и слишкомъ инстинктивно связана со своими лошадьми и безъ отвращенія отъ нихъ не отдѣляется; при томъ же у буровъ не было для этого и оружія, т. е. штыка; да если бы даже онъ и былъ, то по всей вѣроятности буры все равно не атаковали бы напропалую, ибо такая атака тре-

буетъ порядка, сплоченности, органическаго расчлененія, которые составляютъ только особенность армій, выдержанныхъ въ мирное время.

Тактика буровъ приводитъ, слѣдовательно, къ одному только безспорному заключенію, именно къ тому, что оборонительная тактика неспособна вести къ побѣдѣ и что прибѣгающій къ ней по какимъ-либо причинамъ можетъ удержать или остановить непріятеля, но для достиженія рѣшительнаго результата долженъ перейти къ наступленію, за отсутствіемъ коего успѣхи буровъ были только полупобѣдами, коихъ они не могли ни завершить, ни ими воспользоваться.

Позже, веденіе войны и тактика у англичанъ были сильно измѣнены маршаломъ Робертсомъ.

Въ общемъ развитіи операцій появилась идея маневра, основанная на комбинаціи силъ и имѣющая цѣлью охватывать небольшими колоннами послѣдовательныя зоны и захватывать небольшія группы непріятеля, разбросанныя и разсѣянныя, какъ бы въ сѣть, какъ то удалось противъ генерала Кронье. Эта идея маневра, примѣненная въ такихъ обстоятельствахъ, должна была принести свои плоды.

Что до новыхъ тактическихъ пріемовъ, то они главнѣйше опредѣлились съ одной стороны громадною численною несоразмѣренностью силъ въ каждомъ дѣлѣ, съ другой—тѣмъ, что буры по своей численной слабости не могли и думать о сопротивленіи до крайности, дабы быть въ состояніи дольше затянуть войну.

Оригинальную особенность этой кампаніи пред-

ставляетъ то, что ни въ одномъ случаѣ авангардное столкновеніе не предшествовало дѣлу. Двѣ линіи на растояніи 2000 метровъ стоятъ одна противъ другой: одна — бурская — ожидаетъ атаки въ траншеяхъ, другая — англійская — имѣя цѣлью достигнуть рѣшенія дѣла съ возможно меньшими потерями. Такіе пріемы могутъ дать успѣхъ въ томъ исключительномъ положеніи, въ какомъ были англичане; но какъ далеко отъ этого до сраженія между европейскими арміями!

И потому дѣло начинается со стороны англичанъ выжиданіемъ въ расчетѣ, что сосѣдъ проявитъ дѣятельность и энергію, и „War cloud“, какъ называли его англичане, вовсе не есть феноменъ современнаго боя, какъ нѣкоторые думали, но просто результатъ недостатка свѣдѣній о противникѣ, вслѣдствіе отсутствія авангардныхъ стычекъ, а съ другой стороны—недостатка дѣятельности англійской арміи, о которой очевидецъ сказалъ, что „не взирая на всѣ видимости дѣятельности, она оставалась морально въ бездѣйствіи“.

Завязка боя англійской артиллеріей, которая оставалась всегда, какъ мы сказали, безъ послѣдствій за недостаткомъ связи съ пѣхотою и за отсутствіемъ подготовительнаго боя, слѣдовала всегда за фазой War cloud'a. Послѣ этого часть силъ довольствовалась удержаніемъ противника на фронтѣ, въ то время, когда другая часть, составленная изъ конницы и ѣздящихъ войскъ, направлялась на фланги буровъ, равновременное развертываніе и неподвижность коихъ допускали производство обход-

ныхъ движеній на большихъ разстояніяхъ [1]), ибо была увѣренность никогда не получить съ ихъ стороны перехода въ наступленіе на центръ, могшаго имѣть серьезныя послѣдствія.

Когда охватывающая атака достигала наконецъ фланговъ противника, что обыкновенно совпадало съ концомъ дня, то это служило для буровъ сигналомъ къ отступленію. Въ это время фронтальныя англійскія войска находились не ближе 800 метровъ отъ непріятеля и не думали о штурмѣ, который, впрочемъ, и не былъ необходимъ для обезпеченія полууспѣха, достигнутаго за цѣлый день.

Вкратцѣ тактика, которую англичане примѣняли въ началѣ кампаніи и которая ихъ повела къ большимъ неудачамъ, характеризуется:

а) Отсутствіемъ организованной охранительной службы.

б) Непризнаніемъ употребленія авангарда.

в) Отсутствіемъ маневрированія.

г) Упущеніемъ подготовительнато боя.

д) Непосредственнымъ переходомъ къ рѣшительной атакѣ по всему фронту.

е) Направленіемъ многихъ неорганизованныхъ, дурно подготовленныхъ и не доводимыхъ до конца атакъ, благодаря отсутствію связи между артиллеріей и пѣхотой.

Неуспѣхъ этихъ атакъ, а слѣдовательно и боя, не долженъ удивлять; и авторы, заключившіе изъ

[1]) Очевидецъ сраженія при Абраамскраалѣ 10 марта 1900 года со стороны буровъ видѣлъ англійскія колонны въ фланговомъ движеніи отъ 7 час. утра до 1 часу пополудни передъ позиціями, занятыми бурами, и они даже не подумали предпринять что-либо противъ непріятеля; оттого къ вечеру обходное движеніе англичанъ было окончено безъ затрудненій и буры въ полномъ отступленіи.

этого о невозможности приготовленной и организованной атаки, повидимому забыли, что она должна слѣдовать за продолжительнымъ боемъ для пріобрѣтенія сначала надъ непріятелемъ превосходства въ огнѣ; они смѣшали подготовку съ рѣшительной фазой и, слѣдовательно, отвергли примѣненіе въ моментъ этой фазы пріемовъ и средствъ, которыхъ дѣйствительно нельзя было бы оправдать въ фазѣ подготовки.

Что касается до пріемовъ боя, къ которымъ прибѣгалъ маршалъ Робертсъ и примѣненіе которыхъ къ совершенно исключительному случаю противника весьма малочисленнаго, неподвижнаго въ тактической оборонѣ и котораго единственная дѣятельность состоитъ въ растягиваніи своихъ фланговъ безъ малѣйшей попытки къ наступательному усилію, — то мы ихъ критиковать не станемъ; хотя, конечно, они могли бы повести только къ катастрофамъ противъ непріятеля подвижнаго, умѣющаго противодѣйствовать охватамъ и пользующагося охватывающимъ движеніемъ и ослабленіемъ фронта, чтобы пускать въ ходъ резервы для прорыва непріятельскаго центра.

И всѣ заключенія, которыя вывели изъ этой формы маневра (т. е. охватывающаго), относительно недоступности фронта и единственно возможнаго успѣха охватывающей атаки, намъ кажутся преувеличенными и неосновательными.

Слѣдуетъ ли изъ этого, что опытъ Трансваальской войны не даетъ никакихъ практическихъ указаній и не вызываетъ преобразованій, если не въ общемъ развитіи битвы, то по крайней мѣрѣ въ

тактикѣ, на которую намекаетъ слово Наполеона и которымъ столько злоупотребляли, что „тактика должна мѣняться каждыя 10 лѣтъ“ [1]).

Конечно нѣтъ, но поученія этой кампаніи, не вводя въ военное искусство мгновеннаго переворота, только подтвердили необходимость эволюціи этого искусства, правильность нѣкоторыхъ идей, уже высказанныхъ при появленіи новаго оружія, и пользу новыхъ изслѣдованій.

Такъ, само собою разумѣется, что фаза завязки боя будетъ тѣмъ труднѣе, чѣмъ противники лучше вооружены для борьбы, болѣе подготовлены и болѣе искусны въ употребленіи ихъ средствъ дѣйствія, и мы не можемъ не признать, что входить въ соприкосновеніе съ противникомъ становится тѣмъ труднѣе, неопредѣлительнѣе и, слѣдовательно, тѣмъ дольше, чѣмъ вооруженіе становится совершеннѣе: слѣдовательно, это побуждаетъ къ большей прозорливости, къ большему искусству и къ изысканію,

---

[1]) Но которой самъ Наполеонъ и не думалъ мѣнять за все время отъ 1796 по 1815 г., т. е. двадцать лѣтъ. Воображать, будто великій человѣкъ никогда не говоритъ пустяковъ, конечно, наивная иллюзія, не больше. Въ предлежащемъ вопросѣ, какъ видно и изъ послѣдующихъ разсужденій автора, измѣнились только нѣкоторыя формы строя; но эти формы никогда не составляли не только главной, но даже второстепенной данной въ тактикѣ, а развѣ только третьестепенную; во 2-хъ, и того нельзя не признать, что современныя формы строя ничѣмъ существеннымъ не отличаются отъ Римскихъ. Разница между тѣми и другими только въ одномъ: тамъ резервъ сразу распредѣлялся за всей линіей, а теперь онъ сосредоточенъ въ періодъ „соприкосновенія“ и „подготовки“. Эта разница объясняется тѣмъ, что, вслѣдствіе слабости метательнаго оружія у древнихъ, весь средній періодъ, т. е. подготовительный, мѣста не имѣлъ. *Прим. пер.*

не даетъ ли намъ могущество новаго вооруженія на это средствъ.

Что касается до фазы подготовки, то уже много лѣтъ сознали, что новое вооруженіе должно было вызвать глубокія измѣненія въ употребленіи огня и въ формахъ наступленія и мало-по-малу пришли къ употребленію строевъ болѣе гибкихъ и менѣе теряющихъ отъ огня, къ лучшему пользованію мѣстностью, какъ и къ поддержкѣ болѣе дѣйствительной огнемъ, чтобы помогать движенію впередъ. Южноафриканская война показала, впрочемъ, увеличивающуюся пользу этихъ предосторожностей, равно какъ и необходимость развивать въ солдатѣ до высокой степени индивидуальныя качества твердости и предпріимчивости, которыя будутъ играть роль тѣмъ болѣе важную, чѣмъ чаще придется прибѣгать къ разсыпному строю.

Но она выяснила еще разъ на сколько важно воспитывать и укрѣплять до крайности наступательный духъ у всѣхъ и до какой степени, напротивъ, распространеніе доктринъ тактической обороны зловредно и можетъ быть опаснымъ; ибо истомить непріятеля можно только наступательнымъ усиліемъ энергическимъ и безпрерывнымъ, по всему фронту, которое одно можетъ извести непріятеля, при чемъ за командованіемъ всегда остается возможность увеличить или ограничить наступательную способность разныхъ единицъ, поддерживая ихъ резервами или не давая такой поддержки.

Изъ этой войны слѣдуетъ такъ же ясно, что продолжительное употребленіе одного огнестрѣльнаго оружія, которымъ по мнѣнію нѣкоторыхъ будутъ

начинаться битвы, такъ же опасно, какъ и безполезно, и что бой, дабы извести противника, требуетъ постояннаго содѣйствія всѣхъ родовъ оружія, но отнюдь не послѣдовательнаго употребленія ихъ одного за другимъ. Кажется также, что усовершенствованіе оружія облегчаетъ сбереженіе силъ и резервовъ и даетъ больше свободы и шири маневрированію и, слѣдовательно, это усовершенствованіе позволяетъ изводъ непріятеля съ меньшимъ расходомъ силъ и даетъ возможность достигнуть болѣе чѣмъ прежде, если и не такъ скоро, превосходства въ огнѣ надъ противникомъ, и эти различные факторы, облегчая истощеніе и деморализацію противника во время подготовительнаго боя, облегчаютъ и рѣшительное усиліе.

Остается сказать объ этомъ послѣднемъ.

Уже по тому самому, что организмъ, который стремятся истребить, болѣе усовершенствованъ и лучше организованъ, кажется вѣроятнымъ, что разбрасываніе усилій будетъ немощнымъ обезпечить рѣшеніе и что болѣе чѣмъ когда-либо необходимо, чтобы усилія, назначенныя для его достиженія, были организованы, согласованы и сосредоточены; слѣдовательно, только высшему начальнику можетъ принадлежать моментъ, натура и форма рѣшительной атаки, устремляя всѣ силы, какія онъ только могъ приберечь для этой цѣли; и усовершенствованное оружіе должно и въ этомъ случаѣ дать ему громадное превосходство огня, которымъ остается только воспользоваться.

Памяти Романа Исидоровича Кондратенка.

Прошелъ ты мимо меня скромнымъ хоть и способнымъ работникомъ и я тебя не призналъ. Да такіе и не выскакиваютъ.

Началъ ты тянуть служебную штабную лямку и добросовѣстно, и толково, но тоже незамѣтно тянулъ ее.

И вотъ судьба послала тебя наконецъ на твое мѣсто и приставила тебя къ твоему дѣлу.

И, Боже, какъ стремительно и съ какимъ ослѣпительнымъ блескомъ ты, скромный, вознесся яркой звѣздой надъ моремъ военныхъ головъ своихъ и чужихъ, чиновныхъ и нечиновныхъ!

Кто тебя зналъ при началѣ осады, и кто во всемъ мірѣ не узналъ тебя больше и больше по мѣрѣ того, какъ она близилась къ роковому своему исходу!

И работалъ ты какъ послѣдній рядовой, и сдѣлалъ въ три мѣсяца то, на что работающимъ съ прохладою мало было бы и шести лѣтъ.

Но, горе! взлетѣлъ ты быстро, но падучей звѣздой. Все прекрасное недолговѣчно...

Слава твоя неувядаема, но потеря невознаградима. Плачьте близкіе и присные, плачь вся Россія, зане потеряла Ты большого человѣка, какого скоро можетъ и не наживешь.

Раздвиньтесь же, православные, прежде всего въ той невѣрной землѣ за Вѣру, Царя и Отечество животъ свой положившіе; раздвиньтесь, до него труждавшіися и обремененніи; дайте мѣсто новому

пришельцу на Ниву Божію: трудился онъ, былъ смиренъ сердцемъ и доблестенъ не меньше васъ, но духомъ и разумомъ былъ больше васъ...

И когда совершатся времена, услышите вы Гласъ Велій: „пріидите ко Мни вси труждающіися и обремененніи и Азъ упокою вы; претерпѣли вы до конца и пріидите во спасеніе на лоно Мое“.

Вѣчная тебѣ память, Романъ Сидоровичъ, явилъ ты въ себѣ русскаго человѣка во весь ростъ; вѣчная тебѣ за то Слава! Пухомъ земля тебѣ!

М. Драгомировъ.

Конотопъ
24 дек. 1904 г.

Конецъ I-й книги.

Оглавленіе I-й книги.

Стр.

Вмѣсто предисловія . . . . . III—VI
Замѣтка о русскомъ солдатѣ 2
Значеніе воли въ жизни народовъ 17
Наполеонъ и Веллингтонъ 45

Разныя статьи.

Какъ понимать выраженіе „неприкосновенность“ часового? . 105
Ты или Вы 113
Вы или Ты (отвѣтъ г. Вольному) 114
Замѣтка о французскомъ солдатѣ 120
Отвѣтъ молодому солдату 129
Открытое письмо г. Бліоху. По поводу его сочиненія . . . 131
Возраженіе на письмо г. Бліоха г. Антимилитариста и Отвѣтъ г. Антимилитаристу 137
У болгаръ и за границей А. Верещагинъ (библіографическая замѣтка) 146
Вопросъ по гарнизонной службѣ 148
Шашечные пріемы въ артиллеріи 151
Полевыя мортиры 156
Замѣтки по строевому артиллерійскому уставу I—VI 158
Отданіе чести по военному 167
„Разводы“ Фридриха и „парады“ Наполеона 170
Цѣна славы во время первой Имперіи 180
Атестація 182
Стрѣлять ли часовому у пороховаго погреба 183
О встрѣчѣ кавалеріи пѣхотою 185
Объ употребленіи оружія патрулями 187
Караульные случаи 188

Стр.

По поводу статьи: ,,Надо спѣшить" и вызванной ею замѣтки въ Allgem. Zeitung" 209
Дуэли 218
Что сдѣлаетъ вашъ штыкъ противъ этого?(съ рисункомъ) . . 234
Вольныя работы 247
Необходимое предостереженіе (по поводу злоупотребленія показомъ) 255
Нравственный ранжиръ 264
На смерть Ричарда Трояновича Мевеса 274
Теоретическія основы воспитанія и образованія войскъ (съ чертежомъ) 275
Неудачное предложеніе облегчить тягость караульной службы 282
Житейскіе вопросы 285
Упадокъ политическаго могущества Англіи 290
Дисциплинарныя недоразумѣнія 299
Необходимость счета часовъ до 24-хъ въ военныхъ приказаніяхъ, диспозиціяхъ 302
Атестаціи 308
Случай изъ гарнизонной службы 309
Одностороннее огнепоклонство его вліяніе на войсковыя занятія въ мирное время 313
Замѣтка по поводу статьи: ,,Характерныя атестаціи" . . . 325
Огнепоклонство, доведенное до идолопоклонства 329
Уставныя и дисциплинарныя нодоразумѣнія 337
Странный вопросъ (о стрѣльбѣ съ отмѣренныхъ разстояній) 346
Причины неудачъ австрійскихъ войскъ въ кампаніи 1859 г. 354
Замѣтка господину, котораго фамиліи не разобралъ (О значеніи конницы) 384
Счетъ часовъ въ суткахъ до 24-хъ 385
Тактическія послѣдствія прогресса вооруженія. (Брошюра Ланглуа по поводу южно-африканской войны) 395
Памяти Романа Исидоровича Кондратенко 419